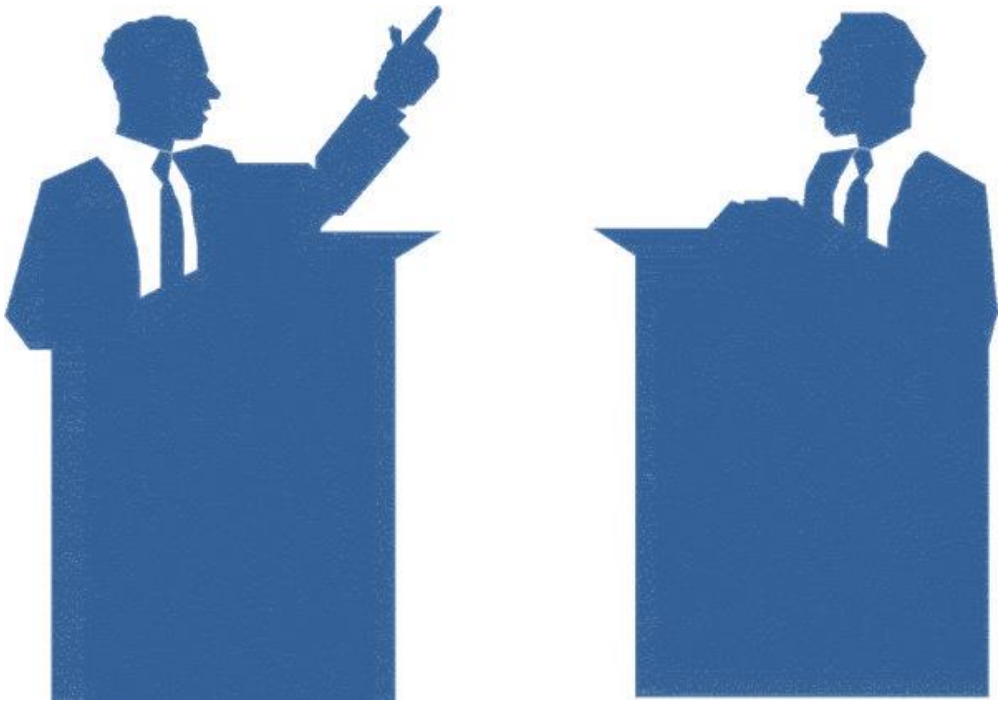

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ПРАВА

XIV Всероссийская научно-практическая конференция

Сборник статей

Пенза 2026

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра «Правоохранительная деятельность»
Кафедра «Всеобщая история и обществознание»
МЕЖОТРАСЛЕВОЙ НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ПГАУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Сборник статей
XIV Всероссийской
научно-практической конференции

9-10 октября 2026 г.

Пенза
ПГАУ
2026

УДК 33:340
ББК 66:67
А 43

Под научной редакцией: кандидата юридических наук, доцента кафедры «Правоохранительная деятельность» ФГБОУ ВО Пензенский ГУ ***К.Г. Гаврилова***;

кандидата исторических наук, профессора кафедры «Всеобщая история и обществознание» ФГБОУ ВО Пензенский ГУ ***Л.Ю. Федосеевой***;

кандидата исторических наук, доцента кафедры «Всеобщая история и обществознание» ФГБОУ ВО Пензенский ГУ ***Т.В. Гавриловой***

А43 **Актуальные проблемы истории, политики и права**: сборник статей XIV Всероссийской научно-практической конференции / Пензенский государственный университет [и др.]; под ред. Гаврилова К.Г., Федосеевой Л.Ю., Гавриловой Т.В. – Пензенский государственный аграрный университет, 2026. – 352 с. – URL:https://mnic.pgau.ru/file/doc/konferencii/2026/Сборник_ВК-38-26.pdf. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-00196-466-7

Основными темами, обсуждавшимися в ходе XIV Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы истории, политики и права», стали проблемы противодействия коррупции, новации в частном и публичном праве, различные аспекты молодежной политики и противодействия экстремизму.

The main topics discussed during the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference «Actual problems of history, politics and Law» were the problems of combating corruption, innovations in private and public law, various aspects of youth policy and countering extremism.

УДК 33:340
ББК 66:67

ISBN 978-5-00196-466-7 © МНИЦ ПГАУ, 2026

УДК 9.93/94

ОРГАНИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ В ПРОФСОЮЗЕ РАБОТНИКОВ ИСКУССТВ В 1920-1930-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Л.Ю. Федосеева

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

В статье рассматривается один из механизмов социальной защиты в профессиональном сообществе работников искусств в первые десятилетия Советской власти, а именно деятельность касс взаимопомощи. Автор показывает историю зарождения и становления касс взаимопомощи как инструмента социальной поддержки работников искусств, правовые начала в их организации и деятельности.

Ключевые слова: касса взаимопомощи, профсоюз работников искусств, возвратная ссуда, безвозвратное пособие, Типовой Устав Касс Взаимопомощи.

Идея создания в профсоюзе работников искусств касс взаимопомощи родилась в кабинетах Московского губрабиса в 1922 году. Ее предпосылкой являлся низкий уровень материальной обеспеченности большинства работников творческих профессий. Предполагалось, что касса «должна питаться процентными отчислениями от заработка работников искусств, … случайными поступлениями, доходами от периодически устраиваемых для кассы спектаклей и концертов, пожертвованиями театралов» [4].

Поначалу идея организации кассы не вызвала большого энтузиазма работников сцены, художников, музыкантов, но широкая разъяснительная работа сделала свое дело.

В январе 1923 года журнал «Театр и музыка» писал: «Даже инертный, равнодушный к вопросам организации и самопомощи театральный мир начал проявлять полное самосознание и активность. … Касса совершенно автономна, имеет по уставу свое самостоятельное правление, свою выборную ревизионную комиссию, свой особый аппарат с отдельной бухгалтерией» [5, № 3. с. 485]. К концу января планировалось закончить организацию кассы. Но еще до того, как она начала работать, посыпались десятки прошений о помощи от впавших в нужду и больных сценических деятелей.

Членами кассы могли быть только члены Московского Губрабиса, внесшие вступительный взнос и обязавшиеся делать ежемесячные отчисления в кассу не менее 1 % заработка [5, № 3. с. 485].

В апреле 1923 года в числе членов кассы было зарегистрировано 5500 человек. В материальном отношении касса считалась едва ли не самой мощной и богатой [5, № 7. с. 684].

Помимо пополнения денежного содержания кассы и оказания за счет этого различных видов помощи ее членам, руководство кассы проявляло инициативу и по другим направлениям помощи. В частности, было достигнуто соглашение с

Московским объединением Кожпром о скидке для членов кассы взаимопомощи работников искусств на обувь и другие кожаные изделия от 10 до 20 % [5, № 8. с. 723].

Только за организационное время было выдано вспомоществования на сумму 80 миллиардов рублей. Такие крупные операции на первых порах существования кассы были возможны только благодаря устройству театральной лотереи, давшей до 100 миллиардов руб. [5, № 9. с. 775].

В провинции создание касс взаимопомощи произошло несколько позже, чем в столице.

В Пензе, например, весь 1924 год прошел в собраниях, обсуждавших цели и задачи кассы, а оформлена она была лишь в июне 1925 года. Первоначальный ее состав – 16 человек из числа членов профессионального союза Рабис. Но уже к декабрю 1925 года касса насчитывала 130 человек.

На 1 июля 1928 года членами кассы были в Пензенском округе 99 человек, из них 60 человек работающих, 39 – безработных. За предшествующее полугодие из кассы было выдано 40 возвратных ссуд в сумме 605 рублей 51 коп. Ссуды составляли от двух до 50 рублей [1].

Касса Ульяновского окружного отдела работников искусств на 1 апреля 1929 г. объединяла 64 человека. За август 1928 – апрель 1929 гг. оборот кассы составил 869 руб. 82 коп., что примерно сопоставимо с оборотом Пензенской окружной кассы. Однако уровень организация ее работы был несколько ниже, чем Пензенской, поэтому здесь нередки были случаи выхода из членства в кассе «в виду того, что таковая не обслуживает в достаточной степени» [2, Оп. 2. Д. 611/011. Л. 39].

17 апреля 1931 г. Президиум ВЦСПС утвердил Типовой Устав Касс Взаимопомощи. Определяя цели и задачи последних, Устав провозглашал: «Касса взаимопомощи есть добровольная организация работающих членов профсоюзов, ставящая своей целью оказание товарищеской материальной помощи своим членам в соответствии с основными задачами, стоящими перед профсоюзами в реконструктивный период» [2, Оп. 1. Д. 64. Л. 9].

Правовой регламентации подверглись порядок организации и ликвидации касс, условия членства, формы работы, формирование и движение финансовых средств.

Устанавливалось, что касса могла быть создана при наличии не менее 25 заявлений, при этом особо подчеркивалось: «исключительно на началах добровольного вступления» [2, Оп. 1. Д. 64. Л. 9]. Работникам мелких предприятий предоставлялось право присоединяться к кассам ближайшего предприятия либо объединяться при районных или групповых комитетах соответствующих союзов.

Каждая касса должна была иметь свой устав, регистрация которого в профессиональном союзе делала деятельность кассы легитимной.

Непосредственное руководство деятельностью касс осуществлялось ФЗМК, которые должны были регулярно заслушивать отчеты и доклады, обсуждать планы работ и сметы кассы.

Средства кассы складывались из ее собственных средств, членских взносов, подлежавших возврату, и средств целевого назначения.

В собственные средства поступали:

– не подлежащие возврату средства, оставшиеся в кассе до принятия Типового устава;

– вступительные взносы (в случае выхода из членства в кассе эти взносы не возвращались – Л. Ф.);

– невостребованные членские взносы, (собственностью кассы они становились, если не были востребованы в течение 1 года со дня выхода из членства);

– проценты по текущим счетам, ссудам, пени;

– другие случайные поступления.

Уставом предусматривалась следующая шкала членских взносов:

Заработок	Размер взноса
40 руб.	30 коп.
41-60 руб.	50 коп.
61-100 руб.	75 коп.
101-150 руб.	1 руб. 25 коп.
151-200 руб.	1 руб. 75 коп.
201-250 руб.	2 руб. 25 коп.
251-300 руб.	3 руб. 00 коп.
От 300 руб.	4 руб. 00 коп.

Кассы взаимопомощи выдавали краткосрочные и долгосрочные ссуды, а в случаях острой нужды – безвозвратные пособия; предоставляли различные льготы, рассрочки платежей, право преимущественного обслуживания в учреждениях, имеющих целью коллективное обслуживание бытовых нужд и запросов рабочих, работниц, служащих и административно-технического персонала (ясли, детсады, площадки, столовые, санатории, курорты, дома отдыха, базы 5-го дня отдыха и т. д.). В этих целях кассы взаимопомощи могли заключать договоры и соглашения с соответствующими учреждениями и организациями.

Кроме того, кассы обслуживали культурные запросы своих членов: закупали билеты для коллективного посещения театра, организовывали и финансировали экскурсии, обеспечивали обучающихся в пунктах ликбеза учебными пособиями и т. д.

Условием ликвидации кассы взаимопомощи Устав называл постановление общего собрания (конференции) ее членов, которое должно было быть принято большинством в 2/3 от общего числа участников собрания или конференции. Основаниями ликвидации были:

– отсутствие достаточных средств и невозможность изыскать их;

– отсутствие предусмотренного уставом числа членов;

– слияние с другой кассой;

– решение союзных органов.

В 1930-е годы кассы взаимопомощи в профессиональном союзе работников искусств стали явлением распространенным. Так, в Куйбышевской области на 1 января 1936 г. было 7 касс, на 1 апреля того же года – уже 10, а на 1 октября 1937 г. – 11. Членством в кассах было охвачено 436 чел., или 36 % членов

профсоюза. Лучшей являлась касса взаимопомощи театра Музыкальной комедии, неплохо работали кассы театра Драмы и театра рабочей молодежи [2, Оп. 1. Д. 1. Л. 4].

Увеличились размеры субсидий кассам со стороны местных комитетов. Если за 1936 г. субсидирование составило 1600 руб., то только за первое полугодие 1937 г. – 2632 руб. 31 коп. [2, Оп. 1. Д. 1. Л. 12].

Систематическую финансовую помощь кассам взаимопомощи оказывали Страхкассы [3, Д. 8. Л. 43].

В то же время Президиум Куйбышевского Областного комитета Союза Рабис отмечал, что «работа касс характеризуется недостаточным охватом членов союза, частым выходом, большой задолженностью по членским взносам и ссудам, слабой оборачиваемостью капитала, отсутствием различного подхода к разным группам (ведущие профессии, обслуживающий персонал)». [3, Д. 2. Л. 16]. На заседании Президиума Куйбышевского обкома союза Рабис 9 марта 1938 г. была поставлена задача «Предложить месткомам организовать массово-разъяснительную работу за 100% вовлечение работников в кассу взаимопомощи. До 1 апреля организовать КВ в коллективах: Сызранского, Камешкирского театров, Гастрольбюро и Радиокомитете» [3, Д. 8. Л. 4].

Несмотря на все издержки в деятельности касс взаимопомощи, которые отмечаются в документах, они играли заметную роль в организации помощи нуждающимся членам профсоюза.

Список использованных источников

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.

2. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 9495.

3. СОГАСПИ. Ф. 9541. Оп. 1.

4. Театр и музыка. 1922. № 12. С. 811.

5. Театр и музыка. 1923.

ORGANIZATION OF MATERIAL ASSISTANCE IN THE TRADE UNION OF ARTISTS IN THE 1920 s–1930 s. (BASED ON MATERIALS FROM THE MIDDLE VOLGA REGION)

L.Yu. Fedoseeva

Penza State University,
Penza, Russia

The article examines one of the mechanisms of social protection within the professional community of artists in the first decades of Soviet power, namely the activities of mutual aid funds. The author examines the history of the emergence and development of mutual aid funds as a tool for providing social support to artists, as well as the legal foundations underlying their organization and operation.

Keywords: mutual aid fund, artists' trade union, repayable loan, non-repayable benefit, Model Charter of Mutual Aid Funds.

УДК 347.9

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ ПОДГОТОВКИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ПЕРЕД СУДОМ

А.В. Бородин

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева,
Западно-Сибирский филиал,
г. Томск, Россия

В статье подготовка гражданских дел о защите права собственности к судебному разбирательству рассмотрена как последовательность этапов: изучение правового положения спорного имущества, формирование доказательственной базы, оценка рисков, досудебное урегулирование, составление искового заявления, подготовка дела судом, включая предварительное судебное заседание, и подготовка стороны к основному заседанию. Для каждого этапа выделены типичные ошибки сторон и процессуальные средства их устранения с учетом положений ГПК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: право собственности, гражданское дело, подготовка дела к судебному разбирательству, исковое заявление, доказательства, досудебное урегулирование, предварительное судебное заседание, обеспечение иска.

Гражданские дела о защите права собственности включают иски о признании права, об истребовании имущества из чужого незаконного владения (ст. 301 ГК РФ), об устранении нарушений, не связанных с лишением владения (ст. 304 ГК РФ), о разделе имущества и выделе доли. Исход таких споров в значительной мере определяется работой, проделанной до первого судебного заседания. В статье подготовка рассматривается как последовательность этапов, из которых первые пять выполняет сторона, а шестой и седьмой проходят в рамках судебного производства.

Первый этап состоит в изучении правового положения спорного имущества. Помимо правоустанавливающих документов необходимо проследить цепочку переходов права собственности по сведениям Единого государственного реестра недвижимости, выявить обременения (залог, сервитут, арест) и неисполненные обязательства. От результатов этой проверки зависит выбор способа защиты: ошибка в нем, например предъявление виндикационного иска собственником, который не утратил владение вещью, ведет к отказу в иске либо к необходимости изменять требования уже в ходе процесса.

Второй этап – формирование доказательственной базы. Правоустанавливающие документы подтверждают основание требования, а факт нарушения доказывается отдельно: актами осмотра имущества, заключениями специалистов, показаниями свидетелей, перепиской сторон. Доказательство, полученное или оформленное с нарушением процессуальных требований, может быть признано

судом недопустимым (ст. 60 ГПК РФ). Если спор касается подлинности договора, расписки или времени их изготовления, сторона должна заранее продумать вопросы эксперту, поскольку назначение, проведение и оценка результатов экспертиз «давности» документов связаны с рядом процессуальных проблем [1, с. 17].

Третий этап – оценка рисков. Сторона определяет вероятность полного или частичного удовлетворения требований, круг лиц, которых следует привлечь к участию в деле, и проверяет сроки. На требование об истребовании имущества распространяется общий трехлетний срок исковой давности (ст. 196 ГК РФ), тогда как на требование об устранении нарушений, не связанных с лишением владения, исковая давность не распространяется (ст. 208 ГК РФ). На этом же этапе решается вопрос об обеспечении иска: запрет регистрационных действий в отношении спорного объекта (ст. 139, 140 ГПК РФ) лишает ответчика возможности произвести его отчуждение в ходе процесса.

Четвертый этап – досудебное урегулирование. В судах общей юрисдикции досудебный порядок обязателен только в случаях, предусмотренных федеральным законом, а при его несоблюдении исковое заявление возвращается (п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ). Там, где претензия не обязательна, она сохраняет практическое значение: фиксирует требование и позицию сторон, а ответ на нее или его отсутствие становится доказательством при рассмотрении дела [2]. Претензия должна содержать требование, основание права заявителя на имущество, описание нарушения и предложение урегулировать спор.

Пятый этап – составление искового заявления, с которого начинается производство по делу. Статьи 131 и 132 ГПК РФ определяют обязательное содержание иска и перечень прилагаемых документов, в том числе документ об уплате государственной пошлины и уведомление о направлении копий заявления другим лицам, участвующим в деле. Закон не обязывает истца указывать правовое основание иска, однако в литературе обосновывается практическая целесообразность его формулирования, поскольку требование истца всегда вытекает из конкретного правоотношения [3, с. 108]. Для дел о защите права собственности это означает точное указание способа защиты, от которого зависит предмет доказывания.

Шестой этап – подготовка дела к судебному разбирательству, которую проводит судья после принятия заявления (ст. 147–150 ГПК РФ). Судья уточняет обстоятельства, имеющие значение для дела, определяет закон, которым следует руководствоваться, состав лиц, участвующих в деле, и доказательства, которые каждая сторона должна представить [4, с. 55]. Предварительное судебное заседание (ст. 152 ГПК РФ) проводится для процессуального закрепления распорядительных действий сторон, определения достаточности доказательств и исследования фактов пропуска сроков; при пропуске срока исковой давности без уважительных причин суд отказывает в иске без исследования иных обстоятельств дела. Стороны заявляют ходатайства об истребовании доказательств и вызове

свидетелей, а суд решает вопрос об их относимости и допустимости [5, с. 291]. Судья также разъясняет сторонам возможность примирения, в том числе путем заключения мирового соглашения или проведения медиации (гл. 14.1 ГПК РФ). Качественно проведенная подготовка сосредоточивает основное заседание на действительно спорных обстоятельствах [6, с. 178].

Седьмой этап – подготовка стороны к основному судебному заседанию. Он включает систематизацию письменных доказательств, составление вопросов свидетелям и эксперту, анализ возможных возражений ответчика и подготовку контраргументов, а при участии в заседании путем использования систем видеоконференц-связи или веб-конференции – проверку технической готовности (ст. 155.1, 155.2 ГПК РФ).

Рассмотренные этапы связаны последовательно. Ошибка, допущенная при изучении правового положения имущества или выборе способа защиты, переходит в исковое заявление и определяет предмет доказывания, а недостаток доказательств, не восполненный при подготовке, суд оценит уже при вынесении решения. Поэтому основную часть работы по защите права собственности сторона выполняет до начала судебного разбирательства, а процессуальные средства стадии подготовки (предварительное заседание, обеспечение иска, истребование доказательств, примирительные процедуры) позволяют устранить выявленные пробелы до рассмотрения дела по существу.

Список использованных источников

1. Юдин, А. В. Процессуальные проблемы назначения, проведения и оценки результатов экспертиз «давности» документов в гражданском и арбитражном судопроизводстве / А. В. Юдин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 12. – С. 14–18.

2. О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2025).

3. Ивакин, В. Н. О правовом основании иска / В. Н. Ивакин // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 11 (132). – С. 107–116. – DOI 10.17803/1994-1471.2021.132.11.107-116.

4. Гражданский процесс: учебник / Д. Б. Абушенко, В. П. Воложанин, С. Л. Дегтярев [и др.]; отв. ред. В. В. Ярков. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2017. – 704 с.

5. Олейникова, П. А. Современные способы фиксации доказательств в гражданском процессе / П. А. Олейникова // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 6 (198). – С. 290–293.

6. Решетникова, И. В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов / И. В. Решетникова. – Москва: Юрайт, 2020. – 388 с.

ANALYSIS OF THE MAIN STAGES OF PREPARING CIVIL CASES ON THE PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS FOR TRIAL

A.V. Borodin

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, West Siberian Branch, Tomsk, Russia

The article considers the preparation of civil cases on the protection of property rights for trial as a sequence of stages: examination of the legal status of the disputed property, collection of evidence, risk assessment, pre-trial settlement, drafting of the statement of claim, preparation of the case by the court, including the preliminary hearing, and preparation of the party for the main hearing. For each stage, typical mistakes of the parties and procedural means of eliminating them are identified with regard to the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: property right, civil case, preparation of a case for trial, statement of claim, evidence, pre-trial settlement, preliminary court hearing, securing a claim.

УДК 321.7

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДОМЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭЛИТ: КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СДВИГОВ

Цзунь Ван

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Многие исследователи ожидали, что в условиях геополитических сдвигов выходцы из силовых структур массово войдут в высшее руководство России. На основе реестра назначений на высшие посты стратегических предприятий и корпораций и серии углублённых случаев установлено: ни одно из восемнадцати назначений реестра не досталось носителю профессиональной силовой карьеры, министерство обороны возглавил экономист А. Белоусов, а на губернаторском уровне капиталом служит опыт управления новыми территориями, а не воинское звание. Эти результаты обобщаются в концепции функциональной доменной дифференциации: функциональный домен – это блок государственного управления, выделяемый по функциональному признаку (силовой домен, экономический домен и занимающий промежуточное положение губернаторский слой). Рассматриваемый период предъявил государству одновременно два типа кадровых требований – на лояльность и на компетентность, – и кадровая политика успешно сочетала оба: усиление силовых кадров остаётся внутри домена

лояльности, тогда как домены компетентности по-прежнему оставлены техническим специалистам. Материал опровергает сразу три распространённых объяснения – тезис о милитократии, сетевое заполнение вакансий и предпочтения единоличного центра решений: ни одно из них не улавливает границу между лояльностью и компетентностью, а выводы статьи укладываются в двухканальную модель элитного воспроизводства.

Ключевые слова: силовые элиты; функциональная доменная дифференциация; кадровая политика; геополитические сдвиги; губернаторский корпус; номенклатура.

Введение

В мае 2024 года министерство обороны Российской Федерации возглавил профессиональный экономист. Карьера Андрея Белоусова прошла через исследовательский институт, Госплан, Министерство экономического развития и аппарат Правительства – и ни разу через войска. Именно он принял ведомство на посту, который и в советской, и в постсоветской истории устойчиво считался уделом людей с военной биографией. В том же году произошло ещё два движения. Председатель совета директоров «Ростелекома» не попал в новый список кандидатов – его место занял гражданский политик. Бывший командир батальона, напротив, без всякой аппаратной карьеры стал полномочным представителем Президента в Уральском федеральном округе.

В привычные схемы эти три назначения не складываются. Литература о милитократии предсказывала силовую экспансию на государственные посты – экспансии не случилось. Казалось бы, всё осталось как прежде – но и это неверно: люди переходили границу, которую обе схемы считают непроницаемой, причём в разных направлениях. Статья предлагает третью рамку чтения – функциональную доменную дифференциацию. Её исходное допущение простое. Рассматриваемый период предъявил государству два требования сразу: контроль и производство. Первое оплачивается доверием, второе – компетентностью. Кадровую политику этих лет можно прочитать как разделение двух требований между функциональными доменами – устойчивыми сферами государственной деятельности.

Обзор литературы

У тезиса о «милитократии» – превращении выходцев из силовых структур в правящий класс, постепенно замещающий прочие кадровые источники, – давняя история. Его сформулировали О. Крыштановская и С. Уайт применительно к путинской России [1]; развитие он получил и в русскоязычной научной литературе. В сильной форме тезис предсказывает распространение силовых кадров за пределы их исходной среды: сначала на политические посты, затем, по мере сращивания власти и собственности, на хозяйственные. Годы геополитических сдвигов казались для этого прогноза идеальным испытанием: спрос на лояльность и управленческую эффективность никогда не был так высок.

Критика этого тезиса имеет предысторию: Б. Ренц указывала, что «силовики» не образуют единого актора, – их карьерные траектории, ведомственные

интересы и политические веса различны, а представление об их гомогенной экспансии сильно упрощает картину [2]. Наша процедура проверки придаёт этой критике проверяемую форму: если гомогенная экспансия отсутствует, то отсутствовать она должна именно там, где сильная форма предсказывает её максимум. Слабая же форма тезиса, внутреннее доминирование силовой корпорации в её собственной сфере, совместима с эмпирией любого периода и потому в проверке не нуждается. Задача статьи, таким образом, не «опровержение» милитократии как таковой, а установление того, какая из её форм соответствует наблюдаемому.

Альтернативная традиция, представленная А. Леденевой, описывает российское управление как «систему» персональных сетей, в которой посты распределяются не по функциональным критериям, а по факту наличия доверенного человека на момент открытия вакансии [4]. Концепция развита ею от «экономики фаворов» 1990-х до позднейших обобщений о парадоксах системы; система не предъявляет требований к биографии кандидата: силовик, технократ или аутсайдер может занять любой пост, если этого требует конфигурация сетей данного момента. Из этого следуют проверяемые выводы: статус-кво в кадровом составе должен преобладать; аутсайдеры не должны появляться на видных постах без экстремальных причин; их появление должно концентрироваться там, куда «своих» послать не удаётся. Проверке в разделе 4 подлежат эти следствия, а не общая пластичность «системы».

Предлагаемая рамка исходит из того, что в рассматриваемый период государству одновременно предъявлялись два типа требований – контроль (обеспечение безопасности и стабильности, развитие новых территорий, лояльность) и производство. Первое оплачивается доверием, второе – компетентностью. Если режим в состоянии разделять эти функции, кадровая политика приобретает доменную структуру: посты, привязанные к доверию, заполняются носителями силовых биографий; посты, привязанные к производству, – носителями управленческих.

Операционализация домена. Домен определяется по должности, а не по лицу: единица кодирования – пост, отнесённый к институциональной подсистеме по его функциональному назначению по состоянию на начало 2022 г.; губернаторский корпус в силу множественности функций кодируется отдельно как спорная зона. Процедурно домен поста фиксируется до того, как мы обращаемся к биографии назначенца; это исключает подгонку границы под желаемый результат.

Разграничим также два типа биографий: карьеру в силовых структурах (профессиональная служба в органах, своего рода резерв доверия) и военный опыт (участие в боевых действиях или управление в новых территориях, то есть новый вид карьерного капитала, сформировавшийся в рассматриваемый период). Отдельно стоит третья, промежуточная категория: гражданское администрирование новых территорий, то есть руководство региональным правительством в администрациях Луганской, Донецкой или Запорожской областей. Это не военная служба и не карьера в органах, но управление в чрезвычайных условиях; мы рассматриваем её как особую разновидность административного

опыта, специфика которой раскрыта в разделе 4.3. Как покажет раздел 4, конвертация перечисленных типов биографии в должности подчиняется разным правилам.

В качестве кандидатов выдвигаются три механизма. Первый – несовпадение компетенций. Военное производство расширяется и требует управленческих умений, которых силовая карьера не даёт; экономический домен требует технократов независимо от того, кому принадлежит власть. Второй – асимметрия логик назначения. Там, где ошибка стоит политически, решает доверие; где операционно – эффективность. Это описание наблюдаемого распределения, а не суждение о намерениях решающего лица; вопрос о весе механизма остаётся открытым. Третий – двухканальное воспроизводство. Традиционный канал снабжает верхний этаж, военный направляет своих людей в региональные и военно-социальные функции; конвертируемость военного капитала снижается постепенно, без скачков.

Подчеркнём: все три – лишь кандидаты. Статья претендует на прогностическую силу рамки, но не на установление причинности.

Материалы и методы

Метод исследования – структурированное сфокусированное сравнение случаев в традиции Дж. Джорджа и А. Беннета [4]. К каждому случаю применяется фиксированный набор характеристик; отбор подчинён задаче различения конкурирующих объяснений, а не статистической репрезентативности.

Эмпирическая база трёхслойна. В основании – собственный реестр назначений на высшие посты: он фиксирует отсутствие явления в очерченной области. Над ним – семнадцать случаев глубинного разбора; отбирались они там, где прогнозы конкурирующих объяснений расходятся сильнее всего, а цепочку назначения можно восстановить по официальным актам либо по двум независимым сообщениям агентств. Фоном служат опубликованные качественные выводы исследований силовой сферы – без взаимно несопоставимых количественных показателей.

Результаты

Помимо опубликованных исследований, опорой эмпирической картины служит собственный реестр. В него вошли назначения на высшие должности (генеральный директор, председатель и заместитель председателя совета директоров) стратегических предприятий и АО из перечня по указу Президента РФ от 04.08.2004 № 1009, а также государственных корпораций и АО с преобладающей долей государства. С января 2020 г. по декабрь 2025 г. зафиксировано восемнадцать таких назначений [5]. Охват ограничен верхним уровнем управления; первые заместители и ниже не учитывались.

В реестре не наблюдалось ни одного назначения носителя профессиональной силовой карьеры на высшую хозяйственную должность: все восемнадцать пришлись на гражданских специалистов. Единственный случай, требующий оговорки, – Д.Ю. Баканов, назначенный главой «Роскосмоса» (февраль 2025 г.): в биографии упоминается служба в армии, однако определяющей стала карьера в

спутниковой связи и министерстве транспорта; при любом способе кодирования общая направленность картины не меняется.

Наиболее показателен случай «Роснефти». После ухода Г. Шрёдера в мае 2022 года пост председателя совета директоров последовательно занимали Тайеб Бельмахди (июнь 2022 г.) и Мохаммед бин Салех Аль-Сада (июнь 2023 г.), граждане Катара с сорокалетними карьерами в мировой энергетике. Возможны два прочтения этой преемственности. Первое отсылает к структуре акционерного капитала: Катарский инвестиционный фонд, участвовавший в консорциуме, купившем в 2016 году 19,5% акций, сохранил свою позицию после ухода западных партнёров, и присутствие катарских директоров в совете – прямое следствие этой структуры. Такое объяснение касается присутствия катарских фигур в совете, но не выбора председателя. В совет того же периода входили российские фигуры федерального масштаба; председателя избирал сам совет, в котором представители государства составляли большинство, так что избрание иностранного независимого директора не диктовалось ни отсутствием российских кандидатов, ни требованием акционеров. Второе прочтение, которое предлагаем мы, функционально: самый заметный контрольный пост в стратегическом секторе дважды подряд занимал технический специалист, чей профиль отвечал задачам компании в период обновления её внешних связей.

Оборонная промышленность следует той же логике. Осенью 2024 г., в период максимального роста военного производства, в объединённых авиастроительной и двигателестроительной корпорациях сменились руководители.

Отдельного внимания заслуживает случай К. Лысогорского, единственный в реестре пример проникновения военной биографии в экономический домен. Служивший в Министерстве обороны на гражданских должностях в 2011–2020 гг., Лысогорский в октябре 2022 г. стал заместителем министра промышленности и торговли, а с декабря 2025 г. – первым заместителем, курирующим оборонно-промышленный комплекс и гособоронзаказ. Здесь существенно не само назначение, а его точное местоположение: военная биография конвертирована не в произвольную хозяйственную должность, а в пост надзора за военным производством. С другой стороны – зеркальная картина. В. Осмаков, давний сотрудник Минпромторга и предшественник Лысогорского, в октябре 2025 г. сам стал заместителем министра обороны. Двустороннее движение сходится в одной точке: на стыке двух доменов, где спрос на компетенции обеих сторон максимален.

Итог раздела сформулируем осторожно. В пределах охвата реестра притока представителей силовой карьеры на высшие хозяйственные посты за наблюдаемый период не было.

Отсутствие притока – не отсутствие представленности. Высшие посты ряда стратегических компаний занимают носители силовых биографий, пришедшие туда ещё в 2000–2010-е годы: В. Токарев руководит «Транснефтью» с 2007 г., И. Сечин – «Роснефтью» с 2012 г. За наблюдаемый период эти позиции не изменились [8].

Отсюда различение, принципиальное для всей аргументации. Приток – это поток назначений; запас – совокупность уже занятых должностей. Нулевой

приток не означает ни чистки, ни вытеснения. На фоне единственного случая выхода, продления полномочий Токарева и Сечина говорят о стабильности запаса; уход Иванова тенденции не образует и остаётся единичным эпизодом.

Внутри силового домена кадры устойчивы: посты здесь замещают преимущественно свои же. Но это усиление не выходит за пределы домена.

Особое место в нашей интерпретации занимает назначение А. Белоусова министром обороны (май 2024 г.). Его карьера – исследовательский институт, Госплан, пост помощника Президента, первое вице-премьерство – целиком принадлежит экономической и аппаратной сферам. Противоречит ли это задачам периода? Нет: работа министерства в 2024–2025 гг. сосредоточилась на финансовой дисциплине оборонного заказа, аудите издержек и организации производства. Назначение не было одиночным – за ним последовала серия гражданских назначений на верхний слой министерства. В октябре 2025 года заместителем министра стал В. Осмаков, давний сотрудник Минпромторга, – зеркальное отражение случая Лысогорского; в том же окне состоялись и другие назначения лиц с промышленно-управленческими биографиями. Так «экономист в министерстве обороны» оказался звеном общей тенденции, а не одиночной аномалией. Подчеркнём и обратное: цепочка не исключает сетевого объяснения, поскольку Белоусов – многолетний приближённый Президента. Ценность материала – в соединении со встречным движением, а не в самостоятельной доказательной силе.

Губернаторский слой рассматриваем отдельно: функций у него много, и потому он кодируется как спорная зона. Картина здесь гибридная.

Первая линия – новая категория карьерного капитала: опыт управления новыми территориями. Указами Президента временно исполняющими обязанности глав регионов назначены Владислав Кузнецов, Виталий Хоценко и Ирина Гехт. Военными ни один из троих не является: до 2022 года их карьеры были целиком гражданскими, и на новых территориях они занимали гражданские правительственные посты. Опыт управления новыми территориями конвертируется здесь не в звание – в умение управлять в чрезвычайных условиях.

Дифференцирующий фактор – масштаб регионов. Чукотка и Ненецкий округ – наименьшие по населению субъекты; назначения туда совместимы с периферийной логикой, при которой аутсайдеры получают удалённые трудные регионы. Но Хоценко возглавил Омскую область – миллионный промышленный центр с оборонными заводами и нефтепереработкой. Объяснить такое продвижение по новотерриториальной линии в промышленное сердце Сибири этой логикой нельзя. Оно указывает на другое: военный управленческий опыт ценен сам по себе.

Вторая линия – военная карьера как самостоятельный социальный лифт с ограниченным обменным курсом. Артём Жога, командир батальона, затем председатель Народного совета ДНР, в октябре 2024 г. назначен полномочным представителем Президента в Уральском федеральном округе и включён в состав Совета Безопасности – беспрецедентный подъём человека без аппаратной карьеры. Однако публичная деятельность Жоги на посту сосредоточена на военно-социальной повестке – взаимодействие с оборонными предприятиями, социальная

поддержка ветеранов, программа «Время героев», – а не на экономической политике округа. Социальный лифт доставил ветерана на федеральный уровень, но в функции, ограниченные военно-социальной сферой.

Показательна статистика «Времени героев»: из восьмидесяти двух выпускников, по словам Президента, лишь трое возглавили субъекты федерации; большинство получили должности советников и протокольные позиции в органах управления и государственных компаниях [6]. Первым выпускником программы, получившим губернаторский пост, стал Е. Первышев – типичный пример гибридной биографии: до начала военной службы он возглавлял Краснодар, город, превышающий населением всю область, и именно этот административный опыт обозреватели считают основанием назначения. Военная биография добавилась к гражданской, но не вытеснила её.

Третья линия – самое уязвимое место нашей схемы, и мы приводим соответствующие факты без смягчений. Дмитрий Демешин, глава Хабаровского края с мая 2024 г., – профессиональный прокурор с двадцатисемилетним стажем, заместитель Генерального прокурора (2019–2024), прежде возглавлявший в Генпрокуратуре надзор за законодательством в оборонно-промышленном комплексе [7]. Здесь профессиональный силовик действительно получил губернаторский пост – и одновременно укрепление той же специализации, что и в случае Лысогорского. Добавим А. Хинштейна, назначенного с официально заявленной задачей «кризисного управления» в приграничном регионе.

Однако губернаторский корпус в целом не милитаризуется: параллельно проходят регулярные технократические ротации. Итоговая картина – стратифицированная структура: основная масса – гражданские технократы; пограничные регионы и регионы, прилегающие к новым территориям, – зона усиления фигур с силовыми и военными биографиями.

По каждому из семнадцати случаев прогнозы трёх конкурирующих объяснений – доменной дифференциации (T1), сетевого заполнения по факту наличия (T2) и «милитократии» в сильной форме (T3) – были зафиксированы письменно до сопоставления с наблюдаемым результатом. Сводная картина поучительна. T1 не был опровергнут ни в одном случае, но сама по себе такая устойчивость мало о чём говорит; важны три обстоятельства. Во-первых, все шесть случаев неверного прогноза сильной формы милитократии относятся к экономическому домену, а единственный случай её поддержки (Демешин) – к губернаторскому слою: неудачи и удачи конкурирующей теории пространственно разделены, и разделяет их именно доменная граница. Во-вторых, T2 не предсказал три качественно разных события – выход силовика из совета директоров вопреки логике статус-кво, назначение новотерриториального чиновника в индустриальный миллионник, выдвижение командира на федеральный пост. В-третьих, специфические прогнозы T1, которых не давала ни одна конкурирующая схема, – гибридная биография губернатора-выпускника «Времени героев», локализация военных биографий в военно-промышленном надзоре, градиентный обменный курс военного капитала – подтвердились. Эмпирическое содержание концепции

составляют подтверждения специфических прогнозов; одна лишь общая неопровергнутость таким содержанием быть не может.

Главный конкурент нашей рамки – сетевое объяснение, взятое всерьёз как источник проверяемых ожиданий, а не универсальная формула, прилагаемая к любому наблюдению [3]. В такой строгой постановке оно трижды ошибается в разделе 4, и каждый раз по-разному.

Первый промах – консервативность статус-кво. С. Иванов, председатель совета директоров «Ростелекома» с 2015 г., не был включён в список кандидатов в сентябре 2024 г. Сетевая логика, удерживающая своих людей, предсказывала бы обратное. Возражение, что в единичном случае уход мог объясняться личными обстоятельствами, здесь неоспоримо; но оно лишает сетевое объяснение главного преимущества, то есть способности систематически предсказывать сохранение статус-кво.

Второй промах – география аутсайдеров. Если новотерриториальные администраторы – аутсайдеры, назначаемые туда, куда не удаётся послать доверенных людей, то назначение Хоценко в миллионную индустриальную Омскую область противоречит правилу. Два других новотерриториальных назначения правилу соответствуют, и мы фиксируем это без утайки; но правило, которое выполняется в двух случаях из трёх и проваливается в самом важном, превращается в правило с оговоркой, а оговорка (кроме случаев, когда военный опыт ценен сам по себе) и есть, по существу, наше утверждение.

Третий промах – потолок аутсайдеров. Выдвижение Жоги на пост полномочного представителя и в Совет Безопасности несовместимо с ожиданием, что федеральные посты такого ранга остаются за профессионалами аппарата. Признание, что социальный лифт доставил ветерана в военно-социальную функцию, прогноза не спасает: прогноз касался доступа к посту, а не профиля обязанностей.

Распределение промахов – по одному на каждое следствие сетевой логики – не означает, что система неверна как описание российских сетей вообще. Оно указывает на другое: в рассматриваемый период распределение высших постов подчиняется фактору, которого сетевая логика не содержит, – функциональному профилю должности. Мы не станем утверждать превосходства по критерию простоты объяснения: сетевой подход в этом соревновании не участвует; мы констатируем, что три его проверяемых следствия не подтвердились.

Гипотеза предпочтений единоличного центра решений сталкивается со следующим затруднением: доменная структура держится одновременно на трёх различных по своему устройству процедурах – губернаторы назначаются указами Президента, заместители министров – распоряжениями Правительства, высшие менеджеры – решениями советов директоров. Предпочтение могло бы задать общий стиль, но не способно поддерживать один и тот же функциональный профиль на всех трёх уровнях при трёх разных процедурах; для этого профиль должен выражать не вкус, а требование, которому все три процедуры подчинены.

Систематические ограничения исследования

Возможная ошибка отбора. Случаи отбирались по информативности, а не по представительности. Отбор, однако, шёл по заранее зафиксированному правилу и документирован. Есть и более общее ограничение: при отборе по информативности устойчивость распознанных закономерностей ниже, чем при статистической оценке, и выводы ограничены этим пределом. Отбор дополнен процедурой поиска противоречащих случаев: в пределах охвата реестра не обнаружено назначений профессиональных силовиков на высшие хозяйственные посты; в доступных источниках не выявлено случаев, когда выпускники «Времени героев» получали полномочия выше регионального и военно-социального уровня. Граница поиска и есть граница выводов.

Возможность ex post рационализации. Биографии назначенцев известны заранее; слепой проверки не существует. Меры против подгонки: письменная фиксация прогнозов всех трёх объяснений по каждому случаю до сопоставления с результатом; включение неудобных случаев, прежде всего назначение Демешина, изложенное без смягчений и составляющее сильнейшее единичное подтверждение слабой формы милитократии. Наша рамка вмещает этот случай через трактовку губернаторского корпуса как спорной зоны; признаём, что такое вмещение отчасти сделано задним числом.

Заключение

Проведённый анализ даёт три вывода. Каждый действует в пределах обоснованности, установленных в разделе 5.

Первый касается милитократии в сильной форме. За рассматриваемый период не случилось ни одного назначения носителя силовой карьеры на высшие хозяйственные посты; министерство обороны принял экономист; вершины оборонной промышленности переходили от гражданских управленцев к гражданским. Опровергает ли это гипотезу как историческое описание 1990–2010-х гг.? Нет: созданное тогда силовое присутствие сохранилось. Но довод против её прогностического продолжения есть – предсказанная экспансия не выразилась в притоке новых назначений. Слабая форма, напротив, подтвердилась внутри своей сферы и на её периферии. Итог – сужение ареала силовой элиты: от государства вообще к функционально определённым постам контроля. О конце силовой элиты говорить не приходится.

Второй вывод – о характере ограничения. В пределах материала функциональные требования периода систематически перевешивали логику лояльности при замещении хозяйственных постов; посты контроля заполнялись по обратной логике. Иллюстрация – американский опыт Второй мировой войны: военное производство тогда тоже было вверено гражданским администраторам. Подобные ограничения не специфичны для какого-то одного политического устройства. Российское подтверждение – иное: симметричное движение через стык доменов. Граница проходима именно там, где обе компетенции нужны одновременно. Период показал и способность кадровой системы сочетать оба типа требований, сохраняя высокую эффективность управления.

Третий вывод касается элитного воспроизводства. Формулируем его осторожно: это вывод, совместимый с гипотезой, а не подтверждённый механизм. Наблюдаемое распределение согласуется с двухканальной моделью. Традиционный аппарат снабжал верхний этаж назначений; военный канал направлял выпускников в региональные и военно-социальные функции. Каналы сосуществуют, не сливаясь; отдельные гибридные биографии правила не образуют, а обменный курс военного капитала убывает постепенно. Совпадает ли это распределение с действием самого механизма, в отличие от иных объяснений того же материала, наличные данные не позволяют решить.

Список использованных источников

1. Kryshtanovskaya O., White S. Putin's Militocracy // Post-Soviet Affairs. – 2003. – Vol. 19, № 4. – P. 289–306. – DOI: 10.2747/1060-586X.19.4.289.

2. Renz B. Putin's Militocracy? An Alternative Interpretation of Siloviki in Contemporary Russian Politics // Europe-Asia Studies. – 2006. – Vol. 58, № 6. – P. 903–924. – DOI: 10.1080/09668130600831134.

3. Ledeneva A. Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

4. George A. L., Bennett A. Case Studies and Theory Development in the Social Sciences. – Cambridge, MA: MIT Press, 2005. – 352 p.

5. Указ Президента РФ от 04.08.2004 № 1009 «Об утверждении Перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ» (в действующей редакции) // Президент России: офиц. сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/21246/page/1 (дата обращения: 19.09.2026). – Текст: электронный.

6. Встреча с выпускниками первого потока программы «Время героев». – 22.05.2026. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/79814 (дата обращения: 19.09.2026). – Текст: электронный.

7. Официальные биографические сведения о Д. В. Демешине; сообщения о назначении (май 2024 г.). – URL: https://tass.ru/encyclopedia/person/demeshin-dmitriy-viktorovich (дата обращения: 19.09.2026). – Текст: электронный.

8. Интерфакс. Сообщения о продлении полномочий руководителей ПАО «Транснефть» и ПАО «НК «Роснефть» (март 2025 г.; декабрь 2024 г.). – Текст: электронный // Интерфакс : [сайт]. – URL: https://www.interfax.ru (дата обращения: 19.09.2026).

FUNCTIONAL DOMAIN DIFFERENTIATION OF ELITES: RUSSIAN PERSONNEL POLICY AMID GEOPOLITICAL SHIFTS

Zun Wang

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Many researchers expected that amid geopolitical shifts, security officials would massively enter Russia's top leadership. Drawing on a register of top appointments at

strategic enterprises and state corporations and a series of in-depth cases, the study found that none of the eighteen appointments in the register went to a professional security career holder, that the Defence Ministry passed to the economist A. Belousov, and that at the gubernatorial level the capital is the experience of administering the new territories, not military rank. These findings are generalised in the concept of functional domain differentiation: a functional domain is a block of state administration delineated by function (the security domain, the economic domain, and the intermediate gubernatorial layer). The period under review imposed two kinds of personnel demands at once, for loyalty and for competence, and the personnel policy successfully combined both: the reinforcement of security cadres stays within the loyalty domain, while competence domains remain with technical specialists. Three widespread explanations, the militocracy thesis, network vacancy filling, and single-centre preferences, fail the test because they miss the boundary between loyalty and competence; the conclusions are compatible with a dual-channel model of elite reproduction.

Keywords: siloviki elites; functional domain differentiation; personnel policy; geopolitical shifts.

УДК 347.4

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

Е.С. Витовская

Кузбасский институт ФСИН России,
г. Новокузнецк, Россия

Проведен анализ видов договоров, регулирующих семейные отношения, отношения в сфере труда и социального обеспечения. Определены характерные черты таких договоров, среди которых ограничение свободы договора публичными интересами, доминирующая роль государства и целевой характер. Автор пришел к выводу, что внедрение договора в различные сферы общественной жизни коррелирует с общими тенденциями эволюции правового регулирования.

Ключевые слова: договор, соглашение, семейные отношения, трудовые отношения, социальное обеспечение, частные начала, публичные интересы.

Договор как универсальный правовой инструмент в последние десятилетия проник практически во все сферы общественных отношений. Не являются исключением семейные и трудовые отношения, а также сфера социального обеспечения, составляющие ядро социальной жизни общества.

Принцип свободы договора – базовый элемент системы договорного права, необходимое условие формирования современной доктрины гражданского права. Например, принцип свободы трудового договора проявляется через нормы, регламентирующие свободу выбора рынка труда, свободу заключения

договора и свободу в определении существенных условий договора. Следует отметить и то, что такая свобода не является абсолютной и может быть ограничена, продиктованными публичными интересами. Это и говорит об уникальности правовой природы договорных отношений в сфере труда.

В современных условиях жизни общества неизмеримо возрастает роль договоров в семейном праве. Можно согласиться с тем, что системность договорного регулирования семейных отношений определяется сущностью отношений, опосредуемых договором, в которых находит отражение как социальная, так и персонифицированная роль каждого члена семьи [2].

Анализ правоприменительной практики в сфере семейных отношений позволяет выделить некоторые виды договоров, различающихся по предмету регулирования и правовому режиму:

Во-первых, это брачный договор, занимающий центральное место в имущественных отношениях супругов. Так, данный договор позволяет установить как долевой, так и раздельный режим собственности. Эта направленность касается не только всего имущественного комплекса, но и отдельных его категорий.

Во-вторых, это соглашение о разделе общего имущества супругов, выступающее альтернативой брачному договору и позволяющее супругам (в том числе, состоящим в браке) определить правовую судьбу конкретных объектов в процессе раздела имущества.

В-третьих, это алиментное соглашение, позволяющее детализировать условия, касающиеся субъектов, объема, способа и периода выплаты алиментов.

В юридической литературе особое значение отводится вопросам правовой природы семейно-правовых договоров. Дискуссия разворачивается вокруг двух основных подходов: одни исследователи настаивают на самостоятельности отраслевого характера таких договоров [1]; другие рассматривают их как специфическую разновидность гражданско-правовых соглашений [6]. Так, С.К. Соломин и Н.Г. Соломина, отмечают, что семейно-правовой договор представляет собой частный случай гражданско-правового договора, а перечень семейно-правовых договоров является исчерпывающим [9].

Возникает вопрос о возможности договорного регулирования личных неимущественных отношений между супругами. Встречается утверждение, что значительную часть семейно-правовых договоров составляют соглашения неимущественного характера. Однако такая точка зрения активно подвергается аргументированной критике. Неразрывная связь личных неимущественных отношений и внутреннего доверительного характера определяет уникальность семейных отношений. А это означает, что они не могут быть в полном объеме урегулированы договорными механизмами [5].

Выявление взаимосвязи трудовых отношений и договора позволяет раскрыть сущность правовой конструкции, в которой сочетаются элементы частной автономии и публичного правового регулирования. На это обращает внимание законодатель, закрепив в ст. 2 Трудового кодекса РФ принцип «сочетание государственного и договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений».

Так, в ст. 57 Трудового кодекса РФ отражены обязательные условия, которые, несмотря на их кажущуюся договорную природу, часто имеют публично-правовой характер. Например, условие об обязательном социальном страховании работника не зависит от усмотрения сторон, а является императивом. Кроме того, трудовое законодательство запрещает включение в трудовой договор условий, ограничивающих права работников или снижающих уровень гарантий.

Именно тот факт, что соглашение сторон в области трудовых отношений чрезвычайно часто сводится к простому согласию одного из контрагентов подчиняться определенному порядку вещей в известных пределах указаниям другого контрагента, позволило Ю.А. Саранкиной прийти к выводу о том, что соглашение в трудовом договоре носит ассентивный характер [8].

С точки зрения эволюции договорного права, стандартизация трудовых отношений является ярким примером такого прогрессивного развития. Типовые и примерные формы трудовых договоров, разрабатываемые и утверждаемые на различных уровнях позволяют обеспечить правовую поддержку субъектов трудовых отношений, способствуя повышению их правовой грамотности и осведомленности. В персонифицированных трудовых договорах фиксируется специфика регулирования труда отдельных категорий работников, таких как молодежь, работники с ограниченными возможностями здоровья, руководители и др. Все это закономерно способствует созданию более гибкой и адаптивной системы правового регулирования, учитывающей особенности различных профессиональных групп и категорий работников.

Наиболее динамично развивающимся договорным институтом в сфере социального обеспечения выступает социальный контракт. Достижение социальной стабильности, стоящей перед государством в области социальной политики возлагается на соглашение, заключаемое органами социальной защиты населения с гражданами и семьями, доход которых ниже прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации.

Согласимся с общим мнением, что общая социальная направленность проявляется во всех видах социального контракта [3].

Среди них важнейшее место занимает контракт на открытие бизнеса, предусматривающий финансовую поддержку в размере до 350 тысяч рублей, которая используется для приобретения необходимого оборудования, техники, а также расходных материалов и оплаты аренды. Более того, дополнительно может быть выделено финансирование на трехмесячное обучение в размере до 30 тысяч рублей. Интересен контракт на поиск работы, предусматривающий выплату заявителю единовременного пособия, эквивалентного региональному прожиточному минимуму. Активно внедряется социальный контракт на развитие личного подсобного хозяйства. Условиями контракта предусмотрено выделение до 200 тысяч рублей на приобретение сельскохозяйственной техники, племенного скота, птицы, семян и саженцев.

Социальной стабильности служит также социальный контракт, предусматривающий единовременную или ежемесячную финансовую поддержку в размере регионального прожиточного минимума на срок до шести месяцев.

Средства могут быть использованы для приобретения товаров первой необходимости, лекарственных препаратов и других жизненно важных товаров.

Несложно заметить, что социальный контракт представляет собой договор, комбинирующий элементы административного акта и гражданско-правового договора. С одной стороны, он заключается в целях реализации социальной политики государства; с другой – предполагает обязанности получателя помощи по трудоустройству, развитию бизнеса или ведению подсобного хозяйства.

В заключении хотелось бы отметить, что договорное регулирование семейных отношений, трудовых отношений, а также сферу социального обеспечения, представляет собой сложный правовой механизм, характеризующийся единой целью обеспечения социальных прав граждан. Договоры в рассматриваемых сферах имеют схожие признаки, среди которых ограничение свободы договора публичными интересами, доминирующая роль государства и целевой характер. Внедрение договора в различные сферы общественной жизни коррелирует с общей тенденцией развития правового регулирования.

Список использованных источников

1. Витрянский В. Специальные договорные конструкции в условиях реформирования гражданского законодательства // Хозяйство и право. – 2011. – № 10(417). – С. 3-16.

2. Вихарев А.А. Договор как инструмент регулирования семейных отношений // Российский юридический журнал. – 2017. – № 3(114). – С. 144-152.

3. Карпенко О.А. Социальный контракт как институт занятости финансирования современного инновационного предпринимательства // Экономика регионов: источники роста: II Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей, Курск, 23 ноября 2021 года. – Курск: Курский государственный университет, 2021. – С. 92-97.

4. Ковалевская Н.С. Правовое регулирование услуг // Кодекс-Info. – 1999. – № 2. – С. 2-5.

5. Лушникова М.В. Договорные начала права социального обеспечения // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов : Сборник научных статей, Пермь, 18–19 ноября 2016 года / Ответственные редакторы В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – Пермь: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2017. – С. 508-520.

6. Матвеева Е.Ю. Рамочный договор как специальная договорная конструкция // Юридическая наука. – 2022. – № 7. – С. 57-62.

7. Рахинский Д.В., Панасенко Г.В., Равочкин Н.Н., Морозова О.Ф., Минеев В.В. Социальный контракт: способы теоретизации и философские перспективы // Философская мысль. – 2023. – № 10. – С. 10-21.

8. Саранкина Ю.А. Трудовой договор как правовая форма обеспечения занятости населения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 4. – С. 179-184.

9. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Договоры в семейном праве: новый взгляд на старую проблему // Вестник Тюменского государственного университета.

Социально-экономические и правовые исследования. – 2025. – Том 11. – № 2 (42). – С. 110-125.

SOME ISSUES OF TREATY REGULATION IN CONTEMPORARY LAW

E.S. Vitovskaya

Kuzbass Institute of the FPS of Russia PhD (Law)
Novokuznetsk, Russia

An analysis of the types of contracts regulating family relations, relations in the field of labor and social security was carried out. The characteristic features of such treaties have been identified, including the restriction of the freedom of contract by public interests, the dominant role of the state and the target character. The author came to the conclusion that the introduction of the contract into various spheres of public life correlates with the general trends in the evolution of legal regulation.

Keywords: contract, agreement, family relations, labor relations, social security, private principles, public interests.

УДК 347.963

ПРИЗНАКИ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ВИДА ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМЫ ДУАЛИЗМА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУДЕБНОГО ПРИСТАВА-ИСПОЛНИТЕЛЯ

В.А. Вовк, Р.Ф. Мустафин

Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

В статье анализируются критерии самостоятельности исполнительного производства в системе юридического процесса. Исследуется дуалистичная природа статуса судебного пристава-исполнителя, сочетающего черты процессуального субъекта и должностного лица органа принудительного исполнения. Обосновывается необходимость преодоления противоречий в определении отраслевой принадлежности института.

Ключевые слова: исполнительное производство, юридический процесс, судебный пристав-исполнитель, процессуальный статус, принудительное исполнение.

Вопрос о месте исполнительного производства в системе российского права на протяжении десятилетий сохраняет дискуссионный характер, что обусловлено не только теоретической сложностью самого института, но и практическими последствиями его отраслевой идентификации. Длительное время принудительная реализация юрисдикционных актов рассматривалась как

завершающая стадия гражданского судопроизводства, что находило отражение в структуре процессуального законодательства и доктринальных построениях. Однако постепенное обособление нормативного регулирования, появление специального кодифицированного акта и расширение круга органов, чьи решения подлежат исполнению, поставили под сомнение прежнюю однозначную трактовку. Сегодня вопрос ставится иначе: обладает ли рассматриваемая деятельность достаточной степенью автономии, чтобы претендовать на статус самостоятельного вида юридического процесса, или же речь идёт лишь о процедурном придатке судебной власти [1].

Предмет исполнительного производства образуют отношения, возникающие в связи с принудительной реализацией актов юрисдикционных органов. Эти отношения не сводятся к продолжению материального правоотношения, по поводу которого вынесен акт, и не являются простым отражением судебной деятельности. Они обладают собственным содержанием, включающим комплекс прав и обязанностей сторон, полномочия органа принудительного исполнения, порядок совершения конкретных действий и применения мер воздействия. Специфика данного предмета проявляется в том, что его участники находятся в состоянии не разрешённого спора, а принудительного осуществления уже установленного требования. Это качественно иная правовая ситуация, требующая особого регулирования, не сводимого ни к материальному, ни к процессуальному праву в его традиционном понимании [2].

Круг субъектов рассматриваемой деятельности также демонстрирует существенное своеобразие. Помимо взыскателя и должника, чьи интересы определяют содержание производства, в нём участвуют судебный пристав-исполнитель, органы и организации, содействующие исполнению, лица, обязанные предоставить информацию, специалисты, переводчики и иные вспомогательные фигуры. Особое положение занимает суд, чьи полномочия в исполнительном производстве ограничены разрешением отдельных процессуальных вопросов и рассмотрением жалоб, но не распространены на саму исполнительную деятельность. Подобная конфигурация участников не воспроизводит ни гражданскую процессуальную, ни административно-процессуальную модель, что даёт основания говорить о самостоятельной субъектной структуре.

Процедурная форма принудительного исполнения обладает рядом черт, отличающих её от судебного разбирательства. Она характеризуется большей свободой усмотрения должностного лица в выборе конкретных действий, отсутствием состязательного начала в классическом понимании, преимущественно письменным характером взаимодействия и возможностью совершения действий без участия заинтересованных лиц. Возбуждение производства, применение мер принуждения, обращение взыскания на имущество, реализация арестованных объектов – все эти этапы подчинены логике, отличной от логики судебного доказывания и разрешения спора. Данное обстоятельство позволяет рассматривать исполнительную процедуру как особую форму юридической деятельности, не тождественную ни одной из известных процессуальных форм [3].

Итоговый акт, завершающий производство, также имеет самостоятельное значение. Постановление об окончании исполнительного производства фиксирует достижение либо невозможность достижения цели принудительного исполнения и влечёт определённые правовые последствия, отличные от последствий судебного решения. Оно не разрешает материально-правовой спор, а констатирует результат исполнительной деятельности, что подтверждает процедурную, а не юрисдикционную природу рассматриваемого производства.

Судебный пристав-исполнитель одновременно выступает носителем публично-властных полномочий и участником процессуальных отношений. Как должностное лицо органа принудительного исполнения он наделён правом совершать действия, обязательные для всех субъектов на территории страны, применять меры государственного принуждения, ограничивать права должника, запрашивать информацию и выносить обязательные к исполнению постановления. Эти полномочия носят административно-властный характер и не опосредованы каким-либо процессуальным отношением с судом. В то же время его деятельность облечена в процессуальную форму, подчинена установленной процедуре, а принимаемые акты могут быть обжалованы в судебном порядке, что придаёт ей черты процессуальной активности. Возникает ситуация, когда одно и то же лицо действует и как административный орган, и как процессуальный субъект, не будучи полностью ни тем, ни другим [4].

Подобный дуализм порождает ряд практических и теоретических проблем. Во-первых, остаётся неясным, в каких отношениях пристав выступает как представитель исполнительной власти, а в каких – как участник процесса. Во-вторых, размываются критерии разграничения его процессуальной самостоятельности и административной подчинённости, поскольку он находится в двойном подчинении – начальнику подразделения и требованиям процессуального закона. В-третьих, затрудняется определение отраслевой принадлежности института: если центральный субъект не является исключительно процессуальной фигурой, то и само производство не может быть однозначно отнесено к процессуальному праву [5].

Таким образом, исполнительное производство обладает совокупностью признаков, позволяющих рассматривать его как самостоятельный вид юридического процесса: собственный предмет, специфический субъектный состав, особую процедурную форму, а также итоговый акт, отличный от судебного решения. Препятствием для окончательного признания этой автономии выступает дуализм процессуального и административного положения судебного пристава-исполнителя, отражающий более фундаментальное противоречие между публично-властной природой принуждения и процессуальной формой его осуществления.

Список использованных источников

1. Казаков, Д. Ю. Принципы исполнительного производства: перспективы развития и совершенствования / Д. Ю. Казаков. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2020. № 46 (336). С. 250-252.

2. Кузьмина, Н. С. Направления совершенствования исполнительного производства / Н. С. Кузьмина. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2021. № 16 (358). С. 266-268.

3. Шепелёва, О. А. Эффективность исполнительного производства / О. А. Шепелёва. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2020. № 51 (341). С. 319-321.

4. Коршунова, С.Д. Проблемы правового статуса судебного пристава в исполнительном производстве // Вестник науки и образования. 2019. №14-2 (68). С. 53-57.

5. Иванова, В.М. Актуальная проблематика исполнительного производства в фокусе современных диссертационных исследований по частно-правовым (цивилистическим) наукам // Образование и право. 2024. №7. С. 345-351.

SIGNS OF EXECUTIVE INDEPENDENCE PRODUCTION AS A TYPE OF LEGAL PROCESS: PROBLEMS OF DUALISM OF THE PROCEDURAL POSITION BAILIFF

V.A. Vovk, R.F. Mustafin

Kuban State University,
Krasnodar, Russia

The article analyzes the criteria for the independence of enforcement proceedings in the legal process system. The dualistic nature of the bailiff's status is investigated, combining the features of a procedural entity and an official of the enforcement agency. The necessity of overcoming contradictions in the definition of the institute's branch affiliation is substantiated.

Keywords: enforcement proceedings, legal process, bailiff, procedural status, enforcement.

УДК 347.963

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РФ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СУЩНОСТИ И СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА

В.А. Вовк, Р.Ф. Мустафин

Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

В статье исследуется эволюция исполнительного производства России в направлении расширения частноправовых начал. Анализируется изменение сущности принудительного исполнения и появление негосударственных субъектов. Обосновывается необходимость пересмотра отраслевой принадлежности института и уточнения правового статуса частных исполнителей.

Ключевые слова: исполнительное производство, частноправовые начала, судебный пристав, частный исполнитель, принудительное исполнение.

Трансформация отечественного механизма принудительного исполнения юрисдикционных актов представляет собой одно из наиболее заметных явлений в правовой жизни последних десятилетий. Длительное время данная сфера воспринималась исключительно как продолжение публично-властной деятельности государства, направленной на реализацию судебных решений и предписаний иных органов. Исполнительное производство мыслилось неотъемлемой частью административного аппарата, а фигура судебного пристава-исполнителя олицетворяла собой прямое продолжение государственного принуждения. Однако постепенное усложнение имущественного оборота, рост количества споров и очевидная неэффективность монопольной модели заставили законодателя искать иные пути организации принудительного исполнения. Именно поэтому вопрос о природе рассматриваемого института и его субъектном составе приобретает сегодня принципиальное значение, выходя далеко за рамки сугубо догматических дискуссий [1].

Сущностная характеристика принудительного исполнения претерпевает сегодня существенные изменения. Классическая доктрина исходила из того, что исполнение есть форма реализации властных полномочий, а потому относится к публичному праву. Однако внимательный анализ показывает, что значительная часть отношений, возникающих в данной сфере, строится на началах равенства, диспозитивности и имущественной самостоятельности. Взыскатель и должник выступают как носители частных интересов, их взаимодействие опосредуется гражданско-правовыми по своей природе механизмами – уступкой права требования, поручительством, залогом, мировым соглашением. Более того, сама процедура всё чаще рассматривается как услуга, оказываемая носителем специального статуса в интересах управомоченного лица. Подобная переориентация не означает полного отрицания властной составляющей, но свидетельствует о её существенном ограничении и дополнении иными регуляторами [2].

Субъектный состав исполнительных правоотношений демонстрирует особенно наглядную динамику. Наряду с традиционными участниками – должностными лицами Федеральной службы судебных приставов, взыскателем и должником – в оборот входят фигуры, чей статус не укладывается в прежнюю схему. Частный исполнитель, наделённый полномочиями по принудительному взысканию, действует на основании лицензии и несёт ответственность перед сторонами, а не перед государством в узком смысле. Банки и иные кредитные организации, получившие право самостоятельно обращать взыскание на денежные средства, выполняют функции, ранее монопольно принадлежавшие органам принудительного исполнения. Профессиональные коллекторские агентства, хотя и не обладают властными полномочиями, фактически осуществляют досудебное и постсудебное воздействие на неисправных контрагентов. Расширяется участие нотариусов, медиаторов, арбитражных управляющих, чья деятельность

пересекается с исполнительной сферой. Возникает вопрос: сохраняет ли государство роль единственного носителя принудительной силы или же оно делегирует часть этой функции иным акторам, оставляя за собой лишь контроль и надзор [3].

Правовой статус частного исполнителя заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку именно здесь противоречия проявляются наиболее остро. С одной стороны, данное лицо наделяется правом совершать действия, влекущие юридически значимые последствия для должника, включая обращение взыскания на имущество, ограничение выезда, запрос сведений в кредитных организациях. С другой – его положение существенно отличается от положения государственного служащего: он не состоит на службе, самостоятельно организует свою деятельность, получает вознаграждение от взыскателя и несёт имущественную ответственность за допущенные нарушения. Такая конструкция напоминает модель частнопрактикующего нотариуса или адвоката, соединяющую публичные функции с частной организационной формой. Законодатель, вводя соответствующие нормы, очевидно стремился разгрузить государственный аппарат и повысить эффективность взыскания, однако сделал это без последовательного пересмотра всей архитектуры института [4].

Отраслевая принадлежность исполнительного производства остаётся дискуссионной. Одни исследователи настаивают на его административно-правовой природе, указывая на властный характер отношений и участие органов исполнительной власти. Другие усматривают в нём комплексный институт, в котором переплетаются нормы гражданского, административного, финансового и процессуального права. Третьи предлагают рассматривать его как самостоятельную отрасль, обладающую собственным предметом и методом. Представляется, что наиболее продуктивен именно комплексный подход, позволяющий учесть неоднородность составляющих его отношений. Признание частноправовых начал не отменяет публично-правовой компоненты, но требует их согласованного сопряжения в рамках единого механизма.

Не менее важно и то, что расширение частноправовых элементов ставит под сомнение привычное отождествление исполнительного производства с деятельностью судебных приставов. Реальное исполнение всё чаще происходит вне стен этого ведомства: через банковские механизмы, через добровольное погашение под влиянием профессиональных взыскателей, через согласительные процедуры. Государственное принуждение превращается в один из инструментов, но не в единственный и не всегда в решающий. Подобное смещение акцентов требует переосмысления целей института: служит ли он защите прав взыскателя, поддержанию общественного порядка или обеспечению баланса интересов всех участников оборота. Ответ на этот вопрос определяет и выбор модели регулирования [5].

Таким образом, исполнительное производство России переживает период глубинной перестройки, содержание которой состоит в постепенном

размывании прежней монополии государства и включении в механизм принудительного исполнения начал, свойственных частному праву. Сущность института утрачивает однозначно властный характер, приобретая черты комплексного правового образования, обслуживающего интересы участников имущественного оборота. Субъектный состав расширяется за счёт лиц, чья деятельность регулируется не административным подчинением, а профессиональными стандартами и договорными основаниями.

Список использованных источников

1. Иванова, В.М. Актуальная проблематика исполнительного производства в фокусе современных диссертационных исследований по частно-правовым (цивилистическим) наукам // Образование и право. 2024. №7. С. 345-351.

2. Стрельцова, Е.Г. Взаимодействие судебного и альтернативных порядков защиты субъективного права и принудительное исполнение исполнительных документов в социальном государстве: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 5.1.3. - Москва, 2024. - 51 с.

3. Смагина, Е. С. Теоретико-практические проблемы участия государства в современном цивилистическом процессе: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. - Саратов, 2023. - 424 с.

4. Лазарев, С.В. Судебное управление движением дела в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: автореферат дис. ... доктора юридических наук : 5.1.3. - Екатеринбург, 2024. - 36 с.

5. Оленин, Д. А. Исполнение судебного решения взыскателем за должника в исполнительном производстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Москва, 2023. - 254 с.

PRIVATE LAW ELEMENTS IN MODERN ENFORCEMENT PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION: TRANSFORMATION OF THE ESSENCE AND SUBJECT MATTER

V.A. Vovk, R.F. Mustafin

Kuban State University,
Krasnodar, Russia

The article examines the evolution of Russian enforcement proceedings in the direction of expanding private law principles. The article analyzes the changing nature of forced execution and the emergence of non-state actors. The necessity of reviewing the institute's branch affiliation and clarifying the legal status of private performers is substantiated.

Keywords: enforcement proceedings, private law principles, bailiff, private executor, compulsory execution.

УДК 94(47+57)"1985/1988":613.81

АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СССР ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ

Л.И. Волченко

Донской Государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассматривается антиалкогольная кампания 1985–1988 гг. как направление социальной политики СССР периода перестройки. Проанализированы цели и инструменты кампании, ее влияние на потребление алкоголя, смертность, трудовую дисциплину и повседневные практики населения. Показано противоречие между достигнутым краткосрочным социальным эффектом и административно-ограничительным характером реализации, который способствовал росту неформального производства алкоголя и снижению устойчивости достигнутых результатов.

Ключевые слова: антиалкогольная кампания, перестройка, социальная политика, СССР, общественное здоровье, трудовая дисциплина, самогоноварение.

Антиалкогольная кампания, начатая в СССР весной 1985 г., стала одним из наиболее заметных мероприятий раннего этапа перестройки. Ее значение не ограничивалось сокращением продажи спиртных напитков. Государство связывало борьбу с пьянством с укреплением здоровья населения, повышением трудовой дисциплины, снижением бытовой преступности и производственного травматизма. Поэтому кампанию целесообразно рассматривать как элемент социальной политики, в котором административное регулирование рынка сочеталось с попыткой изменить повседневные нормы поведения.

К середине 1980-х гг. злоупотребление алкоголем приобрело для советского государства выраженное социально-экономическое значение. Пьянство связывалось с потерями рабочего времени, прогулами, травмами и высокой смертностью среди трудоспособного населения. При этом официальные продажи не отражали всего объема потребления из-за домашнего производства. Современные оценки показывают, что в 1984 г. совокупное потребление в РСФСР превышало 14 литров абсолютного алкоголя на душу населения в год [2]. В этих условиях руководство страны рассматривало ограничения как средство одновременного воздействия на демографические, производственные и бытовые проблемы.

Нормативной основой кампании стало постановление ЦК КПСС от 7 мая 1985 г. «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» [1]. Затем были приняты правительственные решения и указ Президиума Верховного Совета СССР, усилившие ответственность за распитие спиртного в общественных местах, появление на работе в нетрезвом виде и самогоноварение. Сокращались объемы производства крепких напитков, число торговых точек и время продажи.

Одновременно пропагандировался трезвый образ жизни, создавались общества трезвости, а официальные документы требовали развивать спортивный, культурный и туристический досуг. На практике, однако, наиболее заметной для населения частью политики стали именно ограничения доступности алкоголя.

Социальный эффект кампании прежде всего проявился в показателях общественного здоровья. По расчетам исследователей, общее потребление алкоголя в РСФСР снизилось примерно с 14 литров на душу населения в 1984 г. до 10,8 литра в 1986 г. [2]. Одновременно уменьшилась смертность от причин, тесно связанных с алкоголем, включая отравления, несчастные случаи и насилие. Региональные исследования показывают, что более выраженное снижение смертности наблюдалось там, где до кампании употребление спиртного было выше и сокращение его доступности оказалось сильнее [3]. Это дает основания считать улучшение демографических показателей одним из реальных результатов антиалкогольных мер.

Кампания также была связана с задачей укрепления трудовой дисциплины. Для руководства периода перестройки это имело особое значение: курс на ускорение предполагал повышение эффективности производства без немедленной радикальной перестройки хозяйственной системы. Контроль за появлением работников в нетрезвом виде, прогулами и нарушениями дисциплины превращал антиалкогольную политику в инструмент мобилизации трудовых ресурсов. Трезвость рассматривалась не только как вопрос личного здоровья, но и как условие более ответственного поведения работника и устойчивой работы предприятия.

Одновременно выявилось основное противоречие выбранной модели. Ограничение официальной продажи не устраняло спрос на спиртное. В ответ расширялось домашнее производство алкоголя, возрастал спрос на сахар и другие продукты, используемые для самогоноварения. После первоначального снижения потребления доля незарегистрированного алкоголя начала увеличиваться [2]. Таким образом, часть потребления перемещалась из контролируемого государством сектора в неформальный. Это снижало управляемость ситуации и создавало дополнительные риски, поскольку качество домашней продукции государством не контролировалось.

Запретительные меры заметно изменили и повседневные практики. Очереди, ограниченное время торговли и сокращение числа магазинов воспринимались частью населения как чрезмерное вмешательство в привычную сферу потребления. На местах выполнение кампании нередко приобретало формальный и показательный характер. В историографии оценки поэтому различаются: исследования общественного здоровья подчеркивают снижение потребления и смертности, а социально-исторические работы обращают внимание на непопулярность мер, рост теневого производства и недостаточную комплексность программы [4; 5]. Эти выводы не противоречат друг другу, поскольку характеризуют разные стороны одной государственной политики.

Важным ограничением стала экономическая сторона кампании. Реализация алкогольной продукции давала бюджету значительные доходы, поэтому быстрое сокращение продаж создавало фискальные потери. Возникло

противоречие между социальной целью уменьшения употребления спиртного и финансовыми интересами государства. Исследования связывают сворачивание наиболее жестких ограничений к концу 1980-х гг. как с общественной непопулярностью, так и с потерей доходов [3]. При этом официальное производство и продажа восстанавливались постепенно, поэтому эффект кампании сохранялся некоторое время и после ослабления прямого административного давления.

Опыт 1985–1988 гг. показывает двойственный характер антиалкогольной кампании как элемента социальной политики. За короткий период государству удалось уменьшить доступность спиртного и добиться измеримого улучшения ряда демографических показателей. Однако результат оказался тесно связан с высокой интенсивностью административного контроля. Слабое развитие профилактики зависимостей, недостаток устойчивых альтернатив досуга и рост неформального рынка ограничили долгосрочность достигнутого эффекта. Тем самым кампания продемонстрировала, что регулирование доступности алкоголя способно быстро влиять на общественное здоровье, но устойчивое изменение массовых привычек требует сочетания ограничений с медицинскими, культурными и социальными мерами.

Таким образом, антиалкогольная кампания периода перестройки представляла собой не только запретительную акцию, но и масштабный социальный эксперимент. Ее краткосрочные результаты проявились в снижении потребления алкоголя и связанных с ним потерь, тогда как последующее расширение незарегистрированного производства показало пределы административной модели. Рассмотрение кампании в контексте социальной политики позволяет связать ее с более широкими задачами позднесоветского государства: охраной здоровья, укреплением трудовой дисциплины и попыткой изменить повседневное поведение населения.

Список использованных источников

1. О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма: постановление ЦК КПСС от 7 мая 1985 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 15. 1985–1988. – Москва: Политиздат, 1989.

2. Nemtsov A. V. Estimates of total alcohol consumption in Russia, 1980–1994 // Drug and Alcohol Dependence. – 2000. – Vol. 58, № 1–2. – P. 133–142. – DOI 10.1016/S0376-8716(99)00069-1.

3. Bhattacharya J., Gathmann C., Miller G. The Gorbachev Anti-Alcohol Campaign and Russia’s Mortality Crisis // American Economic Journal: Applied Economics. – 2013. – Vol. 5, № 2. – P. 232–260. – DOI 10.1257/app.5.2.232.

4. Reitan T. C. The operation failed, but the patient survived: varying assessments of the Soviet Union’s last anti-alcohol campaign // Communist and Post-Communist Studies. – 2001. – Vol. 34, № 2. – P. 241–260. – DOI 10.1016/S0967-067X(01)00004-6.

5. Новиков И. С. Антиалкогольная кампания в СССР в 1985–1988 гг.: неусвоенные сталинские уроки // Исторический вестник. – 2025. – Т. 8, № 3. – С. 120–126.

THE ANTI-ALCOHOL CAMPAIGN AS AN ELEMENT OF USSR SOCIAL POLICY DURING PERESTROIKA

L.I. Volchenko

Don State technical university
Rostov-on-Don, Russia

The article examines the anti-alcohol campaign of 1985–1988 as an aspect of Soviet social policy during the Perestroika era. It analyzes the campaign's objectives and instruments, as well as its impact on alcohol consumption, mortality rates, labor discipline, and the population's daily practices. The study highlights the contradiction between the short-term social benefits achieved and the campaign's restrictive, administrative implementation–an approach that fostered the growth of informal alcohol production and undermined the sustainability of the results.

Keywords: anti-alcohol campaign, Perestroika, social policy, USSR, public health, labor discipline, home distilling.

УДК 94(4):339.5

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КАРТУ ЕВРОПЫ

Л.И. Волченко

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье проведен сравнительный анализ политического и экономического положения Европы до начала Великих географических открытий и после формирования устойчивых океанских связей. Рассмотрены изменение торговых направлений, перераспределение роли европейских государств, расширение рынков, денежные последствия притока драгоценных металлов и усиление борьбы за колонии. Показано, что открытия не создали новую экономическую систему одномоментно, а ускорили уже существовавшие процессы и изменили пространственную организацию европейского хозяйства.

Ключевые слова: Великие географические открытия, Европа, мировая торговля, Атлантика, колониальная экспансия, революция цен, экономические центры.

К концу XV века Европа представляла собой систему региональных экономик, связанных торговлей, но не объединенных единым рынком. Важнейшие направления обмена проходили через Средиземноморье, Балтику и Северное

море. Восточные товары поступали в Европу через сложную цепочку посредников, а крупнейшие выгоды от транзита получали итальянские города и торговые центры северной Европы. Такое положение дел делало европейскую торговлю зависимой от традиционных сухопутных и средиземноморских маршрутов и ограничивало прямой доступ к товарам Азии.

Политическая карта Европы накануне открытий также отличалась высокой раздробленностью. Усиливались крупные монархии, однако их возможности в международной торговле оставались неодинаковыми. Экономическое значение государства определялось не только размером территории, но и доступом к морю, состоянием портов, уровнем развития финансов и способностью обеспечивать безопасность торговых маршрутов. Поэтому прибрежные государства Атлантики получили преимущества в тот момент, когда мореплавание стало технически пригодным для дальних экспедиций.

Открытие морского пути вокруг Африки и освоение маршрутов через Атлантику постепенно изменили прежнюю систему. Европа получила прямой доступ к рынкам Индийского океана и к ресурсам Америки. На первом этапе особенно заметно выросло значение Португалии и Испании. Их положение было связано с контролем морских путей, колониальных владений и потоков драгоценных металлов. Тем самым впервые важным фактором европейской силы стала не только территория внутри континента, но и наличие заморских владений.

В XVI-XVII веках лидерство в океанской торговле перестало быть исключительно пиренейским. В борьбу за морские коммуникации, рынки и колонии активно включились Нидерланды, Англия и Франция. Экономическое соперничество приобретало политическое и военное измерение: возрастала роль флота, портовой инфраструктуры, торговых компаний и государственного регулирования внешней торговли. Международные конфликты все чаще были связаны не только с европейскими границами, но и с контролем океанских путей и колониальных территорий.

Наиболее заметным экономическим результатом стало изменение географии торговли. Если до конца XV века Средиземноморье занимало центральное место в обмене с Востоком, то в последующие столетия значение Атлантики существенно возросло. Вместе с этим усиливались Лиссабон, Севилья, Антверпен, Амстердам и Лондон. Однако говорить о мгновенном упадке старых центров было бы неверно: средиземноморская торговля сохраняла значительный объем, а изменение экономической карты растянулось на несколько поколений.

Еще одним важным следствием стал приток серебра и золота из Америки. Рост денежной массы сопровождался длительным повышением цен. Это явление воздействовало на европейские страны неодинаково: получатели фиксированных доходов теряли часть покупательной способности, тогда как торгово-предпринимательские слои получали новые возможности для накопления капитала. Таким образом, открытия повлияли не только на международную торговлю, но и на внутреннюю социально-экономическую структуру европейских обществ.

Колониальная экспансия расширила ассортимент товаров и сформировала устойчивые межконтинентальные потоки. В Европу поступали новые сельскохозяйственные культуры, сырье и колониальные товары, а европейские изделия и

капиталы направлялись за пределы континента. Постепенно возникала система хозяйственных связей, в которой европейские рынки все сильнее зависели от событий и ресурсов других частей мира. Это стало одним из оснований формирования мирового рынка раннего Нового времени.

Таблица 1 – Сравнение положения Европы до и после Великих географических открытий

Параметр	До конца XV века	XVI-XVII века
Торговые направления	Средиземноморье, Балтика, сухопутные пути	Рост роли Атлантики и океанских маршрутов
Ведущие центры	Венеция, Генуя, города Ганзы	Лиссабон, Севилья, Антверпен, Амстердам, Лондон
Источник внешней силы	Региональная и посредническая торговля	Колонии, флот, торговые компании, морские пути
Политическое соперничество	Династические и территориальные конфликты	Борьба также за колонии, рынки и морские коммуникации
Масштаб рынка	Преимущественно европейские и средиземноморские связи	Устойчивые межконтинентальные связи

Сравнение показывает, что Великие географические открытия изменили не сам факт международной торговли, существовавшей задолго до конца XV века, а ее масштаб и пространственную организацию. Центр экономической активности постепенно смещался к Атлантике, а доступ к океанским коммуникациям становился самостоятельным источником политического влияния. При этом выгоды распределялись неравномерно: раннее получение колоний не гарантировало долговременного экономического лидерства, если внутренние институты и торговая инфраструктура использовали новые ресурсы неэффективно.

Таким образом, период Великих географических открытий следует рассматривать как этап перестройки европейской системы, а не как единичный переломный момент. До открытий Европа была ориентирована главным образом на региональные и средиземноморские связи; после них хозяйственные и политические интересы европейских государств распространились далеко за пределы континента. Усиление Атлантики, развитие колониального соперничества, рост денежного обращения и расширение рынков изменили соотношение сил между государствами. Именно сочетание уже существовавших торговых институтов с новыми океанскими возможностями создало условия для дальнейшего экономического подъема западноевропейских стран.

Список использованных источников

1. Великие географические открытия // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bigenc.ru/c/velikie-geograficheskie-otkrytiia-b7af60 (дата обращения: 29.09.2026).

2. Rapp R. T. The Unmaking of the Mediterranean Trade Hegemony: International Trade Rivalry and the Commercial Revolution // The Journal of Economic History. 1975. Vol. 35, No. 3. P. 499-525.

3. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth // American Economic Review. 2005. Vol. 95, No. 3. P. 546-579.

4. Nunn N., Qian N. The Columbian Exchange: A History of Disease, Food, and Ideas // Journal of Economic Perspectives. 2010. Vol. 24, No. 2. P. 163-188.

5. Allen R. C. The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War // Explorations in Economic History. 2001. Vol. 38, No. 4. P. 411-447.

THE IMPACT OF THE GREAT GEOGRAPHICAL DISCOVERIES ON THE POLITICAL AND ECONOMIC MAP OF EUROPE

L.I. Volchenko

Don State technical university,
Rostov-on-Don, Russia

The article presents a comparative analysis of the political and economic situation in Europe prior to the Age of Discovery and following the establishment of stable oceanic connections. It examines shifts in trade and currency markets, the redistribution of roles among European states, market expansion, the positive consequences of the influx of precious metals, and the intensifying struggle for colonies. The study demonstrates that the emergence of this new economic system did not occur instantaneously; rather, it accelerated pre-existing processes and transformed the spatial organization of European society.

Keywords: Age of Discovery, Europe, global trade, Atlantic, colonial expansion, price revolution, economic centers.

УДК 327:323.28

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ ТЕРАКТА 11 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Л.И. Волченко

Донской Государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье исследуется изменение международной антитеррористической политики после 11 сентября 2001 г. На основе сопоставления международных документов выявлены усиление обязательного межгосударственного сотрудничества, развитие финансовой профилактики и расширение военного реагирования. Показано, что создание постоянных механизмов противодействия

терроризму сопровождалось противоречиями между требованиями безопасности, государственным суверенитетом и защитой прав человека.

Ключевые слова: 11 сентября 2001 года, международный терроризм, ООН, безопасность, международное сотрудничество, права человека.

Террористические атаки 11 сентября 2001 г. изменили место терроризма в международной повестке. Цель исследования – определить, какие изменения международной политики стали устойчивыми и почему расширение сотрудничества не устранило противоречий в выборе средств борьбы. Сравнительно-исторический анализ документов 1999–2008 гг. позволяет проследить переход от первоначальной чрезвычайной реакции к закреплению постоянных институтов.

Международное противодействие терроризму существовало и до сентября 2001 г. В частности, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма была принята 9 декабря 1999 г. [1]. События 11 сентября ускорили развитие уже существовавших инструментов, изменив их политический приоритет и способы распространения обязательств.

Первое направление изменений было связано с деятельностью Совета Безопасности ООН. Резолюция 1368 от 12 сентября 2001 г. осудила нападения и подтвердила неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону [2]. Террористическая угроза получила выраженное военно-политическое измерение. Однако признание права на самооборону не означало неограниченного разрешения применять силу против любого государства, обвиняемого в поддержке терроризма. Именно соотношение самообороны, ответственности государств и ограничений применения силы стало предметом научной дискуссии [8].

Более глубокое институциональное значение имела резолюция 1373 от 28 сентября 2001 г., принятая на основании главы VII Устава ООН. Она обязала государства пресекать финансирование терроризма, криминализировать предоставление соответствующих средств, замораживать активы причастных лиц и предотвращать поддержку террористической деятельности. Для наблюдения за выполнением решения был создан Контртеррористический комитет; государствам предлагалось представить первоначальные доклады в течение 90 дней [3]. Тем самым реагирование на конкретные нападения было преобразовано в систему общих требований.

В отличие от присоединения к договору, исполнение решения Совета Безопасности не требовало отдельного согласия каждого государства – члена ООН. Это ускоряло согласование мер. Однако принятие закона не гарантировало наличия специалистов и работающего обмена информацией, без которых международные обязательства оставались формальными.

Вторым направлением стало развитие финансового предупреждения терроризма. В октябре 2001 г. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) выпустила восемь специальных рекомендаций по противодействию финансированию терроризма [4]. В сочетании с требованиями ООН это усилило внимание к ресурсам, обеспечивающим подготовку преступлений.

Политика безопасности стала охватывать деятельность финансовых посредников и контроль операций, выходя за пределы работы полиции и специальных служб.

Финансовый подход позволял воздействовать на подготовительную инфраструктуру до совершения нападения. Однако наличие стандартов ещё не доказывает сокращения угрозы: результат зависит от точности информации и взаимодействия юрисдикций. Поэтому эффективность профилактики следует оценивать вместе с возможностью исправлять ошибочные ограничения законной деятельности.

Третье направление проявилось в изменении роли военно-политических союзов. После нападений НАТО впервые обратилась к статье 5 Североатлантического договора. Решение 12 сентября было связано с условием внешнего происхождения атаки; 2 октября 2001 г. союз подтвердил применимость статьи после ознакомления с результатами расследования. Последующие меры включали усиление обмена разведывательной информацией и поддержку охраны воздушного пространства США [5]. Негосударственная террористическая сеть оказалась угрозой, способной привести в действие механизм коллективной обороны.

Военное реагирование создавало проблему определения результата. Разрушение инфраструктуры организации не тождественно устранению условий воспроизводства терроризма. Кроме того, осуждение нападения не означает согласия государств относительно целей и продолжительности вмешательства. Международная солидарность не отменяет необходимости обосновывать каждое применение силы.

Постепенное расширение понимания безопасности отразилось в Глобальной контртеррористической стратегии ООН, принятой 8 сентября 2006 г. Она объединила устранение условий, способствующих распространению терроризма, его предупреждение и пресечение, укрепление потенциала государств, обеспечение прав человека и верховенства права [6]. Сопоставление стратегии с решениями сентября 2001 г. выявляет изменение акцентов: к срочному ограничению возможностей террористических организаций добавилась задача поддерживать устойчивые общественные и правовые условия безопасности.

Особое значение приобрело противоречие между расширением полномочий государства и защитой личности. Материалы Управления Верховного комиссара ООН по правам человека рассматривают риски произвольного задержания, пыток и нарушения гарантий справедливого разбирательства в контексте антитеррористических мер [7]. Эти проблемы нельзя считать только побочным юридическим вопросом. Злоупотребления способны подрывать доверие к государственным институтам, от которого зависит готовность населения сотрудничать с ними. В такой ситуации способы обеспечения безопасности могут ослаблять условия её долгосрочного поддержания.

События 11 сентября 2001 г. ускорили переход к более обязательной и превентивной модели международной антитеррористической политики. Наиболее значимыми изменениями стали усиление координирующей роли ООН, развитие финансовых механизмов и включение терроризма в практику коллективной

обороны. Одновременно выявились пределы чрезвычайного и преимущественно силового реагирования. Устойчивое противодействие угрозе требует сочетать оперативные меры с правовыми гарантиями и укреплением институтов.

Список использованных источников

1. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма: принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г. – URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/54/109 (дата обращения: 10.10.2026).

2. Резолюция 1368 (2001): принята Советом Безопасности ООН 12 сентября 2001 г. – URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/1368(2001) (дата обращения: 10.10.2026).

3. Резолюция 1373 (2001): принята Советом Безопасности ООН 28 сентября 2001 г. – URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/1373(2001) (дата обращения: 10.10.2026).

4. History of the FATF // FATF. – URL: https://www.fatf-gafi.org/en/the-fatf/history-of-the-fatf.html (дата обращения: 10.10.2026).

5. Collective defence and Article 5 // NATO. – URL: https://www.nato.int/en/what-we-do/introduction-to-nato/collective-defence-and-article-5 (дата обращения: 10.10.2026).

6. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединённых Наций: резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 сентября 2006 г. – URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/60/288 (дата обращения: 10.10.2026).

7. Human Rights, Terrorism and Counter-terrorism / Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. – Geneva: United Nations, 2008. – (Fact Sheet; No. 32). – URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/Factsheet32EN.pdf (дата обращения: 10.10.2026).

8. Byers M. Terrorism, the Use of Force and International Law After 11 September // International and Comparative Law Quarterly. – 2002. – Vol. 51, no. 2. – P. 401–414. – DOI: 10.1093/iclq/51.2.401.

THE IMPACT OF THE SEPTEMBER 11 ATTACKS ON INTERNATIONAL COUNTER-TERRORISM POLICY

L.I. Volchenko

Don State technical university,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines changes in international counter-terrorism policy after September 11, 2001. A comparison of international documents reveals stronger cooperation obligations, financial prevention mechanisms and an expanded military response. The analysis identifies tensions between security measures, state sovereignty and human rights.

Keywords: September 11, international terrorism, United Nations, security, international cooperation, human rights.

УДК 94(47).084.1

ДВОЕВЛАСТИЕ В РОССИИ В 1917 ГОДУ

Л.И. Волченко

Донской Государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье исследуется двоевластие, возникшее после Февральской революции 1917 года. Оно рассматривается как конкуренция двух источников политической легитимности: формально-государственной власти Временного правительства и общественно-революционного влияния Советов. Показано, что взаимодействие этих центров первоначально строилось на компромиссе, но нерешённость вопросов войны, земли и государственного управления постепенно разрушала такую модель. Сделан вывод о том, что двоевластие стало проявлением общего кризиса институтов переходного периода.

Ключевые слова: Февральская революция, двоевластие, Временное правительство, Петроградский Совет, Советы, политический кризис, 1917 год.

Февральская революция уничтожила прежний механизм верховной власти, но сразу не создала единого центра управления. В начале марта 1917 года одновременно оформились Временное правительство и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Первое претендовало на общегосударственную власть до созыва Учредительного собрания, второе опиралось на непосредственное представительство рабочих и солдат. Поэтому возникшая система была противоречивой: юридические полномочия находились у правительства, а значительная часть реального политического влияния – у Совета.

Декларация Временного правительства от 3 марта закрепляла программу демократических преобразований: политическую амнистию, свободу слова и собраний, отмену сословных и религиозных ограничений, подготовку выборов в Учредительное собрание [1]. Эти решения расширяли общественную поддержку новой власти, однако сами по себе не обеспечивали ей полного контроля над армией и улицей. Приказ № 1 Петроградского Совета от 1 марта предусматривал выборные солдатские комитеты и устанавливал особый порядок исполнения распоряжений в воинских частях [2]. Его значение выходило за пределы столицы: он показывал, что армейская дисциплина и политическая лояльность теперь зависели не только от официального командования.

Таким образом, двоевластие нельзя понимать буквально как существование двух равных правительств. Временное правительство имело министерства, административный аппарат и международное признание. Совет не обладал аналогичным юридическим статусом, но мог влиять на солдат, рабочих и местные Советы. Один центр располагал формальными полномочиями, другой – значительным мобилизационным ресурсом. Именно несовпадение юридической компетенции и фактической поддержки составляло основное содержание двоевластия [3].

В марте 1917 года между правительством и Советом существовало не только соперничество, но и сотрудничество. Руководство Совета не стремилось немедленно брать всю власть и поддерживало демократические преобразования правительства. Однако компромисс был нестабилен. Кабинет стремился сохранить самостоятельность, а Совет зависел от настроений рабочих и солдат, ожидавших быстрых решений по вопросам войны, снабжения, условий труда и земли. Чем медленнее менялась повседневная жизнь, тем сильнее становилось недоверие к существующей конструкции.

Особенно острым оказался вопрос о войне. Правительство исходило из необходимости соблюдать союзнические обязательства и продолжать участие России в мировой войне. Значительная часть Советов поддерживала оборону страны, одновременно требуя мира без аннексий и контрибуций. Для миллионов солдат и их семей продолжение войны означало новые потери и сохранение хозяйственного кризиса. Поэтому расхождения во внешней политике быстро превращались в кризис доверия. Апрельские выступления 1917 года привели к отставке ряда министров и созданию первого коалиционного правительства, куда вошли представители социалистических партий [4].

Коалиция уменьшила внешнюю дистанцию между двумя центрами, но не устранила причины конфликта. Земельный вопрос откладывался до Учредительного собрания, тогда как в деревне росли ожидания немедленного перераспределения земли. На предприятиях усиливались фабрично-заводские комитеты и профсоюзы. На местах одновременно действовали комиссары Временного правительства, Советы, земства, городские думы и общественные комитеты. Поэтому общероссийская модель двоевластия нередко превращалась в реальную множественность власти, при которой полномочия разных учреждений пересекались, а единая административная вертикаль оставалась слабой [5].

К лету 1917 года компромиссная модель стала быстро разрушаться. Экономические трудности, усталость от войны и политическая радикализация усиливали давление на оба центра. Июльские события в Петрограде стали переломным моментом: вооружённые демонстрации и правительственный кризис изменили соотношение сил, а Временное правительство попыталось действовать более самостоятельно. Поэтому начало июля часто рассматривают как конец двоевластия в его классической форме. Вместе с тем устойчивое единовластие так и не возникло: государственный аппарат сохранялся, но его возможности проводить решения без поддержки общественных и военных организаций оставались ограниченными [3; 6].

Последующие события подтвердили, что проблема была глубже спора между двумя учреждениями. Корниловское выступление вновь обнаружило зависимость центральной власти от партий, Советов и вооружённых формирований. Одновременно оно способствовало росту влияния более радикальных политических сил. К осени вопрос заключался уже не только в распределении полномочий, но и в выборе самой модели будущей власти. Переходный порядок, сложившийся после Февраля, не смог выработать общепризнанные правила разрешения конфликтов.

Историческое значение двоевластия состоит в том, что оно отразило разрыв между формальной государственностью и реальной политической легитимностью. После падения монархии прежний источник власти исчез, а новый должен был быть закреплён Учредительным собранием. В промежутке между этими событиями власть зависела не только от закона, но и от поддержки организованных социальных групп. Советы заполняли вакуум политического представительства, однако одновременно становились самостоятельными участниками борьбы за влияние.

Проведённый анализ позволяет рассматривать двоевластие как особый режим переходной власти, а не как простое разделение страны между двумя органами. Временное правительство сохраняло официальный статус, но не обладало полной политической автономией. Советы не были общенациональным правительством, однако имели возможность ограничивать практическое исполнение решений. Такая система могла существовать, пока сохранялся компромисс между её участниками. По мере углубления военного, социального и экономического кризиса пространство для компромисса сокращалось, а конкуренция легитимностей усиливалась. В этом смысле двоевластие стало одним из ключевых механизмов политической нестабильности между Февральской и Октябрьской революциями 1917 года.

Список использованных источников

1. Декларация Временного правительства о его составе и задачах. 3 марта 1917 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/80401-deklaratsiya-vremennogo-pravitelstva-o-ego-sostave-i-zadachah-3-marta-1917-g (дата обращения: 12.08.2026).

2. Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по гарнизону Петроградского военного округа. 1 марта 1917 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/80176 (дата обращения: 12.08.2026).

3. «Двоевластие» в России в 1917 году: новые подходы и взгляды // Научный вестник МГТУ ГА. – 2007. – № 113. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dvoevlastie-v-rossii-v-1917-godu-novye-podhody-i-vzglyady (дата обращения: 12.08.2026).

4. Война и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в феврале–марте 1917 г. // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voyna-i-petrogradskiy-sovet-rabochih-i-soldatskih-deputatov-v-fevrale-marte-1917-g (дата обращения: 12.08.2026).

5. Временное правительство России в марте 1917 года: источники формирования и проблема полновластия // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vremennoe-pravitelstvo-rossii-v-marte-1917-goda-istochniki-formirovaniya-i-problema-polnovlastiya (дата обращения: 12.08.2026).

6. К вопросу о порядке формирования центральной власти в 1917 году // Научный вестник МГТУ ГА. – 2009. – № 142. – URL: https://cyberleninka.ru

/article/n/k-voprosu-o-poryadke-formirovaniya-tsentralnoy-vlasti-v-1917-godu (дата обращения: 12.08.2026).

DUAL POWER IN RUSSIA IN 1917

L.I. Volchenko

Don State technical university,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines dual power in Russia after the February Revolution of 1917 as competition between two sources of political legitimacy: the formal authority of the Provisional Government and the social and mobilizational influence of the Soviets. It shows that their initial cooperation depended on compromise, while unresolved issues of war, land and state administration gradually undermined the system. Dual power is interpreted as a manifestation of the broader institutional crisis of the revolutionary transition.

Keywords: February Revolution, dual power, Provisional Government, Petrograd Soviet, Soviets, political crisis, 1917.

УДК 316.723:316.624

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА РАДИКАЛИЗАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТЫ

Л.И. Волченко

Донской Государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье исследуются условия перехода от субкультурной принадлежности к оправданию насилия. Сопоставляются молодежные сообщества второй половины XX века и цифровые среды XXI века. Выделяются механизмы радикализации, связанные с групповыми нормами, образом врага и приобретением статуса внутри сообщества.

Ключевые слова: молодежь, субкультура, радикализация, групповая идентичность, насилие, цифровая среда, профилактика.

Молодежные субкультуры предоставляют человеку признание и возможность самовыражения, но отдельные сообщества становятся средой оправдания насилия. Почему сходная потребность в принадлежности поддерживает и взаимопомощь, и агрессию? Цель статьи – определить условия этого перехода через сравнительно-исторический анализ опубликованных исследований. Собственное полевое обследование не проводилось.

Субкультурная принадлежность, радикальные убеждения и насильственное действие представляют разные уровни анализа. Первая связана с общими

стилями и практиками, вторые – с требованием глубокого изменения общественного порядка. Насильственная радикализация предполагает принятие допустимости причинения вреда ради определенной цели. Разграничение убеждений и действий позволяет избежать представления о неизбежном движении от необычного внешнего вида к экстремистскому поведению [1]. Для рассматриваемой проблемы значим момент, когда агрессия становится признанным способом защиты группы и подтверждения верности ей.

В послевоенной Великобритании молодежные субкультуры формировались на пересечении классовых различий, музыкальных предпочтений и расширения массового потребления. Моды, рокеры и позднее панки использовали одежду и музыку для обозначения самостоятельной позиции. Символическое нарушение привычных норм могло восприниматься обществом как угроза, хотя само по себе не означало готовности к политическому насилию [2]. Историческое значение этого опыта заключается в расхождении между заметностью культурного протеста и его действительной опасностью. Чем выразительнее стиль, тем легче сделать его объектом общественного осуждения, но тем самым еще не объясняется поведение участников.

Отдельного внимания заслуживает история скинхед-среды. Ее нельзя описывать как политически однородное движение: культурная принадлежность соединялась с различными, в том числе противоположными, установками. Исследование российских скинхедов показывает необходимость учитывать повседневность, дружеские связи и локальные обстоятельства наряду с идеологией [3]. Поэтому радикализацию следует рассматривать не как свойство названия субкультуры, а как изменение конкретного сообщества. Принципиальной границей становится превращение враждебности к определенным людям в обязательную норму групповой солидарности.

В постсоветской России молодежная самоорганизация развивалась в условиях изменения социальных институтов. Однако объяснение радикализации только экономическими трудностями не раскрывает, почему люди со сходным положением выбирают разные формы поведения. Важно учитывать способы получения признания. Если авторитет приобретается через творчество или взаимопомощь, принадлежность поддерживает ненасильственные практики. Если признание связано с унижением чужих, сплочение может обслуживать агрессию.

Российские исследования молодежных солидарностей предлагают учитывать ценностные границы и повседневные практики, которые не всегда совпадают с привычными субкультурными названиями [4]. Это позволяет увидеть ограничения классификации только по музыкальному жанру или одежде. Один человек способен участвовать в нескольких кругах общения, а внешне похожие группы могут по-разному относиться к насилию. Для исторического сравнения важнее установить, как определяется принадлежность к своим и допускает ли сообщество несогласие, чем составить неизменный перечень опасных субкультур.

Сопоставление исследований позволяет предложить трехзвенную аналитическую схему радикализации. Первое звено – переживание непризнанности, которое делает групповую поддержку особенно значимой. Второе – объяснение

личных и коллективных трудностей через образ виновного врага. Третье – закрепление нормы, по которой агрессивное действие подтверждает полноценную принадлежность. Это не универсальная последовательность и не диагностическая шкала: звенья могут сочетаться по-разному, а процесс способен прерываться. Схема показывает, что потребность в общении становится опасной при ее соединении с оправданием причинения вреда.

В XXI веке цифровая коммуникация изменила пространственные границы молодежных объединений. Общение может продолжаться независимо от места проживания и личных встреч. Обзор исследований ЮНЕСКО показывает, что интернет способен облегчать распространение экстремистских материалов и установление связей, однако его самостоятельная причинная роль в переходе к насилию не доказана [5]. Поэтому просмотр агрессивного контента и участие в насильственной деятельности нельзя считать равнозначными событиями. Значение имеет сочетание цифрового воздействия с отношениями, конфликтами и потребностями человека вне сети.

Историческая преемственность проявляется в сохранении потребности в признании и разделения на своих и чужих. Меняется способ поддержания сообщества: постоянные встречи дополняются сетевыми контактами, публичные символы – изменчивыми цифровыми образами. Оценка риска по фиксированному списку внешних атрибутов поэтому может пропускать реальные угрозы и стигматизировать ненасильственные группы. Важнее анализировать повторяющееся оправдание нападений, травлю и давление на несогласных.

Профилактика должна учитывать двойственную роль сообщества. Оно способно усиливать давление, но также предоставляет поддержку и опыт сотрудничества. Исследования молодежных культурных сцен российских городов показывают разнообразие практик и форм взаимодействия, которое не сводится к конфликту с обществом [6]. Практический вывод состоит в необходимости сохранять доступные пространства самостоятельной деятельности молодежи и возможность обсуждать разногласия. Работа с конкретными угрозами должна сочетаться с поддержкой участников, желающих дистанцироваться от агрессивного окружения, не лишаясь всех социальных связей.

Историческое сопоставление позволяет заключить, что связь субкультур и радикализации носит условный характер. Опасность возникает при соединении групповой зависимости, устойчивого образа врага и признания насилия способом достижения статуса. Цифровая среда расширяет возможности коммуникации, но не отменяет этих социальных механизмов. Основой профилактики должно стать различение культурного своеобразия и практик причинения вреда. Такой подход позволяет сосредоточить внимание на изменении групповых норм, сохраняя возможности ненасильственного самоопределения молодежи.

Список использованных источников

1. McCauley C., Moskalenko S. Understanding political radicalization: The two-pyramids model // American Psychologist. – 2017. – Vol. 72, no. 3. – P. 205–216. – DOI: 10.1037/amp0000062.

2. Hebdige D. Subculture: The Meaning of Style. – London: Methuen, 1979. – 195 p.

3. Pilkington H., Garifzianova A., Omel'chenko E. Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives. – London; New York: Routledge, 2010.

4. Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. – 2013. – № 10. – С. 52–61.

5. Alava S., Frau-Meigs D., Hassan G. Youth and Violent Extremism on Social Media: Mapping the Research. – Paris: UNESCO, 2017. – 167 p. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000260382 (дата обращения: 14.10.2026).

6. Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности: коллективная монография / сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 502 с.

YOUTH SUBCULTURES AND RADICALIZATION: HISTORICAL AND CONTEMPORARY PERSPECTIVES

L.I. Volchenko

Don State technical university,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines how subcultural belonging becomes associated with the justification of violence. Historical comparison identifies group dependence, enemy images and the acceptance of aggression as interconnected mechanisms. Prevention should focus on harmful practices while preserving opportunities for nonviolent self-expression.

Keywords: youth, subculture, radicalization, group identity, violence, digital environment, prevention.

УДК 94(44)087

ПОКУШЕНИЯ НА ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ Ш. ДЕ ГОЛЛЯ

А.Н. Гребенкин

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
г. Орел, Россия

В статье рассмотрены основные покушения на президента Франции Ш. де Голля, совершенные в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Автор приходит к выводу о том, что их совершение стало возможным ввиду отсутствия во Франции опыта противодействия политическим террористам и личному негативному отношению генерала де Голля к вопросам, связанным с обеспечением его безопасности.

Ключевые слова: государственная охрана, Франция, Шарль де Голль, покушения.

Лидер послевоенной Франции генерал Шарль де Голль никогда не уделял серьезного внимания своей охране. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. на него был совершен ряд покушений – по разным оценкам, от 30 до 32. Причиной большинства покушений являлась антиколониальная политика де Голля, предусматривавшая, в частности, предоставление независимости Алжиру. Французские «ультра», напротив, настаивали на том, чтобы Алжир оставался колонией. Их поддерживали армейские круги. Во Франции возникло несколько правоэкстремистских организаций – «Старый штаб армии» и «Секретная вооруженная организация» (ОАС). В мае 1962 г. в Риме был образован «Национальный совет сопротивления» (НСС). Остатки разгромленной в середине того же года ОАС образовали военный отдел НСС.

4 июня 1958 г. Ш. де Голль прибыл в г. Алжир и выступал там с речью с балкона здания генерал-губернаторства. Член одной из националистических группировок, выполняя приказ своего руководства, занял позицию в доме напротив и взял президента на прицел снайперской винтовки. Он отказался от своего намерения лишь потому, что де Голль в своей речи заявил о готовности прислушаться к мнению сторонников сохранения Алжира в составе французской колониальной империи.

Осенью того же года члены правоэкстремистской организации «Молодая нация» собирались заколоть президента кинжалом во время его следования из городской префектуры Марселя в мэрию, предварительно устроив панику среди публики при помощи петард и дымовых шашек. Планы заговорщиков сорвал ливень, который привел всю пиротехнику в негодность.

В январе 1960 г. в Алжире был организован фашистский путч – так называемая «неделя баррикад». За ним последовала новая волна терактов.

В 1960 г. дезертировавший из армии унтер-офицер А. Орсони разработал план захвата официальной резиденции Ш. де Голля –Елисейского дворца. Ему удалось завербовать более 200 человек из числа бывших военнослужащих. При помощи майора д’Ара, начальника арсенала, заговорщики должны были получить обмундирование и оружие. Дворец охраняли всего 10 жандармов, поэтому участники операции рассчитывали на быстрый успех. Однако д’Ар погиб в авиакатастрофе, а обмундирование и оружие были вывезены со склада и не достались А. Орсони и его людям.

9 октября 1960 г. мотоциклист президентского эскорта Жеронимо собирался расстрелять президента во время его очередного визита Алжир. Де Голль неожиданно для всех вышел к враждебно настроенной толпе, выкрикивавшей националистические лозунги и призывавшей его уйти в отставку. Охрана сдерживала натиск бесновавшейся публики, и в какой-то момент де Голль оказался совсем рядом с Жеронимо, распахнувшим перед ним дверь автомобиля.

Заговорщик был готов выстрелить в президента из пистолета, однако, не получив сигнала уничтожить де Голля, не стал открывать огонь.

В декабре того же года благодаря своевременному сигналу, полученному от израильской разведки, было предотвращено еще одно покушение. Заговорщики были арестованы.

В апреле 1961 г. сторонники ОАС предприняли попытку организовать путч в Алжире. Мятеж был подавлен, несколько его руководителей – арестованы. В отместку ОАС совершила большое количество терактов в отношении тех, кто поддерживал де Голля, и стала готовить покушение на него самого.

8 сентября 1961 г. руководитель «группы ликвидации» «Старого штаба армии» подполковник Ж. Бастьен-Тьери предпринял попытку взрыва автомобиля президента с помощью бомбы, заложенной на пути следования кортежа. Руководителем операции был А. Манури. Небронированный «Ситроен-DS19» де Голля выехал из Елисейского дворца в принадлежавшее главе государства имение Коломбе. Генерал и его супруга Ивонн находились на заднем сиденье машины, а впереди рядом с шофером сидел адъютант подполковник Тессер. Сзади следовал автомобиль охраны (начальник – комиссар Ж. Дюкре [1, с. 48) и еще три машины. Когда кортеж проезжал через парижский пригород Пон-сюр-Сен со скоростью около 110 км/ч, Д. де ля Прадом было приведено в действие взрывное устройство, находившееся в куче песка на обочине дороги. «Ситроен» де Голля огненным смерчем отбросило влево, однако личный шофер президента унтер-офицер Ф. Марру не потерял управление и дал полный газ, чтобы уйти от возможного обстрела. Лидер Франции не пострадал. Он вместе с женой пересел в другой автомобиль и продолжил поездку. Впоследствии, при осмотре места происшествия, было обнаружено, что взорвалась только 20-литровая канистра с самодельным напалмом, изготовленным из нефти, бензина и мыльных хлопьев, а 40 кг пластичных взрывчатых веществ, смешанных с нитроцеллюлозой, и бутылка с пропаном остались нетронутыми. Следствие пришло к выводу, что заложенная бомба подмокла и сработала лишь частично (сдетонировало только 4 кг взрывчатки из 40). Существует альтернативная версия: заговорщик А. Бельвизи, у которого хранилась бомба, незадолго до теракта попал в психиатрическую больницу, где рассказал лечившемуся там отставному офицеру контрразведки Мертцу о готовившемся заговоре. Мертц сумел сообщить эти сведения своим бывшим коллегам, которые обезвредили бомбу, поместив детонатор в стальную капсулу. Взрыв же произошел потому, что напалм и пропан были принесены на место взрыва незадолго до покушения входившим в состав группы террористов Ж.-М. Рувьером, который при помощи стены огня намеревался отрезать машину де Голля от автомобилей сопровождения.

Ряд лиц, причастных к организации теракта, был задержан, однако Бастьен-Тьери остался на свободе. Поэтому покушения продолжились. Попытка застрелить де Голля из окна автомобиля в момент обгона президентским кортежем машины террористов, двигавшейся со скоростью потока, не увенчалась

успехом. Сначала кортеж неожиданно свернул на набережную, и участникам заговора пришлось его догонять. Когда их микроавтобус «Рено-Эстафет» поравнялся с «Ситроеном» де Голля и террорист уже готовился выстрелить, между автомобилями заговорщиков и президента неожиданно вклинилась малолитражка.

В мае 1962 г. был едва не приведен в действие план ОАС расстрелять президента прямо на лестнице Елисейского дворца из снайперской винтовки. М. Лижье должен был стрелять из окна студии пожилого художника, откуда хорошо просматривалась площадь перед Елисейским дворцом. Хозяина комнаты террористы собирались связать и затолкать в стенной шкаф. Еще один заговорщик, вооруженный базукой, намеревался открыть огонь с чердака отеля «Бристоль». Во главе террористов стоял участник ОАС Л. Бертолини. Однако 18 мая, в день, на который было намечено покушение, все заговорщики были арестованы полицией.

Наиболее впечатляющее покушение произошло 22 августа 1962 г. Бастьен-Тьери готовился к нему очень долго, было потрачено порядка 5 млн франков. Есть версия о том, что отвечавший за безопасность Ш. де Голля комиссар Ж. Кантелоб снабжал Бастьена-Тьери всеми необходимыми ему сведениями. Ее противники утверждают, что Бастьен-Тьери, говоря о наличии у него сообщников среди руководителей охраны, надеялся расколоть ближайшее окружение де Голля, а всю информацию он получал от своих людей, следивших за Елисейским дворцом и своевременно сообщавших о всех выездах генерала.

Операция получила кодовое название «Шарлотта Корде» в честь террористки, убившей кинжалом известного якобинца Марата. Кроме «Старого штаба армии», в подготовке теракта принимали участие члены ОАС, французские дезертиры и венгры, покинувшие свою страну после подавления антисоветского восстания 1956 г. Сначала заговорщики планировали расстрелять автомобиль де Голля на въезде в Париж, но опоздали. После этого они подкараулили главу государства на пути на базу ВВС «Виллакоблэ», откуда он вместе с супругой должен был лететь на вертолете в Сен-Дизье, а затем проследовать в имение де Голля Коломбе. На использовании вертолета настаивал министр внутренних дел Р. Фрей. Кортеж состоял из двух автомобилей «Ситроен-DS19» и двух мотоциклов компании республиканской безопасности № 1. Де Голлю не нравился мотоциклетный эскорт, и обычно он старался обходиться без него [2, с. 9]. В первой машине рядом с шофером Марру сидел зять де Голля полковник А. де Буассье. Сам генерал и его жена, как обычно, расположились на заднем сиденье. Во втором «Ситроене» были два чина полиции (бригадир Р. Касселён, сидевший за рулем, и комиссар А. Пуиссан), телохранитель де Голля А. Джудер и военный врач Ж.-Д. Дего.

Когда кортеж следовал через парижский пригород Пти-Кламар, он попал в засаду. Пять боевиков с автоматами находились в микроавтобусе «Рено-Эстафет», три – в легковом автомобиле «Ситроен-DS19», еще три – в универсале

«Пежо-403». Стрельбу предполагалось начать по сигналу Бастьен-Тьери, который, увидев приближение черных «Ситроенов», должен был подать знак сообщникам, махнув из окна своей машины свернутой в трубку газетой. Однако в сумерках сигнал не был замечен, и огонь из автоматов был открыт боевиками уже вслед промчавшимся мимо них автомобилям и мотоциклам. Марру, превосходный водитель, на огромной скорости отклонялся то влево, то вправо, не позволяя террористам прицелиться. Автомобиль де Голля, в который из почти 200 пуль, выпущенных боевиками, попало лишь 14, тем не менее получил серьезные повреждения. Было разбито заднее стекло, пробиты две передние шины. Шесть пуль нашли в салоне. При этом две из них попали в сиденье рядом с главой государства и его супругой. Гидропневматическая подвеска «Ситроена» позволила водителю, подняв кузов, быстро ехать на двух колесах. Ф. Марру выехал из зоны обстрела. Участник заговора А. де ла Токнэ, сидевший за рулем «Ситроена» в ста метрах от места засады, попытался выехать наперерез кортежу, но не сумел его остановить. Его сообщник Ж. Ватен обстрелял машину президента из автомата, пробив кузов. Токнэ бросился в погоню, однако Марру сумел оторваться от машины террористов, которые вскоре свернули в переулок, увидев впереди полицейский патруль. По некоторым данным, попытку тарана предпринял и водитель «Рено-Эстафет» Ж. Буизин.

Президентская чета не пострадала. Примечательно, что де Голль во время обстрела продолжал сидеть прямо, и его высокая фигура была хорошо видна террористам сквозь нетонированные стекла. Полковнику Буассье пришлось кричать генералу, чтобы тот пригнулся.

Член-корреспондент РАН П. П. Черкасов отмечает, что охрана де Голля оказалась не на высоте положения: «Как только началась стрельба, шофер машины сопровождения струсил: затормозил и спрятал голову под сиденье. Телохранители президента тоже не проявили героизма. Вместо того чтобы выскочить из автомобиля и броситься на помощь де Голлю, они, оставив главу государства и членов его семьи наедине с террористами, попрятались кто куда мог» [3, с. 35]. На самом деле, как было отмечено выше, в машине был только один телохранитель А. Джудер, а сведения о том, что он и следовавшие с ним в одном автомобиле офицеры полиции и военный врач вели себя недостойно, во франкоязычной литературе отсутствуют.

Террористы планировали продолжить покушения и успели привезти из Алжира джип «Тойота-Лендровер», в кузове которого была смонтирована ракетная установка. Однако в результате следственных действий личность главы заговорщиков была установлена, большинство его подельников задержала полиция. Сам подполковник Бастьен-Тьери был арестован и в марте следующего года расстрелян по приговору суда.

На свободе остались Ж. Ватен и Ж. Бишон. Они сумели завербовать при помощи преподавателя английского языка в Военной школе мадам Руссуле двух слушателей – капитана Пуанара и младшего лейтенанта То. То вскоре сообщил

о планах заговорщиков Управлению контрразведки, поэтому покушение не состоялось.

15 августа 1964 г. уцелевшие члены ОАС Ж. Сустель и Ж.-Ж. Сюзини попытались совершить теракт во время открытия мемориала на горе Фарон. Руководитель операции был Ж. Бюшья. В вазы с цветами была заблаговременно заложена взрывчатка, однако взрыватель не был установлен из-за того, что охрана не пускала посторонних к месту проведения церемонии. По другим сведениям, исполнители теракта должны были явиться на место покушения под видом влюбленной пары, имея при себе передающее устройство, замаскированное под фотоаппарат. Мужчина должен был «сфотографировать» даму возле мемориала, после чего быстро уйти с ней до того, как произойдет взрыв. Им также якобы не удалось попасть к мемориалу вследствие усиленной охраны. О готовившемся теракте стало известно 13 дней спустя, когда одна из ваз упала и взорвалась. Существует версия, что бывший член ОАС Ф. де Массе, ставший сотрудником французских спецслужб, узнав о заговоре, подкупил исполнителя теракта С. Лемана, и тот не установил в бомбы детонаторы.

Приведенный перечень покушений далеко не полон. П. П. Черкасов писал: «Кто только не пытался убить де Голля! Военные – отставные и действующие, оасовцы, откровенные фашисты, нанятые уголовники, душевнобольные, школьники (!) из семей «черноногих» (переселенцев из Франции. – А. Г.), потерявших все имущество в Алжире… А однажды де Голля попыталась застрелить беременная женщина, некая Николь Гарди, дочь бывшего генерального инспектора Иностранного легиона, одного из руководителей «путча генералов» в апреле 1961 г. Она хотела отомстить за своего любовника, лейтенанта-дезертира Роже Дегельдра, главаря террористической группы ОАС» [3, с. 36].

Последняя неудачная попытка убить де Голля была предпринята 1 июля 1966 г. в Париже.

Примечательно, что многочисленные покушения на «последнего великого француза» крайне слабо повлияли на развитие института государственной охраны. Лишь после покушения в Пти-Кламаре де Голля стали постоянно сопровождать четверо полицейских, за свои физические данные получившие прозвище Гориллы президента. Полноценное охранное подразделение, предназначенное для защиты главы государства от террористов, – «Группа безопасности Президента Республики», в которую вошли 120 жандармов, – было образовано лишь через много лет после отставки и смерти де Голля, в январе 1983 г.

Список использованных источников

1. Кавильоли Ф. Выстрелы в генерала // Вокруг света. – 1972. – № 1. –С. 44–51.

2. Форсайт Ф. День Шакала: Детективные романы. – М.: Центрполиграф, 1993. – 493 с.

3. Черкасов П. П. Охота на президента. Из истории покушений на генерала де Голля // Новая и новейшая история. – 2017. – № 2. – С. 28–39.

ASSASSINATION ATTEMPTS ON THE PRESIDENT OF THE FRENCH REPUBLIC CHARLES DE GAULLE

A.N. Grebenkin

Academy of the Federal Security Guard Service of the Russian Federation, Oryol, Russia

The article examines the main attempts on the life of French President Sh. The assassination attempts on Charles de Gaulle, carried out in the late 1950s and early 1960s. The author concludes that these attacks became possible due to France's lack of experience in countering political terrorists and General de Gaulle's personal negative attitude towards issues related to ensuring his security.

Keywords: state security, France, Charles de Gaulle, assassination attempts.

УДК 347.9

ОСПАРИВАНИЕ ПРЕЮДИЦИАЛЬНЫХ ФАКТОВ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗАКОННОЙ СИЛЫ СУДЕБНОГО АКТА БЕЗ ЕГО ОТМЕНЫ

Д.О. Грязева

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

В статье исследуются процессуальные механизмы оспаривания преюдициальных фактов без отмены первоначального судебного акта. Анализируются пересмотр по новым обстоятельствам, акты Конституционного Суда и межотраслевые коллизии норм как пути преодоления преюдициальной силы. Обосновывается, что преюдиция не является абсолютной и может быть преодолена последующим судебным актом при соблюдении баланса между процессуальными гарантиями и правовой определенностью.

Ключевые слова: преюдициальные факты, преюдициальная сила, пересмотр, законная сила, процессуальные механизмы.

Ключевая функция института преюдиции состоит в обеспечении стабильности судебных актов и правовой определенности, однако реализация этой функции никогда не была абсолютной. Конституционный Суд в Постановлении от 21 декабря 2011 года № 30-П прямо указал, что установление преюдиции требует «поддержания баланса между конституционно защищаемыми ценностями», то

есть между общеобязательностью и согласованностью судебных актов, с одной стороны, и независимостью суда и принципом состязательности – с другой [1].

Специфика такого баланса особенно наглядно проявляется в административном судопроизводстве, правовая природа которого предполагает особое соотношение частных и публичных интересов [2]. Такой баланс «достигается посредством определения пределов преюдициальной силы и порядка ее оспаривания».

Однако действующее законодательство закрепляет базовый принцип: преюдициальный факт может быть опровергнут только путем отмены судебного акта, которым этот факт установлен. Семнадцатый Арбитражный апелляционный суд в постановлении от 25 января 2022 года № 17АП-16370/21 прямо указал, что «преюдициальная сила проистекает из законной силы судебного акта, его неопровержимости и обязательности [2]. Преюдициальные факты могут быть опровергнуты только путем отмены судебных актов, которыми они установлены». Данная позиция имеет универсальный характер в судебной практике, а ее логическим основанием выступает то, что законная сила судебного акта сама по себе означает, что установленные им факты и правоотношения «не подлежат повторному исследованию до тех пор, пока он не отменен в установленном порядке». Иными словами, пока первоначальный судебный акт сохраняет силу, установленные в нем преюдициальные факты в последующем процессе являются неоспоримыми. Как отмечается в литературе, такие факты освобождаются от повторного доказывания в силу закона, что обеспечивает процессуальную экономию [3].

Проблема заключается в том, что такая модель «отмена как предварительное условие» создает в правоприменительной практике структурную дилемму. Конституционный Суд в ряде определений признал, что «даже при наличии принципа преюдиции, для того чтобы в правовой системе не возникало противоречащих друг другу судебных актов, необходимо осуществлять повторное исследование вступивших в законную силу ошибочных судебных актов»[4]. Однако действующая процедура пересмотра ограничена строгими сроками и основаниями, и многие вступившие в законную силу судебные акты, содержащие ошибки, не могут быть отменены в силу процессуальных препятствий. Кроме того, несоблюдение разумных сроков судопроизводства само по себе может стать препятствием для исправления судебной ошибки [5]. Это порождает парадокс: последующий суд, хотя и осознает, что ранее установленный преюдициальный факт с точки зрения правоприменения устарел (например, Верховный Суд изменил соответствующую правовую позицию), вынужден продолжать ссылаться на эти устаревшие фактические установления, поскольку первоначальный судебный акт не был отменен. Особенно остро эта ситуация проявляется в сфере стыковки налоговых административных правонарушений и уголовного процесса: ошибочное установление арбитражным судом правового вопроса используется в качестве преюдициального факта в уголовном деле, а арбитражный судебный акт в силу истечения срока не может быть пересмотрен, что в конечном

счете может привести к невозможности исправления уголовного приговора, основанного на ошибочной правовой оценке.

Итак, существует ли за пределами принципа «отмена как предварительное условие» иной процессуальный путь преодоления преюдициальной силы? Предложенная Конституционным Судом в Постановлении № 30-П рамка заслуживает дальнейшего раскрытия. В этом постановлении указано, что повторное исследование вступившего в законную силу судебного акта «должно соответствовать нормам международного права, которые признают обязательность судебного акта, а также признают необходимость исправления судебных ошибок при появлении новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств». Данная формулировка фактически указывает на две различные логики пересмотра: одна состоит в отмене первоначального судебного акта путем апелляционного или кассационного пересмотра, что влечет за собой и устранение его преюдициальной силы; другая же заключается не в прямой отмене первоначального судебного акта, а в переоценке факта, ранее использовавшегося в качестве преюдициального основания, посредством выявления «новых обстоятельств или вновь открывшихся обстоятельств» [6].

В рамках второй логики законодатель уже предусмотрел некоторые процессуальные инструменты, хотя условия их применения являются строгими. «Новые обстоятельства», предусмотренные статьей 392 Гражданского процессуального кодекса и статьей 311 Арбитражного процессуального кодекса, включают «отмену или признание недействительными закона Российской Федерации или иного нормативного правового акта, послужившего основанием для принятия судебного акта». Это означает, что если норма права, на которой основывался судебный акт, впоследствии была отменена или признана Конституционным Судом неконституционной, то сам этот акт может стать объектом пересмотра. Однако проблема заключается в том, что данное основание для пересмотра применяется к «норме права, послужившей основанием для судебного акта», а не к «норме права, послужившей основанием для преюдициального факта».

Кроме того, коллизии норм между различными видами судопроизводства также могут образовывать скрытый путь преодоления преюдициальной силы. Часть 3 статьи 61 Гражданского процессуального кодекса устанавливает, что вступивший в законную силу судебный акт арбитражного суда не доказывается вновь в гражданском деле. Однако сфера применения этого правила ограничена делами с участием «лиц, участвовавших в том деле». Если состав лиц в последующем деле не полностью совпадает с составом лиц в предшествующем деле, преюдициальная сила не возникает. Это техническое правило предоставляет суду пространство для повторного исследования фактов в ситуации изменения состава участников, даже если первоначальный судебный акт сохраняет силу. Аналогичная логика применима и к субъективным пределам, установленным частью 2 статьи 64 Кодекса административного судопроизводства. Таким образом, сторона может обойти связывающую силу преюдиции, доказав, что субъектный состав последующего дела отличается от предшествующего, хотя этот путь не

является сознательно сконструированным законодателем «механизмом оспаривания», а представляет собой естественное продолжение субъективных пределов преюдициальной силы [7].

Подводя итоги, следует отметить, что преодоление преюдициальной силы без отмены первоначального судебного акта в рамках действующего законодательства действительно возможно, но крайне ограничено. Установленный Конституционным Судом в Постановлении № 30-П принцип «баланса» предоставляет конституционно-правовую легитимность такому преодолению, однако законодатель еще не преобразовал эту легитимность в четкую и операциональную процедуру.

Список использованных источников

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 N 30-П // СПС «Консультант-Плюс».

2. Миташова А. А. О правовой природе административного судопроизводства / А. А. Миташова, И. Н. Иваненко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11-3(74). С. 177-179.

3. Миташова А. А. Особенности доказывания в российском гражданском процессе / А. А. Миташова, А. А. Федотов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-4(62). С. 66-69.

4. Постановление Семнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 25.01.2022 № 17АП-16370/21 по делу № А60-6104/2021 // СПС «Консультант-Плюс».

5. Иваненко И. Н. К вопросу о разумном сроке в административном судопроизводстве / И. Н. Иваненко, А. А. Миташова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2025. Т. 55, № 3. С. 129-134.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 № 193-О-П // СПС «Консультант-Плюс».

7. Бухарова И.В. К вопросу о сущности преюдициальных фактов как условий, ограничивающих деятельность судов в цивилистическом процессе России. Северо-Кавказский юридический вестник. 2024; (2): С. 152-159.

CHALLENGING THE PREJUDICIAL FACTS: PROCEDURAL MECHANISMS FOR OVERCOMING THE LEGAL FORCE OF A JUDICIAL ACT WITHOUT ITS CANCELLATION

D.O. Gryazeva

Kuban State University,
Krasnodar, Russia

The article examines the procedural mechanisms for challenging prejudicial facts without revoking the original judicial act. The review of new circumstances, acts of the Constitutional Court and intersectoral conflicts of norms as ways to overcome prejudice are analyzed. It is proved that prejudice is not absolute and can be overcome

by a subsequent judicial act while maintaining a balance between procedural guarantees and legal certainty.

Keywords: prejudicial facts, prejudicial force, revision, legal force, procedural mechanisms.

УДК 347.9

ПРЕДЕЛЫ ПРЕЮДИЦИИ: ПРОБЛЕМА ТОЖДЕСТВА ФАКТИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ, АРБИТРАЖНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССАХ

Д.О. Грязева

Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

В статье анализируются пределы преюдиции в гражданском, арбитражном и административном процессах, исследуется влияние тождества фактического основания иска на объём преюдициальной силы. Показано, что действующее законодательство не содержит чётких критериев определения «тождества фактического основания», что порождает расхождения в правоприменении. Предлагается использовать критерий «фактически исследованных обстоятельств» в качестве объективного предела преюдиции.

Ключевые слова: преюдиция, фактическое основание, предмет иска, преюдициальная сила, тождество производства.

Институт преюдиции выполняет ключевую функцию обеспечения стабильности судебных актов и правовой определённости, однако реализация этой функции возможна лишь при условии чёткого определения сферы его действия. Статья 61 Гражданского процессуального кодекса, статья 69 Арбитражного процессуального кодекса и статья 64 Кодекса административного судопроизводства соответственно закрепляют правила преюдиции, однако все три кодекса в различной степени страдают неопределённостью в вопросе о том, что следует понимать под «тождеством фактического основания». Конституционный Суд в Постановлении от 21 декабря 2011 года № 30-П указал, что преюдиция служит «стабильности судебных актов и их общеобязательности», направлена на «исключение возможных коллизий между судебными актами» [1]. Однако данная функциональная характеристика не разрешает принципиальный вопрос: если последующий иск отличается от предшествующего по предмету или основанию, сохраняют ли установленные ранее обстоятельства преюдициальное значение? Ответ на этот вопрос зависит от понимания «тождества фактического основания», и именно расхождения в таком понимании порождают различия в правоприменительной практике.

Нормативные формулировки преюдиции в трёх кодексах демонстрируют внешнее сходство при существенных содержательных различиях. Часть 2 статьи

61 ГПК устанавливает, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному гражданскому делу, не доказываются вновь при рассмотрении другого гражданского дела, в котором участвуют те же лица [2]. Часть 2 статьи 69 АПК содержит аналогичное правило, однако часть 3 той же статьи дополнительно закрепляет, что вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по гражданскому делу обязательно для арбитражного суда [3]. Формулировка части 2 статьи 64 КАС является наиболее широкой: обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному гражданскому, административному или арбитражному делу, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого административного дела, в котором участвуют лица, в отношении которых установлены эти обстоятельства, или лица, относящиеся к категории лиц, в отношении которой установлены эти обстоятельства. На первый взгляд различия между этими нормами носят лишь редакционный характер, однако по существу они отражают различное понимание объективных пределов преюдиции. Специальное правило части 3 статьи 69 АПК свидетельствует о более осторожном подходе законодателя к вопросу о межотраслевой преюдиции, тогда как часть 2 статьи 64 КАС занимает более экспансивную позицию.

Наиболее спорным в практике является вопрос о том, по какому критерию следует определять тождество фактического основания иска. Согласно одной позиции, критерием должна служить «тождественность предмета и основания иска», то есть преюдициальное значение обстоятельств сохраняется лишь тогда, когда последующий иск полностью совпадает с предшествующим по требованию и его обоснованию. Согласно другой позиции, критерием должна выступать «тождественность самих фактов», то есть если последующее дело касается тех же обстоятельств, которые были установлены ранее, преюдиция действует независимо от изменения предмета иска. Как отмечается в литературе, объём фактически исследованных обстоятельств во многом определяется активной ролью суда в доказывании [4]. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определении от 24 октября 2023 года № 301-ЭС23-11499 прямо указала, что «преюдициальное значение имеют лишь те обстоятельства, которые были установлены судом исходя из определённого объёма оценки спорных правоотношений», и что «одна лишь оценка конкретного доказательства сама по себе не может служить достаточным основанием для преюдиции»[5]. Данная позиция тяготеет к первому подходу, согласно которому объём преюдиции ограничен пределами рассмотрения предшествующего дела.

Однако проблема этим не исчерпывается [9]. Когда основание последующего иска изменяется, например, при заявлении о различных нарушениях в рамках одного и того же договора либо при требовании различных видов возмещения вреда по одному и тому же деликту, сохраняют ли установленные ранее базовые обстоятельства обязательную силу? Арбитражный суд отметил, что дела «не имеют иных различий в фактических обстоятельствах», а единственное различие состоит в заявленном периоде, в связи с чем преюдиция предшествующего решения распространяется и на последующее дело. Логика данного решения такова: при тождестве базового правоотношения и субъектного состава, даже если

временные рамки требования различаются, установленные ранее обстоятельства сохраняют обязательную силу.

Позиция Конституционного Суда предоставляет более фундаментальный ориентир для разрешения данной проблемы. В ряде определений Конституционный Суд подчёркивал, что преюдиция направлена на «исключение повторного исследования правоотношений и основанных на них фактов, установленных вступившим в законную силу судебным актом» [6]. Данная формулировка переносит объект преюдиции с «предмета иска» на «правоотношения и факты». Иными словами, объективный предел преюдиции определяется не тем, полностью ли совпадает требование последующего иска с предшествующим, а тем, направлено ли последующее разбирательство на повторную проверку «правоотношений и фактов», уже установленных ранее. Если рассмотрение последующего дела неизбежно требует иной оценки базового правоотношения или ключевых обстоятельств, установленных ранее, преюдиция должна действовать.

Такое понимание согласуется с требованиями процессуальной экономии и принципом добросовестности. Недопустимость злоупотребления процессуальными правами, в том числе в условиях цифровизации правосудия, выступает важной гарантией против необоснованного пересмотра установленных обстоятельств [7]. Если позволить сторонам посредством изменения основания иска или корректировки объёма требования бесконечно оспаривать одни и те же базовые обстоятельства, функция института преюдиции будет сведена на нет, а риски нерационального расходования судебных ресурсов и коллизий между судебными актами станут неизбежными [8].

Таким образом, проблема пределов преюдиции в гражданском, арбитражном и административном процессах заключается не в различиях нормативных формулировок трёх кодексов, а в критерии определения «тождества фактического основания». Действующее законодательство не содержит чётких ориентиров в этом вопросе, что приводит к появлению в практике двух противоположных позиций, основанных соответственно на «тождественности предмета иска» и «тождественности базового правоотношения».

Список использованных источников

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 N 30-П // СПС «Консультант-Плюс».

2. Миташова А. А. Особенности доказывания в российском гражданском процессе / А. А. Миташова, А. А. Федотов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 11-4(62). – С. 66-69.

3. Бухарова И.В. К вопросу о сущности преюдициальных фактов как условий, ограничивающих деятельность судов в цивилистическом процессе России. Северо-Кавказский юридический вестник. 2024; (2): С. 152-159.

4. Миташова А. А. Активная роль суда в доказывании по административным делам / А. А. Миташова, И. Н. Иваненко, В. Ю. Вильгаук // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 130-133.

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.10.2023 № 301-ЭС23-11499 // СПС «Консультант-Плюс».

6. Определение Конституционного Суда РФ от 29.11.2024 N 3246-О // СПС «Консультант-Плюс».

7. Миташова А. А. Злоупотребление процессуальными правами в условиях цифровизации правосудия: новые вызовы и механизмы противодействия / А. А. Миташова, И. Н. Иваненко // Право и практика. – 2026. – № 2. – С. 238-243.

8. Исаев Д. Ш. Практические проблемы реализации института преюдиции / Д. Ш. Исаев. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 25 (420). С. 100-102.

9. Тамбиянц Ю. Г. Государство, общество, местное самоуправление / Ю. Г. Тамбиянц, И. Н. Иваненко. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. 210 с.

THE LIMITS OF PREJUDICE: THE PROBLEM OF IDENTITY THE ACTUAL BASIS OF THE CLAIM IN A CIVIL CASE, ARBITRATION AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

D.O. Gryazeva

Kuban State University,
Krasnodar, Russia

The article analyzes the limits of prejudice in civil, arbitration and administrative proceedings, examines the influence of the identity of the actual basis of the claim on the amount of prejudice. It is shown that the current legislation does not contain clear criteria for determining the "identity of the factual basis", which leads to discrepancies in law enforcement. It is proposed to use the criterion of "actually investigated circumstances" as an objective limit of prejudice.

Keywords: prejudice, factual basis, subject of the claim, prejudicial force, identity of production.

УДК 94(47).084.3:338.439.5

ПОЛИТИКА ПРОДРАЗВЁРСТКИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРИЧИНЫ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Л.И. Волченко

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассматривается продразвёрстка как один из ключевых инструментов политики «военного коммунизма» в годы Гражданской войны. Проанализированы предпосылки её введения, механизм реализации, вклад в снабжение армии и промышленных центров, а также влияние на крестьянское хозяйство и социальную обстановку. Показано противоречие между краткосрочной

мобилизационной результативностью продразвёрстки и её долгосрочными экономическими и политическими издержками.

Ключевые слова: Продразвёрстка, Гражданская война, военный коммунизм, продовольственная политика, крестьянство, продотряды, сельское хозяйство, продовольственный налог.

Проблема снабжения армии и городского населения продовольствием обострилась ещё в годы Первой мировой войны. Нарушение хозяйственных связей, транспортный кризис, инфляция и дефицит промышленных товаров уменьшали заинтересованность деревни в продаже хлеба по твёрдым ценам. Государственное регулирование зернового рынка началось до 1917 г.: применялись фиксированные цены, карточное снабжение и элементы развёрсточного принципа. Поэтому советская продразвёрстка стала не совершенно новым механизмом, а наиболее жёсткой формой уже сложившейся практики чрезвычайного регулирования продовольственного рынка [1; 2].

После Октябрьской революции положение ухудшилось. Крупные города и армия нуждались в гарантированном снабжении, тогда как государство не располагало достаточным количеством товаров для нормального обмена с деревней. Весной 1918 г. из-за Гражданской войны и утраты контроля над частью хлебопроизводящих районов возможности закупки зерна сузились. В мае продовольственные органы получили чрезвычайные полномочия, а заготовки всё чаще обеспечивались вооружёнными продотрядами [3]. Логическим продолжением этой политики стал декрет СНК от 11 января 1919 г., установивший продразвёрстку [4].

Согласно новому порядку, государство определяло объём хлеба и фуража для общегосударственных нужд, затем это задание распределялось между губерниями, уездами, волостями и отдельными хозяйствами. Формально отчуждению подлежали запасы сверх норм личного и хозяйственного потребления. На практике точный учёт был почти невозможен: статистика разрушалась, урожайность заметно различалась по районам, часть зерна скрывалась, а местные органы должны были выполнять заранее установленные задания. Поэтому плановый принцип нередко превращался в административное изъятие назначенного количества продовольствия независимо от реального положения конкретного двора.

Причины введения продразвёрстки имели военный, экономический и политический характер. Армии требовалось устойчивое снабжение в условиях масштабных боевых действий. Одновременно распадался товарооборот между городом и деревней: промышленность не могла предложить селу достаточно тканей, инвентаря, керосина и других товаров, а деньги быстро обесценивались. Политически власть стремилась сосредоточить распределение ограниченных ресурсов в руках государства и вытеснить свободную торговлю. В результате продразвёрстка стала одним из основных элементов системы «военного коммунизма» [3; 5].

Её эффективность была противоречивой. В краткосрочном плане государство получило механизм концентрации продовольствия для армии, рабочих

крупных предприятий и важнейших промышленных центров. В условиях разрушенного рынка это имело непосредственное военное значение. Однако централизованные заготовки не решили проблему дефицита. Официальная система распределения сосуществовала с нелегальным и полулегальным рынком, самостоятельными поездками горожан за продуктами и натуральным обменом. Так, к концу 1918 г. продотряды заготовили около 67 млн пудов хлеба, что соответствовало примерно шестой части общей потребности страны [6]. Следовательно, государственные заготовки были важным, но далеко не единственным источником снабжения.

Главное экономическое противоречие заключалось в том, что интерес государства к максимальному изъятию продукции вступал в конфликт с интересом крестьянина увеличивать производство. При отсутствии свободной продажи дополнительные посевы не гарантировали хозяйству дополнительного дохода. Твёрдые цены всё хуже компенсировали сдаваемое зерно, а эквивалентного обмена промышленными товарами государство обеспечить не могло. В 1919 г. деньгами или товарами была компенсирована примерно половина изъятого зерна, а в 1920 г. – менее одной пятой [5].

Деревня приспосабливалась к этой системе сокращением товарной части производства. Крестьяне уменьшали посевные площади, скрывали запасы, переходили к натуральному обмену и ориентировали хозяйство прежде всего на собственное потребление. Возникал замкнутый круг: снижение предложения побуждало государство усиливать давление, а усиление изъятий ещё сильнее сокращало стимулы производить излишки. К 1920 г. развёрстка распространилась не только на зерно, но и на картофель, мясо, масло, яйца и другие продукты. Особенно тяжело это отражалось на районах, где задания не соответствовали фактическому урожаю.

Экономическое напряжение быстро становилось социально-политическим. Недовольство вызывали и нормы сдачи, и методы их взыскания: обыски, конфискации, аресты, коллективная ответственность, применение вооружённой силы. Массовые крестьянские выступления 1920–1921 гг. показали, что продовольственная политика стала одним из главных источников конфликта между государством и деревней. В Тамбовской губернии высокая развёрстка сочеталась с сокращением посевов и неурожаем; в этих условиях значительная часть сельского населения воспринимала продовольственные задания как прямую угрозу существованию хозяйства [7].

При этом последствия продразвёрстки нельзя объяснять вне общего хозяйственного кризиса. На страну одновременно воздействовали многолетняя война, разрушение транспорта и промышленности, падение производства, засуха и неурожай. Тем не менее система изъятий снижала устойчивость крестьянских хозяйств: сокращались страховые и семенные запасы, уменьшалась заинтересованность в расширении посевов. К осени 1920 г. дефицит распространился и на часть производящих районов, а в 1921–1922 гг. голод приобрёл массовый характер. Продразвёрстка была не единственной причиной этой катастрофы, но усиливала уязвимость деревни перед другими кризисными факторами [5].

После завершения основных фронтов Гражданской войны изменилось и соотношение выгод и издержек чрезвычайной политики. Во время непосредственной военной угрозы централизованное изъятие позволяло направлять ресурсы приоритетным потребителям. В мирных условиях та же система препятствовала восстановлению хозяйства и сохраняла конфликт с основной массой сельского населения. В марте 1921 г. продразвёрстку заменили продовольственным налогом. Крестьянин заранее знал размер обязательной сдачи, а оставшейся продукцией мог распоряжаться самостоятельно. Это возвращало связь между ростом производства и личной хозяйственной выгодой и стало важным элементом перехода к новой экономической политике [5].

Таким образом, продразвёрстка дала государству действенный мобилизационный инструмент в чрезвычайных условиях Гражданской войны, но её общая хозяйственная эффективность оказалась ограниченной. Она помогла концентрировать продовольствие для армии и промышленных центров, однако не устранила дефицит и не смогла заменить рыночные и неофициальные каналы снабжения. Длительное применение принудительных заготовок ослабляло стимулы сельского производства, способствовало натурализации хозяйства и усиливало крестьянский протест.

Список использованных источников

1. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Н. Д. Кондратьев. – М.: Новая деревня, 1922. – 350 с.

2. Васильев А. А. Продовольственная политика Советского государства в 1918–1920 гг.: на материалах Нижнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук / А. А. Васильев. – Саратов, 2001. – 231 с.

3. Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология / Е. Г. Гимпельсон. – М.: Мысль, 1973. – 296 с.

4. Декрет Совета Народных Комиссаров «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства» от 11 января 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1919. – № 1. – Ст. 10.

5. Продразвёрстка // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/c/prodrazviorstka-57b256. – Дата обращения: 21.09.2026.

6. Продотряды // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/c/prodotriady-199403. – Дата обращения: 21.09.2026.

7. Крестьянское антикоммунистическое восстание в 1920–1921 гг. // Российское историческое общество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/tambovskaya-vandeya-krestyanskoe-antikommunisticheskoe-vosstanie-v-1920-1921-gg.html. – Дата обращения: 21.09.2026.

THE POLICY OF FOOD REQUISITIONING DURING THE CIVIL WAR: CAUSES, EFFECTIVENESS, AND CONSEQUENCES

L.I. Volchenko

Don State technical university,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines the policy of prodrazverstka (compulsory grain requisitioning) as a key instrument of "War Communism" during the Civil War. It analyzes the prerequisites for its introduction, the mechanism of its implementation, its contribution to supplying the army and industrial centers, and its impact on peasant farming and the social climate. The study highlights the contradiction between the short-term effectiveness of grain requisitioning in terms of mobilization and its long-term economic and political costs.

Keywords: Prodrazverstka (forced grain requisitioning), Civil War, War Communism, food policy, peasantry, food requisitioning detachments, agriculture, food tax.

УДК 94(47):656.2

РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Л.И. Волченко

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассматривается развитие железнодорожной сети Российской империи как фактор экономической модернизации во второй половине XIX – начале XX века. Прослеживается строительство крупнейших магистралей и их влияние на промышленность, торговлю, внутренний рынок и освоение новых территорий. Показано, что железнодорожное строительство способствовало интеграции хозяйственного пространства империи.

Ключевые слова: Российская империя, железные дороги, экономическая модернизация, промышленность, внутренний рынок, Транссибирская магистраль, торговля.

В первой половине XIX века хозяйственное пространство Российской империи оставалось слабо связанным. Огромные расстояния, сезонность речного сообщения и дороговизна гужевых перевозок замедляли движение товаров и капитала. Поэтому железная дорога постепенно стала восприниматься не только как техническое новшество, но и как средство преобразования экономики: она сокращала транспортные издержки, расширяла рынки сбыта и делала сообщение между регионами более регулярным.

Первым практическим опытом стала Царскосельская железная дорога, открытая в 1837 году между Санкт-Петербургом, Царским Селом и Павловском. Ее хозяйственное значение было ограниченным, однако она доказала возможность эксплуатации паровой дороги в российских климатических условиях и дала первый опыт подготовки кадров, обслуживания подвижного состава и организации станций. Значительно важнее оказалось строительство линии Санкт-Петербург – Москва в 1842–1851 годах. Она связала два крупнейших центра империи, резко сократила время перевозок и снизила их стоимость. Одновременно строительство создало спрос на рельсы, вагоны, паровозы и ремонтные мощности, то есть начало стимулировать развитие промышленной базы.

В 1840-е годы развивалась Варшаво-Венская дорога, к 1848 году связавшая Царство Польское с железнодорожной системой Центральной Европы. В 1851 году началось строительство Санкт-Петербургско-Варшавской линии, завершенной в 1862 году. Эти направления усиливали западные торговые связи империи. Поражение в Крымской войне дополнительно показало недостаточность путей сообщения, после чего строительство стало значительно масштабнее. Для создания сети в тысячи верст государство активнее привлекало частный и иностранный капитал, используя концессии и гарантии доходности.

В 1862 году открылась Московско-Нижегородская железная дорога, соединившая Москву с Нижним Новгородом и Волгой. Железнодорожный и речной транспорт начали дополнять друг друга: товары быстрее поступали к волжским пристаням и от них, а Москва укрепляла положение распределительного центра. В последующие годы линии от Москвы были проложены к Рязани, Курску и далее на юг; одновременно строились дороги Курск – Харьков – Азов, Орел – Витебск, направления к Киеву, Одессе и портам Черного и Азовского морей. Вторая половина 1860-х и 1870-е годы стали периодом быстрого формирования основной сети Европейской России.

Это строительство заметно изменило сельскохозяйственную экономику. Южные и юго-западные губернии получили более быстрый выход к портам, через которые экспортировалось зерно. Производители все чаще ориентировались не только на местный спрос, но и на крупные внутренние и зарубежные рынки. Перевозки становились менее зависимыми от сезона и состояния грунтовых дорог, а региональные рынки постепенно соединялись. Вместе с тем усиливалась зависимость части хлебопроизводящих районов от внешней конъюнктуры: железная дорога облегчала доступ к рынку, но не устраняла ценовых рисков.

Параллельно возник сильный промышленный эффект. Новым магистралям требовались рельсы, мостовые конструкции, паровозы, вагоны и топливо. Это создавало длительный спрос на металл, уголь и машиностроительную продукцию. Особенно заметно влияние железных дорог проявилось на юге России, где развивались Донецкий угольный бассейн и металлургические районы. Транспорт одновременно потреблял продукцию шахт и заводов и позволял перевозить тяжелое сырье на большие расстояния. В 1872 году открылась линия Поти – Тифлис, а в 1875 году дорога достигла Владикавказа, усиливая включение Кавказа в общероссийский рынок и связь с черноморскими портами.

К 1880-м годам государство стало активнее контролировать отрасль и выкупать часть частных дорог. Железнодорожная сеть все чаще рассматривалась как единая инфраструктурная система. В 1890-е годы строительство вновь резко ускорилось и стало одним из главных источников спроса для тяжелой промышленности. Крупные государственные заказы поддерживали металлургию, угледобычу и машиностроение, а развитие этих отраслей, в свою очередь, уменьшало зависимость железнодорожного хозяйства от импортных материалов и оборудования.

Наиболее масштабным проектом стал Великий Сибирский путь, строительство которого началось в 1891 году. Транссибирская магистраль должна была соединить европейскую часть империи с Сибирью и Дальним Востоком, но ее значение вышло далеко за рамки перевозок. Она облегчила переселение населения, ускорила вывоз зерна, леса, продуктов животноводства и сырья, а также открыла сибирский рынок для товаров европейской части страны. Города на линии магистрали получали импульс к росту: вокруг станций концентрировались торговля, склады, переработка продукции и обслуживание транспорта. Напротив, часть старых центров, оставшихся вдали от нового маршрута, теряла прежнее значение.

Транссиб изменил и хозяйственное освоение Сибири. До железной дороги перевозки здесь во многом зависели от речных путей и сезона. Магистраль создала круглогодичную ось сообщения, вокруг которой усиливались миграция и земледельческое освоение. Массовое переселение из европейской части империи имело несколько причин, но железная дорога сделала возможными перемещение больших групп населения, снабжение новых поселений и вывоз их продукции. В результате расширялись сельскохозяйственные районы и емкость внутреннего рынка.

В начале XX века важным направлением стало соединение европейской России со Средней Азией. Оренбургско-Ташкентская железная дорога, завершенная в 1906 году, обеспечила прямое сообщение с Туркестаном. Через нее ускорился вывоз хлопка и сельскохозяйственной продукции, а в обратном направлении поступали промышленные товары. Для текстильных центров это означало более устойчивый доступ к сырью. После Русско-японской войны продолжилось развитие линий на Дальнем Востоке. Строительство Амурской дороги и открытие в 1916 году моста через Амур у Хабаровска завершили непрерывный сухопутный маршрут Транссиба в пределах империи. В годы Первой мировой войны стратегическое и хозяйственное значение получила также Мурманская железная дорога, связавшая центр страны с незамерзающим северным портом.

К началу XX века железные дороги стали важнейшим элементом российской экономики. Они объединяли региональные рынки, ускоряли оборот капитала и движение рабочей силы, стимулировали металлургию, угольную промышленность и машиностроение, способствовали росту городов и меняли специализацию территорий. При этом модернизация оставалась неравномерной: европейская часть была покрыта сетью значительно плотнее, чем север и восток, часть

линий строилась прежде всего из стратегических соображений, а крупные проекты требовали значительных государственных займов и иностранного капитала.

Таким образом, развитие железных дорог стало одним из ключевых механизмов экономической модернизации Российской империи. От Царскосельской дороги и магистрали Санкт-Петербург – Москва страна перешла к сети общегосударственного масштаба. Линии 1860–1870-х годов связали земледельческие районы, промышленные центры и порты, а Транссиб и дороги Средней Азии изменили хозяйственное освоение окраин. Железнодорожная сеть не устранила всех противоречий экономики, но создала инфраструктурную основу для более единого рынка, ускорения промышленного роста и повышения мобильности населения

Список использованных источников

1. Шашкова Н. О. Управленческий и экономический аспекты формирования железнодорожной политики России в 1820-е – 1850-е годы / Н. О. Шашкова // Экономическая история. – 2016. – С. 74–98.

2. Золотарева М. В. Органы государственного управления развития железнодорожного транспорта во второй половине XIX в. в России / М. В. Золотарева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – DOI: 10.18454/IRJ.2016.48.035. КиберЛенинка

3. Соловьёва А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. / А. М. Соловьёва. – Москва: Наука, 1975. – 315 с. Институт российской истории РАН

4. Gatrell P. W. The Tsarist Economy, 1850–1917 / P. W. Gatrell. – London: Batsford Ltd, 1986. – 288 p. Research Manchester

5. В России открыта Царскосельская железная дорога [Электронный ресурс] // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. – Режим доступа: https://www.prlib.ru/node/619711. – Дата обращения: 07.09.2026.

6. История российских железных дорог [Электронный ресурс] // Министерство транспорта Российской Федерации. – Режим доступа: https://railways.projects.mintrans.ru/19.html. – Дата обращения: 07.09.2026.

RAILWAY DEVELOPMENT AS A FACTOR IN THE ECONOMIC MODERNIZATION OF THE RUSSIAN EMPIRE

L.I. Volchenko

Don State technical university,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines the development of the Russian Empire’s railway network as a factor in economic modernization during the second half of the 19th and the early 20th centuries. It traces the construction of major trunk lines and their impact on

industry, trade, the domestic market, and the development of new territories. It is shown that railway construction facilitated the integration of the empire's economic space.

Keywords: Russian Empire, railways, economic modernization, industry, domestic market, Trans-Siberian Railway, trade.

УДК 94(47).06

РЕФОРМЫ ПЕТРА I И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Л.И. Волченко

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассматриваются изменения российского государственного устройства в период реформ Петра I. Анализируются преобразования центрального и местного управления, государственной службы и церковной администрации, а также их долгосрочное влияние на развитие имперской бюрократической модели.

Ключевые слова: Петр I, государственное управление, Сенат, коллегии, губернская реформа, Табель о рангах, модернизация.

К началу XVIII века российское управление сохраняло приказную систему, сложившуюся в предшествующее столетие. Полномочия отдельных приказов пересекались, порядок работы зависел от традиции и конкретных должностных лиц, а значительная часть решений требовала непосредственного участия монарха. Северная война, рост армии и флота, увеличение государственных расходов и усложнение хозяйственных задач потребовали более устойчивого механизма управления. Поэтому административные преобразования стали не изолированной реформой, а важнейшей частью модернизации государства.

Основным направлением стало создание регулярного аппарата, деятельность которого определялась должностями, инструкциями и установленными процедурами. В 1711 году был учрежден Правительствующий Сенат. Первоначально он должен был обеспечивать управление в отсутствие государя, но затем превратился в высший орган, координировавший работу других учреждений и контролировавший исполнение распоряжений [1]. При этом Сенат не ограничивал верховную власть, а действовал от ее имени. Тем самым административная рационализация сочеталась с усилением самодержавной централизации.

Следующим этапом стала замена большинства приказов коллегиями. С 1717–1718 годов создавались специализированные учреждения, отвечавшие за внешнюю политику, военные и морские дела, финансы, торговлю и юстицию. Их компетенции стремились разграничить, а решения принимать коллегиально.

Генеральный регламент 1720 года закрепил единые правила заседаний, делопроизводства, хранения документов и служебной дисциплины [2]. Государственное управление все заметнее превращалось в постоянную бюрократическую деятельность, основанную на документе и регламенте, а не только на личном поручении.

Одновременно перестраивалось местное управление. В 1708 году страна была разделена на крупные губернии. Из-за их огромных размеров в 1719 году последовало новое преобразование: губернии делились на провинции и более мелкие административные единицы [3]. Такая система позволяла центру эффективнее учитывать население и ресурсы, собирать налоги, обеспечивать комплектование армии и проводить единые распоряжения на большой территории. Хотя конкретная схема позднее менялась, губерния закрепилась как основная единица регионального управления и сохраняла это значение в дальнейшем.

Важным изменением стала и формализация государственной службы. Табель о рангах 1722 года распределила военные, гражданские и придворные чины по четырнадцати классам [4]. Служебное положение все в большей степени связывалось не только с происхождением, но и с местом в официальной иерархии. Реформа не уничтожила сословных преимуществ, однако создала единый порядок карьеры и сделала чин универсальным показателем статуса чиновника. Табель о рангах с изменениями действовала почти два столетия и стала одной из наиболее устойчивых основ имперской службы.

Для контроля над новым аппаратом создавались фискальные и прокурорские механизмы. В 1722 году появилась должность генерал-прокурора Сената, контролировавшего исполнение решений и деятельность государственных органов. Значение этой меры состояло в появлении постоянного внутреннего надзора: власть стремилась не только отдавать распоряжения, но и проверять, как они исполняются. Такой подход вместе с обязательной отчетностью и развитием архивного хранения документов способствовал дальнейшей бюрократизации управления.

Отдельное место занимала церковная реформа. В 1721 году Духовный регламент заменил патриаршее управление коллегиальным Святейшим правительствующим Синодом [5]. Включение церковной администрации в общую систему государственных учреждений усилило контроль верховной власти над этой сферой. Синодальная модель просуществовала до 1917 года, поэтому данное преобразование имело особенно длительный институциональный эффект: самостоятельный высший церковный центр был заменен органом, действовавшим по бюрократическим правилам и находившимся под государственным надзором.

В результате реформ к концу правления Петра I сложилась новая конфигурация управления: монарх, Сенат, специализированные коллегии, губернская администрация и иерархическая государственная служба. Ее принципиальным отличием от прежнего порядка была большая степень формализации. Учреждения получали определенные функции, чиновники – установленные обязанности, а делопроизводство – единые правила. Однако эта система не была полностью стройной: компетенции иногда пересекались, учреждения неоднократно перестраивались, а подготовленных кадров не хватало. Кроме того, значительная

часть преобразований была обусловлена военными и фискальными потребностями.

Долгосрочный эффект реформ проявился прежде всего в закреплении новых принципов государственного устройства. Коллегии в начале XIX века уступили место министерствам, но сохранился сам принцип отраслевой специализации центральных ведомств. Губернское деление продолжало использоваться и развиваться. Сенат оставался важным государственным институтом, а чин и служебная иерархия определяли положение чиновничества. Таким образом, устойчивость петровских преобразований заключалась не столько в неизменности конкретных учреждений, сколько в сохранении созданной ими административной логики.

Еще одним долгосрочным результатом стало изменение самого представления о нормальном государственном управлении. Если ранее многие полномочия связывались с конкретным приказом, территорией или личным поручением, то после реформ все большее значение приобретали штат, компетенция учреждения и письменная процедура. В последующие десятилетия эти принципы совершенствовались и меняли форму, однако государственный аппарат уже развивался как система взаимосвязанных постоянных органов.

Реформы Петра I можно рассматривать как переход от традиционного приказного управления к централизованному бюрократическому государству имперского типа. Они повысили способность власти управлять территорией, мобилизовывать ресурсы и проводить решения через постоянный аппарат. Одновременно модернизация усилила зависимость общества и служилой элиты от государства, поскольку новые институты не ограничивали самодержавие, а расширяли его административные возможности. Именно сочетание рационализации управления и политической централизации стало одним из наиболее значимых долгосрочных итогов петровских преобразований.

Список использованных источников

1. По указу Петра I в России учрежден Правительствующий Сенат // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: https://www.prlib.ru/history/619074 (дата обращения: 06.09.2026).

2. Генеральный регламент или Устав, 1720 // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: https://www.prlib.ru/node/619084 (дата обращения: 06.09.2026).

3. Сенатом принят именной указ Петра I об устройстве губерний // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: https://www.prlib.ru/history/619300 (дата обращения: 06.09.2026).

4. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных. 1722 // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: https://www.prlib.ru/node/454265 (дата обращения: 06.09.2026).

5. В России принят Духовный регламент // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: https://www.prlib.ru/history/619007 (дата обращения: 06.09.2026).

6. Пётр I // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/c/piotr-i-ed3825 (дата обращения: 06.09.2026).

REFORMS OF PETER I AND THEIR INFLUENCE ON THE MODERNIZATION OF THE RUSSIAN STATE SYSTEM

L.I. Volchenko

Don State technical university,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines the transformation of Russian state administration under Peter I and the long-term institutional effects of reforms in central government, territorial administration, civil service and church governance.

Keywords: Peter I, state administration, Senate, colleges, provincial reform, Table of Ranks, modernization.

УДК 94(47).084.8

ТРУДОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ СССР КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФРОНТА В 1941–1945 ГГ.

Л.И. Волченко

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассматривается трудовая мобилизация населения СССР в годы Великой Отечественной войны как элемент государственной системы обеспечения промышленности, транспорта и строительства рабочей силой. Анализируются причины дефицита трудовых ресурсов, основные нормативные и организационные меры по привлечению населения к производству, роль женщин, молодежи и системы государственных трудовых резервов. Показано, что мобилизационные механизмы позволили компенсировать значительную часть кадровых потерь и поддержать работу отраслей, непосредственно обеспечивавших фронт, однако сопровождались жестким ограничением свободы труда и высокой социальной нагрузкой на население.

Ключевые слова: трудовая мобилизация, Великая Отечественная война, трудовые ресурсы, военная промышленность, женщины, молодежь, государственные трудовые резервы.

Начало Великой Отечественной войны резко изменило соотношение между потребностью советской экономики в рабочей силе и ее фактической обеспеченностью. Массовый призыв мужчин в армию совпал с эвакуацией предприятий, потерей части промышленных территорий и необходимостью быстро развернуть производство вооружения в восточных районах. Проблема труда

стала военно-стратегической: требовалось удержать квалифицированные кадры, перераспределить работников между отраслями, вовлечь ранее не работавшее население и ускоренно подготовить новые рабочие профессии. Именно сочетание этих задач определило государственную политику в сфере труда в 1941–1945 гг. [1; 2].

Первым направлением стало более интенсивное использование уже имевшейся рабочей силы. Указ от 26 июня 1941 г. разрешил вводить обязательные сверхурочные работы продолжительностью от одного до трех часов в день и отменил очередные и дополнительные отпуска с заменой их денежной компенсацией [3]. Мера позволяла быстро увеличить объем труда без длительной подготовки новых кадров, однако усиливала физическую нагрузку и не решала проблему нехватки работников в долгосрочной перспективе. Поэтому уже к концу 1941 г. государство перешло к закреплению кадров и прямой мобилизации населения.

В декабре 1941 г. рабочие и служащие предприятий военной промышленности были объявлены мобилизованными и закреплялись за предприятиями на период войны. Самовольный уход рассматривался как дезертирство и влек уголовную ответственность [4]. Хозяйственный смысл решения заключался в снижении текучести кадров на наиболее важных заводах, включая эвакуированные предприятия. Серийное производство вооружения зависело не только от количества рабочих, но и от сохранения коллективов, уже освоивших конкретные операции. Вместе с тем эта мера существенно ограничивала возможность человека самостоятельно менять место работы, что подчеркивает принудительный характер части мобилизационной политики.

Ключевым шагом стал указ от 13 февраля 1942 г., вводивший мобилизацию трудоспособного городского населения, не занятого в государственных учреждениях и предприятиях, для работы на производстве и строительстве. Приоритет отдавался авиационной и танковой промышленности, производству вооружения и боеприпасов, металлургии, химической и топливной отраслям [5]. Государство тем самым получило механизм прямого направления свободных трудовых ресурсов туда, где кадровый дефицит угрожал выполнению оборонных планов. В отличие от обычного найма, распределение работников определялось прежде всего военно-хозяйственными приоритетами.

Мобилизация дополнялась организованным набором, перераспределением кадров и системой государственных трудовых резервов. Ремесленные и железнодорожные училища, а также школы фабрично-заводского обучения обеспечивали промышленность молодыми рабочими массовых специальностей [6]. Такое сочетание экстренных и подготовительных мер позволяло одновременно закрывать текущие вакансии и формировать кадровое пополнение на ближайшие месяцы. Особенно заметно изменилась роль женщин. По данным официальной статистики, их доля среди всех рабочих и служащих СССР выросла с 39% в 1940 г. до 56% в 1945 г.; в промышленности – с 38 до 52%, в сельском хозяйстве – с 30

до 57%, на транспорте – с 21 до 40% [7]. Это была структурная перестройка занятости, а не кратковременное привлечение к вспомогательным работам.

Значительным резервом стала и молодежь. Подростки и выпускники школ трудовых резервов ускоренно осваивали производственные операции и заменяли часть ушедших на фронт работников. Этому способствовало дробление многих технологических процессов на сравнительно узкие операции, которые можно было освоить быстрее при наличии наставника. Однако высокая интенсивность труда, длительная смена и бытовые трудности делали подобную замену кадров социально тяжелой. Военная экономика компенсировала дефицит рабочей силы не только за счет расширения занятости, но и за счет более раннего включения молодежи в полноценный производственный труд.

Масштаб мероприятий показывает их значение для экономики. По современным исследованиям, трудовые мобилизации в различных формах позволили привлечь около 12 млн человек к постоянным и сезонным работам [1]. Это свидетельствует о существовании общесоюзного механизма перераспределения человеческих ресурсов. Его результативность проявилась в том, что эвакуированные и вновь развернутые предприятия получали работников одновременно с монтажом оборудования, а важнейшие отрасли могли восполнять потери кадров. Для фронта решающее значение имела непрерывность снабжения: вооружение, боеприпасы, топливо, металл и транспортные услуги требовались ежедневно, поэтому кадровая устойчивость предприятий была частью общей устойчивости военной экономики.

При этом трудовую мобилизацию нельзя считать единственной причиной роста военного производства. Результат зависел от эвакуации оборудования, централизованного планирования, снабжения сырьем, развития восточной промышленной базы и технологической перестройки заводов. Ее роль была иной: мобилизационные меры создавали кадровое условие, без которого эти элементы не могли работать в необходимом масштабе. Одновременно эффективность имела высокую социальную цену – увеличение рабочего времени, ограничение смены места работы, уголовную ответственность за отдельные нарушения дисциплины и повышенную нагрузку на женщин и подростков. Поэтому оценивать систему следует одновременно по ее хозяйственной результативности и по степени административного принуждения.

Таким образом, трудовая мобилизация населения СССР в 1941–1945 гг. стала одним из ключевых механизмов обеспечения фронта. Государство последовательно использовало увеличение рабочего времени, закрепление кадров за военными предприятиями, прямую мобилизацию незанятого населения, организованное перераспределение работников и ускоренную подготовку молодежи. Эти меры позволили сократить разрыв между потребностью военной экономики и наличием рабочей силы, поддержать деятельность оборонной промышленности, транспорта и строительства. Одновременно они означали резкое усиление государственного контроля над трудом. Именно сочетание высокой

мобилизационной эффективности и значительных социальных издержек определяет историческое значение данной системы.

Список использованных источников

1. Чернышева Н. В. Воспроизводство трудовых ресурсов и трудовые мобилизации населения СССР в условиях военного времени (1941–1945 гг.) // История: факты и символы. – 2021. – № 4 (29). – С. 23–35. – DOI 10.24888/2410-4205-2021-29-4-23-35.

2. Земсков В. Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 104–114.

3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 30.

4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. № 7/160 «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1942. – № 2.

5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1942. – № 6.

6. Котляр Э. С. Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: Высшая школа, 1975. – 240 с.

7. Великая Отечественная война: юбилейный статистический сборник. – М.: Росстат, 2020. – 299 с.

LABOR MOBILIZATION OF THE USSR POPULATION AS A FACTOR OF FRONT SUPPLY IN 1941–1945

L.I. Volchenko

Don State technical university,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines labor mobilization in the USSR during the Great Patriotic War as a state mechanism for supplying industry, transport and construction with labor. It analyzes emergency labor regulation, direct mobilization of the urban population, the role of women and youth, and the state labor reserve system. The study shows that centralized redistribution of labor helped compensate for personnel losses and maintain the operation of sectors supplying the front, while relying on severe restrictions on labor mobility and imposing a high social burden on the population.

Keywords: labor mobilization, Great Patriotic War, labor resources, war industry, women, youth, state labor reserves.

УДК 94(73):338.124.4"1929/1933"

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1929–1933 ГОДОВ И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ США

Л.И. Волченко

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассматриваются предпосылки экономического кризиса 1929–1933 годов в США, его влияние на политическую систему и государственную политику, а также долгосрочные последствия для американского общества. Показано, что Великая депрессия стала не только экономическим спадом, но и фактором изменения представлений о роли федеральной власти, социальной защите и трудовых отношениях.

Ключевые слова: Великая депрессия, США, экономический кризис, безработица, банковский кризис, Новый курс, социальная политика.

Экономический кризис 1929–1933 годов стал результатом не одного события, а совокупности накопившихся противоречий американской экономики. Во второй половине 1920-х годов быстрый рост промышленности и массового потребления всё чаще поддерживался кредитом. Производство увеличивалось быстрее, чем покупательная способность значительной части населения, поэтому устойчивость спроса зависела от постоянного расширения заимствований. Одновременно сельское хозяйство испытывало затяжной спад: после Первой мировой войны внешний спрос сократился, цены на аграрную продукцию снижались, а долговая нагрузка фермеров оставалась высокой.

Финансовая система также была уязвимой. Большое число небольших банков имело ограниченные резервы и зависело от состояния местной экономики. После ухудшения положения предприятий и домохозяйств выросло число невозвратов, начались банковские паники. Изъятие вкладов заставляло банки сокращать кредитование, что ещё сильнее уменьшало инвестиции и потребление. По данным Федеральной резервной системы, с осени 1930 года до зимы 1933 года денежная масса сократилась почти на 30 %, усилив дефляцию и долговое давление [1].

Биржевой крах октября 1929 года ускорил этот процесс, но не был его единственной причиной. Снижение стоимости активов подорвало доверие, предприятия сокращали выпуск и персонал, а падение занятости дополнительно уменьшало спрос. К 1933 году объём производства товаров и услуг в США сократился примерно на треть относительно докризисного пика, а безработица достигла около 25 % [1; 2]. Экономический спад превратился в социальный кризис, с которым местные власти и частная благотворительность уже не могли справиться собственными силами.

К 1932 году ожидания общества заметно изменились: от федеральной власти требовали не отдельных мер, а комплексной антикризисной политики. После президентских выборов 1932 года начался Новый курс, основанный на более активном использовании возможностей федерального правительства. В первые месяцы были приняты меры по стабилизации банков, организации общественных работ, поддержке сельского хозяйства и регулированию промышленности. Библиотека Конгресса характеризует этот период как переход к политике помощи, восстановления и реформ [3].

Особое значение имела банковская реформа. В марте 1933 года банковские операции временно приостанавливались, а затем устойчивые учреждения постепенно возобновляли работу. Emergency Banking Act был направлен на восстановление доверия населения к финансовой системе [4]. Одновременно расширились федеральные программы занятости. Позднее Works Progress Administration обеспечила работой около 8,5 млн американцев, занятых строительством дорог, мостов, общественных зданий и других объектов [5].

Кризис изменил и трудовые отношения. National Labor Relations Act 1935 года закрепил право работников на самоорганизацию и коллективные переговоры и создал Национальное управление по трудовым отношениям [6]. Усиление профсоюзов сделало трудящихся более заметной политической силой. В то же время возникла широкая коалиция сторонников Нового курса, включавшая рабочих, фермеров, городские этнические сообщества и часть афроамериканских избирателей. При этом дискриминация сохранялась, и не все социальные группы получали равный доступ к новым программам [7].

Наиболее тяжёлым непосредственным последствием кризиса стало массовое обеднение. По оценке Бюро трудовой статистики США, в 1933 году безработными были около 13 млн человек, то есть приблизительно четверть рабочей силы [2]. Потеря работы и сбережений меняла повседневную жизнь: семьи сокращали расходы, откладывали важные решения, переезжали в поисках занятости и чаще зависели от помощи. Особенно уязвимыми были афроамериканцы, сельские жители и другие группы, которые сталкивались с экономическими трудностями ещё до начала депрессии.

В долгосрочном плане кризис способствовал созданию новой системы социальной защиты. Social Security Act 1935 года учредил федеральную систему страхования по старости и федерально-штатную систему страхования от безработицы. Администрация социального обеспечения связывает появление этой системы именно с опытом Великой депрессии, когда ресурсов штатов, местных сообществ и частной благотворительности оказалось недостаточно [8]. Экономическая безопасность постепенно стала рассматриваться как предмет постоянной государственной политики.

Одновременно изменилось общественное отношение к безработице. Массовый характер кризиса показывал, что потеря работы может быть следствием общего хозяйственного спада, а не только личной неудачи. Это сделало более

приемлемыми программы общественных работ, страхование от безработицы и государственное регулирование трудовых отношений. В последующие десятилетия многие созданные в 1930-е годы институты сохранились и стали частью американской социально-экономической системы.

Новый курс не ликвидировал депрессию полностью: после 1933 года экономика восстанавливалась, однако безработица оставалась высокой, а в 1937–1938 годах произошёл новый спад. Поэтому вопрос о степени эффективности конкретных программ остаётся предметом исторических дискуссий. Вместе с тем кризис 1929–1933 годов стал рубежом, после которого роль федерального правительства в регулировании финансов, трудовых отношений и социальной защиты существенно возросла. Его главным общественным последствием стало формирование новых ожиданий: граждане всё чаще связывали экономическую стабильность не только с рынком и частной инициативой, но и с ответственностью государства за предотвращение системных потрясений.

Список использованных источников

1. The Great Depression, 1929–1941 // Federal Reserve History. – URL: https://www.federalreservehistory.org/essays/great-depression (дата обращения: 10.09.2026).

2. Haugen S. E. Measures of labor underutilization from the Current Population Survey / S. E. Haugen // U.S. Bureau of Labor Statistics. – 2009. – URL: https://www.bls.gov/osmr/research-papers/2009/pdf/ec090020.pdf (дата обращения: 10.09.2026).

3. President Franklin Delano Roosevelt and the New Deal // Library of Congress. – URL: https://www.loc.gov/classroom-materials/united-states-history-primary-source-timeline/great-depression-and-world-war-ii-1929-1945/franklin-delano-roosevelt-and-the-new-deal/ (дата обращения: 10.09.2026).

4. Emergency Banking Act of 1933 // Federal Reserve History. – URL: https://www.federalreservehistory.org/essays/emergency-banking-act-of-1933 (дата обращения: 10.09.2026).

5. President Franklin Roosevelt's Radio Address Unveiling the Second Half of the New Deal // National Archives. – URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/president-franklin-roosevelts-radio-address (дата обращения: 10.09.2026).

6. National Labor Relations Act (1935) // National Archives. – URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/national-labor-relations-act (дата обращения: 10.09.2026).

7. The Segregation Era (1900–1939) // Library of Congress. – URL: https://www.loc.gov/exhibits/civil-rights-act/segregation-era.html (дата обращения: 10.09.2026).

8. Social Security Programs in the United States: Historical Development // Social Security Administration. – URL: https://www.ssa.gov/policy/docs/progdesc/sspus/histdev.html (дата обращения: 10.09.2026).

THE ECONOMIC CRISIS OF 1929–1933 AND ITS SOCIAL AND POLITICAL CONSEQUENCES FOR THE UNITED STATES

L.I. Volchenko

Don State technical university,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines the causes of the economic crisis of 1929–1933 in the United States, its influence on the political system and federal policy, and its long-term consequences for American society. The Great Depression is considered not only as an economic downturn, but also as a factor that changed ideas about the role of federal government, social protection and labor relations.

Keywords: Great Depression, United States, economic crisis, unemployment, banking crisis, New Deal, social policy.

УДК 347.963

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «РЕШЕНИЕ ПРОКУРОРА» И «АКТ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ»

В.А. Демченко

Университет прокуратуры Российской Федерации,
Дальневосточный юридический институт (филиал),
г. Владивосток, Россия

Рассматривается расхождение между законодательной и доктринальной терминологией. Закон говорит о решениях, действиях и бездействии прокурора, наука – преимущественно об актах прокурорского реагирования. Обосновывается, что эти понятия находятся в отношении пересечения, а не совпадения, и что за пределами обеих категорий остается значительная часть решений, затрагивающих права адресатов. Показаны практические следствия смешения понятий при определении предмета административного иска.

Ключевые слова: прокурорский надзор, решение прокурора, акт прокурорского реагирования, оспаривание, административное судопроизводство, предмет иска.

Законодатель обозначает объект оспаривания довольно скупо. Пункт 3 статьи 10 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» упоминает решение, принятое прокурором по обращению, и предусматривает разъяснение порядка его обжалования; глава 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации оперирует триадой «решения, действия (бездействие)». При этом ни в названном Кодексе, ни в

указанном Законе не сказано, о каких именно решениях речь и какими признаками они должны обладать.

Наука заполнила пробел собственной категорией – актом прокурорского реагирования. Признаки и свойства такого акта обсуждаются давно и без единого результата [4, с. 182-187], уточняется его соотношение с процессуальными и иными средствами прокурорской деятельности [3, с. 122-129], систематизируются сами меры реагирования [1, с. 9-20]. Отдельные виды актов исследованы подробно: представление разобрано едва ли не построчно [6, с. 84-91], исполнимость требований изучена по материалам арбитражной практики [2, с. 35-44]. Категория, следовательно, разработана, и в этом смысле упрек доктрине предъявить трудно.

Затруднение возникает в другом месте. Когда адресат готовит административный иск, он оспаривает не «акт реагирования» как научную конструкцию, а конкретное решение определенного прокурора. И здесь обнаруживается, что два понятия совпадают лишь частично.

Начнем с той части, где расхождение наиболее очевидно. Прокурорская проверка сопровождается целым рядом решений, которые никакой мерой реагирования не являются: о проведении проверки, о расширении ее предмета, о продлении срока, о привлечении специалиста, об отказе в ознакомлении с материалами надзорного производства. Каждое из них способно затронуть права проверяемого субъекта – от организационных издержек до утраты возможности представить возражения. Однако в системе актов реагирования такие решения отсутствуют, поскольку они не выражают требования об устранении нарушения. Следствие предсказуемо: суды, привыкшие к формуле «оспаривается акт прокурорского реагирования», нередко отказывают в проверке подобных решений со ссылкой на то, что предметом оспаривания они выступать не могут.

Вторая группа – решения, принимаемые по обращениям. Отказ в удовлетворении обращения не содержит требования, адресованного поднадзорному субъекту, и мерой реагирования не признается. Между тем именно такие решения оспариваются чаще всего, и именно о них говорит пункт 3 статьи 10 Закона о прокуратуре. Прокуратура, добавим, оказывается здесь в положении органа, который одновременно защищает право на обращение и способен его нарушить [5, с. 33-43].

Третья группа – согласовательные и разрешительные решения: согласование внеплановой проверки контрольного органа, согласие на проведение отдельных мероприятий, санкционирование в предусмотренных законом случаях. Их адресатом выступает не поднадзорный субъект, а другой государственный орган, однако последствия наступают и для того, в отношении кого испрашивалось согласование. Мерой реагирования такое решение назвать нельзя, а юридическое значение оно имеет несомненное.

Обратное соотношение тоже наблюдается, хотя об этом пишут реже. Не всякий акт реагирования становится оспоримым решением. Требование, обращенное прокурором к подчиненному работнику, или указание, данное в порядке

внутрисистемного руководства, юридических последствий для лиц вне системы прокуратуры не создают, и оснований для их судебной проверки по правилам главы 22 КАС РФ нет. Категория акта реагирования такого различения не проводит: она построена по признаку содержания и формы акта, а не по признаку адресата.

Отсюда вывод, который представляется нам неизбежным: понятия «решение прокурора» и «акт прокурорского реагирования» пересекаются. Область их совпадения – представление, протест, предостережение, требование, то есть классические меры реагирования, адресованные внешнему субъекту. За пределами совпадения остаются, с одной стороны, решения процедурного, оценочного и согласовательного характера, с другой – акты реагирования, не выходящие за пределы системы прокуратуры.

Здесь можно возразить – терминологическое расхождение не имеет практического значения, поскольку суд обязан рассмотреть требование по существу независимо от того, как заявитель назвал оспариваемое решение. Данное возражение представляется справедливым лишь отчасти. Практика показывает, что квалификация решения как не относящегося к актам реагирования служит самостоятельным мотивом отказа – не по существу, а по предмету. Ненормативные правовые акты как предмет оспаривания в административном судопроизводстве описаны в литературе через признак правовых последствий [7, с. 82-85], и именно этот признак теряется, когда рассуждение подменяется перечислением видов актов реагирования.

Заметим еще одно обстоятельство. Термин «акт» тяготеет к документу. Между тем значительная часть того, что затрагивает права адресата в ходе надзорной деятельности, документом не оформляется: устное указание представить документы к определенному сроку, фактическое ограничение доступа к материалам, отказ принять возражения. Названная ранее триада КАС РФ такие случаи охватывает через понятие действия, доктринальная категория акта – нет.

Из сказанного следует не отказ от понятия акта прокурорского реагирования – оно сохраняет ценность для характеристики средств надзора, – а необходимость категории более широкой, построенной по иному основанию. Таким основанием мы полагаем не форму и не содержание акта, а его способность порождать юридические последствия для лица, не входящего в систему прокуратуры. Обсуждение этого критерия выходит за рамки настоящей статьи; здесь достаточно зафиксировать, что отождествление двух понятий сужает круг оспоримых решений по сравнению с тем, как этот круг очерчен законом.

Практическое следствие сформулируем коротко. При определении предмета административного иска ориентироваться следует на формулу главы 22 КАС РФ, а не на доктринальную классификацию средств надзора; ссылка суда на то, что оспариваемое решение не является актом прокурорского реагирования, сама по себе основанием для отказа в проверке служить не должна.

Список использованных источников

1. Винокуров А.Ю. Меры прокурорского реагирования при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы // Российский журнал правовых исследований. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 9-20. – EDN: BRWHRB.

2. Афанасьева Т.И. Исполнимость как требование к актам прокурорского реагирования (по материалам судебной практики) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 3 (91). – С. 35-44. – EDN: YIRFGN.

3. Ергашев Е.Р. Процессуальные и иные средства и акты прокурорского реагирования: правовая природа и проблемы правового регулирования // Российский юридический журнал. – 2022. – № 2 (143). – С. 122-129. – EDN: CBNJCC.

4. Ергашев Е.Р. К дискуссии о понятии, признаках, свойствах акта прокурорского реагирования // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 4 (9). – С. 182-187. – EDN: ZDEBSN.

5. Тимошенко И.В. Органы и должностные лица прокуратуры как субъекты защиты и субъекты нарушения конституционного права граждан на обращение // Lex russica. – 2021. – Т. 74, № 4 (173). – С. 33-43. – EDN: OYAQCU.

6. Шакирьянов М.М. Представление прокурора – акт прокурорского реагирования: вопросы и ответы // Искусство правоведения. – 2025. – № 4. – С. 84-91. – EDN: MPOYSP.

7. Кононов П.И. Ненормативные правовые акты как предмет оспаривания в порядке административного судопроизводства // Административное право и процесс. – 2026. – № 5. – С. 82-85. – EDN: IXCCLF.

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF «PROSECUTOR'S DECISION» AND «ACT OF PROSECUTORIAL RESPONSE»

V.A. Demchenko

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Far Eastern Law Institute (branch), Vladivostok, Russia

The discrepancy between legislative and doctrinal terminology is considered. The law speaks about the decisions, actions and inaction of the prosecutor, science is mainly about the acts of prosecutorial response. It is proved that these concepts are in relation to intersection, not coincidence, and that a significant part of decisions affecting the rights of addressees remain outside both categories. The practical consequences of confusing concepts in determining the subject of an administrative claim are shown.

Keywords: prosecutorial supervision, prosecutor's decision, act of prosecutorial response, challenge, administrative proceedings, subject of the claim.

УДК 343.231

МНИМАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ДОВЕДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДО КОНЦА И КРИТЕРИИ ДОБРОВОЛЬНОСТИ ОТКАЗА

Е.А. Двойнова

Владивостокский государственный университет,
г. Владивосток, Россия

Статья посвящена одной из самых спорных ситуаций при применении статьи 31 УК РФ. Речь идёт об отказе от преступления, когда лицо ссылается на препятствие, которого в реальности не было или которое можно было преодолеть. На материале разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и трёх кассационных определений Судебной коллегии по уголовным делам показано, почему суды по-разному решают вопрос о реальности такой возможности. Предложены уточнённые критерии оценки добровольности отказа и меры по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: добровольный отказ, неоконченное преступление, приготовление, покушение, мнимая возможность, уголовная ответственность, статья 31 УК РФ, судебная практика.

Российский уголовный закон даёт человеку, начавшему преступление, шанс остановиться. Часть 1 статьи 31 УК РФ [10] признаёт добровольным отказом прекращение приготовления либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, при условии, что лицо осознавало возможность довести задуманное до конца. Часть 2 исключает ответственность за само преступление, если отказ был добровольным и окончательным. Догма выглядит простой, но на практике именно осознание возможности доведения вызывает наибольшие разногласия.

В доктрине к этим признакам добавляют добровольность, окончательность и своевременность. А.А. Тер-Акопов [9] ещё в начале 1980-х годов заметил, что ключ к квалификации лежит в вопросе о реальности возможности довести посягательство до конца. В.В. Питецкий [4] справедливо предостерегал от сведения этой возможности к физической способности совершить деяние, ведь её следует оценивать с учётом конкретной обстановки. Современные исследователи продолжают спор о границах нормы [8].

Возможность бывает действительной и мнимой. Действительная означает, что обстановка позволяет завершить начатое. Мнимая – лицо считает, что продолжать нельзя, хотя объективно пути остаются открытыми. Типичный пример – вор отступает от подъезда, увидев дворника, хотя никакой реальной угрозы не существовало. Если препятствие объективно преодолимо, а лицо всё равно останавливается, отказ остаётся добровольным. Если же оно убедилось в

невозможности завершить посягательство, содеянное превращается в покушение. Проблема в том, что границу между этими ситуациями суды проводят поразному.

А.Ю. Решетников [7] верно подмечает, что труднее всего отграничить отказ от недоведения по независящим обстоятельствам тогда, когда возникшие затруднения не исключают завершение посягательства, а лишь затрудняют его. Если виновный расценивает препятствие как преодолимое, но решает остановиться по собственной воле, налицо отказ. Если он воспринимает обстановку как безнадёжную, содеянное остаётся покушением. Практика, к сожалению, далеко не всегда следует этой логике.

Ориентиры дают разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. По делам о краже, грабеже и разбое Пленум указал, что разбой окончен уже с момента нападения [5]. Значит, после начала нападения ссылка на добровольный отказ невозможна в принципе. Другое постановление Пленума допускает отказ как на стадии приготовления, так и на стадии покушения при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера, если лицо осознавало возможность довести действия до конца и не столкнулось с причинами, возникшими помимо его воли [6]. Тем самым момент окончания конкретного состава фактически предопределяет судьбу любого довода об отказе.

Кассационная практика иллюстрирует оба полюса. По делу № 45-О-10-50 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила в силе оправдательный приговор, установив, что участники вооружённой группы приготовились к разбойному нападению на магазин, имели возможность довести его до конца, но добровольно и окончательно отказались [3]. Иное решение вынесено по делу № 45-О12-72. Стожков и Кузнецов напали на потерпевшего с применением огнестрельного оружия и выполнили объективную сторону разбоя, а завладеть машиной не смогли лишь потому, что их действия стали очевидны окружающим. Коллегия указала, что прекращение посягательства по независящим обстоятельствам добровольным отказом не является [2]. Наконец, в деле № 49-О13-12 осуждённый Гильманов ссылался на то, что после прихода хозяйки квартиры мог бы продолжить поиск денежных средств. Суд отверг этот довод, поскольку его действия были прерваны вынужденно, а не по собственной воле [1]. Перед нами три контрастных подхода – в первом деле отказ признан, в двух остальных нет.

Обзор практики обнаруживает устойчивую тенденцию. Суды охотно признают отказ на стадии приготовления и крайне редко – на стадии покушения. Ю.В. Свиридов [8] объясняет это обвинительным уклоном и размытостью формулировок закона. Получается парадоксальная ситуация. Закон обещает «золотой мост» к отступлению, но мост оказывается перекрыт в тот момент, когда лицо уже начало исполнять объективную сторону состава. В итоге норма работает почти исключительно для тех, кто остановился заранее, а её стимулирующий эффект заметно снижается.

Как суду проверять реальность возможности, закон не говорит. Предлагаем четыре контрольных вопроса. Первое – существовало ли препятствие объективно и было ли оно непреодолимым. Второе – как лицо воспринимало обстановку в момент отказа и опиралось ли его убеждение на реальные обстоятельства. Третье – был ли отказ окончательным или это лишь перенос посягательства на более удобный момент. Четвёртое – не завершился ли уже состав избранного преступления, ведь от этого зависит сама возможность отказа. Такой перечень придаст оценке предсказуемость и оградит её от произвольного толкования. Таким образом, нужны и законодательные меры. Стоит дополнить статью 31 УК РФ нормой о том, что отказ не исключается при наличии преодолимых препятствий, если лицо сохранило реальную возможность завершить посягательство и остановилось по собственной воле. Полезным было бы отдельное постановление Пленума Верховного Суда РФ о неоконченном преступлении с разъяснениями о применении статьи 31, включая случаи мнимой возможности. Требует внимания и специфика соучастия, ведь для организатора и подстрекателя закон требует активного предотвращения преступления, а перечень мер в законе так и не назван [11].

Добровольный отказ остаётся гибким инструментом гуманизации уголовного права, но его действенность напрямую зависит от того, насколько точно суды умеют отделять мнимую возможность от действительной. Единые критерии оценки и авторитетные разъяснения высшей судебной инстанции способны превратить статью 31 из редко работающей нормы в действенный механизм предупреждения преступлений.

Список использованных источников

1. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2010 г. № 45-О-10-50 // Контур.Норматив. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId =179277&moduleId=7 (дата обращения: 01.10.2026). – Текст: электронный.

2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2012 г. № 45-О12-72 // ГАРАНТ. – URL: https://base.garant.ru/70289914/ (дата обращения: 02.10.2026). – Текст: электронный.

3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 марта 2013 г. № 49-О13-12 // ГАРАНТ. – URL: https://base.garant.ru/70362246/ (дата обращения: 03.10.2026). – Текст : электронный.

4. Питецкий В.В. Применение нормы о добровольном отказе от совершения преступления // Российская юстиция. – 2008. – № 10. – С. 34–36.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (ред. от 16.06.2026) //

КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 30.09.2026). – Текст: электронный.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (ред. от 21.05.2026) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 30.09.2026). – Текст: электронный.

7. Решетников А.Ю. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 8 (81). – С. 122–132. – DOI: 10.17803/1994-1471.2017.81.8.122-132.

8. Свиридов Ю.В. Проблемы толкования и правоприменения добровольного отказа от преступления // Вестник Сургутского государственного университета. – 2025. – Т. 13, № 1. – С. 117–126. – DOI: 10.35266/2949-3455-2025-1-13.

9. Тер-Акопов А.А. Добровольный отказ от совершения преступления. – Москва : Юридическая литература, 1982. – 112 с.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954 ; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 28.09.2026).

11. Шатов С.А. Добровольный отказ соучастников преступления: специфика уголовно-правовой квалификации // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 5. – С. 307–310. – EDN: FKTWXI.

IMAGINARY POSSIBILITY OF COMPLETING THE CRIME AND CRITERIA OF VOLUNTARINESS OF ABANDONMENT

E.A. Dvoynova

Vladivostok State University,
Vladivostok, Russia

The article addresses one of the most controversial situations in the application of Article 31 of the Criminal Code of the Russian Federation. It examines cases where a person refers to an obstacle that either did not exist or could have been overcome. Drawing on the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and three cassation rulings of the Judicial Collegium for Criminal Cases, the author shows why courts reach different conclusions regarding the reality of such a possibility. Refined criteria for assessing the voluntariness of abandonment are proposed, together with legislative amendments.

Keywords: voluntary abandonment, incomplete crime, preparation, attempt, imaginary possibilit, criminal liability, Article 31 of the Criminal Code, judicial practice.

УДК 347.78

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Е.А. Двойнова

Владивостокский государственный университет,
г. Владивосток, Россия

Статья посвящена судебной защите национальной культуры в России. Разбираются недавние решения Верховного Суда РФ и Суда по интеллектуальным правам, по делам об объектах культурного наследия и средствах индивидуализации. На их материале показаны типичные разночтения – от правового режима выявленных объектов до злоупотреблений интеллектуальными правами, мешающих доступу к культурным ценностям. По итогам сформулированы предложения по корректировке законодательства и обеспечению единообразия практики.

Ключевые слова: национальная культура, культурное наследие, правовая защита, судебная практика, нематериальное этнокультурное достояние, патентный троллинг, объекты культурного наследия.

Культурная идентичность держится на материальных и духовных ценностях, которые народ создаёт и передаёт из поколения в поколение. Глобализация стирает границы между традициями, и сохранение национального своеобразия превращается из отвлечённой темы в практическую задачу. России, с её необычайным культурным многообразием, нужна система правовых гарантий, которая действительно защищает наследие, а не остаётся декларацией. Цель настоящей работы – проанализировать действующее законодательство и судебную практику в сфере охраны национальной культуры, показать узкие места правоприменения и наметить пути совершенствования нормативной базы.

Статья 44 Конституции РФ гарантирует каждому свободу литературного, художественного, научного и любого иного творчества и одновременно охраняет интеллектуальную собственность; часть 3 статьи 68 называет культуру уникальным наследием её многонационального народа [6]. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [16] описывает, как сохраняются материальные объекты культуры. Отношения в сфере интеллектуальной собственности регулирует Гражданский кодекс РФ [4]. Нарушение требований сохранения наследия влечёт административную ответственность по статьям 7.13 и 7.14.1 КоАП РФ [5], а при существенных последствиях – уголовную по статье 243 УК РФ [14]. Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [15] принят недавно, но уже показал трудности его применения.

Как суды определяют статус выявленных объектов культурного наследия, хорошо видно на материале дела о повреждении объекта «Здание старого корпуса № 3 санатория «Москва» («Дача Покровского», начало XX века)» –

определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 августа 2025 г. № 18-КГ25-255-К4 [7]. Здание пострадало от демонтажных работ, которые, по материалам дела, провели неустановленные лица; по этому факту возбуждено уголовное дело по части 1 статьи 243 УК РФ. В выписке из ЕГРН сведения о включении объекта в реестр культурного наследия отсутствовали, не упоминался объект и в градостроительном плане земельного участка – проявляются противоречия между законодательством об объектах культурного наследия и данными ЕГРН [1]. Первая инстанция при повторном рассмотрении дела в иске отказала, поскольку ответчика не уведомили о включении здания в перечень выявленных объектов, а значит, возложить на него обязанности по сохранению нельзя. Апелляция рассудила иначе – неуведомление не снимает такой обязанности, если сведения об объекте есть в иных общедоступных документах. К этому выводу присоединился и кассационный суд. Верховный Суд РФ встал на сторону собственника, ведь тот не располагал сведениями о включении здания в перечень выявленных объектов, а значит, возложение на него обязанностей по сохранению неправомерно. Судьи указали и на то, что объект к этому моменту фактически демонтирован, поэтому нижестоящим судам следовало оценить возможность его воссоздания по статье 47 Федерального закона № 73-ФЗ, чего сделано не было [7]. Перед нами столкновение двух подходов. По формальному – нет записи в реестре и уведомления, значит, нет и обязанности. По содержательному – собственник знал о ценности здания, и пока единого подхода нет, эта неопределённость позволяет уклоняться от сохранения объектов.

Также показательно определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 сентября 2024 г. № 9-КГ24-8-К1 по делу о «Жилом доме мещанки Пелагеи Рычковой» в Нижнем Новгороде [8]. Управление государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области требовало от собственника воссоздать исторически ценный градоформирующий объект. Первая инстанция в иске отказала, но апелляция и кассация поддержали истца, обязав ответчика воссоздать высотные параметры, архитектурный облик фасадов, историческую форму крыши и традиционные отделочные материалы. Верховный Суд РФ отменил эти акты, усмотрев существенные нарушения норм материального и процессуального права. Даже доказанный снос не гарантирует восстановление – суды спотыкаются о конкретные параметры работ, а без специалистов и экспертиз обойтись трудно. Демонтаж пристроек у «Приюта губернского детского» в Перми (ул. Ленина, 56) показал иную грань проблемы. Арбитражный суд Пермского края частично удовлетворил иск государственной инспекции по охране памятников. Ответчиков обязали демонтировать пристройки на уровне первого этажа и восстановить оконные проёмы по техпаспорту 2007 года, тогда как в требованиях по внутриарочному проезду, где размещается кафе, было отказано. На исполнение дали 8 месяцев, неустойка – 2 тыс. руб. за каждый день просрочки [13]. А по иску Мосгорнаследия к ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет» о проведении работ по сохранению федерального объекта «Дом Мусина-Пушкина: три флигеля и ограда, конец XVIII в., арх. М.Ф.

Казаков» кассационное постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 марта 2025 г. по делу № А40-76295/2024 подтвердило законность требований ведомства, так как правообладатель долго не выполнял требования о сохранении, и пришлось прибегнуть к судебному принуждению [9].

Практика Суда по интеллектуальным правам рисует показывает следующее – институты интеллектуальной собственности порой используют, чтобы неправомерно ограничивать доступ к культурным ценностям. Постановлением Президиума СИП от 2 сентября 2026 г. по делу № СИП-1169/2025 оставлено в силе решение этого суда от 7 мая 2026 г. – важный прецедент против патентного троллинга [10]. Индивидуальный предприниматель Скиба О.А. оспаривала решение Роспатента об аннулировании правовой охраны знака обслуживания № 723358 «ТВОЯ УСАДЬБА». Суд пришёл к выводу, что действия подателя возражения – правообладателя противопоставленных обозначений – недобросовестны и подпадают под понятие патентного троллинга, поскольку цель состояла не в защите собственных прав, а в аннулировании чужого знака без всяких добросовестных намерений. Приобретение и использование товарных знаков этого общества уже не раз признавалось судами злоупотреблением правом. В итоге решение Роспатента признано недействительным, и правовая охрана знака обслуживания восстановлена. Для национальной культуры этот прецедент значим, ведь судебная система показала готовность пресекать злоупотребления, способные ограничить использование культурных символов и обозначений.

Заслуживает упоминания и дело о псевдониме «Доктор Лиза», связанном с именем Елизаветы Глинки (дело № СИП-726/2024) [12]. Согласие наследника на регистрацию псевдонима в качестве знака обслуживания суд квалифицировал как самостоятельную сделку, опосредующую предоставление права на регистрацию знака в отношении конкретного перечня товаров и услуг. Без прямого волеизъявления наследника нельзя утверждать, что его воля охватывала использование знака для широкого круга услуг, часть которых к благотворительности отношения не имеет. Решение разводит права организации, работающей под именем известного человека, и права наследника на псевдоним – а для защиты национальной культуры это пример судебного контроля за использованием имён и образов, имеющих культурную значимость. Есть и административно-процедурный сюжет. В деле № СИП-705/2025 суд признал незаконным двухлетнее бездействие Роспатента при рассмотрении возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку (позже решение оставлено в силе постановлением Президиума СИП от 30.06.2026). Рассмотрение вышло за пределы разумного срока и нарушало право заявителя на защиту интеллектуальных прав в административном порядке. Роспатенту предписано рассмотреть возражение и принять решение в течение трёх месяцев со дня вступления судебного акта в законную силу [11].

За 2025 год суды рассмотрели 737 споров, в которых обжаловались решения Роспатента [2]; в большинстве случаев оспаривались решения по результатам рассмотрения возражений в отношении средств индивидуализации (553), по объектам патентных прав – 184. При этом по основаниям, связанным с

неправильным применением Роспатентом норм законодательства, недействительными признаны лишь 70 решений по средствам индивидуализации (3,3 % от общего числа принятых) и 13 по объектам патентных прав (2,9 %). Картина в целом благополучная – качество решений ведомства высокое. Но у статистики есть слепая зона – она не отражает случаи, когда решения отменяются по доказательствам, не рассматривавшимся в административной процедуре. Это сигнал, что проверку материалов на административной стадии стоит вести тщательнее.

Обобщая сказанное, выделим системные проблемы правового регулирования защиты национальной культуры. Прежде всего – неопределённость статуса выявленных объектов культурного наследия, ведь практика не даёт единого ответа, с какого момента у собственника возникает обязанность по сохранению объекта. На наш взгляд, стоит законодательно закрепить презумпцию осведомлённости собственника о культурной ценности объекта при наличии сведений в общедоступных источниках – от градостроительной документации до информационных систем. Далее это – злоупотребления в сфере интеллектуальной собственности, направленные на ограничение доступа к культурным ценностям. Прецедент по делу № СИП-1169/2025 [10] показал, что судебное противодействие работает, однако критерии недобросовестного поведения правообладателей всё ещё требуют законодательного закрепления [3]. Следующая проблема – незавершённость регулирования нематериального культурного наследия. Федеральный закон № 402-ФЗ [15] стал важным шагом, но подзаконная база до сих пор не сформирована. Языки, фольклор, обычаи, обряды и традиционные ремёсла не обеспечены действенными механизмами выявления, фиксации и охраны. Произведения народного творчества без конкретного автора нередко выпадают из-под действия авторского права, открывая простор для незаконного коммерческого использования и искажения. И наконец, неэффективность восстановительных мер. Даже при доказанности нарушения суды с трудом определяют параметры восстановительных работ, а исполнение решений затягивается на годы.

Правовая защита национальной культуры в России – задача комплексная, и решить её одним актом невозможно. Судебная практика последних лет даёт поводы и для оптимизма (противодействие патентному троллингу, принуждение к сохранению объектов наследия), и для тревоги (неопределённость статуса выявленных объектов, незавершённость регулирования нематериального наследия). Стоит принять подзаконные акты к Федеральному закону № 402-ФЗ [15], закрепив конкретные механизмы выявления, фиксации и охраны объектов нематериального этнокультурного достояния. Гражданский кодекс следует дополнить нормами о защите произведений народного творчества от искажения и незаконного коммерческого использования. Нужны и законодательные критерии недобросовестного поведения правообладателей при регистрации и использовании средств индивидуализации, связанных с культурными ценностями. Следует уточнить критерии отнесения объектов к культурным ценностям – это повысит эффективность и административной, и уголовной ответственности. Единообразия судебной практики по делам о защите объектов культурного наследия можно

добиться через разъяснения Верховного Суда РФ. Выполнение этих мер укрепит и культурное многообразие страны, и национальную идентичность.

Список использованных источников

1. Аликиева А. М., Перов И. А., Панфилов А. Н. Обеспечение правового режима земель, в границах которых располагаются объекты археологического наследия: вопросы правового регулирования и правоприменения // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2025. – Т. 11, № 3 (43). – С. 104–120. – DOI: 10.21684/2411-7897-2025-11-3-104-120.

2. Аналитическая справка по результатам анализа судебной практики по спорам, связанным с правовой охраной объектов интеллектуальной собственности. 2025 год / Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент), Федеральный институт промышленной собственности. – Москва, 2026. – URL: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/2026/022026/analit _sp_sud_2025. pdf.pdf (дата обращения: 05.10.2026). – Текст : электронный.

3. Гаджиев Г. А. Патентный троллинг: вопросы правовой квалификации (часть 2) // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 3. – С. 49–62.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496 ; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?Docbody =&nd=102110716 (дата обращения: 26.09.2026).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1 ; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody &nd=102074277 (дата обращения: 27.09.2026).

6. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.09.2026). – Текст : электронный.

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 августа 2025 г. № 18-КГ25-255-К4 по делу о сохранении выявленного объекта культурного наследия «Здание старого корпуса № 3 санатория «Москва» («Дача Покровского», начало XX века)» // СудАкт. – URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/cPkEgcIMHQHT/ (дата обращения: 30.09.2026). – Текст : электронный.

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2024 г. № 9-КГ24-8-К1 по делу о восстановлении исторически ценного градоформирующего объекта «Жилой дом мещанки Пелагеи Рычковой» // ЮИС Легалакт. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-

verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-24092024-n-9-kg24-8-k1-uid-52rs0005-01-2022-009467-08/ (дата обращения: 28.09.2026). – Текст : электронный.

9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 марта 2025 г. по делу № А40-76295/2024 // Официальный сайт Мэра Москвы. – URL: https://www.mos.ru/dkn/documents/view/321070220 (дата обращения: 27.09.2026). – Текст : электронный.

10. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 2 сентября 2026 г. по делу № СИП-1169/2025 // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=163113 (дата обращения: 03.10.2026). – Текст : электронный.

11. Решение Суда по интеллектуальным правам от 11 февраля 2026 г. по делу № СИП-705/2025 // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=154892 (дата обращения: 02.10.2026). – Текст : электронный.

12. Решение Суда по интеллектуальным правам от 15 ноября 2024 г. по делу № СИП-726/2024 // Гарант. – URL: https://base.garant.ru/410979316/ (дата обращения: 01.10.2026). – Текст : электронный.

13. Суд обязал снести пристройки у исторического приюта в Перми // Коммерсантъ (Пермь). – 2026. – 1 октября (№ 181). – С. 8. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8990846 (дата обращения: 04.10.2026). – Текст : электронный.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954 ; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 26.09.2026).

15. Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // Кремль. Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48445 (дата обращения: 29.09.2026). – Текст: электронный.

16. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 26. – Ст. 2519 ; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076756 (дата обращения: 26.09.2026).

LEGAL ASPECTS OF PROTECTING NATIONAL CULTURE IN RUSSIA: AN ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

E.A. Dvoynova

Vladivostok State University,
Vladivostok, Russia

The article is devoted to the judicial protection of national culture in Russia. Recent decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Court for

Intellectual Property Rights in cases concerning cultural heritage objects and means of individualization are analysed. Based on these materials, typical discrepancies are shown – from the legal regime of identified objects to the abuse of intellectual property rights that hinders access to cultural values. Based on the results, proposals have been formulated to adjust the legislation and ensure uniformity of practice.

Keywords: national culture, cultural heritage, legal protection, judicial practice, intangible ethnocultural heritage, patent trolling, cultural heritage sites.

УДК 911.3:32

ИМПЕРИИ И ГРАНИЦЫ: КАК ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ ПРОШЛОГО ФОРМИРОВАЛИ СОВРЕМЕННУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ КАРТУ МИРА

И.А. Дрозденко

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье исследуются механизмы влияния имперского прошлого на политическую карту мира. На основе сравнительного анализа морской экспансии и континентального разграничения выделены военный, договорный и административный способы организации пространства. Показано, что устойчивость границ определяется не только обстоятельствами завоевания, но и последующим признанием, практиками управления и решениями государств-преемников. Обоснована необходимость различать историческое происхождение рубежа и его современный политический статус.

Ключевые слова: империя, государственная граница, политическая география, колониализм, территориальное наследие.

Современная политическая карта отражает несколько исторических слоёв. Среди них выделяется деятельность империй, объединявших территории с различными правовыми режимами и способами управления. Однако совпадение старого рубежа с нынешней границей ещё не объясняет его сохранения. Цель статьи – выявить механизмы, посредством которых имперская организация пространства переживает создавшее её государство. Работа имеет обзорно-аналитический характер и основана на сопоставлении опубликованных исследований.

В качестве исходного положения принимается различение империи как исторического типа государства и империи как оценочного политического понятия. В. В. Шишков показывает ограничения трактовок, автоматически отождествляющих имперское устройство с великодержавным влиянием [1]. Для настоящего исследования существенны отношения центра и периферии, неодинаковое положение территорий и способы закрепления власти. Подобные признаки позволяют изучать конкретные институты, избегая объяснения любых международных отношений через имперскую модель.

Сравнение строится по трём признакам: объект контроля, способ установления рубежа и форма его дальнейшего воспроизводства. Объектом могли выступать сплошная территория, порт или торговый маршрут. Рубеж закреплялся военным присутствием, соглашением либо административным решением. Впоследствии он сохранялся благодаря работе учреждений, инфраструктуре и признанию соседей. Эта схема не предполагает единого пути развития: сходные исходные условия могли приводить к различным территориальным результатам.

Морская экспансия Португалии XV–XVI вв. демонстрирует, что имперская мощь не всегда требовала одинаково плотного освоения пространства. В исследовании И. В. Лоховой раскрывается соединение торговых интересов, политических целей и ограниченности ресурсов метрополии [2]. Контроль морских коммуникаций и опорных пунктов обеспечивал влияние, несоразмерное площади самой Португалии. Поэтому карту такой империи следует читать не только как совокупность закрашенных владений, но и как систему узлов, доступ к которым определял возможности обмена.

Для последующего государственного строительства важны не только очертания владений, но и размещение портов, дорог и административных центров. Унаследованная инфраструктура способна поддерживать прежнее направление хозяйственных потоков после смены политического режима. Такая зависимость не является неизбежной.

Другой механизм обнаруживается в договорном разграничении. А. Ю. Петров рассматривает подготовку Русско-американской конвенции 1824 г. на фоне соперничества за североамериканское пространство [3]. Его исследование показывает, как заявленные притязания корректировались переговорами и соотношением возможностей сторон. Договор переводил конкуренцию из неопределённой сферы экспансии в более формализованный порядок. Вместе с тем конвенцию нельзя считать готовым проектом всей современной границы Аляски: последующие соглашения и политические изменения составляют самостоятельные этапы её истории.

Договорный механизм позволяет уточнить роль великих держав. Их решения влияли на территориальный порядок, но фактическое владение, заявленная претензия и признанный рубеж не были тождественны. На исторической карте необходимо различать эти состояния. Иначе линия, обозначавшая сферу интересов, ошибочно воспринимается как полноценная государственная граница. Не менее существенно учитывать участие местных обществ, чьи хозяйственные связи могли пересекать разграничительные линии и сохранять значение после их установления.

Континентальный пример даёт история российско-казахстанской границы. А. К. Кистаубаева и Е. Л. Нечаева рассматривают архивные материалы, отражающие административные, хозяйственные и политические основания разграничения [4]. Для современных контуров существенным оказался советский период, а после распада СССР потребовалось межгосударственное оформление рубежа. Следовательно, нынешнюю границу некорректно непосредственно выводить из экспансии Российской империи. Между имперским освоением и современной

политической картой существовали этапы переустройства, изменившие назначение территориальных линий.

Внутреннее разграничение и международная граница выполняют разные функции. Пока территории подчинены общему центру, административная линия распределяет полномочия учреждений и хозяйственные задачи. При появлении самостоятельных государств она становится рубежом юрисдикций. Сохранение её положения может уменьшать неопределённость, поскольку население и органы управления уже располагают опытом использования данного разделения. Однако наследование линии само по себе не разрешает вопросы доступа к коммуникациям, перемещения людей и согласования интересов приграничных районов.

Сопоставление примеров выявляет три механизма преемственности: сохранение инфраструктурных узлов, закрепление договорных компромиссов и изменение статуса административных рубежей. Их аналитическая ценность состоит в возможности отделить происхождение границы от причин её устойчивости. Военное преимущество объясняет расширение владений, но недостаточно объясняет длительное существование рубежа. Для этого необходимо изучать позднейшее управление пространством, изменение хозяйственных связей и готовность соседей воспроизводить установленный порядок [2; 3; 4].

Рассмотренные случаи раскрывают механизмы, но не измеряют вклад всех империй в политическую карту. Проверка преемственности требует сопоставления карт и административных актов. Её признаком служит последовательность решений, связывающая прежний рубеж с последующим разграничением.

Таким образом, империи формировали политическую карту через организацию территорий, коммуникаций и отношений между центром и периферией. Современные границы возникали не только в результате экспансии, но и вследствие переговоров и решений государств-преемников. Историческое объяснение требует учитывать эту последовательность: происхождение рубежа не предопределяет его дальнейшую судьбу и не заменяет анализа обстоятельств, при которых он получил новое значение.

Список использованных источников

1. Шишков, В. В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации / В. В. Шишков // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 4. – С. 22–36. – DOI 10.17976/jpps/2018.04.03. – EDN UUOYYM.

2. Лохова, И. В. Особенности португальской колониальной экспансии XV–XVI веков / И. В. Лохова // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. – С. 112–123. – DOI 10.25136/2409-868X.2023.11.43589. – EDN YUMHWU.

3. Петров, А. Ю. К 200-летию со дня подписания первой Русско-американской конвенции / А. Ю. Петров // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2024. – Т. 54, № 5. – С. 77–91. – DOI 10.31857/S2686673024050069. – EDN ZXBMEZ.

4. Кистаубаева, А. К. Документальное наследие истории формирования российско-казахстанской границы: систематизация и обзор российских архивных фондов / А. К. Кистаубаева, Е. Л. Нечаева // Россия в глобальном мире. – 2025. – Т. 28, № 4. – С. 81–104. – DOI 10.48612/rg/RGW.28.4.6. – EDN TFHPPJ.

EMPIRES AND BORDERS: HOW THE GREAT POWERS OF THE PAST SHAPED THE MODERN POLITICAL MAP OF THE WORLD

I.A. Drozdenko

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines how imperial legacies influence the political map of the world. A comparative analysis of maritime expansion and continental boundary formation identifies military, diplomatic and administrative mechanisms of spatial organisation. Border persistence depends on subsequent recognition, governance and decisions made by successor states. The study distinguishes the historical origins of a boundary from its later political status and explains why imperial legacies are reproduced selectively.

Keywords: empire, state border, political geography, colonialism, territorial legacy.

УДК 339.9

ОТ ВЕЛИКОГО ШЁЛКОВОГО ПУТИ К ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ТОРГОВЛЯ КАК ДВИГАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

И.А. Дрозденко

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Рассматривается роль торговли в преобразовании межрегиональных связей от древних евразийских маршрутов до современной глобализации. Методом исторического сопоставления разграничены расширение обмена и интеграция рынков. Выделены механизмы влияния торговли на развитие городов, институтов и технологий. Показано, что сокращение транспортных и информационных издержек усиливало взаимозависимость обществ, однако распределение выгод определялось политической властью и условиями доступа к инфраструктуре.

Ключевые слова: Великий шёлковый путь, торговля, глобализация, экономическая история, интеграция рынков.

Торговля связывала удалённые общества задолго до возникновения современной мировой экономики. Однако наличие дальних маршрутов ещё не означало единства рынков. Цель статьи – определить, при каких условиях обмен

становился фактором долговременных исторических изменений. Исследование представляет собой сравнительный анализ научной литературы; сопоставляются организация маршрутов, способы обеспечения сделок и последствия уменьшения расстояния между производителем и потребителем в экономическом, а не только географическом смысле.

А. Г. Люлина и Е. А. Маликова связывают становление торговли на пространстве Шёлкового пути с развитием контактов Китая и Центральной Азии [1]. Для анализа существенно, что речь идёт о разветвлённых связях, складывавшихся постепенно. Товар мог проходить через нескольких посредников, каждый из которых обслуживал знакомый участок маршрута. Поэтому представление о единой дороге, непрерывно соединявшей два неизменных конечных пункта, чрезмерно упрощает устройство исторического обмена.

Посредничество было самостоятельным экономическим ресурсом. Оно требовало знания языков, мер веса, местных правил и состояния дорог. Даже при наличии спроса перевозка оставалась рискованной, если участники не могли проверить качество товара или обеспечить выполнение обязательств. Следовательно, развитие торговли следует объяснять совместным действием материальной инфраструктуры и институтов доверия. Выгодное географическое положение создавало возможность обмена, но его регулярность зависела от безопасности и приемлемых для участников условий.

Морская экспансия раннего Нового времени изменила масштаб и политические условия обмена. И. В. Лохова показывает на португальском материале соединение торгового контроля с колониальными захватами и интересами правящих групп [2]. Открытие морского пути в Индию в 1498 г. расширило возможности европейского участия в азиатской торговле. При этом военное превосходство позволяло ограничивать конкурентов. Поэтому рост международных связей сопровождался не только появлением новых возможностей, но и перераспределением доходов в пользу участников, контролировавших доступ к маршрутам.

Этот пример выявляет двойственное отношение торговли и государственной власти. Защита коммуникаций уменьшает часть рисков, но монополизация прохода создаёт новые издержки для остальных участников. Доход посредника может опираться на полезную услугу либо на принудительное ограничение доступа. Историческое исследование должно различать эти основания прибыли. Сам по себе большой товарооборот не свидетельствует о равноправии партнёров, а богатство торгового центра не доказывает благополучия всех территорий, включённых в обслуживаемую им систему.

Ключевой методологический вопрос состоит в датировке глобализации. К. О’Рурк и Дж. Уильямсон предлагают различать увеличение торговли вследствие роста спроса и предложения и увеличение торговли благодаря сближению рынков. По их оценке, особенно значимое ускорение интеграции приходится на XIX в., причём аргумент строится на изменении ценовых различий, а не только на факте географических открытий [3]. Такая позиция не отменяет значения древних маршрутов, но не позволяет напрямую приравнивать их к современной глобальной экономике.

Указанное различение делает исторический анализ более точным. Дорогой редкий товар может преодолевать огромные расстояния, почти не затрагивая

повседневное потребление большинства населения. Иная ситуация складывается, когда регулярные перевозки влияют на цены массовых товаров и решения производителей. Тогда внешний спрос изменяет специализацию целых районов, а нарушение поставок передаётся через несколько связанных рынков. Расстояние сохраняется физически, но его экономическое значение меняется вместе со стоимостью доставки и скоростью получения информации.

В современных условиях к транспортным связям добавляется цифровая инфраструктура. И. И. Арсентьева рассматривает Цифровой Шёлковый путь в контексте сотрудничества Китая со странами Латинской Америки и Карибского бассейна [4]. В этой модели существенны связь, технологические решения и борьба за лидерство. Историческое название выражает идею соединения пространств, однако не доказывает прямой преемственности между древними караванами и цифровыми проектами. Сравнивать их целесообразно по функциям, а не по сходству политических образов.

Функциональное сопоставление обнаруживает устойчивую проблему контроля над посредничеством. На разных этапах его обеспечивают знание маршрута, владение портом или управление информационной системой. Меняется техническая основа, но сохраняется способность посредника определять условия доступа. Отсюда следует предложенный в статье критерий: преобразующая роль торговли зависит одновременно от расширения связей и от возможности участников пользоваться ими. Инфраструктура, доступная лишь узкому кругу, даёт иные результаты, чем связь, поддерживающая конкуренцию и появление новых производителей.

Обзор также показывает ограниченность линейного рассказа о непрерывном движении к единому рынку. Для доказательства интеграции необходимо сочетать сведения о маршрутах с динамикой цен, структурой перевозок и правилами заключения сделок. Отдельные впечатляющие путешествия не заменяют таких данных. Отбор четырёх исследований позволяет сопоставить механизмы, но не даёт оснований для количественной оценки всех этапов мировой торговли. Предлагаемая схема служит инструментом постановки дальнейших исследовательских вопросов.

Таким образом, торговля становилась двигателем перемен тогда, когда устойчивые связи изменяли производство, специализацию и общественные институты. Шёлковый путь, морские маршруты и цифровые сети представляют различные формы этой связи. Переход к глобализации определяется не одной датой открытия нового пути, а глубиной взаимодействия рынков. Историческая роль обмена поэтому должна оцениваться вместе с устройством власти и распределением доступа к инфраструктуре: расширение взаимозависимости само по себе не обеспечивает равномерного развития.

Список использованных источников

1. Люлина, А. Г. Предпосылки и начало развития торговых отношений на пространстве Шелкового Пути / А. Г. Люлина, Е. А. Маликова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 424–433. – DOI 10.22363/2312-8127-2023-15-4-424-433. – EDN DJHMDI.

2. Лохова, И. В. Особенности португальской колониальной экспансии XV–XVI веков / И. В. Лохова // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. – С. 112–123. – DOI 10.25136/2409-868X.2023.11.43589. – EDN YUMHWU.

3. O'Rourke, K. H. When did globalisation begin? / K. H. O'Rourke, J. G. Williamson // European Review of Economic History. – 2002. – Vol. 6, no. 1. – P. 23–50. – DOI 10.1017/S1361491602000023.

4. Арсентьева, И. И. Цифровой Шелковый путь КНР: вызовы и возможности для региона Латинской Америки и Карибского бассейна / И. И. Арсентьева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 51–64. – DOI 10.22363/2313-0660-2024-24-1-51-64. – EDN EUXXHM.

FROM THE GREAT SILK ROAD TO GLOBALISATION: TRADE AS A DRIVER OF HISTORICAL CHANGE

I.A. Drozdenko

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines the role of trade in transforming interregional connections from ancient Eurasian routes to contemporary globalisation. Historical comparison distinguishes the expansion of exchange from market integration. The analysis identifies mechanisms linking trade to urban development, institutions and technology. Lower transport and information costs increased interdependence, while political power and access to infrastructure shaped the distribution of benefits. Trade is therefore assessed through both connectivity and participation.

Keywords: Great Silk Road, trade, globalisation, economic history, market integration.

УДК 94

ЭПИДЕМИИ, ВОЙНЫ И МИГРАЦИИ: КАК КРИЗИСЫ МЕНЯЛИ ХОД МИРОВОЙ ИСТОРИИ

И.А. Дрозденко

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Исследуется взаимосвязь эпидемий, войн и вынужденных миграций как факторов исторических изменений. На основе сопоставления средневекового Лондона и кризисов начала XX в. выделены демографический, хозяйственный и институциональный механизмы воздействия. Показано, что последствия потрясений зависели от организации снабжения, медицинской помощи и размещения населения. Предложено рассматривать кризис как последовательность

взаимосвязанных нарушений, исторический результат которых определяется устройством общества и принятыми решениями.

Ключевые слова: эпидемии, война, вынужденная миграция, исторический кризис, общественные институты.

В историческом повествовании эпидемия, война и миграция нередко выступают самостоятельными причинами перемен. Такое разделение облегчает описание событий, но скрывает взаимное усиление факторов. Военные действия нарушают хозяйственные связи, переселения увеличивают нагрузку на принимающие территории, а массовая заболеваемость сокращает возможности восстановления. Цель статьи – сопоставить механизмы этих взаимодействий и определить условия, при которых кратковременное потрясение приобретает долговременные социальные последствия.

Методологическую основу составляет сравнительное чтение опубликованных исторических исследований. Обзор В. В. Кондрашина и Г. Е. Корнилова показывает значимость совместного изучения голода и эпидемий и необходимость учитывать неодинаковую разработанность отдельных периодов [1]. В данной статье сопоставляются кризис городской жизни во время средневековой чумы и нарушения, связанные с Первой мировой войной. Эти случаи не образуют полной истории катастроф; они позволяют проверить объяснительную схему на разных по устройству обществах.

Сравнение охватывает исходное потрясение, его распространение и общественный ответ. Исследуются нарушения снабжения, перемещения людей и доступность помощи, затем – действия учреждений. Такой порядок позволяет различать причины и следствия: переселение бывает результатом войны и одновременно условием возникновения трудностей в месте прибытия.

Социальное действие эпидемии прослеживается на материале Лондона 1348–1351 гг. Д. В. Лештаев показывает, что потери населения нарушили работу ремесленных корпораций и усилили напряжение между мастерами и зависимыми от них работниками [2]. Попытки городских властей поддержать прежние ограничения не обеспечивали автоматического восстановления порядка. Этот пример важен тем, что связывает демографический удар с конкретными отношениями труда и управления. Общая формула о «переломе истории» становится содержательной лишь после выявления таких связей.

Вместе с тем дефицит работников не следует считать универсальным источником освобождения или роста благосостояния. Его последствия зависят от того, способен ли работник сменить нанимателя, располагает ли средствами к существованию и как действует власть. Гибель части населения может усиливать переговорные возможности выживших, но одновременно разрушать хозяйства и поддержку внутри семей. Поэтому направление изменений нельзя вывести из одной величины смертности. Нужны сведения о занятости, собственности и положении разных социальных групп.

Первая мировая война раскрывает иной масштаб взаимодействия кризисов. В. С. Куликова и соавторы рассматривают медицинскую эвакуацию и

санитарные мероприятия в условиях массовых военных потерь [3]. Необходимость перемещения раненых, организации лечения и противоэпидемической работы требовала согласования действий множества учреждений. Проблемой становился не только объём ресурсов, но и порядок их использования. Транспорт, необходимый армии и хозяйству, одновременно должен был обеспечивать медицинскую помощь и движение гражданского населения.

Из данного примера следует, что инфраструктура во время кризиса может выполнять противоположные функции. Она доставляет продовольствие и помощь, но при недостаточной организации перемещений способствует концентрации уязвимых людей. Значение имеет не движение само по себе, а условия поездки и прибытия: обеспеченность водой, жильём и уходом. Объяснение эпидемического риска через принадлежность человека к группе мигрантов ошибочно заменяет анализ условий жизни социальной характеристикой. Историк должен исследовать именно механизм возникновения уязвимости.

Региональный уровень вынужденной миграции раскрыт в работе М. А. Сергиенко и И. Г. Галушко о помощи беженцам в Курской губернии [4]. Авторы рассматривают размещение прибывших, деятельность городского и земского самоуправления и привлечение людей к сельскохозяйственному труду. Исследование позволяет увидеть напряжение между обеспечением нужд населения и стремлением использовать его труд. Вынужденное переселение меняло не только численность жителей, но и распределение обязанностей, расходов и полномочий между принимающими учреждениями.

В сравнительной перспективе миграция означает перенос кризиса за пределы первоначального очага. Территория, не затронутая боями непосредственно, сталкивается с дополнительным спросом на жильё и продовольствие. Однако прибывающие люди также обладают навыками и способны участвовать в восстановлении хозяйства. Результат зависит от условий включения в местную жизнь. Краткосрочное размещение, доступ к работе и сохранение семейных связей необходимо рассматривать как разные задачи: успешное решение одной не гарантирует выполнения остальных.

Сопоставление случаев позволяет выделить общий механизм: первичное потрясение изменяет соотношение потребностей населения и возможностей существующих учреждений. Далее последствия усиливаются либо ограничиваются решениями о распределении помощи, регулировании труда и организации перемещений. Для Лондона существенны отношения внутри городской экономики, для военного времени – взаимодействие медицинских и административных структур [2; 3]. Общим оказывается не одинаковый набор мер, а необходимость приспособить институты к резко изменившимся условиям.

Источниковедческая осторожность особенно важна при оценке результатов. Сокращение числа зарегистрированных жителей не тождественно числу умерших: оно может отражать отъезд и нарушения учёта. Рост обращений за помощью способен свидетельствовать как об ухудшении положения, так и о расширении доступности поддержки. Распоряжение о создании учреждения ещё не

подтверждает его полноценную работу. Поэтому решения следует сопоставлять с расходами и свидетельствами участников.

Таким образом, кризисы меняли ход истории через взаимосвязанные демографические, хозяйственные и институциональные процессы. Эпидемия не объясняет общественные изменения вне условий жизни, война – вне снабжения и управления, а миграция – вне обстоятельств приёма населения. Сравнение показывает, что последствия потрясений не были предопределены: значение имели доступные ресурсы и способы их распределения. Изучение этой зависимости позволяет перейти от перечисления катастроф к объяснению различий в устойчивости исторических обществ.

Список использованных источников

1. Кондрашин, В. В. История голода и эпидемий в России: историографическая ситуация / В. В. Кондрашин, Г. Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 1 (70). – С. 6–13. – DOI 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-6-13. – EDN ESIVXY.

2. Лештаев, Д. В. Средневековый Лондон в период эпидемии чумы (1348–1351): некоторые аспекты социальной жизни / Д. В. Лештаев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2023. – Т. 23, вып. 4. – С. 459–468. – DOI 10.18500/1819-4907-2023-23-4-459-468. – EDN CZDRYU.

3. Лечебно-эвакуационное обеспечение и санитарно-противоэпидемические мероприятия в годы Первой мировой войны / В. С. Куликова, В. О. Макейкина, С. Н. Блиняев, С. В. Кистанов // Огарёв-online. – 2025. – Т. 13, № 2. – С. 120–130. – DOI 10.15507/2311-2468.013.202502.120-130. – EDN QLTESQ.

4. Сергиенко, М. А. Деятельность органов местного самоуправления по оказанию помощи беженцам на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны / М. А. Сергиенко, И. Г. Галушко // Via in tempore. История. Политология. – 2026. – Т. 53, № 1. – С. 146–156. – DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-146-156. – EDN MMNPZC.

EPIDEMICS, WARS AND MIGRATION: HOW CRISES CHANGED THE COURSE OF WORLD HISTORY

I.A. Drozdenko

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The article explores the interaction of epidemics, wars and forced migration as factors of historical change. Comparing medieval London with crises of the early twentieth century reveals demographic, economic and institutional mechanisms. Their consequences depended on the organisation of supplies, medical care and population settlement. A crisis is interpreted as a sequence of connected disruptions whose historical outcomes are shaped by social structures and decisions concerning the allocation of resources.

Keywords: epidemics, war, forced migration, historical crisis, social institutions.

УДК 343.233

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, УСЛОВИЯ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Р.А. Дутаев[1], М.М. Дадашов[1], С.А. Ходжалиев[2]

[1]Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова, г. Грозный, Россия,
[2]Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия

В статье рассматривается добровольный отказ от совершения преступления как самостоятельный институт российского уголовного права, позволяющий прекратить реализацию преступного умысла до наступления предусмотренных уголовным законом последствий. Основное внимание уделено содержанию добровольного отказа, его обязательным признакам и проблеме разграничения добровольного прекращения преступной деятельности и вынужденного отказа. Анализируются добровольность, окончательность решения, осознание возможности доведения преступления до конца и своевременность отказа.

Ключевые слова: добровольный отказ, преступление, приготовление к преступлению, покушение на преступление, уголовная ответственность, добровольность, окончательность, соучастие.

Институт добровольного отказа занимает особое место среди норм о неоконченном преступлении. Его специфика состоит в том, что государство связывает уголовно-правовые последствия не только с уже совершенным поведением лица, но и с решением прекратить преступную деятельность. В момент отказа преступный умысел уже начал получать внешнее выражение. Поэтому речь идет не об обычном изменении намерений, а о прекращении поведения, которое при дальнейшем развитии могло привести к оконченному преступлению.

Статья 31 УК РФ связывает добровольный отказ с прекращением приготовления либо действий или бездействия, непосредственно направленных на совершение преступления, при осознании возможности довести его до конца. При этом законодательная формулировка не снимает целого ряда вопросов. На практике требуется установить, действительно ли лицо могло продолжать преступление, насколько свободным было принятое решение, являлся ли отказ окончательным и не был ли он вызван препятствием, которое фактически исключало дальнейшие действия.

А. И. Камышев обращает внимание именно на эту проблему и пишет, что «законодательная дефиниция добровольного отказа от преступления нуждается в усовершенствовании» [1, с. 117]. Эта позиция представляется обоснованной. Одного воспроизведения содержания статьи 31 УК РФ недостаточно для правильной квалификации поведения. Закон задает основу, тогда как конкретное содержание признаков раскрывается уже через уголовно-правовую доктрину и практику.

Содержание добровольного отказа раскрывается через несколько взаимосвязанных признаков. Первый связан с фактическим прекращением начатой преступной деятельности. Пока умысел существует только во внутренней сфере и не получил выражения в приготовлении либо покушении, уголовно-правового значения отказ от него не имеет. Иная ситуация возникает после начала поведения, которое уже охватывается нормами о неоконченном преступлении.

Второй признак связан с добровольностью. Отказ исходит от самого лица, а не становится неизбежным последствием внешнего препятствия. Мотив при этом может быть различным. Раскаяние, страх наказания, жалость к потерпевшему, переоценка риска или влияние близкого человека сами по себе не исключают добровольности. Значение имеет другое. Субъект считает продолжение преступления возможным, но принимает решение остановиться.

С. Н. Безуглый подчеркивает, что «при определении добровольности необходимо руководствоваться субъективным критерием» [2, с. 133]. Именно здесь проходит граница между добровольным и вынужденным прекращением преступной деятельности. Если лицо объективно столкнулось с непреодолимым препятствием и понимает, что продолжение невозможно, отказ уже нельзя объяснить свободным изменением поведения.

Не менее важна окончательность. Временное прекращение действий ради выбора более удобного момента не означает добровольного отказа. Нельзя признать отказом и ситуацию, когда лицо меняет способ совершения того же преступления либо решает продолжить реализацию замысла позднее. Здесь преступная цель сохраняется.

На практике эти признаки приходится оценивать совместно. Например, человек может прекратить проникновение в помещение после появления прохожих. Внешне преступление не продолжается. Но если причиной стало понимание высокой вероятности задержания, возникает вопрос, сохранялась ли в восприятии виновного реальная возможность завершить преступление. Именно поэтому формальная фиксация прекращения действий еще не дает достаточного основания для применения статьи 31 УК РФ.

Наиболее очевидно добровольный отказ проявляется на стадии приготовления. Лицо может отказаться от приобретения орудий, прекратить договоренности с предполагаемыми соучастниками, уничтожить подготовленные средства либо иным способом отказаться от реализации плана.

С покушением ситуация сложнее. При неоконченном покушении субъект еще не выполнил всего комплекса действий, который считал необходимым для достижения преступного результата. Здесь возможность отказа в целом не

вызывает принципиального спора. Лицо прекращает действия, хотя считает их продолжение реальным.

Основные разногласия возникают при оконченном покушении. Допустим, виновный совершил действия, которые, по его представлению, должны привести к смерти потерпевшего, но затем принимает меры для его спасения. Один подход связывает возможность добровольного отказа с тем, что итоговый вред еще не наступил и лицо способно вмешаться в развитие причинной связи. Другой исходит из того, что стадия выполнения преступления уже завершена и последующее предотвращение результата не меняет квалификацию содеянного как покушения.

И. М. Исрафилов характеризует добровольный отказ как механизм уголовно-правового поощрения и указывает, что он «является поощрительной мерой для лица, которое уже вступило в конфликт с уголовным законом» [3, с. 102]. Такой подход позволяет объяснить смысл нормы через стимулирование прекращения опасного поведения. На наш взгляд, это особенно заметно именно в ситуациях, когда лицо еще способно предотвратить наступление более тяжкого вреда.

Вместе с тем расширительное понимание добровольного отказа создает риск смешения двух разных явлений. До определенного момента субъект отказывается от продолжения преступления. После выполнения всех действий он уже пытается устранить последствия собственного поведения. Эти ситуации близки по социальной направленности, но юридически не тождественны.

А. А. Токарева приходит к выводу о «невозможности добровольного отказа от преступления на стадии оконченного покушения в преступлениях с материальным составом» [5, с. 72]. Представляется, что такая позиция лучше согласуется с разграничением стадий преступной деятельности. Если лицо уже сделало все, что считало достаточным для наступления результата, последующее спасение потерпевшего характеризует позитивное поведение после совершенного покушения, но не отменяет состоявшуюся реализацию умысла. Судебная практика, рассмотренная автором, также показывает случаи, когда вызов скорой помощи учитывался при назначении наказания, но не признавался добровольным отказом.

Отдельная проблема возникает при совершении преступления несколькими лицами. Причина достаточно проста. Решение одного участника прекратить собственные действия не всегда способно остановить преступление в целом.

Для исполнителя добровольный отказ в первую очередь означает прекращение действий, составляющих объективную сторону преступления. При неоконченном преступлении этого в определенной ситуации может быть достаточно. Положение организатора и подстрекателя иное. Если они уже создали условия для реализации преступления другим лицом, простое внутреннее изменение решения не устраняет ранее оказанного воздействия.

С. А. Шатов отмечает, что «добровольный отказ соучастников возможен при любых видах и формах соучастия» [4, с. 308]. Однако содержание такого

отказа зависит от выполняемой роли. Организатор и подстрекатель должны предпринимать действия, способные воспрепятствовать доведению преступления до конца. Для пособника особое значение приобретает устранение ранее оказанной помощи либо принятие доступных мер для предотвращения результата.

Эта дифференциация логична. Одинаковое требование к исполнителю и организатору не учитывало бы фактическую структуру совместной преступной деятельности. Если организатор просто выходит из группы, но созданный им механизм продолжает действовать, социально значимого прекращения его участия еще не происходит.

Часть 2 статьи 31 УК РФ закрепляет основное последствие. Лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если добровольно и окончательно отказалось от доведения его до конца. Но такая формулировка породила спор о правовой природе института.

Одна позиция объясняет отсутствие ответственности тем, что при добровольном отказе отпадает состав неоконченного преступления. Другая связывает норму с освобождением от уголовной ответственности, поскольку до момента отказа лицо уже могло совершить общественно опасные и уголовно наказуемые действия.

На наш взгляд, вторая позиция точнее отражает содержание ситуации применительно к тем случаям, когда приготовление или покушение уже достигли уголовно наказуемого уровня. Совершенное ранее действие не превращается задним числом в социально нейтральное. Закон сознательно связывает благоприятное последствие с последующим поведением субъекта и тем самым стимулирует прекращение преступной деятельности.

При этом добровольный отказ не дает абсолютного иммунитета. Если уже совершенные действия содержат самостоятельный состав другого преступления, ответственность сохраняется. Например, подготовка одного преступления может сопровождаться незаконным приобретением оружия. Отказ от первоначального замысла сам по себе не устраняет юридическое значение такого деяния.

Именно это позволяет отделить последствия добровольного отказа от простого прощения совершенного. Государство не отказывается от уголовно-правовой оценки любого предшествующего поведения. Оно прекращает применение ответственности за то преступление, завершение которого субъект добровольно остановил.

Добровольный отказ представляет собой более сложный институт, чем простое прекращение преступных действий. Для его установления требуется оценить реальную стадию развития преступления, причины прекращения поведения, восприятие субъектом возможности продолжения и окончательность принятого решения.

Наиболее убедительным критерием разграничения добровольного и вынужденного отказа выступает сочетание двух обстоятельств. Лицо считает доведение преступления до конца возможным и при этом по собственной воле прекращает его реализацию. Если же продолжение объективно невозможно и сам

виновный это осознает, оснований для применения статьи 31 УК РФ существенно меньше.

Спор об оконченном покушении показывает пределы данного института особенно отчетливо. На наш взгляд, после выполнения всех действий, которые субъект считал необходимыми для наступления преступного результата, последующее предотвращение вреда правильнее оценивать отдельно от добровольного отказа. Такое поведение может иметь существенное значение при назначении наказания, однако смешение этих правовых конструкций размывает границу между неоконченным преступлением и действиями после покушения.

Практическое значение статьи 31 УК РФ состоит в том, что она предоставляет человеку юридически значимую возможность остановить преступление. Но это преимущество оправданно только при точном установлении условий отказа. Иначе один и тот же институт начинает охватывать добровольное прекращение умысла, вынужденное прекращение действий и последующее устранение причиненного вреда, хотя их уголовно-правовая природа различна.

Список использованных источников

1. Камышев А. И. Понятие и признаки добровольного отказа от преступления // Аграрное и земельное право. 2020. № 8 (188). С. 117–119.

2. Безуглый С. Н. Условия добровольного отказа от преступления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. 2016. № 3 (224). Вып. 35. С. 131–135.

3. Исрафилов И. М. Добровольный отказ от доведения преступления до конца: правовая природа и условия правомерности // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 2 (52). С. 101–105.

4. Шатов С. А. Добровольный отказ соучастников преступления: специфика уголовно-правовой квалификации // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. С. 307–310. DOI 10.24411/2312-0444-2021-5-307-310.

5. Токарева А. А. Невозможность добровольного отказа от совершения преступления на стадии оконченного покушения // Криминалистъ. 2023. № 3 (44). С. 72–78.

VOLUNTARY ABANDONMENT OF A CRIME: CONCEPT, CONDITIONS, AND LEGAL CONSEQUENCES

R.A. Dutaev[1], M.M. Dadashov[1], S.A. Khodzhaliev[2]

[1]M.D. Millionshchikov Grozny State Oil Technical University, Grozny, Russia,
[2]A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia

The article examines voluntary abandonment of a crime as an independent institution of Russian criminal law, which makes it possible to stop the implementation of criminal intent before the consequences provided for by criminal law arise. The main focus is on the content of voluntary abandonment, its mandatory features, and the

problem of distinguishing between voluntary termination of criminal activity and forced abandonment. The voluntariness, finality of the decision, awareness of the possibility of completing the crime, and timeliness of the abandonment are analysed.

Keywords: voluntary refusal, crime, preparation for crime, attempted crime, criminal liability, voluntariness, finality, complicity.

УДК 343.233

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Р.А. Дутаев[1], М.М. Дадашов[1], Э.С-М. Ахъядов[2]

[1]Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова, г. Грозный, Россия,
[2]Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия

В статье рассматривается институт добровольного отказа от преступления с учетом современных доктринальных подходов к его правовой природе и практике применения. Цель работы состоит в выявлении проблемных аспектов квалификации поведения лица, прекратившего преступную деятельность, и разграничении добровольного отказа со смежными формами позитивного поведения. Особое внимание уделено признакам добровольности, окончательности и своевременности отказа, а также осознанию возможности доведения преступления до конца.

Ключевые слова: добровольный отказ, преступление, покушение на преступление, приготовление к преступлению, добровольность, окончательность, деятельное раскаяние, уголовная ответственность, правоприменение.

Добровольный отказ занимает необычное место в системе российского уголовного права. Лицо уже приступило к реализации преступного намерения, однако государство учитывает последующее изменение поведения и при соблюдении установленных законом условий не связывает с первоначальным преступным замыслом обычные последствия уголовной ответственности.

Практическая проблема возникает сразу. Прекращение действий еще не означает добровольного отказа. Один человек останавливается потому, что изменил решение, другой из-за появления полиции, сопротивления потерпевшего или технической невозможности продолжить преступление. Внешне результат может быть одинаковым, однако уголовно-правовая оценка различается.

Современная литература показывает, что спор вокруг статьи 31 УК РФ не исчерпан. Ю. В. Свиридов указывает, что "использование настоящего института

права на практике выявляет много неразрешенных вопросов" [1, с. 118]. Представляется, что главная причина состоит в соединении объективных и субъективных критериев. Правоприменителю недостаточно установить факт прекращения действий. Необходимо понять, почему они были прекращены и считал ли сам субъект продолжение преступления возможным.

Статья 31 УК РФ связывает добровольный отказ с прекращением приготовления к преступлению либо действий или бездействия, непосредственно направленных на его совершение, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца.

В данной конструкции можно выделить несколько элементов. Преступная деятельность уже должна начаться в уголовно-правовом смысле. Решение о ее прекращении должно исходить от самого субъекта. Такое решение должно быть окончательным. Наконец, лицо должно воспринимать завершение преступления как возможное.

Именно последний элемент чаще всего создает квалификационную проблему. Если преступник прекращает взлом двери потому, что услышал приближающийся автомобиль, самого этого обстоятельства недостаточно для однозначного вывода. В одном случае субъект может испугаться обнаружения, хотя технически сохраняет возможность продолжить действия. В другом он понимает, что совершение преступления фактически сорвано. Поэтому внешний фактор необходимо оценивать через его влияние на волю конкретного лица.

Шибзухов, Колесникова и Симонян справедливо связывают институт с самостоятельным изменением поведения субъекта. По их формулировке, основным условием является то, что решение "должно быть добровольным и осознанным" [2, с. 527]. При этом авторы подчеркивают также окончательность прекращения преступной деятельности. Если лицо только откладывает преступление до более удобного момента, юридических оснований говорить о добровольном отказе нет.

На наш взгляд, мотив отказа не следует смешивать с его добровольностью. Боязнь наказания, жалость к потерпевшему или изменение отношения к предполагаемому результату могут подтолкнуть человека к отказу. Но пока субъект сохраняет реальную, в его представлении, возможность продолжить преступление, подобный мотив сам по себе не превращает отказ в вынужденный.

Современная статья 31 УК РФ возникла не изолированно. Отдельные элементы дифференциации ответственности за незавершенное преступное поведение встречались в российском праве задолго до появления современной конструкции добровольного отказа.

Ю. В. Свиридов прослеживает развитие данного института от Русской Правды до действующего уголовного законодательства. При характеристике современного этапа автор отмечает, что добровольный отказ позволяет лицу избежать ответственности при условии "прекращения преступной деятельности до наступления вредных последствий" [3, с. 443]. Исторический анализ показывает

постепенный переход от отдельных случаев смягчения ответственности к самостоятельному уголовно-правовому механизму.

Особенно важным представляется предупредительный смысл такой конструкции. Уголовный закон в данном случае работает не только после причинения вреда. Он оставляет человеку возможность прекратить начатое посягательство и одновременно создает юридический стимул для такого поведения.

Однако поощрительная функция имеет пределы. Чем дальше продвинулось преступление, тем сложнее определить, действительно ли лицо отказалось от его совершения или уже предпринимает действия по устранению последствий состоявшегося посягательства. Поэтому исторически сформировавшаяся идея стимулирования прекращения преступления не должна приводить к размыванию границы между добровольным отказом и поведением после преступления.

На стадии приготовления большинство ситуаций сравнительно понятны. Лицо прекращает поиск соучастников, отказывается от приобретения необходимых средств, уничтожает подготовленные приспособления либо иным образом прекращает создание условий для преступления.

При покушении оценка становится сложнее.

Если лицо еще не совершило всех действий, которые считало необходимыми, добровольный отказ вполне вписывается в содержание статьи 31 УК РФ. Например, субъект заносит оружие для удара, но самостоятельно отказывается от продолжения нападения при отсутствии препятствий.

Иная ситуация возникает после выполнения всех действий, которые, по представлению виновного, должны были вызвать преступный результат. Здесь сталкиваются два подхода. Первый допускает добровольный отказ, если субъект способен вмешаться в развитие событий и предотвратить последствия. Второй считает такую ситуацию оконченным покушением, а последующее спасение потерпевшего или предотвращение вреда оценивает уже в рамках иных уголовно-правовых институтов.

На наш взгляд, второй подход обеспечивает более четкую границу стадий. Если субъект уже выполнил весь задуманный способ посягательства, его последующее активное поведение может заслуживать положительной оценки, однако юридическая природа этой активности меняется. Человек уже не прекращает исполнение замысла. Он пытается нейтрализовать последствия совершенных действий.

Именно здесь особенно необходимы единые ориентиры для суда и следствия. Свиридов предлагает закрепить подробные рекомендации Верховного Суда РФ на основе конкретных уголовно-правовых ситуаций [1, с. 117-126]. Такое предложение представляется практически значимым. Абстрактного перечня признаков недостаточно, когда спор возникает вокруг восприятия лицом конкретной обстановки.

Добровольный отказ часто соприкасается с деятельным раскаянием, но объединять эти институты нельзя.

Главное различие связано с моментом поведения лица. Добровольный отказ возникает до окончания преступления и направлен на прекращение его реализации. Деятельное раскаяние относится к поведению после совершенного преступления и предполагает действия, связанные с явкой с повинной, содействием раскрытию преступления, возмещением ущерба или иным заглаживанием вреда при наличии предусмотренных законом условий.

М. Н. Дадюкова прямо указывает, что "добровольный отказ не может применяться в тех случаях, когда преступление уже завершено" [4, с. 5]. Это положение позволяет провести достаточно ясную временную границу. Возврат похищенного после оконченной кражи не превращает состоявшееся хищение в добровольный отказ. То же относится к компенсации вреда после уже завершенного преступления.

Для сложных единичных преступлений разграничение становится менее очевидным. Поведение может включать несколько связанных действий, растянутых во времени. По мнению Дадюковой, это осложняет применение как добровольного отказа, так и деятельного раскаяния [4, с. 9]. Здесь требуется отдельно определить момент окончания конкретного преступления и уголовно-правовое значение каждого совершенного действия.

На наш взгляд, именно временной критерий должен использоваться как исходный, но не единственный. Необходимо дополнительно выяснять, что именно прекратил субъект. Реализацию еще незавершенного преступления либо уже наступившие последствия собственного поведения. Во втором случае применение статьи 31 УК РФ становится спорным.

Основное последствие добровольного отказа закреплено в части 2 статьи 31 УК РФ. При добровольном и окончательном отказе лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, которое оно не довело до конца.

Это правило нельзя понимать, как автоматическое устранение уголовно-правовой оценки всего ранее совершенного. Если фактические действия содержат самостоятельный состав другого преступления, ответственность за него сохраняется. Например, отказ от планируемого нападения не устраняет ответственности за незаконно приобретенное оружие, если соответствующие признаки состава уже имеются.

Отсюда видно, что добровольный отказ не равен простому аннулированию предшествующего поведения. Закон оценивает конкретную связь между начатым преступлением и последующим добровольным прекращением.

Проблемной выглядит попытка выделения так называемого неполного добровольного отказа. В статье Шибзухова, Колесниковой и Симоняна используется разграничение полного и неполного отказа [2, с. 527]. Однако применительно к статье 31 УК РФ такая конструкция требует осторожности. Если отказ не окончателен либо преступление фактически продолжается, обязательные признаки добровольного отказа отсутствуют. Смягчение наказания за последующее позитивное поведение возможно, но юридически это уже иной механизм.

Поэтому совершенствование практики следует связывать не с расширением самого понятия, а с более четкими критериями его применения. Представляется целесообразным разъяснить на уровне Пленума Верховного Суда РФ значение внешних препятствий, критерии окончательности решения, особенности отказа при оконченном и неоконченном покушении, а также разграничение статьи 31 УК РФ и деятельного раскаяния.

Добровольный отказ нельзя определять только через факт прекращения преступных действий. Его уголовно-правовое содержание формируется сочетанием добровольности, окончательности, своевременности и осознания возможности продолжить преступление.

Современная проблема статьи 31 УК РФ состоит не столько в недостатке признаков в тексте закона, сколько в сложности их применения к конкретным ситуациям. Особенно это проявляется при покушении, когда между выполненным преступным действием и предполагаемым результатом сохраняется временной промежуток.

Историческое развитие института подтверждает устойчивую идею стимулирования человека к прекращению преступной деятельности. Однако поощрительная направленность не должна вести к смешению добровольного отказа с деятельным раскаянием и иными формами позитивного поведения после преступления.

На наш взгляд, практический ориентир должен быть достаточно строгим. Пока лицо способно продолжить реализацию преступления и сознательно отказывается от нее, статья 31 УК РФ сохраняет свое назначение. Когда же преступление окончено либо субъект уже выполнил весь предусмотренный собственным замыслом комплекс действий, последующее предотвращение или уменьшение вреда требует самостоятельной правовой оценки.

Унификация судебного толкования способна решить значительную часть существующих проблем без чрезмерного расширения законодательной конструкции. Разъяснение типичных спорных ситуаций позволило бы точнее отделять действительный добровольный отказ от вынужденного прекращения преступления и поведения после его совершения.

Список использованных источников

1. Свиридов Ю. В. Проблемы толкования и правоприменения добровольного отказа от преступления // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 117-126. DOI 10.35266/2949-3455-2025-1-13.

2. Шибзухов З. А., Колесникова О. Ю., Симонян А. В. Общая характеристика отказа как института уголовного права России // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 526-528. DOI 10.47643/1815-1329_2025_2_526.

3. Свиридов Ю. В. Добровольный отказ от преступления в российском праве: от Русской Правды до Уголовного кодекса Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 3. С. 441-454.

4. Дадюкова М. Н. Добровольный отказ и деятельное раскаяние в единосовершенных и сложных единичных преступлениях // Вестник науки и творчества. С. 5-9.

VOLUNTARY RENOUNCE OF A CRIME IN MODERN CRIMINAL LAW OF RUSSIA: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND LEGAL CONSEQUENCES

R.A. Dutaev[1], M.M. Dadashov[1], E.S-M. Akhyadov[2]

[1]M.D. Millionshchikov Grozny State Oil Technical University, Grozny, Russia,
[2]A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia

The article examines the institution of voluntary renunciation of a crime, taking into account modern doctrinal approaches to its legal nature and practice of application. The aim of the work is to identify problematic aspects of classifying the behavior of a person who has ceased criminal activity and to distinguish voluntary renunciation from related forms of positive behavior. Special attention is paid to the criteria of voluntariness, finality, and timeliness of the renunciation, as well as to the awareness of the possibility of completing the crime.

Keywords: voluntary renunciation, crime, attempted crime, preparation for a crime, voluntariness, finality, active repentance, criminal liability, law enforcement.

УДК 347

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ

Д.А. Живолуп, И.А. Есипова

Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск, Россия

В статье проводится анализ правовых и практических проблем, возникающих в процессе наследования по завещанию в рамках российского гражданского законодательства. Основное внимание уделяется правовым коллизиям, связанным с недействительностью завещаний, перечнем лиц, на которых распространяется обязанность по сохранению тайны завещания, а также совместному завещанию супругов.

Ключевые слова: наследование, завещание, воля завещателя, тайна завещания, совместное завещание супругов.

Право наследодателя на составление завещания означает, прежде всего, гарантию для каждого гражданина свободно, по своему усмотрению распорядиться своим имуществом на случай смерти. Наследодатель волен дать любые распоряжения относительно преемства в отношении своего имущества на случай смерти, и при этом он действует по своей воле и руководствуется исключительно своим интересом при распоряжении имуществом.

В соответствии со ст. 1119 ГК РФ каждый гражданин может передать по завещанию все свое имущество или часть его (не исключая предметов обычной домашней обстановки и обихода) одному или нескольким гражданам, как входящим, так и не входящим в круг наследников по закону, а также юридическим лицам или государству. В силу этой же статьи Гражданского кодекса РФ наследодатель вправе в завещании лишить права наследования одного, нескольких или даже всех наследников по закону.

Часть 2 статьи 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает, что завещание может быть составлено гражданином, обладающим полной дееспособностью на момент его совершения. Из этого следует, что недееспособные или частично дееспособные граждане не имеют права и возможности делать какие-либо распоряжения относительно своего имущества. Если в случае с полностью недееспособными гражданами это ограничение кажется естественным и необходимым из-за их неспособности понимать смысл своих действий и руководить ими, то в случае с лицами, ограниченными в дееспособности такие законодательные меры кажутся слишком радикальными и ограничительными [5, с.38].

Кроме того, существует проблема императивности правовой нормы, содержащей исчерпывающий перечень лиц, на которых распространяется тайна завещания. Статья 1123 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет круг лиц, которые не вправе разглашать информацию, касающуюся содержания завещания или наследственного договора до открытия наследства.

Согласно части 2 статьи 1128 Гражданского кодекса Российской Федерации, завещательное распоряжение правами на денежные средства в банке должно быть лично подписано наследодателем и заверено сотрудником банка [1]. То есть сотрудник банка имеет возможность получить информацию о содержании документа, касающегося распоряжения денежными средствами. Но сотрудники банка не входят в перечень лиц, указанных в статье 1123 Гражданского кодекса Российской Федерации, поэтому они не несут ответственности за разглашение тайны завещания, что является нарушением принципа тайны завещания. В качестве решения этой проблемы мы видим обязательное включение банковских служащих в круг лиц, на которых распространяется тайна завещания.

По общему правилу, при смерти одного супруга, совместно нажитое имущество проходит процедуру раздела, после чего определяется наследственная масса и наследники. Составление совместного завещания супругов упрощает процедуру, поскольку оно наравне с обычным завещанием устанавливает кому достанется имущество и в каких долях.

Однако, в отличие от ситуаций, при которых завещание, составленное одним лицом, теряет свою юридическую силу, совместное завещание супругов дополняет данный ряд условий еще двумя случаями, а именно признание брака судом недействительным и отказ одного из супругов от завещания. Наличие нормы, согласно которой супруг, после смерти другого супруга, имеет право отменить совместное завещание, является проблемой, порождающей наследственные споры. Ведь в случае, если переживший супруг имеет право отменить совместное завещание, несмотря на ранее юридически оформленную общую волю супругов, то впоследствии наследники не смогут воспользоваться своим правом по получению наследства. В связи с чем возникает вопрос о соотношении принципа свободы завещания и возможности совершения совместного завещания [4, с.41].

Для решения подобных наследственных споров возможным видится предложение о введении ограничения для изменения и отмены совместного завещания. Например, установить конкретный срок, в течение которого у супруга будет возможность изменить или отменить совместное завещание [2, с.323].

Традиционно завещание рассматривается как односторонняя сделка. Действующий ГК РФ закрепил господствующую в доктрине квалификацию завещания в качестве односторонней сделки. Это, в частности, означает, что в завещании воля относительно посмертной судьбы имущества должна быть окончательно сформирована.

Устные рассуждения завещателя о том, кому он может оставить имущество, завещанием не являются, обязательной является нотариальная форма. Особенность завещания, отличающая его от других сделок, заключается в том, что сила распоряжения проявляет себя после открытия наследства (момент совершения и момент возникновения юридических последствий не совпадают).

Назначенные наследники и отказополучатели до момента открытия наследства никакими правами не обладают. Будущий наследодатель также не связан сделанным завещательным распоряжением, что, кстати, используется в качестве аргумента противниками отнесения завещания к сделкам. Установление прав назначенных наследников, душеприказчика, отказополучателей неразрывно связано со смертью наследодателя. Приобретение завещанием силы после открытия наследства не делает завещание условной сделкой, на что традиционно обращается внимание в отечественной литературе (смерть наступит неизбежно и является необходимым, а не случайным элементом юридического состава призвания к наследованию по завещанию) [3, с.24].

Таким образом, по результатам проведённого исследования можно сделать вывод, что институт наследования по завещанию имеет ряд нерешённых правовых проблем, которые в совокупности способствуют формированию противоречивой правоприменительной практики и, соответственно, нуждаются в скорейшем разрешении на законодательном уровне.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ // СЗ РФ – 2001. – № 49. – ст.4552.

2. Могиленко И. И. Актуальные проблемы совместного завещания супругов, приводящие к наследственным спорам в Российской Федерации / И. И. Могиленко // Молодой ученый. – 2025. – № 44 (595). – С. 323–324.

3. Орешкина В. Н. Наследственное право: учебное пособие / В. Н. Орешкина; под ред. д.ю.н., профессора С. Г. Соловьева. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2009. – 67 с.

4. Прощалыгин Р. А., Тарасов Д.Ю. Соотношение принципа свободы завещания и института совместного завещания супругов: теоретико-правовой анализ / Р. А. Прощалыгин, Д. Ю. Тарасов // Наследственное право. – 2021. – № 3. – С. 41-44.

5. Хабуда Е. С., Федорова А. Р. Правовые проблемы наследования по завещанию // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. – 2024. – №2 (55). – С.37-40.

SOME PROBLEMS OF THE INSTITUTION OF INHERITANCE BY WILL

D.A. Zhivolup, I.A. Esipova

Siberian State Transport University, Novosibirsk, Russia

The article analyzes the legal and practical problems that arise in the process of inheritance under a will within the framework of Russian civil legislation. The main focus is on legal conflicts related to the invalidity of wills, the list of persons subject to the obligation to preserve the secrecy of the will, as well as the joint will of the spouses.

Keywords: inheritance, will, will of the testator, secrecy of the will, joint will of the spouses.

УДК 93

ОТ СОСЛОВИЯ К КАПИТАЛУ: СМЕНА КРИТЕРИЕВ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В РЕСТОРАННОЙ ЖИЗНИ МОСКВЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

Ш.Т. Исмаилов

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Статья рассматривает трансформацию заведений общественного питания Москвы на рубеже XIX–XX веков как индикатор более широкого социального процесса – замены сословного принципа социальной стратификации имущественным. На материале законодательства, ресторанной периодики и эго-

документов показано, что этот сдвиг начался ещё до революции, задолго до того момента, с которым его принято связывать в историографии НЭПа.

Ключевые слова: трактирный промысел; ресторанное дело; социальная стратификация; эго-документы; повседневность.

История повседневности немыслима без истории тех пространств, где происходит один из самых регулярных актов человеческой жизни – приём пищи вне дома. Заведения общественного питания оказываются не нейтральным фоном городской жизни, а точным индикатором социальных сдвигов: того, как менялась иерархия города и критерии, по которым в нём определялся статус человека.

Источниковую базу статьи составляют три группы материалов: законодательные акты и специальная историческая литература (прежде всего работы Е. В. Долгих и И. Б. Хмельницкой), мемуарная и очерковая литература современников (В. А. Гиляровский, П. И. Богатырев, Н. Завьялов), а также дневниковые свидетельства периода НЭПа (М. М. Пришвин, М. Д. Ройзман). Такое сочетание источников разной природы – официально-правовых и личных – позволяет сопоставить формальную рамку регулирования отрасли с реальной социальной практикой, зафиксированной очевидцами.

Современный тип общедоступного заведения, соединяющего горячую еду и крепкий алкоголь, возник в результате законодательной реформы 1861–1863 годов: до этого, начиная с 1746 года, трактиры были юридически лишены права продавать тот же алкоголь, что кабаки [1]. Положение о трактирных заведениях впервые дало законодательное определение самого понятия и открыло промысел представителям практически всех сословий – купцам, мещанам, крестьянам [1]. Однако введение либеральной правовой рамки не означало установления реального контроля: весь последующий период можно описать как постоянную попытку государства донастроить регулирование, реагируя на уже сложившуюся практику – от разрядной системы 1893 года по денежному обороту до винной монополии 1895 года, действовавшей вплоть до «сухого закона» 1914 года [1]. Показательно, что сам термин «общественное питание» возникает не в 1917 году, а в 1915-м, в условиях военного продовольственного кризиса, когда городские самоуправления начали открывать самоокупаемые общественные столовые [1]. Ответом отрасли на регулирование стало создание собственных профессиональных объединений: в 1912 году в Москве прошёл Первый Всероссийский съезд трактиропромышленников, а на стороне наёмного труда – профессиональный союз поваров во главе с И. Г. Рудюминым [2; 3].

Мемуарные свидетельства современников позволяют увидеть за этой правовой рамкой живое социальное пространство со сложной стратификацией. П. И. Богатырев, выступавший в московских трактирах средней руки с 1886 года, свидетельствует: трактир оставался главным публичным развлечением для среднего и низшего класса, которому были практически недоступны театры и клубы [4]. Но к 1900-м годам структура заведений начинает меняться. Публика, знакомая с заграничными стандартами, требовала не только сытной еды, но и соответствующей обстановки: известный трактир Тестова, по существу, превратился в ресторан, формально сохранив прежнее название [2]. Показательно, что

критерием, определяющим статус посетителя, всё отчётливее становится не сословная принадлежность, а состоятельность – купечество, не желавшее уступать дворянству, могло позволить себе ресторанный стол, зачастую более обширный, чем на домашнем парадном обеде [2]. Именно этот сдвиг – от сословного к имущественному принципу разграничения – и составляет центральный тезис статьи.

Ресторан начала XX века становится не только местом досуга, но и общественной трибуной: в революционном 1905 году в ресторане «Метрополь» Фёдор Шаляпин публично исполнил песню «Дубинушка» [2]. В том же году эта функция проявилась ещё нагляднее: во время декабрьского вооружённого восстания трактиры и столовые на некоторых московских улицах становились опорными пунктами дружинников – столовая фабрики Линдваля, трактир Хлопонина и чайная Вахтина снабжали восставших оружием и помогали перевязывать раненых [3]. Заведение общепита, таким образом, могло выступать не только пространством досуга, но и точкой опоры политического действия.

Насыщенность и разнообразие московской ресторанной жизни начала века хорошо иллюстрируют конкретные заведения и клубы, которые приводит Н. Завьялов. Ресторан «Яр» в Петровском парке стал «дворцом веселья и кулинарного искусства» с хором, где пел сам Шаляпин; «Эрмитаж» прославился французской кухней Люсьена Оливье; «Прагу» перекупил купец Тарарыкин, набравший штат из официантов, обученных в «Метрополе» и «Савое» [3]. Параллельно с ресторанами в Москве действовала система сословных и профессиональных клубов – Купеческий, Дворянский, Приказчичий, Охотничий, Немецкий и Английский, а также клуб Н. Г. Рубинштейна, объединявший артистическую интеллигенцию Малого театра [3]. К 1900-м годам заведение общественного питания в Москве окончательно перестаёт быть однородным явлением и превращается в развитую систему пространств, каждое из которых обслуживает свой узкий социальный круг.

Более неоднородную картину даёт В. А. Гиляровский: трактир «Каторга» на Хитровом рынке становится точкой притяжения самой маргинализированной части населения, тогда как трактир-низок Григорьева, по его собственному замечанию, воров не привлекал вовсе [5]. «Московские нищие» того же автора описывают нисходящую социальную мобильность – среди профессиональных нищих третьей группы встречаются «потерявшие место приказчики, конторщики, чиновники... промотавшиеся господа, допотопные барыни и отставные военные» [6]. Условия труда самой трактирной прислуги оставались тяжёлыми: половой был обязан отдавать хозяину пятую часть чаевых, а некоторые владельцы вовсе отказывались платить жалование, ссылаясь на то, что «прислуге хватит и чаевых» [7]. Единственной неформальной компенсацией нередко становился обсчёт посетителей – практика, широко известная даже в крупных заведениях [7].

Наивысшей точки описанное разнообразие достигает в предвоенные годы: по наблюдению исследователей ресторанной культуры, единство формы и содержания ресторанной повседневности приходится именно на период перед войной 1914 года – сюда же относится вошедшая тогда в моду ресторанная мода на платье «танго» [12]. Публицистика того времени рисует широту купеческого досуга без прикрас: журнал «Огонёк» в 1914 году замечал, что московское купечество «умеет работать и богатеть... но и пожить любит во всю, не жалея денег»

[13]. Приметы новой состоятельности проникали и в бытовые детали: в 1901 году предприниматель Н. А. Варенцов пытался приобрести во Франции автомобиль, но выяснил, что его можно было только заказать и ждать доставки два года [14]. При этом демократизация ресторанного формата продолжалась вплоть до кануна революции: ближе к 1917 году на Большой Дмитровке открылся дешёвый ресторан «Континенталь», где рюмка водки стоила пятачок [7].

Революция 1917 года разрушила эту систему одномоментно, однако само разрушение оказалось недолговечной точкой падения: уже в разгар НЭПа возникает новая, столь же пёстрая система заведений – с той разницей, что сословное разграничение сменяется разграничением по принадлежности к художественной среде. В кафе «Стойло Пегаса», описанном М. Д. Ройзманом, официантами служили исключительно женщины, а само заведение стало площадкой заседаний «Ассоциации вольнодумцев» [8]. Коммерческую логику эпохи демонстрирует и кафе «Калоша», где блюда называли в честь членов «Ордена имажинистов» – «ростбиф а-ля Мариенгоф», «растегай а-ля Рюрик Ивнев» [8]. Показательно, что этот новый, несословный принцип разграничения статуса – лишь продолжение логики, обозначившейся ещё до революции: критерий статуса однажды уже сменился с сословного на имущественный, и НЭП лишь предложил этому принципу очередную, художественную модификацию [2]. Независимым подтверждением той же пестроты служит «Московский дневник» Вальтера Беньямина: взгляд стороннего, лишённого идеологической рамки наблюдателя зимой 1926–1927 годов фиксирует и удачные находки вроде кофейни на Охотном Ряду, и неудачные поиски приличного места на Лубянке [15].

Короткая вспышка нэповского разнообразия была свёрнута к концу 1920-х годов – сначала рыночными методами (государственная сеть пивных «Моссельпрома»), затем экономическим удушением частника [9; 10]. Ю. А. Федосюк, вспоминая детство этого периода, фиксирует не событие, а отсутствие: постепенное исчезновение вывесок частных заведений из городского пейзажа [16]. Институциональная форма советского общепита при этом не была изобретена заново: модель самоокупаемой столовой возникла ещё в 1915 году, в рамках дореволюционной городской администрации, и была впоследствии монополизирована советской властью через систему Нарпита [1; 11].

Таким образом, трансформация московских заведений общественного питания 1900–1930 годов демонстрирует не простую линейную смену частной инициативы государственным контролем, а более сложную динамику смены самих критериев социального разграничения – от сословного к имущественному ещё до революции, и затем от имущественного к идеологическому после неё. Этот вывод уточняет устоявшееся в историографии представление о НЭПе как об исключительном источнике новой, несословной социальной стратификации городского пространства.

Список использованных источников

1. Долгих, Е. В. Правовое положение заведений общественного питания России в 1861–1918 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2017. – № 5. – С. 14–41.

2. Хмельницкая, И. Б. Столичный досуг в начале XX века. Петербург и Москва: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. – 24 с.

3. Завьялов, Н. История общественного питания Москвы. – Москва: ПИР, 2006. – 160 с.

4. Московская старина: воспоминания москвичей прошлого столетия / [общ. ред. Ю. Н. Александрова]. – Москва: Правда, 1989. – 541 с.

5. Гиляровский, В. А. Москва и москвичи: воспоминания. – Москва: Изд-во Всероссийского союза поэтов, 1926. – 126 с.

6. Гиляровский, В. А. Московские нищие. – Москва: Б. и., 1896. – 16 с.

7. Андреевский, Г. В. Повседневная жизнь Москвы на рубеже XIX–XX веков. – Москва: Молодая гвардия, 2009. – 641 с.

8. Ройзман, М. Д. Все, что помню о Есенине. – Москва: Советская Россия, 1973. – 270 с.

9. Пришвин, М. М. Дневники 1926–1927. – 2-е изд. – СПб. : Росток, 2018. – 828 с.

10. Пришвин, М. М. Дневники 1928–1929. – 2-е изд. – СПб. : Росток, 2020. – 740 с.

11. Глущенко, И. В. Общепит. Микоян и советская кухня. – Москва: Изд-во Высшей шк. экономики, 2010. – 238 с.

12. Колосова, Н. А. Пространство ресторана в культуре русского города // Городская повседневность в России и на Западе. – Саратов: СГУ, 2006. – С. 188–200.

13. Сюткина, О. А. Русская кухня: от мифа к науке. – Москва: Новое литературное обозрение, 2022. – 587 с.

14. Руга, В. Э. Москва купеческая. – Москва: Просвещение-Союз, 2025. – 204 с.

15. Беньямин, В. Московский дневник. – Москва: Ad Marginem, 1997. – 221 с.

16. Федосюк, Ю. А. Утро красит нежным светом... Воспоминания о Москве 1920–1930-х годов. – Москва: Флинта, 2003. – 238 с.

FROM SOCIAL CLASS TO CAPITAL: THE SHIFT IN CRITERIA FOR SOCIAL STATUS IN MOSCOW'S RESTAURANT SCENE IN THE EARLY 20TH CENTURY

Sh.T. Ismailov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

This article examines the transformation of Moscow’s dining establishments at the turn of the 19th and 20th centuries as an indicator of a broader social process–the replacement of the class-based principle of social stratification with one based on wealth. Drawing on legislation, restaurant periodicals, and personal documents, the article demonstrates that this shift began even before the revolution, long before the point

in time with which it is conventionally associated in the historiography of the New Economic Policy (NEP).

Keywords: tavern trade; the restaurant business; social stratification; ego-documents; everyday life

УДК 659.1:34

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НАТИВНОЙ И СКРЫТОЙ РЕКЛАМЫ В ИНТЕРНЕТЕ

Е.А. Кошельник[1]

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

В статье рассматриваются особенности правового режима нативной и скрытой рекламы в сети «Интернет», а также проблемы их разграничения в условиях обязательной маркировки интернет-рекламы. Анализируются законодательные критерии квалификации рекламных материалов, особенности применения требований к маркировке и ERID, а также практика ФАС России.

Ключевые слова: нативная реклама, скрытая реклама, интернет-реклама, маркировка рекламы, ERID, правоприменение.

Введение обязательной маркировки интернет-рекламы с 1 сентября 2022 года (ст. 18.1 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе») актуализировало проблему разграничения нативной, скрытой и допустимой рекламы. Нативная реклама, органично встраиваемая в контент, и скрытая реклама, маскирующая рекламный характер, создают значительные сложности для правоприменителей.

Согласно статье 3 Закона о рекламе, рекламой признаётся информация, распространённая любым способом, адресованная неопределённому кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке. Часть 9 статьи 5 прямо запрещает скрытую рекламу – информацию, которая оказывает воздействие на восприятие потребителя без явного указания на её рекламный характер.

Нативная реклама формально не выделена в законе как самостоятельная категория. На практике она квалифицируется как реклама, если содержит признаки продвижения конкретного товара или услуги. Приказ ФАС России от 14.11.2023 № 821/23 и Постановление Правительства РФ от 24.07.2025 № 1087 закрепляют критерии: наличие объекта рекламирования, направленность на

1 Научный руководитель – Гартина Ю.А. к.ю.н., доцент

формирование интереса и коммерческую цель. Даже при отсутствии прямой оплаты публикация может быть признана рекламой, если она выделяет конкретный бренд и побуждает к покупке.

Скрытая реклама в интернете проявляется в отсутствии пометки «Реклама», идентификатора ERID и сведений о рекламодателе. Типичные формы – обзоры блогеров без маркировки, «распаковки» товаров, рекомендации в Telegram-каналах и нативных статьях.

Административная ответственность предусмотрена статьёй 14.3 КоАП РФ. За отсутствие пометки «Реклама» и данных о рекламодателе применяется часть 1, за отсутствие ERID – часть 16, за нарушения при передаче сведений в ЕРИР – часть 15. Штрафы для юридических лиц достигают 500 тыс. рублей. Для операторов рекламных данных предусмотрены повышенные штрафы, которые для юридических лиц могут достигать 700 тыс. рублей.

Практика подтверждает активное применение санкций. В Решении ФАС России от 25.04.2024 по делу № 08/05/18.1-22/2024 реклама на сервисе «СберЗдоровье» была признана ненадлежащей из-за отсутствия маркировки. В деле о рекламе шин Gislaved в приложении Т-Банка (Решение ФАС от 23.01.2025 № 08/05/18.1-138/2024) также установлено нарушение части 16 статьи 18.1. Роскомнадзор неоднократно штрафовал владельцев Telegram-каналов за отсутствие ERID (например, штраф около 300 тыс. рублей блогеру Елене Лисовской). В деле блогера Аси Сивоконевой (Омское УФАС, 2025) распаковка косметики была квалифицирована как реклама даже при отсутствии доказанной оплаты.

Основные проблемы квалификации заключаются в субъективности оценки «нативности», сложности доказывания коммерческой направленности и разграничении ответственности между рекламодателем, блогером и площадкой. Отсутствие оплаты не исключает признания материала рекламой.

Так как легального термина «нативная реклама» в законе так и не появилось, органы оценивают контент по принципу доминирования цели. Главная сложность здесь заключается в доказательстве справочно-информационной цели публикации, а не рекламной.

Для разграничения нативного контента и рекламы регуляторы оценивают несколько субъективных факторов: критерий «избыточного внимания». Если блогер делает обзор на предмет и 90% времени речь идет об одной марке, присутствует подробное описание ее достоинства и умалчивается наличие недостатков; наличие эмоционально окрашенных призывов к действию; предложение воспользоваться промокодом или персональной ссылкой.

Таким образом можно заключить, что регулирование нативной и скрытой рекламы в интернете пока остается не до конца определенным. Чтобы снизить правовые риски для бизнеса и блогеров, нужны более чёткие критерии, понятные всем участникам рынка, а также разъяснения от ФАС и Роскомнадзора, что помогло бы уменьшить количество спорных ситуаций.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 12. – Ст. 1232.

2. Кочесоков З. Х. Правовое регулирование рекламной деятельности в современной России // Вестник экспертного совета. 2025. №2. – Ст. 69.

3. Ким А. В. Правовое регулирование рекламы у блогеров: баланс между законом и этикой // Отечественная юриспруденция. 2026. №1. – Ст. 2.

4. Чесалкина П. А., Дербина А. В. Трансформация правового регулирования интернет-рекламы в 2026 г.: языковые ограничения, эффект-ориентированный подход и новые стандарты прозрачности // Вестник науки. 2026. №5. – Ст. 810.

LEGAL REGULATION OF NATIVE AND HIDDEN ADVERTISING ON THE INTERNET

E.A. Koshelnik[1]

Penza State University,
Penza, Russia

The article examines the specific features of the legal regulation of native and hidden advertising on the Internet, as well as the challenges of distinguishing between them under the mandatory labeling requirements for Internet advertising. The article analyzes the legal criteria for classifying advertising labeling and ERID requirements, as well as the enforcement practice of the Federal Antimonopoly Service of Russia.

Keywords: native advertising, hidden advertising, Internet advertising, advertising labeling, ERID, law enforcement.

УДК 373

УЧИТЕЛЬ В «ЦИФРЕ»: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

У.С. Каплина

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

В работе исследуются глубинные изменения в педагогической практике, обусловленные ускоренной цифровизацией отечественной системы образования. Систематизируются основные трудности, стоящие перед учителями: необходимость оперативного овладения цифровым инструментарием и психологическую перестройку в условиях перехода к гибридным моделям обучения. Центральной темой анализа становится эволюция профессиональной позиции

1 Scientific supervisor – Yu. A. Gartina, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

педагога – переход от функции трансляции знаний к роли фасилитатора и наставника в образовательной среде.

Ключевые слова: цифровизация образования, профессиональные компетенции учителя, цифровая образовательная среда (ЦОС), гибридное обучение, педагогические инновации, фасилитатор.

Современная парадигма российского образования определяется форсированной интеграцией информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс. Если еще несколько десятилетий назад учитель был единственным (или основным) источником информации, то сегодня, в эпоху цифровизации и свободного доступа к знаниям, эта модель стремительно устаревает. Происходит переход от модели «учитель-транслятор» к модели «учитель-фасилитатор».

Реализация инициатив в рамках проекта «Цифровая образовательная среда» детерминирует необходимость качественной трансформации педагогической деятельности. Однако фиксируется лаг между материально-техническим обеспечением школ и уровнем сформированности цифровых компетенций преподавательского состава, что обуславливает возникновение ряда системных противоречий [4].

Модель транслятора возникла в эпоху индустриализации, когда основная задача образовательной системы заключалась в подготовке стандартизированных специалистов.

– Основная функция: передача уже готовых знаний от «эксперта» (учителя) к «ученикам», не обладающим этими знаниями.

– Применяемые методы: лекции, коллективные опросы, зубрежка учебного материала, строгая иерархия.

– Итог: ученик рассматривается как «пассивный контейнер», который необходимо наполнить информацией. Успех оценивается по способности точно воспроизвести изученное.

В современном мире данная модель становится менее эффективной, поскольку из-за избытка информации ее ценность снижается, а умение механически запоминать уступает место развитию критического мышления и творческого подхода.

Термин «фасилитация» берет начало от латинского facilis, что переводится как «простой» или «удобный». Это процесс, который помогает группе работать вместе так, чтобы сами участники могли прийти к нужному решению. В образовании фасилитатор не просто передает знания, а создает атмосферу и условия, в которых ученики мотивированы и способны учиться самостоятельно [5, с. 33-34].

Основные направления изменения профессиональной позиции педагога:

– Смена парадигмы управления: переход от авторитарного контроля к фасилитации и поддержке образовательного процесса.

– Развитие исследовательского подхода: замена директивной подачи информации на вопросно-ответную методику, стимулирующую самостоятельный поиск знаний.

– Приоритет социального обучения: переход от индивидуальной работы к организации группового взаимодействия.

– Функция образовательного проектирования: трансформация учителя в архитектора учебной среды, ориентированной на решение практико-ориентированных задач [3].

Цифровизация образования, обладая несомненным потенциалом, сопряжена с рядом серьезных вызовов:

– Психоэмоциональная нагрузка. Непрерывная технологическая трансформация, мессенджеры и электронные журналы сделали учителя доступным для учеников и родителей в любое время суток, именно эта работа в режиме постоянной доступности провоцируют у педагогов профессиональное выгорание и хронический стресс.

– Скорость обновлений: Технологии развиваются быстрее, чем программы повышения квалификации учителей. Педагоги не успевают адаптироваться к новым инструментам (LMS-системы, ИИ-ассистенты, облачные сервисы).

– Недостаточный уровень цифровой грамотности. Наблюдается диспропорция между навыками работы с базовым ПО и умением эффективно внедрять в учебный процесс передовые инструменты, такие как аналитические системы или симуляторы.

– Технические сбои. Учитель часто остается один на один с неработающим интернетом, зависшей программой или отсутствующим оборудованием прямо во время урока, что вызывает стресс и срывает образовательный процесс.

– Избыток контента. Учителю приходится тратить огромное количество времени на поиск, отбор и адаптацию качественного цифрового контента из бесконечного потока информации [1, с. 63-64].

– Цифровое неравенство. Существенный разрыв в материально-техническом обеспечении образовательных учреждений (городских и сельских) создает неравные возможности для обучения, вынуждая педагогов адаптировать методики под имеющиеся ресурсы.

– Плагиат и ИИ-генерация. Учителям стало крайне сложно проверять самостоятельность выполнения домашних заданий и сочинений. Это требует полной перестройки системы оценивания – от проверки «результата» к проверке «процесса мышления».

– Дефицит межличностного взаимодействия. Избыточная цифровизация создает риск отчуждения в системе «учитель-ученик», превращая образовательный процесс в формализованное взаимодействие через интерфейс, что обедняет живое общение. Цифровые форматы обучения лишают учителя и учеников эмоционального контакта, который является фундаментом педагогики. Учителю сложнее «считывать» состояние класса через экран монитора [2].

На наш взгляд, еще одной существенной проблемой процесса цифровизации является конкуренция за фокус внимания учащихся с высокотехнологичным развлекательным контентом (TikTok, игры, соцсети). В условиях доминирования социальных сетей и игровых платформ традиционные образовательные программы зачастую проигрывают в привлекательности цифровым медиа.

Парадоксально, но цифровизация часто не упрощает, а усложняет жизнь педагога. Во многих школах учителя вынуждены дублировать отчетность – вести бумажные журналы и заполнять бесконечные электронные формы, что отнимает время от реального преподавания.

На наш взгляд, для того чтобы преодолевать выявленные вызовы в современном образовании РФ и минимизировать риски, необходимо проводить комплексную работу:

– Переход к модели непрерывного обучения. Педагогическая квалификация должна обновляться регулярно с акцентом на микрообучение и практику использования информационных технологий.

– Развитие сообществ практиков. Обмен опытом внутри профессиональных сетевых сообществ позволяет быстрее адаптировать лучшие цифровые кейсы.

– Психологическая поддержка. Внедрение программ по профилактике выгорания и обучению навыкам тайм-менеджмента в цифровой среде становится обязательным элементом профессионального стандарта.

– Развитие цифровой гигиены. Установление четких границ доступности учителя для связи с родителями и учениками.

– Смена роли на «куратора». Признание того, что учитель – не источник ответов, а проводник и наставник, который помогает ориентироваться в цифровом хаосе.

Данные рекомендации мы предлагаем рассматривать как точки роста: те педагоги, которые научатся управлять технологиями, а не подчиняться им, станут самыми востребованными специалистами в ближайшем будущем.

Таким образом, стоит отметить, что цифровизация российского образования – это не просто смена меловой доски на интерактивную панель, а глубинный процесс изменения самой природы педагогического труда. Учитель будущего в РФ – это специалист, который гармонично сочетает традиционные гуманистические ценности с высокой технологической грамотностью. Успех этого процесса зависит не столько от качества ПО, сколько от готовности государства инвестировать в развитие человеческого капитала – в поддержку, обучение и мотивацию педагога.

В свою очередь, трансформация учителя из транслятора в фасилитатора – это не просто смена терминологии, а глубокий сдвиг в философии образования. Это переход от обучения как процесса «загрузки данных» к обучению как процессу «раскрытия потенциала». В этой новой системе учитель остается ключевой фигурой, но его ценность заключается уже не в объеме накопленных им знаний, а в его способности вдохновлять, направлять и создавать пространство, где каждый ученик становится творцом собственного образования.

Список использованных источников

1. Василькова Н. А. Цифровые образовательные технологии: дидактические возможности и риски / Василькова Н. А., Гафарова Е. А., Диденко Г. А., Шварц О.Н. / – Челябинск: ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2023 – 99 с.

2. Кисель, О. В. Развитие цифровой компетенции педагога / О. В. Кисель // Цифровизация образования: вызовы современности. – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2020. – С. 55-57.

3. Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=737. – Дата обращения: 26.09.26.

4. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» / [Электронный ресурс]. – Консультантплюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ – Дата доступа: 20.09.2026.

5. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе / Т.А. Аймалетдинов, Л.Р. Баймуратова, О. А. Зайцева [и др.]; Аналитический центр НАФИ. – М.: НАФИ, 2019. – 84 с.

TEACHER IN THE DIGITAL AGE: CHALLENGES OF THE MODERN STAGE IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN EDUCATION

U.S. Kaplina

Penza State University,
Penza, Russia

The paper examines the profound changes in pedagogical practice обусловленные the accelerated digitalization of the domestic education system. The main challenges facing teachers are systematized: the need to quickly master digital tools and the psychological adjustment required in the context of the transition to hybrid learning models. The central theme of the analysis is the evolution of the teacher's professional position – the shift from the function of transmitting knowledge to the role of a facilitator and mentor in the educational environment.

Keywords: digitalization of education, teacher professional competencies, digital learning environment (DLE), hybrid learning, pedagogical innovations, facilitator.

УДК 327

ВОЙНА КАК МЕТОД РЕШЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ

М.А. Косарева

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

В статье рассматривается война как инструмент внешней политики государств на основе анализа исторических примеров. Выделяются причины неэффективности войны как метода внешней политики: недооценка противника, невозможность контролировать последствия, международная изоляция агрессора и ядерный фактор.

Ключевые слова: война, внешняя политика, международные конфликты, дипломатия, баланс сил, ядерное сдерживание, исторический опыт, Наполеоновские войны, Первая мировая война, Вторая мировая война, локальные конфликты, эффективность военной силы, мирное урегулирование.

Война сопровождает человечество на протяжении всей его истории, и вопрос о том, является ли она рациональным инструментом внешней политики, остается одним из ключевых в теории международных отношений. С древнейших времен правители использовали вооруженную силу для расширения территорий, защиты интересов и навязывания воли другим государствам, однако цена такой политики часто оказывалась несоразмерной полученным выгодам. Война есть продолжение политики иными средствами, что означает подчиненность вооруженного конфликта политическим целям. Государство начинает войну тогда, когда дипломатические, экономические или иные невоенные инструменты исчерпаны или признаны недостаточно эффективными. Однако из этого не следует, что война всегда достигает поставленных целей: политическое руководство часто переоценивает свои силы и недооценивает противника, а быстрая военная кампания оборачивается затяжным конфликтом, истощающим экономику и подрывающим внутреннюю стабильность. Исторический опыт дает множество примеров, позволяющих оценить эффективность войны как метода решения внешнеполитических проблем и выявить закономерности, сохраняющие значение и сегодня [1, 35].

Наполеоновские войны представляют собой один из наиболее ярких примеров использования военной силы для переустройства Европы. Наполеон Бонапарт одержал ряд блестящих побед, что позволило Франции установить контроль над значительной частью континента, однако конечный результат оказался противоположным задуманному. После разгрома Наполеона в 1815 году Франция вернулась к границам 1792 года, а Венский конгресс создал систему, направленную на сдерживание новых революционных потрясений. Военные успехи не могли компенсировать враждебность практически всех европейских держав, оккупация и принудительные реформы вызывали сопротивление народов, а ресурсы Франции были ограничены, тогда как коалиция противников постоянно пополнялась. Таким образом, даже гениальный полководец не смог добиться устойчивого политического результата исключительно военными средствами, что подтверждает ограниченность войны как инструмента внешней политики [2, 235].

Первая мировая война началась как конфликт за передел колоний и сфер влияния, и государства Антанты и Центральные державы полагали, что смогут быстро добиться своих целей. Однако война затянулась на четыре года, унесла миллионы жизней и привела к краху четырех империй – Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской. Версальский мирный договор 1919 года, продиктованный победителями, не решил основных противоречий: Германия была унижена, но не уничтожена, а экономические проблемы и реваншистские настроения создали благоприятную почву для прихода к власти нацистов. Война не только не решила внешнеполитических проблем, но и породила новые, еще более опасные, что наглядно демонстрирует неспособность военного решения обеспечить долгосрочную стабильность.

Вторая мировая война, ставшая самым разрушительным конфликтом в истории, началась как попытка нацистской Германии установить господство в Европе, и поначалу военные успехи Германии были впечатляющими, но конечный результат известен: полный разгром, раздел страны и создание биполярной

системы. Однако в отличие от Первой мировой, Вторая мировая привела к созданию более устойчивых институтов – Организации Объединенных Наций и системы международного права, хотя и не исключила новых конфликтов. Важно отметить, что решающую роль в победе сыграла не только военная мощь, но и экономический потенциал, дипломатия и идеологическая привлекательность, а США и СССР, будучи союзниками, смогли договориться о послевоенном устройстве, что предотвратило прямой военный конфликт между ними в дальнейшем [3, 115].

После Второй мировой войны прямое столкновение великих держав стало опасным из-за ядерного оружия, и война переместилась на периферию – в Корею, Вьетнам, Афганистан, на Ближний Восток. Вьетнамская война, в которую США вступили, стремясь предотвратить распространение коммунизма, показала, что даже огромное военное превосходство не гарантирует политического успеха. Несмотря на техническое и материальное преимущество, американские войска не смогли добиться победы, политические цели оказались недостижимыми, а внутреннее общественное мнение в США повернулось против войны. В 1975 году Северный Вьетнам одержал победу, что стало примером того, как противник, готовый вести затяжную борьбу и опирающийся на поддержку населения, может противостоять значительно более сильной державе. Афганская война 1979-1989 годов, в которую СССР ввел войска для поддержки дружественного режима, также продемонстрировала ограниченность военной силы: советские войска столкнулись с упорным сопротивлением моджахедов, которых поддерживали США и другие страны, и через десять лет СССР вывел войска, а режим, который он поддерживал, пал. Война ускорила экономический и политический кризис в Советском Союзе, что свидетельствует о том, что военное вмешательство может иметь катастрофические последствия для самого инициатора. Иракская война 2003 года, начатая США под предлогом наличия у режима Саддама Хусейна оружия массового поражения, также не привела к решению внешнеполитических проблем: оружие не было найдено, режим был свергнут, но страна погрузилась в многолетнюю гражданскую войну, итогом которой стали сотни тысяч погибших, нестабильность в регионе, рост влияния Ирана и террористических группировок. Таким образом, война не решила поставленных задач, а создала новые, еще более сложные проблемы.

Анализ исторического опыта позволяет выделить несколько причин, по которым война как метод решения внешнеполитических проблем оказывается неэффективной в долгосрочной перспективе. Первая причина заключается в недооценке противника и переоценке своих сил: государства часто вступают в войну, полагая, что она будет короткой и победоносной, но реальность вносит коррективы. Вторая причина – невозможность контролировать все последствия: война разрушает экономику, вызывает гуманитарные катастрофы, порождает ненависть, и даже если политические цели достигнуты формально, цена может быть неприемлемой. Третья причина – международная изоляция: агрессор часто сталкивается с коалицией противников и санкциями, которые сводят на нет военные успехи. Четвертая причина – ядерное оружие: с 1945 года прямое столкновение ядерных держав стало смертельно опасным, что заставляет искать невоенные пути решения конфликтов. Это не означает, что война никогда не бывает

оправданной: история знает примеры, когда вооруженная борьба была необходимой, например, отражение агрессии во Второй мировой войне, однако в таких случаях война является не методом решения внешнеполитических проблем, а ответом на уже совершенное нападение, что принципиально меняет ее характер [4, 10].

В XXI веке значение военной силы как инструмента внешней политики снижается, но не исчезает: экономические санкции, кибератаки, информационные войны, дипломатическое давление становятся все более важными, однако локальные войны продолжаются, а некоторые государства по-прежнему рассматривают военную силу как основной аргумент. Особую роль играет ядерное сдерживание: наличие ядерного оружия у России, США, Китая, Великобритании, Франции, Индии, Пакистана, Израиля и КНДР делает прямое столкновение между ними маловероятным, но не исключает прокси-войн. Война как метод решения внешнеполитических проблем имеет длительную историю, но ее эффективность остается сомнительной: исторический опыт показывает, что военные победы часто оборачиваются новыми конфликтами, а цена войны превышает возможные выгоды. В современном мире, с учетом ядерного фактора и взаимозависимости экономик, война становится все более опасным и малоэффективным инструментом, что не означает полного отказа от военной силы, но требует приоритета дипломатии, переговоров и компромиссов. Война может быть крайней мерой, но она не должна быть первым выбором, поскольку устойчивый мир достигается не на поле боя, а за столом переговоров.

Список использованных источников

1. Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, 2007. 1035 с.

2. Лиддел Гарт Б. Г. Стратегия непрямых действий. М.: АСТ, 2017. 464 с.

3. Зоткин, А. А. Война, политика и мир в трактовке К. фон Клаузевица / А. А. Зоткин // Вестник Московского университета. Политические науки. 2019. № 2. С. 113-127.

4. Балаклеец Н.А. Философия войны: Толстой и Клаузевиц // Социодинамика. 2017. № 1. С. 1-15.

WAR AS A METHOD OF SOLVING FOREIGN POLICY PROBLEMS BETWEEN STATES

M.A. Kosareva

Penza State University,
Penza, Russia

The article examines war as a tool of foreign policy used by states, based on an analysis of historical examples. The reasons for the ineffectiveness of war as a method of foreign policy are identified: underestimating the enemy, the inability to control the consequences, the international isolation of the aggressor, and the nuclear factor.

Keywords: war, foreign policy, international conflicts, diplomacy, balance of power, nuclear deterrence, historical experience, Napoleonic Wars, World War I, World War II, local conflicts, effectiveness of military power, peaceful settlement.

УДК 659.1:34

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕКЛАМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ МАРКИРОВКИ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ

Е.А. Кошельник[1]

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

В статье рассматриваются понятие, основные признаки и цели рекламы, а также особенности её правового регулирования в Российской Федерации. Особое внимание уделяется маркировке интернет-рекламы, функционированию ЕРИР и ОРД, использованию идентификатора ERID, а также ответственности за нарушение установленных требований.

Ключевые слова: реклама, правовое регулирование, интернет-реклама, маркировка рекламы, ЕРИР.

Основу правового регулирования рекламы в Российской Федерации составляет Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе». В соответствии со статьёй 3 указанного закона реклама определяется как информация, распространяемая любыми способами, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределённому кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему, а также на его продвижение на рынке. Объектом рекламирования могут выступать товар, средства индивидуализации юридического лица и (или) товара, изготовитель либо продавец товара, результаты интеллектуальной деятельности или мероприятие.

Из законодательного определения вытекают ключевые признаки рекламы: публичный характер, ориентация на неперсонифицированную аудиторию и явно выраженная коммерческая направленность, связанная с продвижением объекта на рынке.

В доктрине цели рекламы рассматриваются в маркетинговом, коммуникативном и психологическом аспектах. Е.В. Ромат трактует рекламу как элемент системы маркетинговых коммуникаций и выделяет её основные цели: информирование целевой аудитории о товаре, услуге или компании; убеждение потребителей в преимуществах объекта рекламирования и формирование предпочтений; напоминание о товаре и поддержание интереса к нему. Данные цели направлены на формирование спроса, стимулирование сбыта и создание благоприятного имиджа.

В.Л. Музыкант акцентирует коммуникативную и имиджевую функции рекламы, относя к числу её ключевых задач формирование и поддержание положительного имиджа товара, бренда или организации, стимулирование спроса, а

1 Научный руководитель – Гартина Ю.А. к.ю.н., доцент

также создание устойчивых ассоциаций и лояльности потребителей. При этом подчёркивается необходимость выстраивания долгосрочных отношений с аудиторией посредством системы маркетинговых коммуникаций.

А.Н. Лебедев-Любимов анализирует цели рекламы преимущественно с психологических позиций, выделяя актуализацию и опредмечивание потребностей потребителя, управление процессом принятия решения о покупке, а также воздействие на установки, мотивы и поведение аудитории. Автор различает суггестивный (прямое воздействие) и маркетинговый (ориентированный на изучение и удовлетворение потребностей) подходы, отмечая, что современная реклама должна учитывать реальные запросы потребителей.

Таким образом, в российской научной литературе сложился консенсус относительно основных целей рекламы: информирование, убеждение, формирование имиджа и стимулирование потребительского поведения.

Существенные изменения в правовом регулировании произошли с 1 сентября 2022 г. в связи с введением обязательной маркировки интернет-рекламы Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 347-ФЗ, дополнившим Закон о рекламе статьёй 18.1. Маркировка представляет собой совокупность требований, включающих размещение пометки «Реклама», сведений о рекламодателе (наименование и ИНН либо ссылка на соответствующую страницу) и уникального идентификатора – токена ERID.

Обязательной маркировке подлежит практически вся реклама, распространяемая в сети «Интернет» на территории Российской Федерации, включая контекстную, таргетированную, медийную и нативную рекламу, а также публикации блогеров и материалы в социальных сетях. Самореклама (продвижение собственных товаров или услуг на собственных ресурсах) в большинстве случаев не требует маркировки, если носит справочно-информационный характер. Однако при наличии признаков рекламы, предусмотренных законом (в том числе при бартерных и безвозмездных размещениях), маркировка становится обязательной.

Исключения установлены распоряжением Правительства РФ от 30 мая 2022 г. № 1362-р и включают, в частности, рекламу в составе теле- и радиопередач, размещённых в интернете без изменений, а также email-рассылки, SMS- и push-уведомления о собственных товарах, направляемые подписчикам. Не подлежат маркировке цифровые копии печатных изданий и справочно-информационные либо аналитические материалы, основная цель которых не связана с продвижением конкретного товара. С 1 марта 2025 г. обязательная маркировка распространена и на социальную рекламу. Реклама, не ориентированная на российскую аудиторию, маркировке не подлежит. В 2026 г. действует переходный период, в течение которого меры ответственности за размещение рекламы в Telegram и YouTube не применяются.

Институциональной основой системы маркировки выступает Единый реестр интернет-рекламы (ЕРИР) – государственная информационная система, оператором которой является Роскомнадзор. В реестре аккумулируются сведения о рекламодателях, посредниках, договорах, креативах, сроках размещения и

статистике показов. Передача данных в ЕРИР осуществляется исключительно через операторов рекламных данных (ОРД) – аккредитованные Роскомнадзором юридические лица, осуществляющие приём, обработку информации, присвоение уникальных идентификаторов и направление сведений в реестр. В числе аккредитованных ОРД – ООО «Яндекс Оператор Рекламных Данных», ООО «Озон ОРД», ООО «ВК Рекламные технологии», ООО «МедиаСкаут», ООО «Первый ОРД» и ряд других организаций.

Токен ERID представляет собой уникальную цифровую последовательность, генерируемую ОРД после регистрации креатива и сведений о рекламодателе. Он обеспечивает прослеживаемость рекламы. Маркировка должна быть заметной и легко воспринимаемой; отчётность о фактах распространения рекламы направляется через ОРД в ЕРИР в течение 30 календарных дней после окончания месяца размещения.

Административная ответственность за нарушения требований к маркировке и отчётности установлена статьёй 14.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. За отсутствие пометки «Реклама», сведений о рекламодателе или токена ERID предусмотрены штрафы: для граждан – от 30 000 до 100 000 руб., для должностных лиц – от 100 000 до 200 000 руб., для юридических лиц – от 200 000 до 500 000 руб. За нарушения порядка представления отчётности штрафы составляют: для граждан – от 10 000 до 30 000 руб., для должностных лиц – от 30 000 до 100 000 руб., для организаций – от 200 000 до 500 000 руб. Для ОРД предусмотрены повышенные санкции (до 700 000 руб. для юридических лиц).

Правоприменительная практика свидетельствует об активном применении указанных норм. Так, Решением ФАС России от 25 апреля 2024 г. по делу № 08/05/18.1-22/2024 реклама сервиса «СберЗдоровье» была признана ненадлежащей в связи с отсутствием требуемой маркировки. Аналогичные подходы применяются и в иных делах.

К 2026 г. система регулирования дополнена обязательными отчислениями (ст. 18.2 Закона о рекламе); уточнениями, касающимися отдельных площадок; правилами рекламы энергетиков (ст. 25.1: запрет на обращение к несовершеннолетним, указание БАД/витаминов и обязательное предупреждение о вреде); требованиями предупреждать о негативных последствиях в рекламе банкротства граждан и обязательным предупреждением о риске зависимости в рекламе азартных игр и пари. Введение института маркировки, ЕРИР и ОРД существенно повысило прозрачность рынка интернет-рекламы и ответственность участников рекламной цепочки. Современное законодательство о рекламе ориентировано на обеспечение прозрачности рынка, защиту потребителей от скрытой рекламы и создание условий для эффективного государственного контроля.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 12. – Ст. 1232.

2. Чесалкина П. А., Дербина А. В. Трансформация правового регулирования интернет-рекламы в 2026 г.: языковые ограничения, эффект-ориентированный подход и новые стандарты прозрачности // Вестник науки. 2026. №5. – С. 98.
3. Слепенок Ю. Н., Белокопытова Н. Ю., Вильгоненко И. М. Понятие и проблемы правового регулирования рекламной деятельности в современных экономических условиях // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. №1. – С. 112

LEGAL FOUNDATIONS OF ADVERTISING REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND SPECIFIC FEATURES OF INTERNET ADVERTISING LABELING

E.A. Koshelnik[1]

Penza State University,
Penza, Russia

The article examines the concept, main characteristics and objectives of advertising, as well as the specific features of its legal regulation in the Russian Federation. Particular attention is paid to the labeling of Internet advertising, the functioning of the Unified Register of Internet Advertising (ERIR) and Advertising Data Operators (ORD), the use of the ERID identifier and liability for violations of the established requirements.

Keywords: advertising, legal regulation, Internet advertising, advertising labeling, ERIR, legal liability.

УДК 34.096

«ДРОБЛЕНИЕ БИЗНЕСА» КАК ФОРМА ПОЛУЧЕНИЯ НЕОБОСНОВАННОЙ НАЛОГОВОЙ ВЫГОДЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ СУДЕЙ

К.А. Кулакова

Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск, Россия

В статье характеризуется актуальность проблемы квалификации дробления бизнеса как формы получения необоснованной налоговой выгоды на современном этапе. Раскрываются роль и значение правоприменительной практики в формировании подходов к данному явлению. Рассматривается нормативная база, которой необходимо руководствоваться при оценке структуры бизнеса, включая положения Налогового кодекса РФ и разъяснения контролирующих

1 Scientific supervisor – Yu. A. Gartina, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

органов. Характеризуются критерии и признаки дробления, выработанные в разъяснениях ФНС России и судебной практике.

Ключевые слова: дробление бизнеса, необоснованная налоговая выгода, налоговый контроль, налоговая ответственность, злоупотребление правом.

Проблема дробления бизнеса является далеко неновой. Уже не один десяток лет налогоплательщики спорят с налоговыми органами о праве делить бизнес по своему усмотрению.

До 2024 года понятие «дробление бизнеса» отсутствовало в законодательстве о налогах и сборах. Оно раскрывалось исключительно через правоприменительную практику. Законодатель не давал легальное определение, что создавало ситуацию правовой неопределённости.

Минфин прямо отказывался закреплять исчерпывающий перечень признаков в Кодексе. В письме от 09.11.2023 № 03-02-07/107221 [3] отметил: хозяйственная жизнь многообразна, а способы налоговой оптимизации постоянно меняются, поэтому исчерпывающий перечень признаков дробления бизнеса в НК РФ закрепить нельзя.

Из-за этой неопределенности налогоплательщик не может заранее понять, сочтут ли его действия злоупотреблением. Оценка велась по совокупности обстоятельств, что создавало правовую неопределённость и повышало риски налоговых споров.

Отсутствие четких критериев имеет и обратную сторону, если налоговый орган доказывает факт дробления, последствия для бизнеса оказываются крайне тяжелыми. Доходы всех участников группы принудительно объединяются, что ведет к пересчету налоговых обязательств за три года по общей системе налогообложения. На всю доначисленную сумму начисляются пени и штрафы, а в отдельных случаях возникает риск уголовной ответственности.

Впервые перечень из 17 признаков формального дробления привела ФНС в письме от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@ [4]. Среди них:

– дробление одного бизнеса (производственного процесса) происходит между несколькими лицами, применяющими специальные системы налогообложения;

– применение схемы дробления бизнеса оказало влияние на условия и экономические результаты деятельности всех участников данной схемы;

– налогоплательщик, его участники, должностные лица или лица, осуществляющие фактическое управление деятельностью схемы, являются выгодоприобретателями от использования схемы дробления бизнеса;

– участники схемы осуществляют аналогичный вид экономической деятельности;

– создание участников схемы в течение небольшого промежутка времени непосредственно перед расширением производственных мощностей и/или увеличением численности персонала и т.д.

ФНС пояснила, оценивая бизнес-модели групп лиц на спецрежимах, нужно проверять, ведёт ли налогоплательщик и связанные с ним лица деятельность самостоятельно и на свой риск, располагают ли они собственными трудовыми,

производственными и иными ресурсами, принимают ли управленческие решения их органы управления. А при оценке деловой цели исходить из того, совершил бы налогоплательщик операцию по чисто деловым мотивам, не будь у него налоговых преимуществ.

Знаковым стало особое мнение судьи Константина Арановского к Определению КС РФ от 04.07.2017 № 1440-О [1]. Он обратил внимание: налогоплательщику вменяют намеренное дробление бизнеса при формальном соблюдении закона, но само по себе ни то, ни другое правонарушением не является. «В судебной практике взаимозависимость участников сделки также сама по себе не даёт оснований к признанию налоговой выгоды необоснованной», - отметил судья. Формальное дробление не опровергает добросовестность налогоплательщика, ведение бизнеса несколькими компаниями нигде не описано как правонарушение, а семейное предпринимательство нередко ведут в нескольких организационных формах, подчеркнул Арановский.

Легальное определение дробления бизнеса впервые появилось в Федеральном законе от 12.07.2024 № 176-ФЗ [5] п. 1 ч. 1 ст. 6. Это разделение единой предпринимательской деятельности между несколькими формально самостоятельными лицами (организациями, ИП), которых контролируют одни и те же лица, направленное исключительно или преимущественно на занижение налогов за счёт спецрежимов.

Один из признаков - отсутствие у подконтрольных лиц собственных основных и оборотных средств, кадровых ресурсов. Он показывает, ведёт ли каждый участник группы самостоятельную хозяйственную деятельность или служит лишь формальным звеном.

Для квалификации схемы как дробления ключевое значение имеет совокупность формальных признаков, подтверждающая утрату участниками группы хозяйственной самостоятельности. Пример - дело сети пекарен «Хлебница-Волгоград». Суды установили, что формально самостоятельные ИП не располагали собственными ресурсами и не несли предпринимательского риска.

Подбор и найм сотрудников для ИП вели менеджеры по персоналу головной компании. Работников переводили между участками группы без изменения должностных обязанностей – это говорит о формальном характере перераспределения персонала. В части финансовой самостоятельности суды отметили, что выручка из касс индивидуальных предпринимателей забиралась головной компанией, а инкассация производилась централизованно. Это говорило о том, что у участников группы не было собственных финансовых потоков и реального контроля над результатами своей деятельности.

В совокупности эти обстоятельства позволили судам сделать вывод: самостоятельные ИП не вели деятельность на собственных рисках, а создавались исключительно для перераспределения выручки под специальные налоговые режимы. Схема была квалифицирована как дробление бизнеса.

В противовес дело «Хлебницы» можно привести дело «Покрофф» [2]. Налоговый орган утверждал, что ООО «Покрофф» применяло схему дробления через индивидуальных предпринимателей, для перераспределения выручки и уменьшению налогов. Однако, суды первой и апелляционной инстанции установили, что индивидуальные предприниматели вели самостоятельную

хозяйственную деятельность, имели собственные активы, сотрудников, и признали выводы инспекции недоказанными.

Если в деле «Хлебницы» налоговый орган доказал отсутствие у участников схемы собственных ресурсов и единый центр управления, то в деле «Покрофф» аналогичные доказательства отсутствовали. Суды отметили, что взаимозависимость участников группы сама по себе не даёт оснований объединять их доходы, если каждый налогоплательщик ведёт самостоятельную деятельность и платит налоги со своей выручки.

Это дело показывает, что для квалификации схемы как дробления решает не наличие отдельных признаков, а то, насколько доказательна их совокупность и взаимная связь – подтверждают ли они утрату участниками группы хозяйственной самостоятельности и отсутствие деловой цели в разделении бизнеса.

Так институт дробления бизнеса прошёл путь от полного отсутствия легального определения до закрепления в законе. При этом, ключевую роль, как показал анализ, играет не формальный перечень признаков, а доказанность их совокупности в каждом конкретном деле. Сравнение дел показывает, что при одной и той же нормативной базе суды приходят к противоположным выводам. Всё зависит от того, удалось ли налоговому органу доказать утрату участниками группы хозяйственной самостоятельности и отсутствие деловой цели. Законодательное определение задало рамки, но конкретизация осталась за судами. Это позволяет государству реагировать на новые схемы, однако сохраняет риск правовой неопределённости для налогоплательщиков, чья структура бизнеса зависит от оценочных суждений инспекторов и судей.

Список использованных источников

1. Определение Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 N 1440-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247 - 249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: https://parvo.gov.ru (дата обращения: 27.09.2026).

2. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29.11.2024 N Ф06-10070/2024 по делу N А49-5539/2022 [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: https://parvo.gov.ru (дата обращения: 27.09.2026).

3. Письмо Минфина России от 09.11.2023 N 03-02-07/107221 «Об установлении признаков «дробления бизнеса», формирующих факт злоупотребления налогоплательщиком своими правомочиями» [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: https://parvo.gov.ru (дата обращения: 27.09.2026).

4. Письмо ФНС России от 11.08.2017 N СА-4-7/15895@ «О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на

подконтрольных взаимозависимых лиц» [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: https://parvo.gov.ru (дата обращения: 27.09.2026).

5. Федеральный закон от 12.07.2024 N 176-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации. – URL: https://parvo.gov.ru (дата обращения: 27.09.2026).

“BUSINESS SPLITTING” AS A FORM OF OBTAINING AN UNJUSTIFIED TAX BENEFIT: MODERN JUDICIAL APPROACHES.

K.A. Kulakova

Siberian State University of Railway Transport, Novosibirsk, Russia

The article highlights the relevance of the issue of classifying business fragmentation as a form of obtaining unjustified tax benefits at the present stage. The role and significance of law enforcement practice in shaping approaches to this phenomenon are revealed. The regulatory framework that must be taken into account when assessing a business structure is examined, including the provisions of the Tax Code of the Russian Federation and the clarifications provided by regulatory authorities. The criteria and characteristics of business fragmentation, developed in the clarifications of the Federal Tax Service of Russia and judicial practice, are described.

Keywords: business fragmentation, unjustified tax benefit, tax control, tax liability, abuse of rights.

УДК 93

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НА ДОЛЖНОСТИ ВОЕННО-МОРСКИХ АГЕНТОВ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

М.С. Кушнир

Воронежский государственный аграрный университет имени Петра I, г. Воронеж, Россия

В статье раскрывается деятельность российских военно-морских агентов в европейских странах. Институт военно-морских агентов был учрежден в 1856 году, после того как Россия потерпела поражение в Крымской войне. Работа наших военно-морских атташе была многоаспектна и не ограничивалась лишь получением сведений технического характера. В их обязанности входило и заключение договоров на покупку военно-морского оборудования, и

характеристика государственных и военно-морских чиновников, анализ политических событий, происходивших в стране пребывания агента.

Ключевые слова: военно-морские агенты, разведка, Е. В. Путятин, А.А. Пещуров, И. Ф. Лихачев, Н. А. Лобанов-Ростовский, А. Е. Кроун, И. А. Шестаков, К. Ф. Литке.

В 1856 году в России был учрежден институт военно-морских агентов – морских офицеров, которые, находясь за рубежом на службе, могли бы добывать необходимые для российского правительства и военно-морского командования сведения. Все это им удавалось получать благодаря личным связям, имеющемуся опыту и, конечно же, официальному статусу, который облегчал их вхождение, в том числе, и в правительственные круги.

Агенты выполняли различные поручения: от представления военных и государственных деятелей до описания происходящих государственных событий, от анализа характерных черт жителей стран до точных и подробных характеристик военно-морской техники – оружия и кораблей.

Дело в том, что Россия не могла похвастаться серьезными изобретениями в области военно-морского дела, особенно в области бронированных судов, которые уже начинали строиться и спускаться на воду в Англии и Франции. С винтовыми судами, которые преобладали в военно-морских флотах тех же стран, у России тоже была задержка. Собственно, одним из последствий этого отставания и стал проигрыш в Крымской войне, несмотря на весь героизм российских солдат и моряков: «Весь героизм российских военных нивелировался отсутствием достойного вооружения как на земле, так и на море». [1, с. 79] Николай I в 1853 году издал указ о том, что отныне линейные корабли должны строиться винтовыми, но было уже поздно, Россия значительно уступала Франции и Великобритании. Поэтому российское правительство приняло решение об отправлении офицеров морского военного флота в ведущие зарубежные страны с целью получения сведений о строительстве флотов нового типа.

Дело осложнялось тем, что в строительстве военно-морского флота не было однозначных тенденций, т.е. нельзя было наперед предугадать как флот будет выглядеть спустя десять лет. Усовершенствования и изобретения происходили с большой скоростью и все они требовали огромных финансовых затрат, которые Россия не могла себе позволить. Военно-морские агенты могли поспособствовать тому, чтобы российское правительство не тратило средства на бесполезные изобретения.

Типовой инструкции для агентов с самого начала не существовало, ее разработали позже. Изначально, для каждого агента составляли персональную инструкцию. Впрочем, изучение этих инструкций в архивах показало, что во многом они были похожи, за исключением пунктов, которые могли относиться к особенностям страны пребывания военно-морского агента. Безусловно, любому исследователю интересны и другие вопросы, например «как получали и использовали информацию, насколько она была «закрытой», как, наконец, заинтересованные лица находили саму информацию о существовании той информации,

которая им нужна». [2, с. 6] На эти и многие другие вопросы возможно ответить только после изучения архивных материалов, связанных с деятельностью российских военно-морских агентов.

Первым, официально назначенным агентом, на эту должность, стал вице-адмирал граф Евфимий Васильевич Путятин. Высочайшее повеление об этом выло 4 июля 1856 года. Было решено отправить его военно-морским агентом сразу в две страны – Англию и Францию. На помощь ему, а потом и на смену, был отправлен лейтенант Алексей Алексеевич Пещуров, который, в основном, занимался техническими вопросами. [3, Л. 74]

Интересен тот факт, что жалование агенту было определено 4 фунта стерлингов в сутки, в том же документе была названа сумма подъемных. Однако представительские расходы никак не представлены. [3, Л. 3] Из-за этого с отчетом агента возникли сложности. Руководство приняло решение компенсировать расходы агента «задним числом». Но если Е.В. Путятин был графом и вице-адмиралом, располагавшим средствами, и потому, имеющим возможность спокойно компенсировать их «потом», то А.А. Пещуров был молодым лейтенантом, долго служившим под руководством Е.В. Путятина, однако не имевшим таких свободных средств. Поэтому лейтенант смог добиться выделения ему 500 фунтов стерлингов в год на все непредвиденные или представительские расходы.

Агентам вменялось следить за всеми нововведениями на флотах Великобритании и Франции. Правда в январе 1857 года Путятин временно оставил должность военно-морского агента в европейских странах и был отправлен срочно в Китай для решения срочных военных вопросов, т.к. имел обширный опыт службы на Дальнем Востоке. [3, Л. 62] Лишь через два года адмирал вернулся к своим обязанностям в Европе. Надо отдать должное А.А. Пещурову, который после отъезда Путятина был назначен агентом по заказам Морского министерства, он прекрасно справился со своими обязанностями. После возвращения на должность Путятина, Пещуров в основном работал в Англии, а Путятин во Франции. Должность военно-морского агента сохранялась в двух странах и при Иване Федоровиче Лихачеве, когда он был на нее назначен. И только после его ухода в 1883 году функции разделили.

Примерно таким же было положение и агента, капитана I ранга Н.А. Лобанова-Ростовского, которого командировали для наблюдения за флотами сразу трех стран: Голландии, Швеции и Дании. В должности он пробыл совсем недолго – всего два года, а после его отъезда преемник ему назначен не был.

В 1862 году в Северо-Американские Соединенные Штаты агентом Морского министерства был назначен капитан 2 ранга Александр Егорович Кроун, будущий вице-адмирал российского флота. Через два года его перевели на такую же должность в Англию.

На должность морского агента в Италию и Австро-Венгрию наш офицер впервые был назначен только в 1873 году. Им стал Иван Алексеевич Шестаков, контр-адмирал российского флота. Дело в том, что в начале 1870-х годов Австро-Венгрия и в некотором роде – Италия достигли успехов в строительстве собственных броненосных кораблей, а также смогли создать собственные торпеды.

Это не могло не вызвать интереса у российских властей. Но после того, как Шестаков был отозван из Вены и Рима, замены ему не назначили. Вместо этого, российские власти, в уже привычной манере, приняли решение о совмещении должности агента в Германии, Австро-Венгрии и Италии. Эта честь выпала российскому агенту в Германии капитану I ранга графу Константину Федоровичу Литке. И только в 1898 году по просьбе посла в Риме графа А. И. Нелидова [4, Л. 3] в Италию был назначен морской агент, которым стал… сын графа, лейтенант морского флота И. А. Нелидова.

Интересен и тот факт, что агентов Морского министерства несколько раз назначали по ходатайству самих морских офицеров, которые видели перспективы развития флота в той или иной стране. Так произошло в 1874 году с капитан-лейтенантом Н. А. Неваховичем, который сам подал рапорт об усовершенствованиях флота в Германии и своих мыслях об этом, и в результате был отправлен агентом в Германию. Похожая ситуация была и с назначением капитана I ранга Д. Ф. Мертваго агентом в Соединенные Штаты Америки, правда рапорт об ускоренном развитии американского флота подавал не он.

Таким образом, вопрос о назначении военно-морских агентов в ведущие морские державы был действительно очень актуальным, только обстоятельства назначения в разные страны носили свой особый характер.

Список использованных источников

1. Кушнир М.С. Французский военный флот – объект изучения русских военно-морских агентов во II-ой половине XIX века / М.С. Кушнир / Молодые ученые России. Сборник статей XXVI Всероссийской научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2025. С. 79-81.

2. Емелин А. Ю. Военно-морские агенты России: эволюция института, его задач и методов: 1856 – 1918. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. по спец. 07.00.02. / Емелин А. Ю. [Место защиты: С.-Пб. ин-т истории РАН]. – Санкт-Петербург, 2007. – 264 с.

3. Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 157. Оп.1. Д. 2047.

4. РГАВМФ Ф. 417. Оп.1. Д. 1847.

FEATURES OF THE APPOINTMENT OF RUSSIAN NAVAL AGENTS TO POSITIONS IN THE SECOND HALF OF THE XIX TH CENTURY

M.S. Kushnir

Voronezh State Agrarian University named after Peter I, Voronezh, Russia

The article examines the activities of Russian naval agents in European countries. The institute of naval agents was established in 1856, after Russia suffered defeat in the Crimean War. The work of our naval attachés was multifaceted and was not limited to obtaining technical information. Their responsibilities also included concluding contracts for the purchase of naval equipment, providing profiles of

government and naval officials, and analyzing political events taking place in the country where the attaché was stationed.

Keywords: naval agents, intelligence, E. V. Putyatin, A. A. Peshchurov, I. F. Likhachev, N. A. Lobanov-Rostovsky, A. E. Kroun, I. A. Shestakov, K. F. Litke.

УДК 338.47

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ СИНЕЙ ЭКОНОМИКИ

А.С. Лем

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия

На сегодняшний день освоение Арктики и Северного морского пути, а также развитие арктического судоходства привлекают внимание стран БРИКС, что создает потенциал для применения искусственного интеллекта в умных портах, морской робототехнике и в спутниковых навигационных системах. Так, Китай заинтересован в проекте Ледового Шелкового пути, который позволяет организовать арктическую логистику для доставки сжиженного природного газа морским транспортом. При этом внедрение принципов синей экономики является основой развития Трансарктического транспортного коридора и прибрежных территорий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Арктика, синяя экономика, ChatGPT, биоэкономика, арктическое судоходство, БРИКС, арктикономика, Китай.

Технологии на основе искусственного интеллекта сегодня активно применяются как в бизнесе, так и в сфере государственного управления для повышения эффективности. Однако они могут также использоваться и в процессе осуществления хозяйственной деятельности в Арктике. Это особенно важно в связи со сложными климатическими условиями, которые определяют запрос на автоматизацию многих процессов, связанных с добычей углеводородов, в частности сжиженного природного газа, и их доставки морским транспортом.

Большое внимание к проектам в Заполярье сегодня проявляют многие страны, географически удаленные от Арктики, но имеющие значительные интересы, а также обладающие компетенциями по ведению исследовательской деятельности в высоких широтах. Страны БРИКС проявляют к проектам в Арктике значительный интерес [6]. Здесь стоит отметить в первую очередь Индию и Китай, которые уделяют много внимания Арктике. При этом Китай на сегодняшний день активно развивает свою арктическую политику и демонстрирует интерес к различным направлениям деятельности в Заполярье.

Ресурсный потенциал Арктики на практике состоит не только в больших запасах полезных ископаемых, в частности углеводородов. Естественно, запасы нефти и сжиженного природного газа на арктическом шельфе действительно являются значительными. Большую роль играет также транспортный потенциал Северного Ледовитого океана и арктических морей, который может быть использован разными государствами, в первую очередь азиатскими странами, и в частности, Китаем для обеспечения конкурентоспособности своих товаров на мировых рынках [2].

Трансарктический транспортный коридор при этом может использоваться как для поставок углеводородов в азиатские страны, которым для роста экономики требуются энергоносители, так и для организации альтернативного транспортного коридора вместо привычных морских маршрутов, используемых сегодня для международной торговли. Таким образом рост интереса со стороны многих стран к арктической логистике обуславливает актуальность развития проекта Трансарктического транспортного коридора на основе Северного морского пути, а также важность обновления инфраструктуры. Здесь стоит отметить, что осуществление хозяйственной деятельности в Заполярье связано с большими затратами по причине суровых климатических условий [1].

Именно поэтому большую актуальность на территории Арктики приобретают современные технологии [4]. Здесь можно отметить системы на основе искусственного интеллекта, которые сегодня активно применяют как обычный пользователи, так и крупный бизнес. К самым популярным сервисам на основе искусственного интеллекта можно отнести ChatGPT от OpenAI, Gemini от Google и Claude от компании Anthropic.

Системы на основе искусственного интеллекта могут использоваться в арктической логистике, при развитии технологий автономного судовождения, а также в умных портах. Большое значение для организации арктического судоходства также имеют морская робототехника и современные навигационные системы. При этом возникают такие сферы для сотрудничества со странами БРИКС, в частности с Китаем, которые позволяют вывести взаимодействие в Арктике на новый уровень [7]. Стоит отметить, что в настоящее время Китай обладает значительным потенциалом в области передовых технологий, в том числе в сфере искусственного интеллекта, робототехнике и навигационных системах, что делает сотрудничество в арктических проектах еще более выгодным. Кроме того, для проектов в Заполярье большое значение имеют современные биотехнологии, что является основой для развития биоэкономики на территории Арктики. В сфере биотехнологий также актуальным является сотрудничество со странами БРИКС и в особенности с Китаем, который имеет здесь большие компетенции.

Особенности государственной политики в отношении Арктики отражаются в содержании официальных программ, стратегий развития и национальных проектов. К основным официальным документам, которые определяют принципы развития Заполярья относятся Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до

2035 года, Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» и Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. Морскую деятельность и использование водных ресурсов регулируют такие документы как Морская доктрина Российской Федерации, Стратегия развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года и Водная стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. Здесь стоит упомянуть, что вопросы, связанные с использованием водных ресурсов, являются одними из основных в процессе достижения целей устойчивого развития.

В дополнение к этому стоит отметить, что указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» среди прочего определяет такую национальную цель как «экологическое благополучие». Для достижения данной национальной цели установлены такие показатели и задачи как «формирование экономики замкнутого цикла, обеспечивающей к 2030 году сортировку 100 процентов объема, ежегодно образуемых твердых коммунальных отходов» и «снижение к 2036 году в два раза объема неочищенных сточных вод, сбрасываемых в основные водные объекты, сохранение уникальной экологической системы озера Байкал». Сегодня государство стремится к стимулированию в Заполярье проектов, учитывающих необходимость в сохранении окружающей среды на территории Арктики. При этом бизнес активно включен в формирование современной экологической политики.

Особенностью реализации проектов в Арктике является необходимость соблюдения экологических норм и правил. Это особенно важно для сохранения арктических морских экосистем. В связи с этим большую актуальность для Арктики приобретает стратегия синей экономики, которая представляет собой концепцию по использованию морских ресурсов в хозяйственной деятельности при соблюдении принципов устойчивого развития и высоких экологических стандартов [5].

Стоит отметить, что по сути любая хозяйственная деятельность в Арктике обладает своей спецификой, которая обусловлена комплексом различных факторов. Сюда относится необходимость в соблюдении правил, связанных с сохранением окружающей среды, повышенные требования к качеству техники, а также специфическая форма организации логистики, учитывающая ледовую обстановку. Таким образом, является целесообразным выделить арктикономику, как совокупность всех видов хозяйственной деятельности, осуществляемой в Арктике, с учетом принципов концепции устойчивого развития и с применением передовых технологий для рационального использования ресурсов.

Аспекты, непосредственно связанные с изменением климата, сегодня интересуют многие государства. В частности, большой интерес к этому проявляет и Китай, который активно развивает свои климатические исследования в Арктике. Это также становится фактором для сотрудничества с Китаем в вопросах, связанных с освоением арктических территорий [3].

На сегодняшний день сотрудничество с азиатскими странами постоянно расширяется, в том числе и в финансовой сфере. Кроме того, растут масштабы кооперации в проектах, связанных с добычей и транспортировкой углеводородов, в частности Китай уделяет большое внимание развитию терминалов для разгрузки газовозов, перевозящих сжиженный природный газ, добытый в Арктике. Однако сегодня важно также уделять внимание крупным инвестиционным проектам по развитию арктической логистики, которые можно реализовать в сотрудничестве с Китаем, используя его технологии в сфере морского транспорта.

Подводя итог, следует отметить, что сотрудничество с Китаем в развитии транспортного потенциала Северного морского пути сегодня является важной темой, влияющей на освоение арктических территорий. При этом аспектам сотрудничества в сфере логистики уделяется не так много внимания в научной литературе. Таким образом, вопросы, относящиеся к влиянию международных проектов, связанных с морским транспортом и инфраструктурой Трансарктического транспортного коридора на устойчивое развитие Арктики, являются актуальными и требуют дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. Веселова, Д. Н. Критическая оценка российских рейтингов корпоративной социальной и экологической ответственности компаний, действующих в Арктической зоне Российской Федерации: методологические аспекты / Д. Н. Веселова // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2026. – Т. 29, № 3(93). – С. 149-163. – DOI 10.37614/2220-802X.3.2026.93.010. – EDN VWKBDW.

2. Еремина, Н. В. Потенциал сотрудничества стран ЕАЭС в реализации проектов Трансарктического транспортного коридора / Н. В. Еремина // Управленческое консультирование. – 2026. – № 3(195). – С. 104-124. – EDN SEQKQH.

3. Лагутина, М. Л. Подходы неарктических азиатских стран к системе арктического управления в эпоху турбулентности / М. Л. Лагутина, Л. Цуй // Российско-китайские исследования. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 31-49. – DOI 10.17150/2587-7445.2026.10(1).31-49. – EDN QAVLGL.

4. Новик, Н. Н. Транспортная политика России в новых условиях: арктический опыт для МТК «Север-Юг» / Н. Н. Новик, Э. З. Галимуллин // Мировая экономика и международные отношения. – 2026. – Т. 70, № 9. – С. 100-112. – DOI 10.20542/0131-2227-2026-70-9-100-112. – EDN BCYXMV.

5. Сергунин, А. А. О применимости концепции "синей экономики" к развитию Северного морского пути / А. А. Сергунин // Устойчивый Север: общество, экономика, экология, политика : Сборник трудов VIII Всероссийской научно-практической конференции, проведенной в рамках программы V Северного Форума по устойчивому развитию, Якутск, 25–27 сентября 2024 года. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2024. – С. 240-247. – EDN BFSQHG.

6. Стрельникова, И. А. Трансарктический транспортный коридор как суверенный транспортный маршрут России и платформа для международной

кооперации / И. А. Стрельникова // Общество и экономика. – 2026. – № 7-8. – С. 154-173. – DOI 10.7868/S3034598726070102. – EDN ROBGPN.

7. Фомин, М. В. Привлекательность севера Дальнего Востока России для китайских инвестиций: проблемы и перспективы / М. В. Фомин // Арктика и Север. – 2026. – № 63. – С. 141-159. – DOI 10.37482/issn2221-2698.2026.63.141. – EDN BOWDXL.

MAIN DIRECTIONS OF CHINA'S ARCTIC POLICY IN THE CONTEXT OF USING THE NORTHERN SEA ROUTE IN THE ERA OF DEVELOPMENT OF THE BLUE ECONOMY

A.S. Lem

North-West Institute of Management, Branch of Ranepa, Saint Petersburg, Russia

Today, the development of the Arctic and the Northern Sea Route, as well as the development of Arctic shipping, is attracting the attention of BRICS countries, which creates potential for the application of artificial intelligence in smart ports, marine robotics, and satellite navigation systems. For example, China is interested in the Ice Silk Road project, which makes it possible to organize Arctic logistics for the delivery of liquefied natural gas by sea. At the same time, the implementation of the principles of the blue economy is the basis for the development of the Trans-Arctic transport corridor and coastal territories.

Keywords: artificial intelligence, Arctic, blue economy, ChatGPT, bioeconomy, arctic shipping, BRICS, arcticonomics, China.

УДК 339.16

ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ТОРГОВЫХ СЕТЕЙ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ РИТЕЙЛА

Е.Ф. Линкевич

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

В статье рассмотрен опыт управления деятельностью компаний-ритейлеров на различных этапах развития сетевой торговли. Охарактеризованы основные подходы к формированию и регулированию деятельности розничных торговых сетей компаний-ритейлеров разных стран. Особое внимание уделено стратегиям управления деятельностью компаний-ритейлеров, сформированных на наиболее ранних этапах развития сетевой торговли.

Ключевые слова: сетевая торговля, сетевой ритейл, торговые сети, управление торговой сетью, этапы развития ритейла.

Развитие сетевой розничной торговли является закономерным процессом, обеспечивающим возможность развития бизнеса и удержания позиций на рынке в условиях экономической нестабильности. Формирование и расширение деятельности торговых сетей международного масштаба обусловлено следующими предпосылками:

– развитием информационно-цифровых технологий, обеспечивающих эффективное управление торговыми единицами компаний-ритейлеров в разных странах, а также возможность оперативного реагирования на изменение потребительского спроса;

– созданием инновационных технологий, позволяющих обеспечить расширение торгового ассортимента торговых сетей в соответствии с предпочтениями потребителей;

– ускорением процессов специализации стран и их регионов на производстве и поставках за рубеж определенных видов товаров, востребованных иностранными потребителями;

– значительным расширением системы кредитования и страхования экспортно-импортных сделок;

– возможностью существенного сокращения затрат компаний-ритейлеров за счет эффекта масштаба [4].

Родиной сетевой розничной торговли являются США. Первая торговая сеть (более 67 магазинов) была сформирована компанией «A&P», специализирующейся на продаже индийского чая. Возможность сокращения издержек за счет эффекта масштаба обеспечило изначально конкурентные преимущества для компании, что способствовало быстрому росту торговой сети. Данная компания в настоящее время продолжает работать и развиваться (ее название «Great Atlantic & Pacific Tea Company»).

К концу XIX века торгово-розничные сети были созданы в некоторых странах Западной Европы. Крупнейшая торговая сеть компании «Ahold» (со временем ставшая международной) была сформирована к 1890 году в Нидерландах. В Германии в1898 году была создана компания «EDK», объединившая сеть супермаркетов. Данные компании-ритейлеры в настоящее время продолжают активно развиваться и являются крупнейшими торгово-розничными сетями Западной Европы.

Во второй половине девятнадцатого века во Франции была создана первая сеть, объединяющая (по принципу горизонтальной интеграции) несколько самостоятельных предприятий розничной торговли. Однако данный опыт оказался неудачным. Проблемы, возникшие в управлении структурой сети, разнонаправленность интересов руководства бизнес-единиц, а также отсутствие общей ассортиментной и товарной политики в относительно короткие сроки привели к ликвидации сформированного объединения. Компания-ритейлер просуществовала менее четырех лет.

Регулирование деятельности торговых сетей, сформированных и активно развивающихся во второй половине XIX века, требовало качественно новых

подходов, существенно отличающихся от управления, осуществляемого на уровне традиционных магазинов розничной торговли. Впервые появились системы расчетов, учитывающие эффект масштаба, оптимизационное влияние систем доставки, расположения торговых точек и товарного ассортимента магазинов, входящих в состав сети.

Первая половина двадцатого века была отмечена массовым развитием рознично-сетевой торговли в США и в некоторых странах Западной Европы (в Англии, Германии, Франции, Голландии, а также в других странах). На потребительских рынках данных стран наблюдался быстрый и стабильный рост торгово-розничных сетей, а также расширение территориальных границ присутствия компаний-ритейлеров.

Так, корпорация «Tesco», учрежденная в 1919 году в Великобритании, в тридцатые годы прошлого века активно расширяла свою деятельность в других странах Западной Европы. В настоящее время компания «Tesco» активно осваивает потребительские рынки Восточной Европы, а также Японии, Китая и Таиланда.

Возможность оптимизации затрат за счет эффекта масштаба обеспечила более высокую конкурентоспособность ритейлеров относительно традиционных магазинов розничной торговли [3]. При этом конкуренция торговых сетей на внутренних рынках стимулировала освоение компаниями-ритейлерами зарубежных территорий.

В шестидесятых годах двадцатого века появились новые стимулы развития транснациональных торговых сетей. Появление первых компьютеров и создание более эффективных систем телекоммуникаций (с 1960 по 1990 год) способствовали более быстрому формированию и развитию транснациональных компаний-ритейлеров. В некоторых странах темпы роста сетевой торговли даже опережали темпы роста ВВП.

Развитие новых систем управления, сетей интернет, информационных технологий способствовало монополизации потребительских рынков компаниями-ритейлерами. К началу 2000 года торговые сети обеспечивали более 70% розничного товарооборота. Более того, высокая конкурентоспособность крупных ритейлеров способствовала ускоренному освоению ими новых зарубежных рынков. С 1990 по 2000 год влияние крупных ритейлеров распространилось на развивающиеся страны.

Корпоративные структуры ритейлеров Западной Европы значительно расширили свою деятельность на территориях стран Центральной и Восточной Европы, Латинской Америки и Азии. При этом форматы торговли, адаптируясь к специфике потребительских рынков разных стран и регионов постоянно трансформировались и совершенствовались.

Обеспечение высоких темпов роста торговой сети требует постоянных нововведений, основанных на исследовании потребительских предпочтений, изменений рынка, а также появлений новых технологий ведения бизнеса, что предопределяет и совершенствование управления издержками обращения. В этой

связи исследование опыта наиболее успешных компаний-ритейлеров мира, сумевших не только занять и сохранить высокие конкурентные позиции в странах базирования, но и адаптироваться к активно осваиваемым рынкам других национальных экономик, представляется особенно актуальным [1].

Деятельность компаний-ритейлеров российского и иностранного происхождения оказывает существенное влияние на состояние торговли и экономики стран и регионов мира. При этом, в связи с тем, что у компаний-ритейлеров, осуществляющих деятельность в международном масштабе, накоплен значительный опыт управления сетевой торговлей, процессы освоения ими новых рынков, а также адаптации к постоянно изменяющимся экономическим условиям, протекают гораздо быстрее [2]. Поэтому исследование зарубежного и российского опыта формирования и развития международных торговых сетей в настоящее время сохраняет актуальность.

Список использованных источников

1. Ишханов А.В. Развитие международных торговых сетей: теоретические и практические аспекты / А.В. Ишханов, Е.Ф. Линкевич, А.В. Георгиева // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 111. – С. 1735-1745.

2. Линкевич, Е. Ф. Формирование конкурентных преимуществ предприятий сетевой торговли на основе маркетинговых стратегий / Е. Ф. Линкевич, Е. П. Гусакова // Экономика: теория и практика. – 2014. – № 2 (34). – С. 70–75.

3. Минаков, А. В. Проблемы обеспечения развития и повышения конкурентности в сфере розничного онлайн-ритейла / А. В. Минаков, В. Н. Бабанов // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 2 (175). – С. 709−716.

4. Фетисова, О. В. Роль сетевых компаний в развитии регионального потребительского рынка: монография / О. В. Фетисова, В. В. Курченков, Е. С. Матина. − Москва: Изд-во «Академия», 2013. − 160 с.

MANAGING RETAIL CHAIN OPERATIONS ACROSS VARIOUS STAGES OF RETAIL DEVELOPMEN

E. F. Linkevich

Kuban State University,
Krasnodar, Russia

This article examines the management of retail chain operations across different stages of the sector's development. It outlines key approaches to structuring and regulating the operations of retail chains in various countries. Particular attention is paid to management strategies adopted by retail companies during the early stages of the industry's evolution.

Keywords: chain trade, chain retail, retail chains, retail chain management, stages of retail development.

УДК 339.16

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ К УПРАВЛЕНИЮ РАЗВИТИЕМ ТОРГОВЫХ СЕТЕЙ

Е.Ф. Линкевич

Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

В статье рассмотрены теоретические подходы ученых-экономистов различных зарубежных школ к управлению деятельностью розничных торговых сетей. Охарактеризованы позиции зарубежных авторов к особенностям развития розничной сетевой торговли. Особое внимание уделено методологическим основам стратегического управления формированием и деятельностью торгово-розничных сетей.

Ключевые слова: сетевой ритейл, розничные торговые сети, сетевая торговля, управление торговой сетью, теоретические подходы.

Развитие компаний-ритейлеров исторически гораздо раньше началось в странах Западной Европы и в США. Поэтому менеджмент сетевой торговли стал предметом научных исследований за рубежом раньше, чем в России. В трудах ученых-представителей иностранных экономических школ рассматривались изменения в стратегиях компаний-ритейлеров под влиянием различных факторов. При этом многие ученые-экономисты учитывали, наряду с другими факторами, влияние на успех розничных торговых сетей управление издержками обращения.

А. Лагрио и Р. Пинто в своей работе систематизировали исследования, посвященные менеджменту торгово-розничных сетей, и пришли к выводу, что внимание ученых-экономистов в основном было сосредоточено на следующих темах:

- сотрудничество в цепочках поставок;
- управление издержками обращения;
- менеджмент торгово-розничных сетей;
- логистика в сетевой торговле;
- поведение потребителей;
- экологическая устойчивость;
- технологии и инновации;
- цифровые продукты.

Наиболее перспективными направлениями для проведения исследований А. Лагрио и Р. Пинто сочли значительные преобразования в управленческой деятельности компаний-ритейлеров, обусловленные ускорением развития онлайн-рынка [5].

Н. Крей определил четыре основных критерия, оказывающие наибольшее влияние на развитие торговой сети:

– состояние внутренней и внешней логистики корпоративной торговой структуры;

– эффективное управление издержками обращения компании;
– качество (создаваемая атмосфера) торгового обслуживания в компании;
– положительный опыт покупателя;
– лояльность к бренду;
– широкий доступ потребителей к информации о товарах и услугах торговой сети [4].

М. Дельгадо и К. Миллс в своем исследовании объединили в консолидированном понятии «экономика цепочки поставок» наиболее значимые факторы, влияющие на логистическую структуру торговых сетей и на развитие компаний-ритейлеров в целом. По мнению ученых, именно от состояния логистики зависит инновационная активность торговых сетей, а также их способность влиять на социальную сферу посредством создания дополнительных рабочих мест с высокой заработной платой. При этом особое внимание в работах ученых было уделено логистическим решениям, снижающим стоимость доставки реализуемой продукции [2].

Ф. Майкан и М. Орт аргументировано доказали в своей работе, что одним из наиболее значимых факторов развития торгово-розничных сетей является товарный ассортимент. Авторы определили, что супермаркеты с высокой окупаемостью за счет минимизации издержек, как правило, реализуют больше видов и категорий товаров. При этом точки продаж с высоким спросом могут специализироваться на меньшем количестве категорий товаров, если реализуют больше продукции высокого качества [6].

По мнению ученых, моделирование товарных матриц, настроенное на эффект масштаба, позволяет обеспечить сокращение издержек на единицу продукции при расширении объемов продаж за счет увеличения количества категорий реализуемой продукции. Согласно оценке авторов, расширение товарного ассортимента особенно выгодно торгово-розничным предприятиям, расположенным в сельской местности [6].

Ученые предложили регулярное проведение оценки товарного ассортимента с учетом эффекта масштаба. Согласно позиции Ф. Майкан и М. Орт, торговым организациям с высоким спросом следует сосредоточиться на продажах высокомаржинальной продукции, ограничивая количество других категорий товаров. Значительный спрос на высокомаржинальные товары позволит увеличить долю рынка, занимаемую магазинами [6].

Согласно позиции Т. Питерса и Р. Уотермена, для исследования функционирования и выявления наиболее перспективных направлений развития торгово-розничных сетей наиболее оптимальным является применение ценностно-ориентированный подхода. Обоснование эффективности данного подхода представлено учеными в эволюционной модели «лестница моделей управления» [8].

Следует отметить, что категория «ценность» впервые была применена в философских трудах П. Лапи. Позже термин «ценность» стал использоваться в экономической литературе (в частности, в работах К. Менгера). Суть концепции

состояла в обосновании зависимости ценности от потребительской оценки полезности и редкости продукта при оптимизации издержек [1].

Ю. Элг в своих работах исследовал межфирменную клиентоориентированность с использованием технологий и механизмов транзакционного маркетинга, опираясь на результаты исследований партнерских взаимоотношений и анализ процессной ориентации компании посредством создания дополнительной потребительской ценности [3].

Межфирменный подход охарактеризован в исследовании Дж. Нарвера (и соавторов) как координация применения рыночной информации в деятельности компании при ориентированности на потребителя. Концепция базируется на обосновании взаимосвязи организационной культуры и корпоративных норм [7].

Значимость рассмотренных теоретических подходов сложно переоценить, так как именно на их основе и в настоящее время осуществляется стратегическое управление торгово-розничными сетями российского и иностранного происхождения. Хорошо продуманная стратегия развития торговой сети решает все задачи управления, а также является гарантией устойчивых позиций на рынке.

Список использованных источников

1. Менгер, К. Австрийская школа в политической экономии: монография / К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер: пер. с нем. /сост. В. С. Автономова; – Москва: Экономика, 1992. – 493 с.

2. Delgado, M. The supply chain economy: a new industry categorization for understanding innovation in services / M. Delgado, K. Mills // Research policy. – 2020. – Vol. 49. URL: https://ideas.repec.org/a/eee/respol/v49y2020i8s0048733320301177.html

3. Elg, U. Market Orientation Processes in Retailing: a Cross-National Study / U. Elg // European Journal of Marketing. – 2007. – Vol. 41 (5/6). – P. 568-589.

4. Krey, N. Shopping mall retailing: a bibliometric analysis and systematic assessment of Chebat's contributions / N. Krey, K. Picot-Coupey, G. Cliquet // Journal of retailing and consumer services. – 2022. – Vol. 64. URL: https://www.researchgate.net/publication/355096641_Shopping_mall_retailing_A_bibliometric_analysis_and_systematic_assessment_of_Chebat's_contributions

5. Lagorio, A. Food and grocery retail logistics issues: a systematic literature review / A. Lagorio, R. Pinto // Research in transportation economics. –2021. – Vol. 87. URL: https://ideas.repec.org/a/eee/retrec/v87y2021ics0739885920300305.html

6. Maican, F., Orth M. Determinants of economies of scope in retail / F. Maican, M. Orth // International journal of industrial organization. – 2021. – Vol. 75. URL: https://ideas.repec.org/a/eee/indorg/v75y2021ics0167718721000035.html

7. Narver, J. C. Responsive and Proactive Market Orientation and New-Product Success / J. C. Narver, S. F. Slater, D. L. MacLachlan // Journal of Product Innovation Management. – 2004. – Vol. 21. – P. 334-347.

8. Peters, T. In Search of Effective management / T. Peters, R. Waterman – New York., 1986.

THEORETICAL APPROACHES OF FOREIGN SCHOLARS TO MANAGING THE DEVELOPMENT OF RETAIL CHAINS

E.F. Linkevich

Kuban State University,
Krasnodar, Russia

This article examines the theoretical approaches of economists from various foreign schools of thought regarding the management of retail chain operations. It outlines the perspectives of foreign authors on the specific characteristics of retail chain development. Particular attention is paid to the methodological foundations of the strategic management of the formation and operation of retail chains.

Keywords: chain retail, retail chains, chain-based trade, retail chain management, theoretical approaches.

УДК 94+329.78

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В.В. Мамбетова

МБОУ СОШ № 25,
г. Пятигорск, Ставропольский край, Россия

В статье рассматривается комплекс исторических и социально-политических предпосылок, определивших возникновение и развитие молодежного движения в России. Анализируются процессы в студенческой среде и среди рабочей молодежи.

Ключевые слова: молодежное движение, предпосылки, студенчество, рабочая молодежь, декабристы, разночинная интеллигенция, революционное движение.

Молодежь во все времена привлекала внимание государства и общества, поскольку активно участвовала в социальных и политических процессах, особенно в переломные эпохи. Соотношение государственного и общественного влияния на молодежную среду в разные периоды было неодинаковым: в советское время доминировало государство, в постперестроечный период молодежь оказалась предоставлена самой себе, а сегодня речь идет о партнерстве. В этой связи особый интерес представляет опыт начала XX века, когда общественные институты заметно преобладали над государственными в вопросах молодежной политики.

Впервые молодежь заявила о себе как самостоятельная общественная сила в эпоху Петра I. Сам император и его сподвижники были людьми молодыми, но

дело не только в возрасте. Впервые молодое поколение посягнуло на духовные устои Московской Руси, и впервые в отечественной истории конфликт поколений развернулся по всем направлениям общественной жизни. «Отцы» защищали духовные ценности Московской Руси, «дети» ратовали за европеизацию. Итогом этого брожения стало появление нового высшего слоя – русского дворянства, создавшего русско-европейскую культуру: европейскую по форме, русскую по содержанию.

После смерти Петра I идеи его преобразований не исчезли. Молодое дворянство распространяло западные идеи и религиозный скепсис, передавая духовную эстафету от вольтерьянцев екатерининской поры к масонам эпохи Александра I. Из масонской среды вышли декабристы – за редким исключением молодые дворяне, участники Отечественной войны 1812 года. Отправной точкой для появления тайных обществ стали Заграничные походы 1813–1814 годов: познакомившись с иным общественным устройством, победители Наполеона не могли мириться с самодержавием и крепостным правом [4]. Из 121 осужденного по делу о восстании 14 декабря 1825 года лишь 12 были старше 34 лет, большинство не достигло 30 лет. Организации декабристов («Союз спасения», «Союз благоденствия») можно считать первыми по возрастному составу молодежными организациями [1, с. 48]. Как отмечал И.М. Ильинский, в начале и середине XIX в. движущей силой социально-политических движений была именно дворянская молодежь [2].

Движение декабристов возникло под влиянием просветительских идей и явилось продолжением реформ Петра Великого. Оно объединяло блестяще образованную дворянскую молодежь, а его задачи выходили далеко за рамки сословных интересов: отмена крепостного права, демократическая республика или конституционная монархия с федеративным устройством. На декабристах завершается период ученичества русско-европейского общественного сознания. Духовный разрыв между «отцами» и «детьми» с каждым поколением углублялся, молодежь становилась наследственно революционной.

После разгрома декабристов роль дворянского слоя как носителя революционных идей исчерпывается. Общественное движение демократизируется, проникает в широкие слои населения. С 1860-х годов инициатива переходит к разночинной интеллигенции. К концу века революционную массу составляли в основном молодые рабочие и рабочие-интеллигенты, а в начале XX в. появляется и крестьянская молодежь. Молодые люди стояли во главе революционных кружков, были идеологами общественных течений [2].

Просвещение перестало быть привилегией высшего класса. Возник новый общественный слой – разночинная интеллигенция из наиболее способных выходцев из низов. Это была исключительно молодежь, гордившаяся образованностью и атеизмом, но обозленная на дворянство из-за отсутствия доступа в высший свет и гражданских прав. Тем самым интеллигенция обрекалась на революционность.

Капитализм требовал образованных людей, и интеллигенция расширялась за счет молодежи и студенчества. Слова «студент» и «революционер» становились синонимами. Интеллигенция стремилась передать революционные идеи

народу – рабочим, крестьянам. Создавались воскресные школы, классы взаимопомощи, библиотеки, распространялись запрещенные книжки по низким ценам.

Решающее влияние на революционное сознание молодежи оказали Добролюбов (умер в 24 года) и Чернышевский (в момент создания «Современника» ему было 28 лет). Герцен, создавший в Лондоне вольную типографию, газету «Колокол» и журнал «Полярная звезда», имел огромное влияние на умы молодежи. Огарев в статье «Что нужно народу?» (1861) изложил программу будущего тайного общества, на основе которой позже была создана «Земля и воля» [1, с. 48].

В 60-е годы революционное движение нарастает, повсеместно образуются тайные кружки из молодых людей. На протяжении десятилетий молодежь была ведущей силой выработки новых общественных идей, самостоятельно организуясь в кружки и движения. По сути, никто ее не контролировал, продуманной молодежной политики в обществе не существовало.

Особую роль в радикализации студенчества сыграли события конца XIX века. В ответ на полицейскую жестокость в феврале 1899 года петербургские студенты объявили забастовку, распространившуюся по всей стране. Причины студенческого движения были структурными – конфликт между авторитарным правительством и студенчеством [3]. Н.Н. Юркина анализирует причины радикализации студенчества, подходы исследователей к оценке масштабов участия молодежи в революционных событиях, обстановку в университетах накануне 1905 года и формы протестной деятельности.

Февральская революция 1917 года стала катализатором массового юношеского движения. Как отмечает Т.А. Абросимова, революция произошла стихийно и с ошеломляющей быстротой, царский режим рухнул за восемь дней. Рабочая молодежь участвовала в боях с полицией, захвате оружейных магазинов, освобождении арестованных [4]. Именно Февральская революция положила начало массовому пролетарскому юношескому движению в России [5].

Исторические и социально-политические предпосылки развития молодежного движения в России сформировались в результате взаимодействия нескольких факторов. К историческим относятся многолетняя традиция студенческих выступлений и накопление опыта самоорганизации. Как отмечал И.М. Ильинский, общественное движение молодежи, будучи на первых порах культурно-просветительским, в сущности было революционно-политическим, ибо вело к изменению или свержению существовавшего строя [2]. Социально-политические предпосылки связаны с кризисом имперской государственности, Первой мировой войной и Февральской революцией 1917 года.

Таким образом, молодежное движение в России к началу XX века прошло путь от стихийных выступлений дворянской молодежи до организованных кружков разночинной интеллигенции, что подготовило почву для качественного скачка 1917 года.

Список использованных источников

1. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. – М.: Новый хронограф, 2004. – 408 с.

2. Ильинский И.М. Молодежь и революция (эскиз к политическому портрету) // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 2. – С. 5–28.

3. Юркина Н.Н. Особенности студенческих волнений и беспорядков в России в конце XIX – начале XX веков // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2022. – № 1 (74). – С. 33–41.

4. Произошло восстание декабристов [Электронный ресурс] // Президентская библиотека. URL: https://www.prlib.ru/history/619844 (дата обращения: 24.09.2026).

5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) [Электронный ресурс]. URL: https://rgaspi-site.dlibrary.org (дата обращения: 24.09.2026).

HISTORICAL AND SOCIO-POLITICAL PREREQUISITES FOR THE DEVELOPMENT OF THE YOUTH MOVEMENT

V.V. Mambetova

MBOU Secondary School No. 25,
Pyatigorsk, Stavropol Krai, Russia

The article examines a set of historical and socio-political prerequisites that determined the emergence and development of the youth movement in Russia. The processes in the student environment and among working youth are analyzed.

Keywords: youth movement, prerequisites, student youth, working youth, Decembrists, raznochinnaya intelligentsia, revolutionary movement.

УДК 37

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ В СТРУКТУРЕ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ ОНЛАЙН-РЕПОРТАЖЕЙ В ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

А.А. Манохина

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

В статье обоснована модель интеграции онлайн-репортажей и новостных видеоматериалов в тематическое планирование уроков обществознания как инструмента формирования медиаграмотности в составе метапредметных результатов. Особое внимание уделяется роли педагога как фасилитатора, направляющего процесс критического анализа медиаинформации и формирования навыков верификации источников в условиях цифровизации. Проанализирована связь компонентов медиаграмотности с универсальными учебными действиями, закреплёнными во ФГОС и в Концепции преподавания обществознания.

Ключевые слова: медиаграмотность, метапредметные результаты, обществознание, онлайн-репортажи, критическое мышление, медиаобразование.

Обществознание как учебная дисциплина направлено не только на формирование базовых знаний о социальных процессах и правовых нормах, но и на развитие ключевых метапредметных умений. Среди таких умений важное место занимает медиаграмотность – способность критически воспринимать, анализировать и использовать информацию из различных источников. В условиях современного цифрового общества, где информационные потоки становятся всё более интенсивными и разнообразными, внедрение медиаграмотности в структуру метапредметных результатов представляет собой актуальную педагогическую задачу.

Для понимания роли медиаграмотности в обществознании следует определить её основные компоненты. Прежде всего, медиаграмотность рассматривается как способность воспринимать, создавать, анализировать и оценивать медиатексты в их социокультурном и политическом контексте, а также понимать репрезентационные системы, лежащие в основе медиа. Данная компетенция предполагает не просто пассивное получение информации, но активное взаимодействие с медиасредой, осознание её влияния и средств воздействия на сознание.

Ключевым элементом медиаграмотности в рамках обществознания становится критическое мышление – умение отделять факты от мнений, выявлять скрытые намерения, распознавать манипуляции и необъективность информации из СМИ. Это умение позволяет учащимся анализировать сообщения не только с точки зрения их содержания, но и источника, целей и контекста создания. Анализ информации включает в себя умение выделять главное, систематизировать данные, сопоставлять различные точки зрения, что способствует формированию сбалансированного и осмысленного взгляда на общественно значимые явления.

Кроме того, формирование медиаграмотности способствует личностным результатам обучения, таким как развитие самостоятельности и ответственности в информационной деятельности, мотивации к творческому труду, а также любознательности и способности организовывать собственное познание мира [1, С. 62]. В условиях стремительных изменений в медиапространстве эти качества приобретают особую значимость для формирования гражданской идентичности и устойчивости к информационным вызовам.

Развивая метапредметные результаты с помощью медиаграмотности, образовательная практика включает умение работать с разными видами информации – текстовой, аудиовизуальной, цифровой – и создавать собственные медиапродукты: блоги, презентации, проекты. Это расширяет возможности учащихся для коммуникативного взаимодействия и творческого самовыражения в образовательной среде. Медиаграмотность одновременно связана с обеспечением безопасности в цифровой среде, что актуализирует необходимость формирования

устойчивости к цифровым угрозам и развитию навыков ответственного поведения в информационном пространстве [4].

В условиях изменения информационного ландшафта подходы к тематическому планированию должны учитывать необходимость интеграции медиаграмотности, обеспечивая последовательную и систематическую работу с медиаинформацией [3, С. 28]. Медиаграмотность выступает как метакомпетенция, интегрирующая развитие интеллектуальных, коммуникативных и личностных качеств. Это позволяет обществознанию не только передавать знания о социально-политических структурах, но и развивать у учащихся способности к самостоятельному осмыслению и критической оценке медиасообщений, что является ключевым для формирования гражданской компетентности.

Одним из главных преимуществ онлайн-репортажей является их актуальность и живость подачи. Так как события освещаются непосредственно из места происшествия, репортажи формируют ощущение присутствия, что стимулирует эмоциональное и когнитивное вовлечение обучающихся. Кроме того, разнообразие форматов и мультимедийных средств позволяет адаптировать материал под разные стили восприятия информации, что способствует инклюзивности образовательного процесса и индивидуализации обучения [2, С. 154].

Однако использование онлайн-репортажей в образовании сопряжено с рядом вызовов. Во-первых, в условиях информационного перенасыщения требуется выработка навыков фильтрации и критической оценки доступных материалов, чтобы избежать дезинформации и манипуляции. Во-вторых, формат репортажей зачастую предполагает эмоциональную насыщенность и субъективность, что может затруднять объективный анализ и требовать дополнительной педагогической поддержки. В-третьих, технические ограничения и различия в уровне цифровой грамотности учащихся могут влиять на степень эффективности восприятия онлайн-материалов [6, С. 45].

Онлайн-репортажи выступают не только как источник информации, но и как платформа для формирования коммуникативных и рефлексивных умений, поскольку включают в себя элементы дискурса и обмена мнениями. Использование таких материалов способствует развитию медийной компетенции в социальной и политической сферах, что особенно важно для предмета обществознания. Кроме того, практическое знакомство с новыми форматами медиа способствует расширению цифровой культуры и формированию ответственности в медиапотреблении среди школьников [9, С. 172].

В контексте тематического планирования обществознания применение онлайн-репортажей требует продуманного выбора содержания и форм подачи с учётом целей формирования метапредметных результатов и особенностей возрастной аудитории. Такой подход открывает возможности для создания учебных ситуаций, максимально приближенных к реальным социальным и информационным вызовам современности, что значительно повышает мотивацию и эффективность обучения.

Модель интеграции онлайн-репортажей в тематическое планирование основывается на поэтапном подходе, включающем предварительное знакомство с темой и ключевыми понятиями, изучение онлайн-репортажей как источников живой информации, учебное обсуждение и анализ контента с опорой на аналитические рамки медиаграмотности. В начале каждого тематического блока в календарно-тематическом плане выделяется интегрированное время для предварительной подготовки – разъяснения методов анализа медийных материалов и уточнения критериев оценки репортажей, таких как проверка источника, выявление субъективных элементов и элементов манипуляции [7, С. 52].

Техническая сторона модели предполагает организацию доступа к специализированным платформам и архивам онлайн-репортажей, оптимально адаптированных для образовательного применения, с контролем качества и подбором материалов в соответствии с возрастными и тематическими особенностями. Такой подход позволяет минимизировать риски информационной перегрузки и проблем с достоверностью источников [5, С. 101].

В рамках тем по обществознанию модель предусматривает интеграцию онлайн-репортажей в ключевые модули, такие как политическая система, обществоведческие ценности, права человека, роль СМИ в современном обществе [8, С. 142]. Это делает учебный процесс динамичным и ориентированным на реальную социокультурную практику, что способствует формированию осознанной гражданской позиции у учащихся.

Будущее формирования медиаграмотности связано с расширением цифровых технологий, которые трансформируют образовательные практики и открывают новые возможности для развития навыков критического и творческого анализа медиаконтента. Цифровая медиаграмотность приобретается как многокомпонентная компетенция, включающая не только умения поиска и оценки информации, но и способность создавать собственный цифровой контент, а также эффективно взаимодействовать с современными средствами коммуникации.

Список использованных источников

1. Возчиков, В. А. Медиаграмотность в педагогической интерпретации / В. А. Возчиков, А. Ю. Арутюнян, Е. Б. Манузина // Медиаобразование. – 2014. – № 2. – С. 56–67.

2. Желтухина, М. Р. Медиаграмотность в цифровую эпоху: технологии формирования / М. Р. Желтухина, Л. А. Донскова // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 81 (4). – С. 153–156.

3. Казакова, А. А. Цифровизация образования: вызовы и возможности / А. А. Казакова // Инновационные результаты социально-гуманитарных и экономико-правовых исследований : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, 28 августа 2023 г. – Белгород :

ООО «Агентство перспективных научных исследований» (АПНИ), 2023. – С. 23–32.

4. Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р. – [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406740607/ (дата обращения: 04.10.2026).

5. Корюкова, С. А. Технологии развития медиаграмотности подростков в условиях цифровизации (на примере проекта союза юнкоров «Медиаграмотность – актуальный тренд») / С. А. Корюкова // Журналистика в цифровую эпоху: антропологический поворот : сборник материалов Студенческих научных чтений (Екатеринбург, 14 апреля 2022 г.). – Екатеринбург: Департамент «Факультет журналистики» УГИ УрФУ, 2022. – С. 99–103.

6. Мантуленко, В. В. Информационные перегрузки российской учащейся молодёжи: миф и реальность / В. В. Мантуленко // Россия: общество, политика, история. – 2023. – № 2 (7). – С. 38–53.

7. Солнцева, Е. С. К вопросу о приоритетности умений в области медиаграмотности молодёжи / Е. С. Солнцева // Педагогика и просвещение. – 2022. – № 4. – С. 48–59.

8. Фёдоров, А. В. Медиаобразование : монография / А. В. Фёдоров. – М. : МГИК, 2018. – 256 с.

9. Челышева, И. В. Практика медиаобразования: формы, методы и приёмы занятий в школе и вузе / И. В. Челышева // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2014. – № 3. – С. 165–180.

MEDIA LITERACY IN THE STRUCTURE OF META-SUBJECT RESULTS IN SOCIAL STUDIES: INTEGRATION OF ONLINE REPORTS INTO THEMATIC PLANNING

A.A. Manokhina

Penza State University,
Penza, Russia

The article substantiates a model for integrating online reports and news video materials into the thematic planning of social studies lessons as a tool for developing media literacy as part of meta-subject results. Special attention is paid to the role of the teacher as a facilitator who guides the process of critical analysis of media information and the formation of source verification skills in the context of digitalization. The article analyzes the relationship of media literacy components with universal educational actions, fixed in the Federal State Educational Standard and in the Concept of Teaching Social Studies.

Keywords: media literacy, meta-subject results, social studies, online reporting, critical thinking, media education.

УДК 34

ПОНЯТИЕ «МОЛОДЕЖНЫЙ ТУРИЗМ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Митрошина[1]

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

В статье рассматривается понятие «молодежный туризм» в российском праве: нормативное определение в Стратегии развития туризма до 2035 года, законопроект 2019 года, необходимость законодательного закрепления дефиниции и разработки единой Концепции развития молодежного туризма до 2035 года.

Ключевые слова: молодежный туризм, правовое регулирование туризма, Стратегия развития туризма до 2035 года, возрастные границы, законопроект, социальный туризм.

Молодежный туризм в современной России все чаще рассматривается не только как сегмент туристской индустрии, но и как значимый фактор регионального развития. Это обусловлено тем, что молодые путешественники, с одной стороны, формируют устойчивый спрос на туристские продукты в регионах, а с другой – выступают активными участниками социокультурных и экономических процессов на местах. В этом контексте связь между молодежным и региональным туризмом приобретает особую актуальность, поскольку именно на региональном уровне происходит реальная реализация туристских программ, формирование инфраструктуры и вовлечение местных сообществ. Отсутствие единого легального определения в федеральном законодательстве порождает коллизии между стратегическими документами, законопроектами и научной доктриной.

В федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в 1 статье приводятся основные понятия, однако термин «молодежный туризм» в нем отсутствует [7]. Основным документом, в котором впервые на государственном уровне было закреплено понятие молодежного туризма, стала Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р. В этом документе молодежный туризм определяется как путешествия лиц в возрасте от 18 до 35 лет [5]. Данное определение фактически стало официальным ориентиром для всех государственных программ и статистического учета.

Как отмечает А.Н. Беляева, именно это определение легло в основу программы «Студтуризм» и проекта «Больше, чем путешествие», где возрастные рамки участников также ограничены 18–35 годами [1, с. 139]. Однако стратегический документ не обладает силой федерального закона, а потому не создает полноценного правового института.

В 2019 году депутат Государственной Думы Н.С. Кувшинова разработала законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах

[1] Науч. руководитель – к.и.н., доцент Н.В. Семина

туристской деятельности в Российской Федерации»», в котором предлагалось ввести понятие «молодёжный туризм». Под ним понимался «туризм организованных групп или самостоятельно путешествующих граждан в возрасте от 14 до 30 лет». Законопроект также предлагал включить молодежный туризм в число приоритетных направлений туристской деятельности и предусмотреть льготы для молодых путешественников [2].

Однако, как подчеркивается в аналитических материалах Государственной Думы, понятие молодежного туризма «в настоящее время не имеет официального статуса», а его законодательная конкретизация остается необходимой для «регламентации и структуризации данного направления туристской деятельности» [2]. Законопроект до настоящего времени не принят, что порождает разрыв между стратегическим и законодательным уровнями регулирования.

В научной литературе отсутствует единое определение молодежного туризма, что во многом обусловлено неопределенностью нормативной базы.

Н.Ю. Ковалик и М.И. Микулина анализируют эволюцию понятия в законодательстве и отмечают, что ранее разделявшиеся категории «детский» и «юношеский» туризм в последние годы были объединены в одну – «детско-юношеский туризм» [4, с. 91]. При этом авторы подчеркивают, что, несмотря на юридическое объединение, «турпродукты для разных возрастных групп имеют существенные организационные и содержательные различия» [4, с. 92]. Этот вывод принципиально важен: механическое слияние возрастных категорий в праве не отражает реальной дифференциации туристских потребностей и требует отдельного регулирования именно молодежного сегмента (18–35 лет).

Ключевая правовая коллизия заключается в расхождении возрастных границ. Стратегия-2035 определяет молодежный туризм как путешествия лиц 18–35 лет [5]. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» относит к молодежи лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно [6]. Как отмечается в исследовательских материалах, «само определение молодежного туризма, под которым подразумевается «туризм лиц в возрасте от 18 до 35 лет», официально закреплено в Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года», однако отсутствие законодательного закрепления создает правовую неопределенность. В научной литературе подчеркивается, что «молодежный туризм представляет собой уникальный вид путешествий, который обеспечивает расширение кругозора и формирует глубокие ценностные ориентиры, а также помогает осознать культурное наследие страны группе людей в возрасте от 18 до 35 лет» [1, с. 139]. Однако эта доктринальная формулировка не имеет нормативной силы.

В 2026 году активно обсуждается формирование единой Концепции развития молодежного туризма до 2035 года, проект которой планируется представить до 1 ноября 2026 года. Ожидается, что концепция «станет основой для расширения географии поездок и создания новых маршрутов по всей стране». Предполагается, что именно в этом документе должна быть устранена существующая коллизия возрастных границ и сформулировано единое легальное определение молодежного туризма [3].

Понятие «молодежный туризм» в современном российском праве находится в стадии становления. Решение проблемы видится в принятии единой

Концепции развития молодежного туризма до 2035 года с последующим закреплением дефиниции в Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

Список использованных источников

1. Беляева, А.Н. Молодежный туризм как тренд развития современного туризма / А. Н. Беляева. // Молодой ученый. – 2026. – № 24 (627). – С. 138-140.

2. В Госдуме разработан законопроект по повышению доступности молодежного туризма // Партия «Единая Россия». URL: https://altai-ter.er.ru/activity/news/v-gosdume-razrabotan-zakonoproekt-po-povysheniyu-dostupnosti-molodezhnogo-turizma (дата обращения: 05.10.2026).

3. В СФ обсудили формирование проекта единой Концепции развития молодёжного туризма // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. URL: http://council.gov.ru/events/news/174200/ (дата обращения: 05.10.2026).

4. Ковалик Н. Ю., Микулина М. И. К вопросу об особенностях и сущности детско-юношеского туризма // Теория и практика современной науки. – 2025. – №11 (125). – С. 91-94.

5. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» от 20.09.2019 № 2129-р (ред. от 29.05.2025). [Электронный ресурс] // СПС «Консультант -Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/ (дата обращения: 05.10.2026).

6. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ (ред. от 04.08.2026). [Электронный ресурс] // СПС «Консультант -Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 05.10.2026).

7. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 04.07.2026). [Электронный ресурс] // СПС «Консультант -Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_12462/ (дата обращения: 05.10.2026).

THE CONCEPT OF «YOUTH TOURISM» IN MODERN RUSSIA

A.V. Mitroshina[1]

Penza State University,
Penza, Russia

This article examines the concept of «youth tourism» within the framework of Russian law, covering the statutory definition found in the Tourism Development Strategy through 2035 and a 2019 draft law; and the need to legally codify the definition and develop a unified Concept for Youth Tourism Development through 2035.

Keywords: youth tourism, legal regulation of tourism, Tourism Development Strategy through 2035, age limits, draft law, social tourism.

[1] Scientific supervisor: Candidate of Historical Sciences, Associate Professor N.V. Semina

УДК 343

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ С СУБЪЕКТАМИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

А.И. Меркушева

Самарский юридический институт ФСИН России,
г. Самара, Россия

В статье изучается накопленный опыт функционирования исправительных центров (ИЦ) пенитенциарной системы и взаимодействия с субъектами региональной экономики, включая успешные кейсы; выявляется комплекс устойчивых проблемных аспектов с целью анализа путей их решения. Рассмотренные в работе проблемные аспекты носят системный, межведомственный характер и часто препятствуют полноценной реализации потенциала института принудительных работ.

Ключевые слова: исправительные центры, региональная экономика, нормативные положения, взаимодействие субъектов хозяйствования.

Изучение вопросов развития системы исправительных центров в конспекте успешного взаимодействия с субъектами региональных экономик позволяет выявить характер проявления проблемных аспектов, препятствующих реализации потенциала процессов ресоциализации и трудовой адаптации лиц, в отношении которых применяется наказание в виде принудительных работ.

Как показывает опыт организации деятельности ИЦ проблемные вопросы возникают на стыке уголовно-исполнительной, трудовой, социальной и экономической политики, отражая глубинные противоречия между карательной функцией государства, коммерческими интересами бизнеса и гуманистическими целями реинтеграции осужденных [1].

Несмотря на детализацию УИК РФ, практика выявила ряд правовых пробелов, характеризующих неопределенность и коллизию интересов.

Наиболее острой является проблема разграничения ответственности между администрацией ИЦ и работодателем по условиям организации труда осужденных, обеспечение охраны жизни и здоровья спецконтингента, а также за действия осужденного на производстве. Существующая модель реализации деятельности ИЦ, ограниченная условиями взаимных договоров о сотрудничестве с коммерческими организациями, зачастую не покрывает все риски, что может приводить к конфликтам интересов. Кроме того, остается неурегулированным вопрос о полноценном применении норм Трудового кодекса к осужденным (отпуска, больничные, гарантии при сокращении), что создает почву для их «вынужденной эксплуатации». Это порождает правовую коллизию: бизнес стремится к максимальной экономической эффективности и минимизации издержек, в то время как государство в лице ФСИН обязано обеспечивать не только труд, но и исправление осужденного, что требует дополнительных ресурсов и расходов.

Вторая направленность проблемы взаимодействия ИЦ и субъектов региональной экономики связана с инфраструктурной и кадровой ограниченностью сети ИЦ. Материально-техническая база многих центров, особенно созданных на базе старых учреждений ФСИН, не соответствует должным образом формированию нормальной социальной среды. Более критичным является кадровый дефицит. В штатах ИЦ катастрофически не хватает профильных специалистов: психологов, социальных работников, специалистов по профессиональной ориентации и трудоустройству. Персонал зачастую обладает только надзорно-режимной квалификацией, что не позволяет реализовать индивидуальный подход к ресоциализации и превращает ИЦ в «общежития с трудовой повинностью».

Третий проблемный аспект демонстрирует стигматизацию и низкое качество социального партнерства. Бизнес, за исключением отдельных лидеров, не спешит с партнерством из-за репутационных рисков, опасаясь ассоциаций с «подневольным трудом». Это приводит к тому, что основными работодателями становятся либо сами учреждения ФСИН, либо предприятия, согласные на сотрудничество лишь при наличии значительных государственных субсидий, что не формирует устойчивой рыночной модели. Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества часто носит формальный, а не содержательный характер.

Разрыв между периодом отбывания наказания и постпенитенциарным сопровождением провоцирует проблему, которая показывает, что наиболее уязвимым звеном остается момент освобождения. Действующая пенитенциарная система часто обеспечивает лишь точечную трудовую адаптацию на период отбывания наказания без создания устойчивых жизненных перспектив. Таким образом, позитивный эффект от труда в ИЦ может быть полностью нивелирован после освобождения.

Для преодоления выявленных системных проблем требуется не точечная коррекция, а стратегический пересмотр подходов в рамках скоординированной политики. Так, совершенствование правового и экономического механизма требует разработки и принятия Типового трехстороннего договора между ФСИН, работодателем и осужденным (с участием представителя службы пробации). Этот документ должен детально регламентировать права, обязанности и ответственность каждой стороны, включая вопросы охраны труда, дисциплинарной практики, жилищно-бытовых условий и мер социальной поддержки [2].

Введение целевых финансовых гарантий и страхования позволит создать государственный фонд или механизм страхования, компенсирующий работодателю возможные убытки, связанные с противоправными действиями осужденного. Это снизит один из ключевых экономических рисков бизнеса.

Легализация и стимулирование «социального контракта» позволит предоставить предприятиям, системно трудоустраивающим осужденных и лиц после освобождения, не только налоговых льгот, но и статуса стратегического социального партнера с упрощенным доступом к госзаказу и иным мерам поддержки.

Создание интегрированной системы ресоциализации и пробации, такие как институционализация службы пробации как «единого окна» на базе УИИ или новых структур позволит создать службу, которая курирует осужденного от момента прибытия в ИЦ до истечения срока судимости. Ее функциями будут:

составление и контроль индивидуальной программы реинтеграции, взаимодействие с работодателем, координация с соцслужбами по жилью, помощь в восстановлении документов.

Обязательное психолого-педагогическое и социальное сопровождение через введение в штатное расписание ИЦ должностей психолога, социального работника и карьерного консультанта как обязательного норматива будет способствовать нацеленность осужденного не только на получение работы в период нахождения в ИЦ, но и на его подготовку к взаимодействию с семьей после освобождения.

Формирование новой культуры общественного восприятия и партнерства ИЦ и коммерческого предприятия позволит запустить публичную информационную кампанию через активное продвижение через СМИ или социальные сети успешных кейсов ресоциализации, демонстрации интервью с работодателями и бывшими осужденными, чтобы показать общественную пользу и снизить стигму.

Проблемные аспекты взаимодействия в сфере трудовой адаптации осужденных носят глубинный, институциональный характер. Их преодоление невозможно путем простого наращивания числа исправительных центров или ужесточения контроля.

Предложенные пути решения направлены на создание правовых, экономических и социальных условий для такой трансформации, что является необходимым условием для снижения рецидива и построения более справедливой и эффективной системы исполнения наказаний.

Список использованных источников

1. Кашкина Е. В. К вопросу о взаимодействии уголовно-исполнительных инспекций с субъектами профилактики при работе с подучетными лицами/ Е. В. Кашкина, С. К. Хасанова. – Вестник Сургутского государственного университета. – 2024. – 12(1). – С. 92-98.

2 Улендеева Н. И. Методы управления деятельностью подразделений социального обеспечения исправительных учреждений по организации пенитенциарной пробации: сборник трудов конференции. // Актуальные вопросы права, экономики и управления : VII Всерос. научно-практическая конференция/ Н. И. Улендеева. – 2025. – Чебоксары: ИД «Среда», 2025. – С. 300-301.

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE INTERACTION BETWEEN CORRECTIONAL CENTERS AND SUBJECT MATTERS OF THE REGIONAL ECONOMY AND WAYS TO SOLVE THEM

A.I. Merkusheva

Samara law Institute,
Samara, Russia

The article examines the accumulated experience of the functioning of correctional centers (CCs) within the penitentiary system and their interaction with entities in the regional economy, including successful cases; it identifies a set of persistent problematic aspects in order to analyze ways to address them. The problematic aspects

examined in the paper are systemic and interdepartmental in nature and hinder the full realization of the re-socialization and economic potential of the forced labor institution.

Keywords: correctional centers, regional economy, regulatory provisions, interaction of economic entities.

УДК 94(470.345)"19/20"(045)

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ МОРДОВСКОГО НАРОДА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Т.Д. Надькин[1], Д.П. Мальчёнков[2]

[1]Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия

[2]Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Воронеж, Россия

В статье дана характеристика развития взаимоотношений региональной власти и этнокультурного движения мордовского народа в конце XX – первой четверти XXI столетия. Выделены основные периоды: возрождение этнокультурного движения, критика и противостояние с властью с конца 1980-х и до начала 1990-х гг.; поиск различных форм взаимодействия и налаживания социального партнерства с региональными властями с середины и до конца 1990-х гг.; углубление взаимодействия движения с институтами власти как на республиканском так и на федеральном уровнях с начала 2000-х до 2014 г.; мордовское этнокультурное движение в условиях роста внешних вызовов России и обострения международной обстановки с 2014 г. и по настоящее время. В условиях Специальной военной операции мордовский народ продемонстрировал приверженность гражданско-патриотическим и российским традиционным духовным ценностям, скрепляющим на протяжении нескольких веков все наше общество.

Ключевые слова: Мордовия, постсоветский период, власть, мордовский народ, этнокультурное движение, социальное партнерство.

История развития этнокультурного движения мордовского народа с конца XX в. и до нашего времени стали ярким примером осознания своей роли в формирующейся российской идентичности в рамках реализации формулы «единства в многообразии» в одном из многонациональных регионов Среднего Поволжья России. В процессе эволюции отношений между ним и властными структурами Республики Мордовия можно выделить несколько ключевых этапов. Первый из них связан с возрождением движения и характеризуется острым

противостоянием с властями – как советскими, так и постсоветскими. Этот период охватывает конец 1980-х – начало 1990-х гг. и ассоциируется с деятельностью организаций «Вайгель» и «Масторава», а также с проведением I Всероссийского съезда мордвы (1990 г.).

В пробуждении национального самосознания мордовского народа в конце 1980-х – начале 1990-х гг. основную роль сыграли преподаватели МГУ им. Н. П. Огарева (профессор Д. В. Цыганкин, М. В. Мосин и др.) и МГПИ им. М. Е. Евсевьева (профессор Д. Т. Надькин и др.) [1, с. 129].

С середины 1990-х гг. наметился переход к поиску разнообразных моделей сотрудничества и выстраиванию социального партнёрства с региональными властями с приходом к власти в Мордовии Н. И. Меркушкина, который выдвинул идею объединения всех общественно-политических сил республики под лозунгом «Согласие. Порядок. Созидание», признав важность использования этнокультурных организаций, в том числе организаций мордовского народа, для реализации этой концепции [4, с. 456]. Этот этап также отмечен проведением II и III съездов мордовского народа, соответственно в 1995 и 1999 гг.

С начала 2000-х гг. и вплоть до 2014 г. наблюдается интенсификация взаимодействия этнокультурного движения с властными институтами – как на уровне республики, так и на федеральном уровне. Этот этап связан с проведением IV, V и VI съездов мордовского народа в 2004, 2009 и 2014 гг., а также с торжественным празднованием в 2012 г. «Тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства», что стало результатом многолетнего диалога между этнокультурным движением и властями республики стало признание на федеральном уровне весомого вклада не только мордовского народа, но и всех представителей финно-угорской группы в формирование и развитие российской цивилизации. В торжествах приняли участие не только высшие должностные лица страны во главе с Президентом РФ В. В. Путиным, но и многочисленные гости из других российских регионов, а также из финно-угорских стран Европы [7, с. 81]. Это мероприятие существенно укрепило имидж республики и повысило общественное восприятие мордовского этноса, представители которого проживают по всей территории страны.

Вклад региональных и федеральных властей не ограничивался проведением съездов мордовского народа и фольклорных праздников, выездов представителей культурной элиты в соседние регионы и т. п. Оказывалась организационная и финансовая поддержка реализации принятых на съездах решений, через министерства и ведомства совместно с Межрегиональным общественным движение (с 2014 г. – организацией) мордовского народа и Исполкомом съезда мордовского народа.

Начиная с 2014 г. и по сегодняшний день, мордовское этнокультурное движение развивается в условиях усиливающихся внешних вызовов для России и нарастания международной напряжённости, возведения новых информационных, экономических и пограничных барьеров.

Приход к власти крайне правых националистов в Киеве в ходе антиконституционного переворота (2014 г.) и последовавшие за этим события не могли не

оказать влияние и на этнокультурные движения в российских регионах и на отношение властей к некоторым из их представителям, которые слишком увлекались радикальной риторикой.

Это касается прежде руководителей основанного еще в 1993 г. «Мордовского республиканского общественного фонда спасения эрзянского языка имени А. П. Рябова», в который вошло радикальное крыло мордовского этнокультурного движения, но оказавшееся в конечном итоге в абсолютном меньшинстве. С самого начала публикации печатного органа указанного фонда отличались агрессивным настроем, обусловленным идеей о насильственной и целенаправленной ассимиляцией мордвы-эрзи, особенно в ходе христианизации, апелляцией к дохристианским верованиям [6].

В противовес этой позиции в выступлениях делегатов и участников VI съезда (осень 2014 г.) прозвучали слова о важной роли православного христианства в культуре мордовского и других народов страны [7, с. 84].

На проведенных в Республике Мордовия VII (2019 г.) и VIII (2024 г.) съездах представители мордовского народа из разных регионов окончательно отвергли идеи оказавшихся в абсолютном меньшинстве радикалов, которые, скинув маски «защитников» родного языка и культуры, встали на сторону националистов и неонацистов на Украине [5, с. 246].

Не удались попытки радикалов придать чисто неоязыческую окраску проводившемся по инициативе руководства Мордовия с 2004 г. государственным национально-фольклорным праздникам: мокшанскому «Акша келу» («белая береза») в с. Вадовские Селищи Зубово-Полянского района и эрзянским «Велень озкс» («сельское моление») в с. Большое Игнатово и «Раскень озкс» («родовое моление») в с. Чукалы Большеигнатовского района. В последние годы па праздники съезжаются тысячи представителей мордовского народа из различных регионов России [2, с. 122]. Так, в проходившем 19 июля 2025 г. в празднике «Раськень озкс» принял участие Глава Республики Мордовия Артем Алексеевич Здунов, который подчеркнул особую значимость сохранения национальной культуры для укрепления единства России [8].

В ходе Специальной военной операции уроженцы Мордовии продемонстрировали приверженность гражданско-патриотическим и российским традиционным духовным ценностям, скрепляющим на протяжении нескольких веков все наше общество, а в самой республике практически все этнокультурные организации и традиционные конфессии выразили публичную поддержку СВО [3, с. 104]. Малыйкин Давид Алексеевич, уроженец с. Ардатово Дубенского района, и Слугин Григорий Александрович, уроженец с. Баево Ардатовского района (малой родины всемирно известного скульптура Степана Эрьзи) были удостоены самой высокой награды – Золотой Звезды Героя Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Абрамов, В. К. Мордовское национальное движение / В. К. Абрамов. – Саранск, 2010. – 184 с.

2. Горячев, Н. Е. Религиозный синкретизм мордвы: история и современность / Н. Е. Горячев, Д. П. Мальчёнков, А. П. Терняев // Гуманитарные науки и образование. – 2024. – Т. 15, №4 (60). – С. 118-123.

3. Гунин Д. А., Мартыненко А. В., Надькин Т. Д. Власть и общество Республики Мордовия в условиях специальной военной операции: историко-культурный анализ // Гуманитарные науки и образование. – 2025. – Т. 16, №2 (62). – С. 104-109.

4. История Мордовии: в 3 т. Т. 3. От Гражданской войны к гражданскому обществу / под ред. Н. М. Арсентьева. – Саранск, 2010. – 512 с.

5. Мальчёнков, Д. П. Использование национального фактора в идеологической войне украинского режима (на примере деятельности А. Болькина) / Д. П. Мальчёнков // История Поволжья сквозь призму истории России: сб. науч. статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции посвящённой 150-летию со дня рождения историка Е.В. Тарле и 80-летию кафедры истории УлГПУ им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск, 10 ноября 2023 г.) / отв. ред. Р.А. Мухамедов. – Ульяновск, 2024. – С.246-250.

6. Мышь – дитя четырех слонов // Эрзянь мастор. – 23 ноября 1995. – С. 1.

7. Фомин А. В. Государственная власть и этнокультурные движения в Республике Мордовия в конце 1980-х – начале 2010-х гг.: дисс. канд. ист. наук. – Саранск, 2017. – 183 с.

8. «НТМ» – Народное телевидение Мордовии В Большеигнатовском районе прошёл национально-фольклорный праздник «Раськень Озкс» https://ntm13.ru/news/v-bolsheignatovskom-rajone-proshyol-nacionalno-folklornyj-prazdnik-rasken-ozks/?ysclid=msipfyixks78326737 (дата обращения – 28.09.2026).

ETHNO-CULTURAL COOPERATION THE MOVEMENT OF THE MORDOVIAN PEOPLE AND REGIONAL GOVERNMENT IN THE POST-SOVIET PERIOD

T.D. Nadkin[1], D.P. Malchenkov[2]

[1]Mordovia State University named after N. P. Ogarev, Saransk, Russia

[2]Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh, Russia

The article provides a description of the development of relations between regional authorities and the ethnocultural movement of the Mordovian people in the late 20th – first quarter of the 21st century. The main periods are highlighted: the revival of the ethno-cultural movement, criticism and confrontation with the authorities (Soviet and post-Soviet) from the late 1980s to the early 1990s; the search for various forms of interaction and establishing social partnership with regional authorities from the middle to the end of the 1990s; the deepening of the movement's interaction with the institutions of power both at the at the republican and federal levels from the early

2000s to 2014; the Mordovian ethno-cultural movement in the context of growing external challenges to Russia and the aggravation of the international situation from 2014 to the present. During the Special Military Operation, the Mordovian people demonstrated their commitment to the civic-patriotic and Russian traditional spiritual values that have held our entire society together for several centuries.

Keywords: Mordovia, post-Soviet period, government, Mordovian people, ethnocultural movement, social partnership.

УДК 347.736

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ И ПЕРЕДАЧИ ПОЛНОМОЧИЙ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

Н.Н. Новиков

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

В статье рассматривается разграничение привлечения специалистов арбитражным управляющим и передачи им полномочий. Анализируются положения статьи 20.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», нормы о расходах на привлечение специалистов и отдельные подходы судебной практики. Обосновывается необходимость разграничивать вопрос об обоснованности привлечения специалиста и вопрос о передаче ему полномочий арбитражного управляющего.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, банкротство, специалисты, полномочия, расходы, разумность.

Арбитражный управляющий занимает важное место в процедуре банкротства, поскольку именно на него возложен значительный объем обязанностей и полномочий, связанных с проведением соответствующей процедуры. Законодатель устанавливает, что при осуществлении своих полномочий арбитражный управляющий должен действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества. При этом арбитражный управляющий осуществляет профессиональную деятельность на основе частной практики и, как любой участник гражданского оборота, действует также в собственных экономических интересах.

Объем работы и характер деятельности арбитражного управляющего различаются в зависимости от конкретной процедуры и самого должника. В практике банкротства встречаются как небольшие предприятия, включая микропредприятия с единственным учредителем и директором, так и крупные организации, имеющие градообразующее или стратегическое значение.

При таком различии возникает вопрос о возможности привлечения арбитражным управляющим иных лиц для выполнения отдельных задач. Пункт 5 статьи 20.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает, что полномочия, возложенные на арбитражного управляющего в соответствии с законодательством, не могут быть переданы другим лицам. Вместе с тем абзац шестой пункта 1 той же статьи предоставляет управляющему право на договорной основе привлекать иных лиц для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей с оплатой их услуг за счет средств должника [1].

Законодатель одновременно устанавливает запрет на передачу полномочий и допускает привлечение третьих лиц для обеспечения деятельности арбитражного управляющего. На практике встречаются ситуации, когда размер вознаграждения привлеченных специалистов в несколько раз превышает вознаграждение самого арбитражного управляющего. Однако даже существенный размер таких расходов сам по себе не отвечает на главный вопрос: где проходит граница между допустимым привлечением специалиста и фактической передачей ему полномочий арбитражного управляющего?

Сама возможность привлечения специалистов вопросов не вызывает. Вопрос заключается в другом: какую именно работу управляющий может передать привлеченному лицу.

На практике это различие не всегда очевидно. Например, бухгалтер может вести учет имущества конкурсной массы, а юрист - готовить документы и участвовать в судебном споре. Выполнение такой работы само по себе еще не означает передачи полномочий. Иная ситуация возникает, когда специалист получает возможность самостоятельно принять решение, которое должен принять арбитражный управляющий.

Пункт 5 статьи 20.7 Закона о банкротстве устанавливает основания, по которым привлечение арбитражным управляющим привлеченных лиц и оплата их услуг могут быть признаны необоснованными. При этом пункт 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 № 91 раскрывает обстоятельства, которые следует учитывать при оценке обоснованности привлечения, в том числе направленность привлечения на достижение целей процедуры банкротства, объем работы, возможность ее самостоятельного выполнения, необходимость специальных познаний и квалификацию привлеченного лица [3]. Эти критерии позволяют определить, были ли расходы на специалиста оправданными. Однако они непосредственно не отвечают на вопрос о том, какая часть деятельности относится к полномочиям самого управляющего и не может быть передана другому лицу.

Определенное значение для решения этой проблемы имеет пункт 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60. В нем приведены примеры полномочий, которые не могут быть переданы третьим лицам, в том числе принятие решений об утверждении и подписании заключения о финансовом состоянии должника и иных отчетов, о включении требований в реестр, о даче согласия на совершение отдельных сделок, а также о созыве и проведении собрания кредиторов [2].

Запрет передачи полномочий не исключает материального и процессуального представительства. Арбитражный управляющий вправе поручить представителю совершение сделок и иных юридических действий, в том числе

заключение договоров и представление интересов в суде. При этом действия представителя, совершенные от имени управляющего, считаются совершенными самим управляющим.

Закон о банкротстве предусматривает и случаи, когда участие специалистов непосредственно связано с выполнением обязанностей управляющего. Согласно пункту 3 статьи 131 конкурсный управляющий вправе привлекать бухгалтеров, аудиторов и иных специалистов для правильного ведения учета имущества должника, составляющего конкурсную массу. Следовательно, само выполнение третьим лицом отдельных действий, входящих в содержание обязанности управляющего, не может рассматриваться как передача полномочия.

На оценку привлечения влияет и профессиональный статус арбитражного управляющего. Он является субъектом профессиональной деятельности, а программа его подготовки включает знания в различных областях права, бухгалтерского учета, финансового анализа, оценочной деятельности и менеджмента. Поэтому суды обращают внимание на то, мог ли управляющий выполнить соответствующую работу самостоятельно и действительно ли для нее требовались специальные познания.

Такой подход отражен в судебной практике. В постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 06.04.2023 № Ф09-5357/17 по делу № А07-2894/2015 привлечение бухгалтера и юриста было признано необоснованным [5]. Суд исходил из небольшого объема работы, возможности ее выполнения самим управляющим и отсутствия доказательств необходимости специальных познаний.

Аналогичный подход был выражен Арбитражным судом Восточно-Сибирского округа в постановлении от 26.05.2022 № Ф02-2145/2022 по делу № А58-10078/2018 [4]. Суд указал на отсутствие доказательств действительной необходимости привлечения специалистов и недопустимость формального выполнения работ, не направленных на достижение целей конкурсного производства.

Вместе с тем судебная практика допускает привлечение специалистов при наличии объективных обстоятельств. В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 02.10.2025 № Ф05-34829/2023 по делу № А40-36139/2022 привлечение специалистов для взыскания дебиторской задолженности было признано обоснованным [7]. Суд исходил, в частности, из значительного объема работы, выполнение которой самостоятельно могло привести к затягиванию процедуры банкротства.

Подобный подход прослеживается и в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.01.2024 № Ф07-20532/2023 по делу № А56-59494/2022 [6]. При оценке расходов суд принял во внимание значительный объем выполненной специалистом работы, ее связь с целями процедуры банкротства, отсутствие доказательств явной несоразмерности оплаты ожидаемому результату и соблюдение установленного лимита расходов.

В судебной практике в основном оценивается экономическая и организационная обоснованность привлечения специалиста: учитываются объем работы, возможность ее самостоятельного выполнения, необходимость специальных познаний и квалификация привлеченного лица. Одновременно учитывается профессиональный статус управляющего. Однако эти критерии позволяют ответить

прежде всего на вопрос о том, были ли оправданными расходы на специалиста, но не устанавливают четкой границы между привлечением специалиста и передачей полномочия.

Наиболее близко к решению этого вопроса подходит критерий принятия решения. Если специалист подготовил документы, провел анализ, сформировал доказательства или выполнил иную работу, а окончательное решение остается за арбитражным управляющим, само по себе такое участие не означает передачи полномочия. Если же специалист получает возможность самостоятельно решить вопрос, относящийся к исключительной компетенции управляющего, ситуация меняется.

Критерий принятия решения, однако, не охватывает все возможные ситуации. Некоторые функции состоят из нескольких связанных действий. Например, при оспаривании сделки необходимо определить необходимость обращения в суд, установить основания для оспаривания, сформировать доказательственную базу, подготовить заявление и участвовать в судебном разбирательстве. Поэтому нельзя свести весь вопрос только к формальному установлению того, кто подписал итоговый документ.

При разграничении привлечения специалистов и передачи полномочий необходимо учитывать содержание выполняемой работы. Одни решения, определяющие ход процедуры банкротства, должны оставаться за арбитражным управляющим. Профессиональная работа, требующая специальных знаний, может выполняться привлеченным лицом, если управляющий сохраняет контроль и принимает итоговое решение. Наконец, отдельные технические и вспомогательные действия могут выполняться другими лицами в целях обеспечения исполнения обязанностей управляющего.

Правомерность передачи полномочия и обоснованность расходов на специалиста не следует смешивать. Если суд признает расходы экономически необоснованными, это еще не означает, что другому лицу были переданы полномочия управляющего. И наоборот, установление возможности другого лица самостоятельно принимать решения, относящиеся к исключительной компетенции управляющего, непосредственно затрагивает запрет, установленный пунктом 5 статьи 20.3 Закона о банкротстве.

Действующее законодательство не содержит четкого критерия такого разграничения. Пункт 10 Постановления Пленума ВАС РФ № 60 связывает запрет передачи с исключительными полномочиями и принятием решений, однако не устанавливает исчерпывающего перечня таких ситуаций. Судебная практика в основном сосредоточена на обоснованности расходов и необходимости привлечения специалиста.

На наш взгляд, таким критерием может быть сохранение за арбитражным управляющим руководящей роли, прямого участия и самостоятельного принятия юридически значимого решения. Отдельные профессиональные и технические действия при этом могут выполняться привлеченными лицами, если окончательное решение остается за управляющим. Такой подход позволяет разграничить две самостоятельные ситуации: допустимое привлечение специалиста для выполнения части работы и недопустимую передачу ему полномочий арбитражного управляющего.

Список использованных источников

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.10.2026).

2. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // Верховный Суд Российской Федерации URL: https://vsrf.ru/documents/ (дата обращения: 10.10.2026).

3. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве» // Верховный Суд Российской Федерации URL: https://vsrf.ru/documents/ (дата обращения: 10.10.2026).

4. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.05.2022 № Ф02-2145/2022 по делу № А58-10078/2018 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 10.10.2026).

5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.04.2023 № Ф09-5357/17 по делу № А07-2894/2015 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 10.10.2026).

6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.01.2024 № Ф07-20532/2023 по делу № А56-59494/2022 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 10.10.2026).

7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.10.2025 № Ф05-34829/2023 по делу № А40-36139/2022 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 10.10.2026).

DISTINGUISHING BETWEEN THE ENGAGEMENT OF SPECIALISTS AND THE TRANSFER OF THE ARBITRATION MANAGER'S POWERS

N.N. Novikov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

The article examines the distinction between the engagement of specialists by an arbitration manager and the transfer of the arbitration manager's powers to them. It analyses the provisions of Article 20.3 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)", the rules on expenses for engaging specialists, and certain approaches in judicial practice. The author substantiates the need to distinguish between the issue of the justification of engaging a specialist and the issue of transferring the arbitration manager's powers to such specialist.

Keywords: arbitration manager, bankruptcy, specialists, powers, expenses, reasonableness.

УДК 378.147

ДЕЛОВАЯ ИГРА КАК ФОРМА ПРЕПОДАВАНИЯ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН СТУДЕНТАМ-МЕДИКАМ

С.А. Папшева

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

В статье рассматривается педагогический потенциал деловой игры в преподавании обществоведческих дисциплин будущим врачам. Обосновывается положение о том, что игровые имитационные формы позволяют преодолеть разрыв между абстрактным социально-гуманитарным знанием и конкретными профессиональными задачами клинической практики. На основе обобщения опыта российских и зарубежных медицинских вузов анализируются методические особенности организации деловых игр по биоэтике, правовым основам медицинской деятельности, экономике и управлению здравоохранением. Показано, что регулярное использование деловых игр способствует формированию универсальных и общепрофессиональных компетенций – правовой культуры, коммуникативной гибкости, навыков командного взаимодействия, этической рефлексии. Сформулированы условия, при которых деловая игра становится действенным инструментом профессиональной социализации.

Ключевые слова: деловая игра, обществоведческие дисциплины, студенты-медики.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего медицинского образования относят обществоведческие дисциплины к базовой части подготовки врача. Между тем традиционные лекционно-семинарские форматы не всегда обеспечивают перевод теоретических конструктов в практические умения. Студент-медик, осваивающий, к примеру, правовой статус врача, нередко воспринимает материал как внешний по отношению к его будущей деятельности.

Деловая игра обладает качеством, которое сближает её с клинической подготовкой, – способностью воссоздавать логику профессионального действия на материале динамически порождаемых и коллективно разрешаемых ситуаций. В этом смысле она выступает не столько дополнением к традиционным занятиям, сколько самостоятельной формой, в которой обществоведческое знание обретает прикладную проекцию.

Традиция применения деловых игр в высшей школе восходит к работам Я.С. Гинзбурга, А.А. Вербицкого и Н.В. Борисовой, заложившим основы имитационно-игрового подхода в профессиональном образовании. Применительно к медицинскому вузу теоретические и методические аспекты систематизированы в учебном пособии Г.В. Безродной и С.Н. Колпакова, где деловая игра трактуется как форма квазипрофессиональной деятельности, воспроизводящая предметное и социальное содержание врачебного труда [3, с. 6]. Авторы выделяют три этапа

– подготовительный, игровой и рефлексивно-оценочный – и подчёркивают, что эффективность игры прямо зависит от качества сценария и чёткости ролевых предписаний.

Практика последних лет даёт примеры интеграции деловых игр в преподавание обществоведческих модулей. На кафедре общественного здоровья и здравоохранения Первого МГМУ им. И.М. Сеченова реализуется симуляционно-коммуникативный метод: аудитория переоборудуется в кабинет главного врача, студенты поочерёдно выполняют функции администратора, врача-методиста, статистика, решая задачи четырёх тематических групп – от публичного выступления до проверки исполнительской дисциплины [4, с. 62]. В Самарском ГМУ внедрена игра-симуляция «Лучший доктор», нацеленная на формирование коммуникативной компетентности [7]. В Башкирском ГМУ с 2025 г. реализуется проект по технологиям игропрактик; студенческими командами разработаны игры «Жиза-Шиза», «ProАнат» и другие, позволяющие в игровой форме осваивать сложные темы.

Анализ публикаций показывает, что большинство методических разработок ориентировано либо на клинические кафедры, либо на экономические и управленческие аспекты здравоохранения. Целостных моделей использования деловых игр в рамках обществоведческого блока медицинского образования пока не предложено.

Обобщение изученных материалов позволяет выделить три типа деловых игр, доказавших продуктивность в обществоведческой подготовке врача.

Правовые игры. Моделируют ситуации, требующие применения норм медицинского права. Пример – игра «Человек и закон. Мы – против коррупции», проведённая в Тюменском медицинском колледже, где участники расследовали коррупционные кейсы в системе здравоохранения через призму общественного восприятия феномена [1, с. 274]. Вторая разновидность – игры по избирательному праву, апробированные на базе Омской государственной медицинской академии: визитная карточка, конкурс капитанов, юридическая консультация, решение терминологических задач [2, с. 6].

Биоэтические игры. Строятся на столкновении ценностных позиций. Студенты получают роли врача, пациента, родственника, юриста, представителя религиозной организации и обсуждают ситуации распределения дефицитных ресурсов, отказа от лечения по убеждениям, конфликта интересов. Исследователи подчёркивают, что такие игры формируют не столько знание норм, сколько способность к этической аргументации и эмоциональной децентрации [7].

Экономико-управленческие игры. Имитируют деятельность медицинской организации в условиях ограниченного финансирования. В исследовании В.С. Серикова, В.А. Журбенко и А.Е. Карлаш показано, что участие в таких играх повышает у студентов мотивацию, активизирует ранее полученные знания, развивает критическое мышление и навыки принятия решений [5].

Сквозной закономерностью, прослеживаемой во всех типах игр, выступает перевод абстрактного социально-гуманитарного понятия в конкретную профессиональную ситуацию. Студент, исполняя роль заведующего отделением, не

просто запоминает статью закона, а применяет её в условиях дефицита времени и множественности заинтересованных сторон – именно так, как это происходит в клинической реальности.

Деловая игра в обществоведческой подготовке выполняет двойную функцию. С одной стороны, она служит инструментом операционализации теоретических знаний – тем механизмом, который в традиционном обучении «отдаётся на откуп» каждому учащемуся без учёта его готовности осуществить перевод понятий в действия [6, с. 120]. С другой – она формирует коллективный опыт принятия решений, что прямо коррелирует с коллегиальным характером врачебной деятельности.

Однако распространение игровых форматов в обществоведческом блоке сталкивается с рядом препятствий. Во-первых, разработка качественного сценария требует от преподавателя компетенций, выходящих за рамки предметного знания, – сценарного мышления, понимания групповой динамики, навыков фасилитации. Во-вторых, деловая игра занимает значительно больше учебного времени, чем семинар, что в условиях жёсткого учебного плана создаёт организационные трудности. В-третьих, оценивание результатов игры остаётся методически непроработанным: существующие критерии либо излишне формальны, либо субъективны.

Перспективным направлением видится интеграция цифровых платформ в игровой процесс. Опыт СЗГМУ им. И.И. Мечникова, где преподаватели используют виртуальные кейсы платформы «ДИМЕДУС», и проект ПИМУ «УМИС», моделирующий приём пациента в поликлинике и стационаре, показывают, что гибридный формат способен частично снять временные и организационные ограничения без потери обучающего эффекта. Вместе с тем цифровизация не должна вытеснять живое ролевое взаимодействие, поскольку именно в непосредственном столкновении позиций формируются коммуникативные и этические компетенции, составляющие ядро обществоведческой подготовки врача.

Деловая игра представляет собой не вспомогательный приём, а самостоятельную дидактическую форму, адекватную задачам преподавания обществоведческих дисциплин в медицинском вузе. Её внедрение позволяет преодолеть отчуждение социально-гуманитарного знания от профессиональной идентичности будущего врача, перевести нормативные категории в план практического действия. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку стандартизированных сценариев для каждого из трёх выделенных типов игр, валидизацию критериев оценки и изучение отсроченного влияния игрового опыта на профессиональное поведение выпускников.

Список использованных источников

1. Алферова, М. В. Деловые игры как фактор повышения компетенций и качества учебного процесса в системе подготовки медицинских кадров / М.В. Алферова, Д.В. Мороз // Образование XXI века: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Витебск, 04 ноября 2014 года / Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет.

– Витебск: Витебский государственный медицинский университет, 2014. – С. 273–276.

2. Бекиров, С.Н. Методические особенности применения деловых игр в рамках преподавания социологии в педагогическом вузе / С.Н. Бекиров // Педагогический вестник. – 2019. – №. 6. – С. 6–7.

3. Деловые игры в образовательном процессе медицинского вуза: учебное пособие / Г. В. Безродная, С. Н. Колпаков. – Новосибирск: ИПЦ НГМУ, 2021. – 141 с.

4. Решетников, В. А. Симуляционно-коммуникативный метод подготовки специалистов по организации здравоохранения и общественному здоровью / В.А. Решетников, В.Н. Трегубов, А.Б. Титова // Медицинское образование и профессиональное развитие. – 2017. – №. 1 (27). – С. 59–65.

5. Сериков, В. С. Деловая игра как метод активного обучения студентов / В.С. Сериков, В.А. Журбенко, А.Е. Карлаш // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2025. – Т. 16. – № 1. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/27SCSK125.pdf (дата обращения: 01.05.2026).

6. Хусаенова, А.А. Дидактические игры в структуре активного обучения студентов медицинских вузов / А.А. Хусаенова, А.Ф. Амиров, Л.М. Насретдинова, Р.Р. Богданов // Педагогика: традиции и инновации: Материалы VII Международной научной конференции, Челябинск, 20–23 января 2016 года. – Челябинск: Два комсомольца, 2016. – С. 119–121.

7. Юдаева, Ю.А. Игровые технологии в симуляционном тренинге / Ю.А. Юдаева, В.В. Неволина, М.А. Перехода // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 2. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view ?id=30732 (дата обращения: 01.05.2026).

BUSINESS GAME AS A FORM OF TEACHING SOCIAL SCIENCE DISCIPLINES TO MEDICAL STUDENTS

S.A. Papsheva

Penza State University,
Penza, Russia

The article examines the pedagogical potential of business games in teaching social science disciplines to future doctors. The article substantiates the position that game-based simulation forms make it possible to bridge the gap between abstract social and humanities knowledge and the specific professional tasks of clinical practice. Based on a synthesis of the experience of Russian and foreign medical universities, the methodological features of organizing business games in bioethics, the legal foundations of medical practice, and healthcare economics and management are analyzed. It is shown that the regular use of business games contributes to the development of universal and general professional competencies – legal culture, communicative flexibility, teamwork skills, and ethical reflection. The conditions under which a business game becomes an effective tool for professional socialization are formulated.

Keywords: business game, social sciences disciplines, medical students.

УДК 372.8

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЛОВЫХ ИГР В ПРЕПОДАВАНИИ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В МЕДИЦИНСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

С.А. Папшева

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

В статье рассматриваются критерии оценки эффективности деловых игр в преподавании обществоведческих дисциплин в медицинском колледже. Определяются пять основных критериев: соответствие исполнения роли цели и задачам игры; теоретическая подготовленность к выполнению роли; выполнение практических навыков в соответствии с алгоритмом; соблюдение принципов медицинской этики и деонтологии; умение работать в команде и уважать мнение коллег. Описываются методы оценки эффективности: наблюдение за действиями в игре, анализ результатов, совместная дискуссия, методы математической статистики.

Ключевые слова: деловая игра; обществоведческие дисциплины; медицинский колледж; критерии оценки; эффективность обучения; интерактивные методы обучения; профессиональные компетенции; медицинская этика; деонтология; шкала оценивания.

Деловая игра в системе среднего профессионального образования рассматривается как квазипрофессиональная деятельность, имеющая черты как учения, так и труда. В преподавании обществоведческих дисциплин в медицинском колледже деловая игра выполняет двойную задачу: формирует социально-правовые компетенции и моделирует профессиональные коммуникативные ситуации. Статистика усвоения материала подтверждает эффективность игровых методов: информация усваивается на 20% при лекционной подаче и на 90% при проведении деловых игр [1, с. 52]. Однако оценка эффективности деловой игры требует системы критериев, учитывающих специфику обществоведческого содержания и медицинского профессионального контекста.

Первый критерий – соответствие исполнения роли цели и задачам игры – предполагает проверку того, насколько действия участника соответствуют ролевой установке и целевому назначению игры [3, с. 58]. В обществоведческих дисциплинах это означает, например, соответствие поведения студента в роли избирателя, потребителя или участника правовых отношений нормам изучаемой социальной роли.

Теоретическая подготовленность к выполнению роли [2, с. 842]. Данный критерий оценивает глубину владения обществоведческим материалом, необходимым для исполнения роли. Например, при проведении деловой игры по теме «Выборы» студенты должны продемонстрировать знание принципов демократического избирательного права и стадий избирательного процесса в Российской Федерации.

Выполнение практических навыков в соответствии с алгоритмом [3, с. 60]. В медицинском колледже обществоведческая деловая игра часто включает элементы профессионального поведения. Критерий фиксирует соблюдение алгоритма действий, предусмотренного сценарием игры. Например, при моделировании ситуации информированного согласия пациент должен быть проинформирован о правах в соответствии с нормами медицинской этики и деонтологии.

Соблюдение принципов медицинской этики и деонтологии. Данный критерий специфичен для медицинского колледжа. Оценка направлена прежде всего на профессиональный (содержательный) уровень подготовки и позволяет учесть личностные особенности студентов. При решении обществоведческих задач, связанных с правовыми аспектами медицинской деятельности, студент должен продемонстрировать понимание этических норм, регулирующих взаимодействие «врач – пациент».

Умение работать в команде и уважать мнение коллег [4, с. 70]. Критерий оценивает коммуникативные навыки, необходимые для коллективного принятия решений. В деловых играх на занятиях по обществознанию моделируются ситуации, требующие согласования позиций различных социальных групп. Ротация экспертов в процессе игры позволяет достичь максимальной объективности в оценке каждого студента.

Для оценки эффективности деловых игр в медицинском образовании применяются следующие методы: наблюдение за действиями в игре (оценка распределения ролей, скорости и правильности принимаемых решений, активности взаимодействия), анализ результатов игры в ходе совместной дискуссии, методы математической статистики для верификации данных.

Оценка результатов игры проводится совместно участниками в ходе дискуссии по окончании игры. Группе предлагается заслушать заключения экспертов из числа студентов и мнение преподавателя, обсудить результаты, коллегиально выставить оценки, определить рейтинг участников.

Система оценивания в деловой игре является неотъемлемым элементом имитационно-игровой модели и должна обеспечивать объективность и комплексность характеристики уровня подготовки каждого участника. Предложенные критерии оценки объективно и комплексно характеризуют уровень подготовки и реальный вклад каждого участника в достижение общей цели.

Оценка «отлично» выставляется, если в процессе решения проблемной ситуации продемонстрированы глубокие знания дисциплины и сущности проблемы, даны логически последовательные, содержательные, полные, правильные и конкретные ответы на все вопросы, даны рекомендации по использованию данных в будущем для аналогичных ситуаций. Оценка «хорошо» – если все рассуждения и обоснования верны, однако имеются незначительные неточности, представлен недостаточно полный выбор стратегий поведения. Оценка «удовлетворительно» – если обучающийся слабо ориентируется в материале, не демонстрирует логику ответа, плохо владеет профессиональной терминологией [5, с. 86].

Критерии оценки эффективности деловых игр в преподавании обществоведческих дисциплин в медицинском колледже включают пять основных

позиций: соответствие исполнения роли цели и задачам игры, теоретическая подготовленность, выполнение практических навыков по алгоритму, соблюдение принципов медицинской этики и деонтологии, умение работать в команде. Система оценивания должна строиться как система самооценки студентов, а затем – как система оценки со стороны преподавателя. Проведение деловой игры позволяет выявить степень теоретической и практической подготовки студентов, определить индивидуальные способности каждого студента.

Список использованных источников

1. Филатова О.В. Деловая игра как способ формирования умений и навыков студентов // Инновационное развитие профессионального образования. 2021. №. 1 (29). С. 51-56.

2. Порывкина А.А. Деловая игра как метод интерактивного обучения на уроках обществознания в образовательных учреждениях СПО // Молодой ученый. 2015. №. 3. С. 841-844.

3. Исаева Н.В., Чирич И.В. Деловая игра как средство активизации познавательной активности и способ формирования профессиональных компетенций студентов // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2017. № 3. С. 56-63.

4. Жураковская В.М., Оличева О.А. Деловая игра как педагогическая технология, определяющая формирование глобальных компетенций обучающихся // Вестник РМАТ. 2025. №. 4. С. 61-84.

5. Абросимов А.А., Аникина А.С. Деловая игра на уроках обществознания как метод обучения старшеклассников в школе // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. 2025. №. 1. С. 81-89.

CRITERIA FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF BUSINESS GAMES IN TEACHING SOCIAL SCIENSE DISCIPLINES AT A MEDICAL COLLEGE

S.A. Papsheva

Penza State University,
Penza, Russia

The article examines criteria for evaluating the effectiveness of business games in teaching social science disciplines at a medical college. Five key criteria are identified: alignment of role performance with the game's goals and objectives; theoretical preparedness for the role; execution of practical skills according to established procedures; adherence to principles of medical ethics and deontology; and the ability to work in a team and respect colleagues' opinions. Methods for assessing effectiveness are described, including observation of in-game actions, analysis of results, collaborative discussion, and mathematical statistical methods.

Keywords: business game; social science disciplines; medical college; evaluation criteria; learning effectiveness; interactive teaching methods; professional competencies; medical ethics; deontology; assessment scale.

УДК 316.334.56

ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА: ЭТНИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА

Е.А. Полева

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Современный мегаполис объединяет группы с различными культурными, языковыми и миграционными биографиями. В статье город рассматривается не только как физическая среда, но и как пространство постоянных контактов, в котором формируются городская и этническая идентичности. Анализируются повседневные практики взаимодействия, роль общественных пространств, культурных институтов и цифровых коммуникаций. Показано, что устойчивый культурный диалог требует доступных площадок совместной деятельности и такой городской идентичности, которая допускает множественность способов культурного самовыражения.

Ключевые слова: город, мегаполис, этническое многообразие, городская идентичность, межкультурный диалог, миграция, общественное пространство.

Крупный город является одной из главных сред, в которых культурное многообразие становится повседневным опытом. Люди различного происхождения встречаются не только на специальных культурных мероприятиях, но и в транспорте, образовании, торговле, соседских отношениях и профессиональной деятельности. Поэтому межкультурный диалог в мегаполисе возникает прежде всего как совокупность повторяющихся практик совместного пользования пространством. Его качество зависит от того, насколько город позволяет разным группам быть видимыми и одновременно участвовать в общих формах городской жизни.

Городская идентичность не отменяет этническую принадлежность, а формируется рядом с ней. Исследования полиэтничных городов показывают, что чувство принадлежности к городу может складываться через повседневный опыт, память о местах, локальные маршруты и участие в городской культуре [1]. Для жителя мегаполиса идентичность становится многослойной: человек может сохранять связь с этнической традицией, одновременно воспринимая себя как представителя конкретного города и его локального сообщества.

В условиях миграции вопрос соотношения этих уровней становится особенно заметным. Теоретический анализ взаимодействия городской и этнической идентичностей показывает, что они способны действовать по принципу взаимодополнительности, а не обязательно конкуренции [2]. Город предоставляет новые социальные роли и связи, но этническая культура может сохранять функции эмоциональной опоры, семейной памяти и символической принадлежности. Конфликт чаще возникает не между самими идентичностями, а в ситуациях социальной изоляции, недоступности ресурсов и дефицита взаимного общения.

Большое значение имеют общественные пространства. Парк, рынок, библиотека, университет, культурный центр, набережная или районный праздник становятся местами, где разные группы наблюдают друг друга и вступают в взаимодействие. Пространство культурного диалога отличается от простого физического соседства тем, что создает повторяющиеся возможности для совместной деятельности. Если же группы пользуются городом параллельно и почти не пересекаются, этническое разнообразие остается фактом демографии, но не превращается в ресурс городской культуры.

Городское управление также влияет на содержание идентичности. Исследования управленческого дискурса показывают, что представления о городе и его жителях связаны с тем, какие группы воспринимаются как участники развития, какие формы активности признаются значимыми и как формируется образ общего городского пространства [3]. Для культурно разнообразного мегаполиса важно, чтобы политика идентичности не сводилась к набору символических мероприятий, а поддерживала участие жителей в локальных проектах, общественных обсуждениях и культурном производстве.

Новые условия для диалога создает цифровая среда. Районные сообщества, городские медиа и социальные платформы позволяют рассказывать о локальных традициях, координировать мероприятия и обсуждать проблемы без физического присутствия. Исследования межкультурного диалога в цифровом пространстве отмечают его потенциал для коммуникации между культурными общностями [4]. Вместе с тем цифровая среда способна усиливать сегментацию, если алгоритмические и языковые барьеры закрепляют общение только внутри собственной группы.

Культурная политика мегаполиса может снижать эту сегментацию через проекты, основанные на совместном действии. В отличие от формата, где одна группа демонстрирует «экзотическую» культуру пассивному зрителю, совместные мастерские, исследовательские проекты, фестивальные лаборатории и городские архивы создают обмен знаниями. При таком подходе культурное различие становится не объектом наблюдения, а основанием сотрудничества. Это особенно важно для молодежи, чья идентичность формируется одновременно в семейной, городской и цифровой среде.

Оценивать качество культурного диалога целесообразно не только по числу мероприятий. Значимы устойчивость межгрупповых контактов, доступность городской инфраструктуры, представленность разных культур в публичном пространстве и готовность жителей участвовать в общих проектах. Городская идентичность становится интегративной, когда принадлежность к мегаполису не требует отказа от этнической специфики, а предлагает общий язык гражданского и повседневного взаимодействия.

Культурный диалог в мегаполисе во многом зависит от того, насколько городские пространства позволяют не только видеть различия, но и взаимодействовать на равных. Рынок, библиотека, университетский кампус, районный культурный центр или городской фестиваль способны становиться площадками регулярного общения между людьми с разным культурным опытом. В таких контактах этничность перестает быть исключительно «праздничным» маркером и проявляется в повседневных практиках, языке, кухне, формах взаимопомощи и

соседства. Исследование городской идентичности поэтому требует учитывать не только символический образ города, но и доступность конкретных пространств для разных групп жителей [1; 3].

Большое значение имеет и информационная среда города. Цифровые сервисы, локальные медиа и социальные сети способны делать культурное разнообразие видимым, но одновременно формируют замкнутые информационные круги, если пользователи сталкиваются главным образом с мнениями собственной группы. Межкультурный диалог становится устойчивее, когда цифровая коммуникация дополняется совместными практиками: образовательными проектами, общественными инициативами, локальными исследованиями и обсуждением вопросов городской среды. В этом смысле мегаполис является не просто территорией совместного проживания, а инфраструктурой постоянного согласования идентичностей и правил взаимодействия [2; 4].

Таким образом, современный мегаполис может выступать пространством культурного диалога при условии, что разнообразие встроено в обычные механизмы городской жизни. Этническая и городская идентичности способны усиливать друг друга, если у жителей существуют общие места, проекты и символы, открытые для разных групп. Культурный диалог в этом смысле является не разовой акцией, а устойчивой инфраструктурой взаимодействия, поддерживаемой городской средой, институтами и цифровыми коммуникациями [2; 3; 4].

Список использованных источников

1. Сирина, А. А. Люди и город. Заметки об идентичности сибирских городов / А. А. Сирина // Проект Байкал. – 2014. – Т. 11, № 42. – С. 78–82. – DOI 10.7480/projectbaikal.42.792.

2. Зязиков, М. М. Этническая и городская идентичности: противостояние или взаимодополнительность? / М. М. Зязиков // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8, № 5. – С. 97–112. – DOI 10.23683/2227-8656.2019.5.8.

3. Костко, Н. А. Городская идентичность и восприятие города в управленческом дискурсе / Н. А. Костко, И. Ф. Печеркина // Социологическая наука и социальная практика. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 136–161. – DOI 10.19181/snsp.2024.12.1.7. – EDN HQEUQY.

4. Гаджиев, Х. А. Межкультурный диалог в цифровом пространстве как фактор социально-политической стабильности / Х. А. Гаджиев // Социально-политические науки. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 49–54. – DOI 10.33693/2223-0092-2023-13-4-49-54. – EDN KSGFFU.

THE CITY AS A SPACE OF CULTURAL DIALOGUE: ETHNIC DIVERSITY IN THE MODERN METROPOLIS

E.A. Poleva

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The modern metropolis brings together residents with different cultural, linguistic and migration backgrounds. The article treats the city as a space of everyday

interaction where urban and ethnic identities coexist and influence one another. Public spaces, cultural institutions, local projects and digital communication are considered as infrastructures of intercultural dialogue. Sustainable dialogue depends not only on symbolic events but also on repeated forms of joint activity and on an inclusive urban identity that allows residents to maintain cultural specificity while participating in a common civic environment.

Keywords: city, metropolis, ethnic diversity, urban identity, intercultural dialogue, migration, public space.

УДК 32

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Е.А. Полева

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Историческая память влияет на представления общества о прошлом, коллективной принадлежности и допустимых интерпретациях значимых событий. В статье рассматривается ее место в политической культуре через практики коммеморации, публичные символы, образование и институциональную политику памяти. Подчеркивается различие между профессиональным историческим знанием и коллективной памятью. Показано, что устойчивость политической культуры зависит не от единообразия частных воспоминаний, а от способности общества поддерживать проверяемые знания о прошлом и открытые процедуры обсуждения различных интерпретаций.

Ключевые слова: историческая память, политическая культура, политика памяти, коммеморация, идентичность, публичная история, коллективная память.

Историческая память занимает особое место в политической культуре, поскольку связывает представления о прошлом с оценками настоящего и образами коллективной принадлежности. Она формируется не только через школьное знание или научные исследования, но и через семейные рассказы, памятные даты, музеи, фильмы, мемориалы и публичные дискуссии. В отличие от профессиональной истории, коллективная память избирательна: она выделяет события, которые группа считает значимыми для объяснения собственного происхождения, опыта и ценностей.

Современные исследования российской исторической памяти показывают ее сложность и неоднородность. В обществе могут сосуществовать разные региональные, семейные и групповые версии прошлого, а политика памяти стремится выстроить между ними общую рамку [1]. Для политической культуры важно не само наличие различий, а способы их обсуждения: конкурирующие

интерпретации могут становиться источником конфликта либо включаться в институциональные формы публичной дискуссии.

Практики коммеморации переводят память в общественное действие. Памятные церемонии, мемориалы, названия улиц и юбилейные мероприятия фиксируют события в пространстве и календаре, задавая устойчивые точки коллективного внимания. Исследования связи исторической памяти и коммемораций подчеркивают, что мемориальные формы меняются вместе с политическим и информационным контекстом [2]. Поэтому важно рассматривать памятник или ритуал не только как отражение прошлого, но и как современный способ организации отношения к нему.

Политическая культура проявляется в том, какие источники признаются авторитетными, насколько общество различает факт и интерпретацию и какие механизмы используются для разрешения споров о прошлом. Научное историческое знание строится на проверяемости источников и аргументации, тогда как коллективная память может быть эмоционально насыщенной и передаваться через символы. Эти формы не совпадают, но постоянно взаимодействуют. Проблемы возникают, когда символическое утверждение начинает подменять исследование или, наоборот, академическое знание игнорирует общественную значимость памяти.

Государственные институты неизбежно участвуют в формировании публичной памяти через образование, музейную политику, календарь памятных дат и поддержку мемориальных проектов. В исследованиях исторической памяти подчеркивается ее связь с общегражданской идентичностью и вопросами общественной интеграции [3]. Однако эффективность такой политики зависит от доверия к источникам и процедурам. Чем прозрачнее основание публичного нарратива, тем выше вероятность, что память будет восприниматься как пространство общей ориентации, а не только как внешне заданная схема.

Цифровая среда существенно меняет политическую культуру памяти. Архивные документы, оцифрованные коллекции и базы данных расширяют доступ к источникам, одновременно социальные сети ускоряют распространение эмоциональных интерпретаций и фрагментов без контекста. Пользователь получает возможность самостоятельно участвовать в мемориализации, публиковать семейные документы и локальные истории. Это демократизирует память, но повышает требования к медиаграмотности и проверке происхождения материалов.

Политика памяти в разных обществах выполняет функции легитимации, интеграции и символического разграничения. Исследования постсоветского пространства показывают, что исторические нарративы могут становиться частью политической конкуренции и институционального самоописания государства [4]. Для научного анализа принципиально важно отделять описание этих механизмов от оценки конкретной политической позиции. Историческая память как элемент политической культуры представляет интерес именно потому, что соединяет общественные эмоции, нормы, символы и институты.

Зрелая культура памяти предполагает наличие нескольких компетенций: знания базовых фактов, понимания ограниченности отдельных источников,

способности сопоставлять интерпретации и уважать различие между личным опытом и общепроверяемым утверждением. Такая модель не требует полного единодушия. Напротив, она делает возможным спор о прошлом без отказа от процедур доказательства и без автоматического превращения иной интерпретации в признак нелояльности.

Важным посредником между историческим знанием и массовой памятью выступает публичная история. Музейная экспозиция, документальный проект, городской маршрут или цифровой архив переводят профессионально отобранные источники в форму, доступную неспециалисту. Качество такого посредничества зависит от прозрачности: зрителю важно понимать, какие документы лежат в основе рассказа, где проходит граница между установленным фактом и интерпретацией и существуют ли альтернативные объяснения. Подобная практика укрепляет навыки критического чтения прошлого без требования отказаться от эмоциональной связи с семейной или групповой памятью [1; 2].

Межпоколенческая передача памяти также влияет на политическую культуру. Событие, пережитое одним поколением непосредственно, для следующего существует через рассказы, фотографии, школьные курсы и публичные ритуалы. По мере увеличения временной дистанции возрастает роль институтов, которые отбирают и систематизируют свидетельства. Поэтому сохранение архивов и доступность источников имеют не только научное, но и гражданское значение: они позволяют проверять публичные утверждения и видеть сложность исторического опыта. При этом политика памяти остается предметом общественной дискуссии, поскольку выбор памятных дат, сюжетов и символов неизбежно связан с представлениями о коллективной идентичности [3; 4].

Таким образом, историческая память является элементом политической культуры потому, что через нее общество определяет символические ориентиры, способы коллективной самоидентификации и правила обсуждения прошлого. Ее устойчивость зависит не только от мемориальных мероприятий, но и от качества образования, доступности источников, доверия к институтам и культуры аргументированной дискуссии. Чем яснее различаются факт, интерпретация и ценностная оценка, тем больше возможностей использовать память как ресурс общественного понимания, а не как источник неразрешимого конфликта [1; 2; 4].

Список использованных источников

1. Летняков, Д. Э. Историческая память российского общества: к построению агонистической модели / Д. Э. Летняков // Мир России. – 2023. – Т. 32, № 1. – С. 109–129. – DOI 10.17323/1811-038X-2023-32-1-109-129.

2. Токарева, Е. А. Историческая память, практики коммеморации и современная политическая история / Е. А. Токарева // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2021. – № 3 (39). – С. 28–36. – DOI 10.25688/2078-9238.2021.39.3.03.

3. Касьянов, В. В. Историческая память и проблемы ее сохранения в контексте государственной политики в области обеспечения национальной

безопасности / В. В. Касьянов // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14, № 4. – С. 16–27. – DOI 10.18522/2227-8656.2025.4.1. – EDN GPMLVD.

4. Рязанцев, А. А. Политика памяти в легитимации власти постсоветских государств в контексте основных научных теорий / А. А. Рязанцев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Т. 19, № 3. – С. 137–154. – DOI 10.22394/2071-2367-2024-19-3-137-154. – EDN TGQDOP.

HISTORICAL MEMORY AS AN ELEMENT OF THE POLITICAL CULTURE OF CONTEMPORARY SOCIETY

E.A. Poleva

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

Historical memory influences collective views of the past, identity and the interpretation of socially significant events. The article examines its place in political culture through commemoration, public symbols, education and institutional memory policies. Professional historical knowledge is distinguished from collective memory, which is selective and symbolically structured. A sustainable political culture does not require uniform private memories; it requires reliable access to sources, transparent procedures of public discussion and the ability to distinguish documented facts from interpretations and value judgments.

Keywords: historical memory, political culture, memory politics, commemoration, identity, public history, collective memory.

УДК 39

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ТРАДИЦИИ: ПОЧЕМУ ЭЛЕМЕНТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НУЖДАЮТСЯ В СОХРАНЕНИИ

Е.А. Полева

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Нематериальное культурное наследие существует в форме знаний, навыков, обрядов, устных традиций и способов коллективного действия, поэтому его сохранение невозможно обеспечить только охраной предметов. В статье рассматриваются причины утраты традиций: разрыв межпоколенной передачи, изменение образа жизни, миграция, сокращение локальных сообществ и превращение практик в сценическую репрезентацию. Обосновывается необходимость документирования, поддержки носителей, образовательной передачи и цифровой фиксации при обязательном сохранении культурного контекста.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, традиция, этнокультурное достояние, культурная память, носители традиции, цифровая фиксация, межпоколенная передача.

Нематериальное культурное наследие отличается от материального прежде всего способом существования. Песня, техника ремесла, устный рассказ, обряд или локальное знание сохраняются только тогда, когда кто-то умеет их воспроизводить, объяснять и передавать дальше. Даже подробная запись не заменяет живого владения практикой. Поэтому исчезновение традиции часто происходит незаметно: предметы могут оставаться в музеях, тексты – в архивах, но социальная среда, в которой они были понятны и функциональны, постепенно сокращается.

Современная российская система сохранения нематериального наследия развивается как междисциплинарная область, включающая культурную политику, этнологию, музейную работу, образование и деятельность локальных сообществ. Исследования государственной политики подчеркивают необходимость согласовывать институциональные механизмы охраны с особенностями самих культурных практик и их носителей [1]. Это принципиально важно: невозможно сохранить традицию исключительно административным решением, если она перестала передаваться в семье или местном сообществе.

Одной из главных причин утраты является разрыв межпоколенной передачи. Изменение занятости, городской образ жизни, миграция и уменьшение числа носителей приводят к тому, что навыки, ранее усваивавшиеся естественно, требуют специально организованного обучения. При этом часть знания трудно перевести в инструкцию: мастер передает не только последовательность действий, но и критерии качества, ритм работы, локальную терминологию и опыт выбора материала. Если исчезает цепочка ученичества, восстановление практики по описаниям становится сложным.

Важным инструментом становится электронная среда. Цифровые архивы позволяют хранить аудио- и видеозаписи, фотографии, полевые дневники и сведения о носителях. Исследования сохранения этнокультурного наследия в электронной среде показывают, что библиотеки, музеи и научные учреждения могут создавать самостоятельный сегмент работы с такими материалами [2]. Однако цифровая фиксация должна включать контекст: место, время, функции практики, объяснения участников и историю бытования. Без этого запись превращается в изолированный медиофрагмент.

Еще один риск связан со сценической адаптацией традиции. Для фестиваля или туристического показа сложный обряд часто сокращается, меняется его продолжительность, исключаются непонятные зрителю элементы. Такая форма может быть полезна для популяризации, но не должна подменять исходную практику. Если единственной формой существования становится сценический номер, последующие поколения могут воспринимать реконструированную версию как

исторически неизменную. Поэтому научная документация и публичная репрезентация должны различаться по своим задачам.

Нематериальное наследие связано и с пространством. Обычай может быть встроен в конкретный ландшафт, маршрут, храмовый праздник, площадь, место промысла или сезонный цикл. Исследования исторических поселений показывают, что нематериальные практики способны выступать важной характеристикой культурной среды и дополнять охрану материальных объектов [3]. Сохранение здания без связанной с ним памяти, функций и ритуалов дает лишь часть культурного содержания территории.

Не менее важен ценностный аспект наследования. Традиция воспроизводится тогда, когда участники считают ее значимой и понимают, зачем она нужна современному сообществу. В исследованиях культуронаследования подчеркивается, что передача наследия связана с усвоением ценностей и изменением самого участника, а не только с хранением информации [4]. Из этого следует, что программы сохранения должны создавать пространство для участия: мастерские, семейные архивы, экспедиции, школьные проекты, локальные музеи и цифровые платформы с возможностью добавления проверенных материалов.

Наиболее устойчивой представляется стратегия, объединяющая четыре направления: фиксацию, передачу, поддержку носителей и актуализацию. Фиксация создает источниковую базу; передача формирует новых участников; поддержка носителей сохраняет живое знание; актуализация помогает традиции находить место в современной жизни. При этом обновление формы допустимо, если оно обозначено как современная интерпретация и не стирает сведения об исходном контексте.

Уязвимость нематериального наследия связана с тем, что его носителем является не предмет, а человек и социальная ситуация. Песенный стиль, устный рассказ, техника ремесла или обряд могут быть подробно описаны, однако после прекращения практики восстановить интонационные, телесные и коммуникативные нюансы значительно сложнее. Именно поэтому фиксация должна проводиться до того, как традиция окажется представлена только единичными воспоминаниями. Аудиовизуальные записи, интервью и полевые дневники позволяют сохранить разные варианты исполнения и тем самым избежать искусственного сведения живой традиции к одной «канонической» версии [2; 4].

Сохранение требует также оценки условий, в которых традиция может продолжаться. Если мастер не имеет учеников, локальный праздник утрачивает участников, а носители языка не используют его в семье, простое включение элемента в реестр не гарантирует жизнеспособности. Поддержка должна быть ориентирована на передачу навыков, доступ к площадкам, образовательные программы и признание роли самих носителей в принятии решений. Государственная и муниципальная политика в этом случае эффективна не как замена инициативы сообщества, а как инфраструктура для ее продолжения [1; 3].

Таким образом, исчезающие традиции нуждаются в сохранении потому, что вместе с ними утрачиваются способы действия, локальные знания и модели коллективной памяти, которые невозможно полностью восстановить по материальным объектам. Эффективная охрана нематериального наследия требует работы не только с архивами, но прежде всего с людьми и сообществами. Цифровые технологии усиливают возможности документирования и доступа, но должны дополнять живую передачу, а не заменять ее [1; 2; 4].

Список использованных источников

1. Сазонова, В. А. Роль государственной политики в сохранении и воспроизводстве нематериального культурного наследия России / В. А. Сазонова // Культура и искусство. – 2024. – № 6. – С. 13–27. – DOI 10.7256/2454-0625.2024.6.70875. – EDN IIYRFG.

2. Жабко, Е. Д. Сохранение нематериального этнокультурного наследия в электронной среде / Е. Д. Жабко // Библиосфера. – 2024. – № 2. – С. 22–33. – DOI 10.20913/1815-3186-2024-2-22-33.

3. Шевченко, Э. А. Нематериальное культурное наследие как предмет охраны исторического поселения: размышления о предмете охраны / Э. А. Шевченко // Academia. Архитектура и строительство. – 2021. – № 2. – С. 83–90. – DOI 10.22337/2077-9038-2021-2-83-90.

4. Закунов, Ю. А. Наследование нематериального культурного наследия России как духовный процесс / Ю. А. Закунов // Журнал Института Наследия. – 2022. – № 4 (31). – DOI 10.34685/HI.2022.50.63.002.

DISAPPEARING TRADITIONS: WHY INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE NEEDS PRESERVATION

E.A. Poleva

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

Intangible cultural heritage survives through people who perform, explain and transmit knowledge, skills, rituals and oral traditions. The article analyzes major risks of disappearance, including disrupted intergenerational transmission, migration, changing lifestyles and the replacement of living practices by staged representations. Documentation and digital archives are important, but they cannot substitute for bearers of tradition. Sustainable preservation combines recording, education, support for practitioners and contemporary forms of use while maintaining the cultural context in which a tradition acquires meaning.

Keywords: intangible cultural heritage, tradition, ethnocultural heritage, cultural memory, tradition bearers, digital documentation, intergenerational transmission.

УДК 314.74

МИГРАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ: КАК МЕНЯЕТСЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Е.А. Полева

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Миграция помещает человека в ситуацию одновременного сохранения прежних культурных связей и освоения новых норм, языка и социальных ролей. В статье рассматривается культурная адаптация как многоуровневый процесс, затрагивающий повседневные привычки, коммуникацию, ценности и идентичность. Показано, что успешная адаптация не требует полного отказа от культуры происхождения; более устойчивой является модель, в которой человек осваивает институты принимающего общества и сохраняет значимые элементы прежней принадлежности. Особое внимание уделяется языку, социальным контактам и межпоколенным различиям.

Ключевые слова: миграция, культурная адаптация, идентичность, интеграция, принимающее общество, язык, аккультурация, социальная среда.

Миграция меняет привычную систему социальных координат. Человек оказывается в среде, где иначе устроены повседневные нормы, язык общения, правила взаимодействия с учреждениями, профессиональные ожидания и способы публичного поведения. Поэтому адаптация не сводится к бытовому устройству. Она затрагивает представление о себе: часть прежних ролей теряет значение, появляются новые формы принадлежности, а культурные привычки начинают осознаваться именно потому, что отличаются от практик принимающего общества.

Исследования культурной адаптации рассматривают ее как важную составляющую интеграции мигрантов. Сравнение разных национальных практик показывает значение языкового обучения, профессиональной подготовки, социальной поддержки и знакомства с культурной средой [1]. При этом адаптация не является односторонним усвоением правил. Ее результат зависит и от доступности институтов, отношения местных жителей, наличия социальных связей и возможностей участия в обычной жизни города, школы или рабочего коллектива.

Существенным фактором выступает язык. Он обеспечивает доступ к образованию, услугам и рынку труда, но одновременно влияет на способы самопрезентации и социальную уверенность. Для взрослых мигрантов ограниченная языковая компетентность может закреплять зависимость от узкого круга посредников и усиливать замкнутость внутри диаспоральных сетей. Для детей язык принимающего общества быстрее становится частью повседневности, поэтому межпоколенные различия в семьях могут увеличиваться и менять привычное распределение авторитета.

Социокультурная адаптация тесно связана с межкультурным взаимодействием. Российские исследования подчеркивают, что интеграция зависит не только от поведения самих мигрантов, но и от качества контакта с принимающим обществом, действующих стереотипов и институциональных условий [2]. Если контакты ограничены формальными ситуациями, культурные различия могут закрепляться как социальная дистанция. Напротив, совместное обучение, работа, соседские практики и участие в локальных проектах создают пространство, где нормы осваиваются через действие.

Идентичность мигранта редко изменяется по принципу полной замены одной принадлежности другой. Чаще формируется комбинированная модель: сохраняются язык семьи, память о месте происхождения и культурные привычки, но к ним добавляются новые локальные и гражданские связи. Психологические исследования детей иностранных граждан показывают значение ориентации как на культуру страны происхождения, так и на включенность в российскую культуру для благополучия и адаптационных стратегий [3]. Это подтверждает продуктивность не ассимиляционной, а интегративной логики.

Ценности также проходят проверку новой средой. Исследования молодых мигрантов из Центральной Азии показывают, что личностные и культурные ценности могут выступать фактором социально-психологической адаптации [4]. Часть установок получает дополнительную значимость как символ связи с семьей, а часть пересматривается под влиянием образовательной и профессиональной среды. В результате идентичность становится более рефлексивной: человек вынужден объяснять себе и другим, какие нормы он считает обязательными, а какие готов адаптировать.

Цифровые коммуникации усложняют процесс. Мигрант способен ежедневно поддерживать интенсивную связь с родственниками и медиасредой страны происхождения, поэтому физический переезд уже не означает информационного разрыва. Это снижает стресс и помогает сохранять культурную связь, но одновременно может замедлять освоение местных коммуникационных сетей, если цифровая жизнь полностью сосредоточена внутри прежнего круга. Важным становится баланс между поддержанием исходной идентичности и формированием новых социальных связей.

Практическая поддержка адаптации должна учитывать разные траектории. Для недавно прибывшего взрослого приоритетны язык, навигация по институтам и профессиональные навыки; для подростка – школа, сверстники и возможность безопасно сочетать несколько культурных принадлежностей; для семьи – снижение межпоколенных конфликтов и доступ к понятной информации. Универсальная программа без учета возраста, образования и миграционного опыта неизбежно будет менее эффективной.

Адаптация имеет выраженное временное измерение. На раннем этапе мигрант решает преимущественно практические задачи: поиск жилья и работы, понимание административных процедур, освоение языка повседневного общения. Позднее на первый план могут выходить вопросы долгосрочной принадлежности, образования детей и поддержания связей с культурой происхождения.

Поэтому один и тот же человек способен менять адаптационные стратегии в зависимости от продолжительности проживания, семейной ситуации и качества контактов с принимающим обществом. Исследования подчеркивают, что психологическое благополучие связано не с механическим отказом от прежней идентичности, а с возможностью выстроить непротиворечивое сочетание нескольких принадлежностей [1; 3].

Особую роль играют институты повседневного взаимодействия – школа, университет, рабочая организация, соседство и местные общественные пространства. Именно здесь формируются повторяющиеся контакты, в которых взаимные представления корректируются опытом совместной деятельности. Формальные программы интеграции дают больший эффект, если сопровождаются доступной языковой поддержкой, понятной информацией о правилах и возможностями участия в общих проектах. При этом культурные объединения мигрантов могут выполнять адаптационную функцию, помогая ориентироваться в новой среде, но их деятельность становится наиболее продуктивной при наличии устойчивых связей с общегородскими институтами [2; 4].

Таким образом, миграция трансформирует идентичность через расширение, пересборку и переоценку культурных связей. Успешная адаптация не требует отказа от прошлого, но предполагает способность действовать в новой социальной среде, понимать ее нормы и участвовать в общих институтах. Наиболее устойчивой является интегративная модель, в которой сохранение значимых элементов культуры происхождения сочетается с языковой, образовательной и социальной включенностью в принимающее общество [1; 2; 3].

Список использованных источников

1. Рахмонов, А. Х. Культурная адаптация мигрантов в принимающем сообществе / А. Х. Рахмонов, Ш. Ю. Акрамов // Труд и социальные отношения. – 2024. – Т. 35, № 3. – С. 170–177. – DOI 10.20410/2073-7815-2024-35-3-170-177. – EDN AJXNWL.

2. Кульбачевская, О. В. Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в России: к вопросу о межкультурном взаимодействии / О. В. Кульбачевская // Вестник антропологии. – 2020. – № 4 (52). – С. 136–152. – DOI 10.33876/2311-0546/2020-52-4/136-152. – EDN BRGGDM.

3. Гриценко, В. В. Стратегии социокультурной адаптации как предикторы психологического благополучия детей иностранных граждан в России / В. В. Гриценко, М. Ю. Чибисова, Н. В. Ткаченко [и др.] // Психологическая наука и образование. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 200–212. – DOI 10.17759/pse.2023280515.

4. Пономарева, А. А. Исследование ценностной сферы мигрантов из Центральной Азии как фактора социально-психологической адаптации / А. А. Пономарева, Р. Р. Валеева, О. В. Воронина // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2024. – Т. 30, № 1. – С. 42–50. – DOI 10.34216/2073-1426-2024-30-1-42-50. – EDN CGMLAX.

MIGRATION AND CULTURAL ADAPTATION: HOW IDENTITY CHANGES IN A NEW SOCIAL ENVIRONMENT

E.A. Poleva

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

Migration places a person between the need to preserve previous cultural ties and the need to master new norms, language and social roles. The article treats cultural adaptation as a multilevel process that affects everyday practices, values, communication and identity. Successful adaptation does not necessarily require abandoning the culture of origin. A more sustainable trajectory combines participation in the institutions of the host society with the preservation of meaningful family and cultural practices. Language competence, social contacts and intergenerational differences are key factors in this process.

Keywords: migration, cultural adaptation, identity, integration, host society, language, acculturation, social environment.

УДК 94(47+57) «1985/1988»:613.81

АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1985–1988 ГОДОВ: ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМИ ЦЕЛЯМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ

Д.В. Приходько

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Рассматривается противоречие между оздоровительными задачами антиалкогольной кампании и хозяйственными условиями их реализации. Сопоставляются нормативные решения, опубликованные архивные материалы и исследования смертности. Предлагается оценивать результаты кампании раздельно по показателям здоровья, бюджетной устойчивости и изменения потребительского поведения. Обосновывается, что социальный эффект ограничений совместим с существенными издержками их административного проведения.

Ключевые слова: СССР; перестройка; антиалкогольная кампания; бюджет; смертность; теневая экономика.

Антиалкогольная кампания 1985–1988 годов ставит перед историком вопрос о том, почему общественно значимая цель оказалась связана с хозяйственными диспропорциями и массовым недовольством. Ответ зависит от выбранного критерия. Сокращение легальной продажи спиртного могло одновременно уменьшать отдельные риски для здоровья и подрывать привычный источник государственных поступлений. Поэтому признание экономических потерь само по

себе не опровергает оздоровительный эффект, а улучшение демографических показателей не снимает вопроса о цене использованных мер.

Цель статьи – раскрыть механизм этого противоречия. Используются историко-сравнительный анализ и критическое сопоставление опубликованных источников. Рассматриваемый период охватывает начало кампании и переход к смягчению её курса; верхняя граница не означает одновременной отмены всех ограничений. Работа не содержит самостоятельного расчёта бюджетного ущерба: имеющиеся оценки зависят от состава учитываемых потерь, длительности периода и выбранного варианта развития событий без кампании.

Нормативную основу преобразований составило, в частности, постановление Совета Министров СССР от 7 мая 1985 года № 410. Документ объединял ограничения производства и торговли, противодействие самогоноварению и меры организационного характера [1]. Государство стремилось воздействовать на доступность алкоголя через управляемые им предприятия и торговую сеть. Подобный подход обеспечивал возможность быстрого изменения официального предложения, но не позволял столь же быстро преобразовать потребительские привычки и повседневные формы досуга.

Здесь проявилось несоответствие двух темпов. Административное решение вступало в действие сравнительно быстро, тогда как изменение спроса требовало длительной профилактической работы, лечения зависимости и появления доступных альтернатив. При сохранении устойчивого спроса ограничение легального предложения создавало стимул искать замену. Это не означает неизбежной бесполезности ограничений: их результат зависел от того, какая часть потребителей сокращала употребление, а какая переходила к неучтённой продукции. Для разных групп населения соотношение могло различаться.

Публикация В. П. Пашина, С. В. Богданова и Ю. С. Богдановой показывает, что последствия кампании обсуждались в ведомственных документах через проблемы торговли, сахароснабжения и нелегального производства. Приведённые авторами материалы связывают рост спроса на сахар с расширением самогоноварения, а уменьшение официальной торговли – с перемещением части доходов в неформальный сектор [2]. Эти сведения характеризуют конкретные каналы хозяйственной адаптации. Однако отдельное ведомственное сообщение нельзя автоматически считать полной оценкой масштабов теневого рынка страны.

Бюджетное противоречие заключалось в зависимости государства от оборота товара, потребление которого оно намеревалось сократить. При уменьшении продаж выпадение поступлений происходило непосредственно, а возможная экономия благодаря улучшению здоровья реализовывалась постепенно и в других звеньях хозяйства. Снижение расходов семьи на алкоголь, сокращение временной нетрудоспособности и изменение затрат на лечение нельзя просто записать в доходную часть бюджета того же года. Временной разрыв осложнял оценку результата даже при наличии реальных социальных улучшений.

Другой канал издержек связан с перераспределением потребительских расходов. Деньги, которые переставали тратиться в алкогольной торговле, не исчезали. Часть направлялась на другие товары, часть сохранялась, часть поступала нелегальным продавцам. При ограниченной способности производства увеличить выпуск востребованной продукции дополнительный спрос мог усиливать

напряжённость снабжения. Это рассуждение объясняет возможный механизм, но не доказывает, что все товарные дефициты второй половины 1980-х годов были вызваны именно кампанией: требуются данные по отдельным рынкам и другим изменениям хозяйственной политики.

Социальные последствия также нельзя выводить исключительно из торговой статистики. В исследовании Дж. Бхаттачарьи, К. Гатманн и Г. Миллера используются региональные данные и различия в интенсивности воздействия кампании. Авторы связывают её проведение со снижением смертности, особенно по причинам, чувствительным к употреблению алкоголя [3]. Исследование поддерживает вывод о существенном оздоровительном результате, однако представляет собой оценку причинной связи на основе модели. Оно не превращает каждое изменение смертности рассматриваемого периода в прямое следствие одного политического решения.

Для источниковедческой проверки полезно сопоставлять показатели, сформированные разными учреждениями. Торговая отчётность отражает легальный оборот, медицинская – зарегистрированные последствия для здоровья, сведения правоохранительных органов – выявленные нарушения. Рост выявленных фактов самогоноварения может зависеть и от расширения производства, и от усиления контроля. Снижение зарегистрированных продаж не равно такому же сокращению фактического потребления. Совпадение разнотипных свидетельств делает объяснение убедительнее, но не устраняет различий между их предметами наблюдения.

Авторская оценочная схема включает три самостоятельных направления. Социальный результат характеризуется изменением смертности и вреда, связанного с употреблением алкоголя. Хозяйственная устойчивость определяется способностью компенсировать выпадающие поступления и перестраивать производство. Поведенческий результат показывает, сохраняется ли сокращение потребления без постоянного усиления принуждения. Успех по первому направлению не гарантирует устойчивости по двум другим. Именно такая раздельная оценка позволяет объяснить противоречивое восприятие кампании без сведения её истории к однозначному успеху или провалу.

Региональная перспектива уточняет общую картину. Г. В. Карандашев на материалах ярославской периодики отмечает ограничения финансирования и кадрового обеспечения противоалкогольной работы [4]. Этот пример показывает значение местных условий реализации решений. Его нельзя без проверки переносить на весь СССР, однако он помогает объяснить, почему единые административные установки могли давать неодинаковый результат.

Антиалкогольная кампания обнаружила проблему согласования социальной политики с устройством государственных финансов и потребительского рынка. Её опыт позволяет сформулировать вывод: ограничение вредного потребления устойчиво лишь тогда, когда одновременно меняются условия спроса и хозяйственная зависимость от соответствующего оборота. Сокращение смертности и экономические трудности могут быть частями одной исторической картины. При этом объяснять кампанией весь кризис советской экономики неправомерно: подобное заключение выходит за пределы рассмотренных источников и игнорирует другие процессы перестройки.

Список использованных источников

1. О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения: постановление Совета Министров СССР от 07.05.1985 № 410. URL: https://www.economics.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data02/tex12615.htm (дата обращения: 09.10.2026).

2. Пашин В. П., Богданов С. В., Богданова Ю. С. Антиалкогольная кампания 1985–1987 гг. в СССР: по советским архивным документам и рассекреченным материалам ЦРУ // Вестник архивиста. 2011. № 4. С. 182–194.

3. Бхаттачарья Дж., Гатманн К., Миллер Г. Антиалкогольная кампания Горбачёва и кризис смертности в России [перевод названия] // American Economic Journal: Applied Economics. 2013. Vol. 5, № 2. P. 232–260. DOI: 10.1257/app.5.2.232.

4. Карандашев Г. В. Антиалкогольная кампания в Ярославской области в 1985–1991 гг. // Социально-политические исследования. 2023. № 1 (18). С. 104–119. DOI: 10.20323/2658_428X_2023_1_18_104. EDN: NGYNEL.

THE 1985–1988 ANTI-ALCOHOL CAMPAIGN: CONTRADICTIONS BETWEEN SOCIAL GOALS AND ECONOMIC CONSEQUENCES

D.V. Prikhodko

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines tensions between the public health objectives of the Soviet anti-alcohol campaign and the economic conditions of its implementation. Legislation, published archival evidence and mortality research are compared. A framework distinguishing health outcomes, fiscal sustainability and behavioural adjustment is proposed. Health improvements are shown to be compatible with substantial implementation costs.

Keywords: USSR; perestroika; anti-alcohol campaign; public revenue; mortality; informal economy.

УДК 347.121:004.8

ПРАВО НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДИПФЕЙКОВ

Д.В. Приходько

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Рассматривается гражданско-правовая защита изображения человека при распространении синтетических фото- и видеоматериалов. На основе российского законодательства и научной литературы разграничиваются использование внешнего облика, распространение недостоверных сведений и вмешательство в

частную жизнь. Предлагается последовательность правовой оценки дипфейка с учетом узнаваемости лица, контекста и основания использования. Показаны пределы маркировки искусственного контента как способа предупреждения нарушений.

Ключевые слова: дипфейк; изображение гражданина; нематериальные блага; согласие; репутация; персональные данные.

Синтетическое видео позволяет представить узнаваемого человека участником события, которого не было. Юридическая проблема здесь шире установления технической подделки: внешность может использоваться без разрешения даже в материале, прямо обозначенном как вымышленный. Одновременно реалистичная имитация способна создавать ложное представление о поведении человека. Поэтому правовую оценку необходимо начинать с определения нарушенного интереса, а не с общего утверждения об опасности технологии.

Цель статьи – определить возможности защиты изображения гражданина средствами российского гражданского права и предложить последовательность оценки синтетического материала. Используются формально-юридический метод и моделирование типовых ситуаций. Нормативная база рассматривается по состоянию на 9 октября 2026 года. Термин «дипфейк» применяется к синтетическому либо существенно измененному аудиовизуальному материалу, имитирующему конкретного человека. Самостоятельная проблема воспроизведения только голоса выходит за пределы исследования изображения.

В. О. Калятин рассматривает дипфейки как правовую проблему, затрагивающую несколько направлений регулирования, включая нематериальные блага и интеллектуальную собственность [1]. Такой межотраслевой подход важен для разграничения объектов защиты. Авторское право фотографа на исходный снимок и интерес изображенного человека не совпадают. Наличие разрешения правообладателя фотографии еще не отвечает на вопрос о допустимости использования внешности гражданина, а согласие самого гражданина не заменяет проверку прав на исходный материал.

Статья 152.1 ГК РФ связывает обнародование и дальнейшее использование изображения с согласием гражданина и устанавливает исключения. Они относятся к публичным интересам, определенным случаям съемки в открытых местах и на публичных мероприятиях, а также позированию за плату [2]. Перечень примеров изображения включает фотографию, видеозапись и произведение изобразительного искусства. Представляется обоснованным распространять охрану и на узнаваемое синтетическое изображение: способ его изготовления сам по себе не устраняет связь с внешним обликом конкретного человека. Это авторское толкование нормы, а не утверждение о сложившемся единообразном разрешении всех споров о дипфейках.

Узнаваемость становится первым элементом предлагаемой оценки. Необходимо установить, позволяет ли совокупность визуальных признаков и контекста соотнести материал с определенным гражданином. Подпись, имя, профессиональная роль и обстоятельства распространения могут усиливать такую связь.

Обычное сходство с неопределенным кругом людей еще не доказывает использование изображения конкретного лица. В спорной ситуации нельзя заменять исследование обстоятельств одной субъективной реакцией зрителя или автоматическим показателем сходства, выданным программой.

Второй элемент – основание использования. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что общедоступность изображения в интернете сама по себе не дает другим лицам права свободно использовать его без согласия; при этом обстоятельства размещения могут свидетельствовать о согласии. Для публичной фигуры имеет значение общественный интерес к обсуждаемому вопросу, а не только известность человека [3, пп. 43–44]. Поэтому опубликованная в открытом профиле фотография не должна рассматриваться как универсальное разрешение создавать рекламные ролики с ее владельцем.

Третий элемент – содержание согласия и контекст нового материала. Разрешение разместить портрет в отчете о конференции нельзя без дополнительного анализа приравнять к согласию на имитацию рекламного выступления. Пункт 47 постановления Пленума № 25 допускает установление границ использования изображения по сроку, способу и другим параметрам [3]. В договорах, предусматривающих синтетическое воспроизведение, целесообразно отдельно определять допустимые сюжеты, площадки и виды переработки. Такая конкретизация предлагается как способ уменьшить неопределенность, а не как универсальная установленная законом форма согласия.

Следует различать неправомерное использование изображения и распространение порочащих сведений. Условный ролик, в котором человеку приписано совершение противоправного поступка, требует проверки оснований защиты чести, достоинства и репутации по статье 152 ГК РФ. Нейтральное по содержанию коммерческое видео может нарушать право на изображение без такого обвинения. При раскрытии сведений о частной жизни возникает самостоятельный вопрос применения статьи 152.2 ГК РФ [2]. Эти основания способны сочетаться, но наличие одного не должно предполагаться автоматически из наличия другого.

Маркировка «создано искусственным интеллектом» помогает зрителю оценить достоверность, однако не заменяет правового основания использования внешности. Она также не гарантирует, что материал не будет воспринят как сообщение о реальном поведении: значение имеют заметность обозначения, сюжет и способ распространения. Вместе с тем очевидная условность художественного произведения может влиять на оценку его смысла. Правовой анализ должен учитывать весь контекст, не сводя решение ни к факту маркировки, ни к ее отсутствию.

Обработка исходных фотографий требует отдельной проверки по законодательству о персональных данных. Статья 11 Федерального закона № 152-ФЗ связывает биометрические персональные данные с физиологическими и биологическими особенностями, используемыми оператором для установления личности [4]. По этой причине не всякое изображение автоматически относится к биометрическим данным. Необходимо выяснять цель и способ обработки. Согласие

на использование изображения и основание обработки персональных данных отвечают на разные вопросы и не должны механически подменять друг друга.

Практическая защита предполагает сохранение самого материала, адреса размещения, даты и контекста публикации. Техническая экспертиза может понадобиться для исследования происхождения записи, но не заменяет юридическую оценку согласия и содержания. Пункт 3 статьи 152.1 ГК РФ предусматривает требование удалить неправомерно распространенное в интернете изображение, а также пресечь или запретить дальнейшее распространение [2]. Выбор дополнительных требований зависит от обстоятельств дела; факт обнаружения дипфейка сам по себе не устанавливает автоматически размер компенсации.

Защита изображения в условиях дипфейков требует последовательного ответа на вопросы об узнаваемости гражданина, основании использования и характере приписываемого поведения. Существующие гражданско-правовые инструменты дают основу для такой оценки, однако синтетический характер материала усложняет доказательство и определение границ согласия. Приоритетным направлением представляется уточнение практики применения норм и процедур реагирования. Самостоятельное значение сохраняет профилактика: согласование способов использования внешности и понятное обозначение искусственного происхождения материала решают разные, взаимодополняющие задачи.

Список использованных источников

1. Калятин В. О. Дипфейк как правовая проблема: новые угрозы или новые возможности? // Закон. 2022. № 7. С. 87–103. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-7-87-103. EDN: FENGGS.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 152, 152.1, 152.2. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 09.10.2026).

3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. Пп. 43–49. URL: https://www.vsrf.ru/files/14913/ (дата обращения: 09.10.2026).

4. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ. Ст. 11. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 09.10.2026).

THE RIGHT TO ONE'S IMAGE IN THE CONTEXT OF DEEPFAKE DISTRIBUTION

D.V. Prikhodko

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines civil-law protection against the use of a person's likeness in synthetic media. Russian legislation and scholarship are used to distinguish image

use, false statements and privacy interference. A sequence of assessment based on recognisability, context and legal grounds is proposed. Labelling synthetic content is distinguished from obtaining permission to use a person's image.

Keywords: deepfake; personal image; personality rights; consent; reputation; personal data.

УДК 347.65:004

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦИФРОВОГО НАСЛЕДСТВА: ДОСТУП НАСЛЕДНИКОВ К АККАУНТАМ И ЭЛЕКТРОННЫМ МАТЕРИАЛАМ УМЕРШЕГО

Д.В. Приходько

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Исследуется соотношение наследования имущественных прав и доступа к данным умершего пользователя. На основе российского законодательства, научной литературы и правил цифрового сервиса разграничиваются права на электронные материалы, учетная запись и технические средства доступа. Предлагается модель ограниченного предоставления данных с учетом воли умершего и интересов третьих лиц. Обосновывается необходимость отделять подтверждение наследственных прав от передачи полного контроля над аккаунтом.

Ключевые слова: цифровое наследство; наследование; аккаунт; электронные материалы; исключительное право; частная жизнь.

После смерти человека в цифровых сервисах могут сохраняться авторские произведения, семейные фотографии, договорные документы и личная переписка. Их правовое значение неодинаково, хотя технически они доступны через одну учетную запись. Требование передать наследникам аккаунт целиком поэтому соединяет несколько самостоятельных вопросов: какие права перешли по наследству, какие сведения нужны для их осуществления и допустимо ли раскрывать остальные материалы. Ответ нельзя вывести только из факта родства или знания пароля.

Цель статьи – разграничить наследование имущественных прав и доступ к электронным данным, а также предложить модель разрешения возникающих противоречий. Используются формально-юридический метод и анализ правил цифрового сервиса как примера договорного регулирования. Основной предмет исследования – российское право по состоянию на 9 октября 2026 года. Зарубежная сервисная практика рассматривается для сопоставления способов доступа и не переносится автоматически на российские наследственные отношения.

Статья 1112 ГК РФ включает в наследство принадлежавшие наследодателю вещи, иное имущество, имущественные права и обязанности, но исключает личные неимущественные права и другие нематериальные блага, а также права

и обязанности, неразрывно связанные с личностью [1]. Электронная форма хранения сама по себе не определяет наследуемость. Сначала требуется установить содержание права. Денежное требование к контрагенту и личная переписка не приобретают одинаковый режим лишь потому, что сведения о них находятся в одном почтовом ящике.

А. В. Копьев обращает внимание на связь цифрового наследства с доступом к электронным активам и на трудности применения привычных наследственных конструкций к цифровой среде [2]. Для дальнейшего анализа полезно различать три уровня: имущественное право, материал, в котором оно воплощено или подтверждается, и техническую возможность получить этот материал. Наследник может обладать правом, но не иметь доступа к файлу. Обратная ситуация также возможна: фактический доступ еще не подтверждает законность распоряжения всеми найденными данными.

Наиболее определенный пример связан с исключительным правом на произведение. Статья 1283 ГК РФ предусматривает его переход по наследству [3]. Если умерший создал текст или фотографии, наличие файлов в облаке не устраняет возможности наследования соответствующего исключительного права. Однако авторство и право на имя не превращаются в имущество наследника. Кроме того, получение копии файла не означает, что наследодатель обладал всеми правами на его содержимое: документ мог включать чужие произведения или использоваться по ограниченной лицензии.

Отдельного рассмотрения требуют неопубликованные материалы. По пункту 3 статьи 1268 ГК РФ произведение, не обнародованное при жизни автора, может быть обнародовано лицом, обладающим исключительным правом, если это не противоречит воле автора, определенно выраженной в письменной форме [3]. Поэтому наследование исключительного права не позволяет игнорировать выраженный запрет публикации. Даже при отсутствии такого запрета необходимо учитывать права других лиц, если произведение содержит сведения об их частной жизни или охраняемые материалы.

Учетная запись представляет собой средство организации отношений пользователя с сервисом, а не универсальный контейнер единого наследуемого права. В одном профиле могут сочетаться платные услуги, лицензии, авторские работы и сообщения третьих лиц. Перспектива продолжения соответствующих отношений зависит от закона, содержания договора и характера обязательства. Условие сервиса о непередаваемости аккаунта не отвечает автоматически на вопрос о судьбе всех имущественных требований пользователя. В то же время наличие наследуемого требования не доказывает право продолжать действовать в сети от имени умершего.

Особенно чувствителен доступ к переписке. Она содержит сведения не только об умершем, но и о его собеседниках, которые могли рассчитывать на ограниченный круг получателей. Практический интерес семьи к выяснению обстоятельств жизни человека необходимо соотносить с охраной частной жизни. По этой причине требование предоставить весь архив сообщений нуждается в самостоятельном обосновании. Для подтверждения имущественного требования

нередко достаточно отдельного договора или извлечения из переписки, а не передачи полного почтового ящика.

Часть 7 статьи 9 Федерального закона № 152-ФЗ предусматривает, что после смерти субъекта согласие на обработку его персональных данных дают наследники, если такое согласие не было дано при жизни [4]. Эта норма не устанавливает универсального права наследников получить любые данные у любого оператора. Она регулирует вопрос согласия, который необходимо рассматривать вместе с другими основаниями обработки, режимом соответствующих сведений и правами третьих лиц. Иначе правило о персональных данных ошибочно превращается в общее разрешение на раскрытие всей цифровой истории.

Показателен механизм цифрового наследника Apple. Согласно официальному описанию, пользователь может назначить получателя доступа, а обращение после смерти требует ключа доступа и документа, подтверждающего смерть. Предусмотренный объем не охватывает все категории данных: исключаются, в частности, определенные приобретенные медиаматериалы, подписки и сведения связки ключей [5]. Здесь важна сама конструкция заранее определенного доступа. Название функции не означает, что назначенное сервисом лицо автоматически становится наследником по российскому гражданскому законодательству.

Автор предлагает модель ограниченного доступа, ориентированную на конкретную законную цель. На первом этапе подтверждаются смерть пользователя и полномочия заявителя. Затем определяется требуемая категория материалов и основание ее предоставления. Предпочтение следует отдавать выгрузке необходимых файлов или сведений, если она позволяет осуществить право без передачи полного управления аккаунтом. Предлагаемая последовательность является направлением совершенствования регулирования; она не описывает уже действующий единый порядок, обязательный для всех операторов.

До разрешения спора возникает вопрос сохранности данных. Необратимое удаление способно сделать наследуемое имущественное право практически неосуществимым, тогда как бессрочное хранение всей информации тоже затрагивает интересы участников. Возможным решением представляется временное сохранение спорной категории материалов после надлежаще подтвержденного обращения с установлением срока и возможности проверки оснований. Конкретные обязанности и процедуры должны определяться нормативно или договором. Предложение не предполагает автоматического доступа заявителя к содержимому уже на стадии его сохранения.

Правовой статус цифрового наследства определяется содержанием прав, а не единым техническим форматом хранения. Приоритетной задачей становится обеспечение доступа, достаточного для осуществления наследуемого права, с защитой иных сведений от избыточного раскрытия. Для развития регулирования полезно конкретизировать подтверждение полномочий, временное сохранение и выборочную выдачу материалов. Такой подход позволяет учитывать имущественные интересы наследников, выраженную волю умершего и права его собеседников без презумпции передачи всего аккаунта как неделимого объекта.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ. Ст. 1112. URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 09.10.2026).

2. Копьев А. В. Цифровое наследство // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22, № 1. С. 155–158. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.1.21. EDN: LPLDEN.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ. Ст. 1268, 1283. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 09.10.2026).

4. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ. Ст. 9. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 09.10.2026).

5. Добавление цифрового наследника для Аккаунта Apple // Служба поддержки Apple. URL: https://support.apple.com/ru-ru/102631 (дата обращения: 09.10.2026).

THE LEGAL STATUS OF DIGITAL INHERITANCE: HEIRS' ACCESS TO ACCOUNTS AND THE DECEASED'S ELECTRONIC MATERIALS

D.V. Prikhodko

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The article distinguishes inherited property rights from access to a deceased user's digital data. Russian legislation, scholarship and a platform policy are examined. A limited-access model based on a specific legal purpose is proposed. The analysis emphasises the deceased's expressed wishes, third-party privacy and the distinction between exercising an inherited right and taking full control of an account.

Keywords: digital inheritance; succession; account; electronic materials; exclusive right; privacy.

УДК 316.344:004:351

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК БАРЬЕР УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ЭЛЕКТРОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЕРВИСАХ

Д.В. Приходько

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Исследуется влияние цифрового неравенства на возможность граждан получать государственные и муниципальные услуги. На основе статистических

материалов и анализа законодательства разграничиваются техническая доступность портала и самостоятельное завершение обращения. Предлагается оценивать барьеры на отдельных этапах получения услуги. Обосновывается сочетание доступных интерфейсов, безопасной помощи и предусмотренных законом альтернативных каналов обращения.

Ключевые слова: цифровое неравенство; государственные услуги; цифровые навыки; доступность; электронное правительство; МФЦ.

Расширение электронных государственных сервисов изменяет условия реализации прав граждан. Возможность обратиться без поездки в ведомство особенно ценна для жителей удаленных населенных пунктов и людей с ограниченной мобильностью. Вместе с тем перенос административной процедуры в интернет может создать дополнительные препятствия для человека, которому трудно подтвердить учетную запись, подготовить электронный документ или понять причину отказа. Формально одинаковая услуга оказывается неодинаково доступной в зависимости от ресурсов и навыков заявителя.

Цель статьи – определить, на каких этапах цифровое неравенство препятствует результативному обращению, и предложить подход к оценке этих препятствий. Под участием здесь понимается взаимодействие гражданина с государственным сервисом при получении услуги; оно не отождествляется с участием в выборах или политической дискуссии. Методика объединяет вторичный анализ опубликованной статистики, рассмотрение нормативных гарантий и моделирование последовательности действий заявителя. Собственный опрос населения в рамках работы не проводился.

Масштаб распространения электронного взаимодействия характеризуют материалы ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. По опубликованным данным за 2024 год, 86,7 % граждан в возрасте 15 лет и старше, получавших государственные и муниципальные услуги, пользовались электронным способом полностью или частично. Среди получателей услуг в возрасте 65 лет и старше доля обращавшихся только вне интернета составляла 45,4 % [1]. Знаменатель первого показателя – получатели услуг, а не все население. Эти данные показывают различия в способах обращения, но сами по себе не измеряют качество результата и степень самостоятельности пользователя.

Региональное исследование Н. Ю. Сорокиной разграничивает неравенство доступа к информационным технологиям и различия в их использовании. Автор показывает, что уменьшение территориальных разрывов в подключении не устраняет различий в практическом освоении цифровых возможностей [2]. Для государственных сервисов из этого следует исследовательская задача: выяснить, где именно доступное соединение перестает преобразовываться в доступную услугу. Одного показателя обеспеченности интернетом для подобной оценки недостаточно.

Первый этап обращения связан с устройством и связью. Наличие смартфона еще не гарантирует возможность прочитать объемный документ, отсканировать приложение нужного качества и передать его при нестабильном

соединении. Стоимость трафика и ремонта устройства может быть значима для семьи с небольшим доходом. Проектирование сервиса должно учитывать обычные условия использования: небольшой экран, ограниченную скорость и необходимость прерывать заполнение. Иначе технические требования фактически превращаются в дополнительный, хотя и не установленный законом, порог доступа.

На этапе идентификации возникают другие трудности. Пользователь может утратить доступ к номеру телефона, забыть порядок восстановления учетной записи или не различать официальный запрос и мошенническое сообщение. Передача пароля знакомому решает текущую задачу ценой утраты контроля над личным кабинетом. Поэтому помощь необходимо организовывать так, чтобы гражданин сохранял управление подтверждением действий. Представительство, когда оно допустимо, должно оформляться предусмотренным способом, а не подменяться неформальным использованием чужих реквизитов доступа.

Следующий барьер имеет информационный характер. Заявителю необходимо соотнести жизненную ситуацию с названием услуги, понять требования к сведениям и оценить последствия выбранного варианта. Навык общения в социальных сетях не равнозначен умению пройти административную процедуру. Ошибка может возникать из-за непонятного термина или неоднозначного вопроса даже у технически уверенного пользователя. По этой причине обучение граждан полезно сочетать с пересмотром самих форм: последовательность вопросов должна отражать задачу человека, а объяснение ошибки – указывать способ ее исправления.

Особого внимания требует доступность для пользователей с нарушениями зрения, слуха и моторики. Увеличение шрифта не решает проблему формы, которой нельзя управлять с клавиатуры или прочитать программой экранного доступа. Аналогично видеоподсказка без текстового сопровождения оставляет часть аудитории без объяснений. Универсальность интерфейса целесообразно проверять на реальном сценарии обращения, включая вложения и уведомления. Успешное открытие главной страницы не доказывает доступность последующих этапов и итогового документа.

Юридическая рамка предполагает учет выбора заявителя. Статья 5 Федерального закона от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ закрепляет получение услуг в электронной и иных предусмотренных законодательством формах по выбору заявителя, кроме случаев, когда федеральным законом установлена исключительно электронная форма [3]. Поэтому сохранение очного канала нельзя описывать как безусловное правило без исключений. При разработке конкретной услуги необходимо сначала установить допустимые формы обращения, а затем обеспечить понятную и безопасную поддержку в пределах соответствующей процедуры.

Предлагаемая автором схема оценки строится вокруг пяти этапов: поиск услуги, идентификация, заполнение и отправка, получение результата, исправление ошибки или обжалование. Для каждого этапа следует фиксировать долю

прерванных обращений, повторные действия и обращения за помощью. Показатели полезно сопоставлять по возрасту, территории и способу использования сервиса при соблюдении требований к персональным данным. Такие наблюдения позволят отличать недостаток навыков от системной ошибки формы, которая затрудняет обращение большинству пользователей.

Итоговую результативность предлагается измерять отношением числа завершенных процедур к числу начатых обращений за выбранный период. При этом завершение означает выдачу предусмотренного результата, включая мотивированный отказ, а не только назначение выплаты или выдачу разрешения. Положительное решение не может служить единственным критерием качества: оно зависит от наличия законных оснований. Отдельно необходимо учитывать случаи, когда гражданин не начал электронное обращение из-за ожидаемых трудностей; их выявление требует опросов за пределами самого портала.

Безопасная помощь может включать консультацию в МФЦ, сопровождение по телефону и учебные сценарии без реальных персональных данных. Консультант должен объяснять действия, а не принимать за гражданина юридически значимые решения. Для устойчивого эффекта полезно оценивать повторное самостоятельное обращение после консультации. Если человек каждый раз полностью зависит от помощника, число электронных заявлений растет, но его способность пользоваться услугой почти не меняется. Этот разрыв важно учитывать при оценке программ цифровой грамотности.

Цифровое неравенство ограничивает участие граждан прежде всего там, где ресурс подключения не превращается в возможность завершить юридически значимую процедуру. Его преодоление требует согласования инфраструктуры, понятных правил, доступного интерфейса и поддержки. Предложенная схема предназначена для последующей эмпирической проверки на отдельных услугах и не представляет собой уже рассчитанный рейтинг. Практическим ориентиром становится сохранение контроля гражданина над обращением и получение им понятного результата независимо от того, использовал ли он помощь на промежуточных этапах.

Список использованных источников

1. Щербаков Р. А. Цифровизация государственных услуг // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 24.04.2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1039474722.html (дата обращения: 09.10.2026).

2. Сорокина Н. Ю. Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Т. 21, № 3. С. 447–460. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_3_8_447_460. EDN: KCVCXI.

3. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ. Ст. 5. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения: 09.10.2026).

DIGITAL INEQUALITY AS A BARRIER TO CITIZENS' USE OF ELECTRONIC GOVERNMENT SERVICES

D.V. Prikhodko

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines how digital inequality affects access to public services. Published statistics and legislation are used to distinguish internet connectivity from the ability to complete an application independently. An assessment framework covering individual stages of service use is proposed. Accessible interfaces, secure assistance and legally available alternative channels are identified as complementary measures.

Keywords: digital inequality; public services; digital skills; accessibility; electronic government; assistance.

УДК 352:004.9

ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Д.В. Приходько

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Рассматриваются возможности электронных обращений как канала взаимодействия населения с муниципальной властью. На основе законодательства и научных публикаций разграничиваются соблюдение процедуры рассмотрения и фактическое устранение обозначенной проблемы. Предлагается система показателей, связывающая обработку обращения с проверяемым результатом. Обосновывается необходимость сочетания цифровой доступности, содержательного ответа и анализа повторяющихся вопросов.

Ключевые слова: электронные обращения; местное самоуправление; обратная связь; муниципальное управление; цифровое участие; результативность.

Электронное обращение сокращает расстояние между жителем и муниципальной администрацией, но само наличие интернет-приемной еще не обеспечивает содержательного взаимодействия. Заявителю важно понять, кто рассматривает его вопрос, какое решение принято и что изменилось после ответа. Для администрации тот же материал может служить источником сведений о состоянии территории. Проблема возникает, когда обработка сообщений завершается отправкой формального ответа, а информация о повторяющихся затруднениях не используется в управленческих решениях.

Цель статьи – предложить подход к оценке электронных обращений, учитывающий правовую процедуру и последующий муниципальный результат. Применяются анализ нормативных актов, сопоставление научных подходов и моделирование работы с обращением. Работа имеет теоретико-прикладной характер; собственное обследование муниципалитетов не проводилось. Предмет исследования ограничен предложениями, заявлениями и жалобами граждан. Их необходимо отличать от заявлений о предоставлении муниципальных услуг и иных процедур, для которых законодательством установлен специальный порядок.

Основу регулирования составляет Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ. Его статья 4 определяет обращение через содержание волеизъявления гражданина и предусмотренный канал направления [1]. Для электронной формы существенны изменения, внесенные Федеральным законом от 28 декабря 2024 года № 547-ФЗ и вступившие в силу 30 марта 2025 года. Предусмотрены Единый портал госуслуг, иная информационная система соответствующего органа либо его официальный сайт, обеспечивающие идентификацию и (или) аутентификацию гражданина. Обычное письмо на электронную почту не следует приравнивать к обращению, поданному через такой канал в общем порядке.

Статья 8 закона № 59-ФЗ предусматривает регистрацию в течение трех дней с момента поступления. По общему правилу вопрос вне компетенции получателя направляется надлежащему адресату в течение семи дней со дня регистрации с уведомлением гражданина. Общий срок рассмотрения составляет 30 дней со дня регистрации; закон предусматривает специальные случаи и возможность продления не более чем на 30 дней с уведомлением заявителя [1, ст. 12]. Эти сроки характеризуют рассмотрение обращения. Они не означают, что любая обозначенная в нем инфраструктурная проблема должна быть физически устранена за тот же период.

Д. Н. Боброва и О. С. Петрова рассматривают современные технологии работы с обращениями на уровне местного самоуправления [2]. Е. Н. Заборова на материалах Свердловской области и Екатеринбурга показывает расширение электронных форм взаимодействия и различия в оценке их результатов властью и населением [3]. Для настоящего исследования важен вывод о необходимости учитывать обе стороны коммуникации. Рост числа сообщений может свидетельствовать о доступности канала, увеличении проблем либо повторных попытках получить решение; сам по себе он не доказывает повышения доверия.

Предлагаемая автором модель разделяет два связанных процесса. Первый – юридически корректное рассмотрение: регистрация, определение компетенции, проверка обстоятельств и направление мотивированного ответа. Второй – управленческое сопровождение проблемы: назначение ответственного исполнителя, планирование мер и проверка их выполнения. Завершение первого процесса не должно автоматически закрывать второй. Такая организация позволяет сохранять сведения о нерешенной задаче, не смешивая сроки ответа и сроки выполнения работ.

Например, в условном обращении житель сообщает об отсутствии освещения возле остановки. Ответ может обоснованно указывать необходимость обследования сети и определения балансодержателя. Однако статус «ответ направлен»

еще не подтверждает восстановление освещения. Для внутреннего контроля полезно дополнительно фиксировать проведенное обследование, выбранную меру и подтверждение результата. Если вопрос относится к другой организации, следует отражать факт передачи по компетенции. Пример иллюстрирует предлагаемую модель и не описывает проведенную проверку конкретной администрации.

Оценку результативности предлагается строить на нескольких раздельных показателях. Соблюдение сроков отражает доля ответов, направленных своевременно, среди обращений, срок рассмотрения которых истек в отчетном периоде. Качество содержания проверяется выборочным анализом того, получен ли ответ на поставленные вопросы и объяснены ли основания решения. Для обращений, по которым запланированы конкретные действия, отдельно учитывается доля выполненных мер с проверяемым подтверждением. Объединение этих величин в один показатель без обоснования весов способно скрывать нарушения процедуры за высокими результатами по другим направлениям.

Повторные обращения требуют содержательной классификации. Повтор после формального ответа может указывать на недостаточную проверку, тогда как новое сообщение с дополнительными обстоятельствами имеет иное значение. Аналогично несколько жалоб на один объект нельзя считать несколькими независимыми неисправностями. Предлагается связывать записи по объекту и предмету вопроса, сохраняя самостоятельность каждого обращения и право заявителя на рассмотрение. Такая аналитическая группировка не является основанием отказа в ответе и не заменяет установленных законом правил работы с повторными обращениями.

Доступность канала зависит от понятности формы и возможности получить помощь. Подтверждение личности не должно сопровождаться требованием передать пароль сотруднику или знакомому. Полезны инструкции по выбору адресата, возможность приложить фотографию и сохранение черновика. При этом электронная подача не отменяет предусмотренные законом письменные обращения и личный прием. Сведения из цифровых каналов необходимо сопоставлять с ними: жители, редко использующие интернет, могут иначе формулировать и сообщать муниципальные проблемы.

Использование обращений в планировании требует осторожности. Территория с большим количеством сообщений не обязательно находится в худшем состоянии: ее жители могут быть активнее и лучше владеть цифровыми инструментами. Поэтому распределение ресурсов только по числу жалоб способно усиливать неравенство. Обезличенные данные об обращениях следует сопоставлять с обследованиями объектов и сведениями муниципальных служб. Публикация аналитики должна исключать раскрытие персональных обстоятельств заявителей; статья 6 закона № 59-ФЗ устанавливает соответствующие гарантии [1].

Электронные обращения становятся инструментом муниципального взаимодействия, когда обеспечивают понятный путь от вопроса гражданина к обоснованному ответу и, при наличии оснований, к конкретным действиям. Предложенное разделение процедурного и управленческого результата помогает избежать подмены устранения проблемы фактом отправки документа. Его практическая ценность состоит в сочетании защиты права на обращение с использованием

накопленных сведений для предупреждения повторяющихся нарушений и планирования муниципальной деятельности.

Список использованных источников

1. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 11.10.2026).

2. Боброва Д. Н., Петрова О. С. Современные технологии в работе с обращениями граждан в органах местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 212–218. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-212-218. EDN: QVRYJN.

3. Заборова Е. Н. Взаимодействие власти и населения: электронные реалии // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 2. С. 117–126. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-9. EDN: KPVQJZ.

ELECTRONIC CITIZEN APPEALS AS A TOOL FOR INTERACTION WITH LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

D.V. Prikhodko

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines electronic citizen appeals as a channel of municipal communication. Legislation and academic publications are used to distinguish procedural compliance from the resolution of reported problems. An assessment approach linking case processing to verifiable outcomes is proposed. Digital accessibility, reasoned responses and analysis of recurring issues are identified as complementary conditions for effective interaction.

Keywords: electronic appeals; local self-government; feedback; municipal administration; digital participation; effectiveness.

УДК 008

ОТ НАРОДНОГО КОСТЮМА К ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: НОВЫЕ ФОРМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Е.А. Полева

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Цифровые технологии меняют способы фиксации, изучения и популяризации культурного наследия. На примере народного костюма и других визуально насыщенных элементов традиционной культуры рассматриваются возможности цифровых архивов, трехмерной реконструкции, виртуальных экспозиций и

социальных платформ. Показано, что цифровизация способна поддерживать культурную идентичность, расширяя доступ к источникам и вовлекая молодую аудиторию, однако требует научной верификации, сохранения контекста и разграничения документальной реконструкции и свободной стилизации.

Ключевые слова: культурное наследие, народный костюм, цифровизация, цифровая идентичность, виртуальная реконструкция, 3D-моделирование, нематериальное наследие.

Народный костюм относится к тем формам культурного наследия, в которых соединяются материальные объекты и нематериальные знания. Ткань, крой, орнамент и украшения существуют вместе с представлениями о возрасте, семейном положении, локальной принадлежности, допустимых сочетаниях и способах ношения. Поэтому оцифровка костюма не может сводиться к созданию изображения высокого разрешения. Для научного и образовательного использования необходима система метаданных, объясняющая происхождение предмета, его функции и место в культурной практике.

Цифровое культурное наследие формируется на пересечении содержания и технологической формы. Исследователи отмечают, что перевод культурного объекта в цифровую среду расширяет доступ к нему, но одновременно ставит вопросы об отборе, описании, устойчивом хранении и сохранении смыслового контекста [1]. Для народного костюма это особенно важно: отдельный элемент одежды вне сведений о регионе, времени, материале и способе использования может восприниматься лишь как декоративный образ.

Одним из перспективных направлений является создание цифровых коллекций, объединяющих фотографии музейных предметов, полевые материалы, выкройки, результаты технологического анализа и устные комментарии носителей традиции. Такая структура позволяет исследователю сопоставлять варианты, а пользователю – видеть не единичную вещь, а систему культурных связей. Цифровая среда также облегчает совместную работу разных учреждений и делает возможной удаленную работу с материалами, доступ к которым физически ограничен.

Дополнительные возможности дает трехмерная реконструкция. Виртуальная модель позволяет показать объем, посадку, последовательность слоев и сочетание предметов, которые трудно передать плоской фотографией. Однако научная реконструкция требует прозрачного разделения исходных данных и предположений. В работах по реконструкции традиционного костюма подчеркивается значение архивных материалов, музейных экспонатов, фотографий и интервью как взаимодополняющих источников [2]. Цифровая модель становится убедительной тогда, когда пользователь понимает степень достоверности каждого восстановленного элемента.

Цифровизация культурного наследия постепенно выходит за пределы архива и музея. Виртуальные выставки, образовательные среды и интерактивные ресурсы делают наследие частью повседневного информационного пространства. Исследования цифрового культурного наследия показывают, что

искусственный интеллект и смешанные образовательные форматы могут использоваться для навигации по коллекциям, персонализации материалов и вовлечения пользователя в исследовательскую работу [3]. При этом алгоритм не должен подменять экспертную интерпретацию источника.

Социальные сети создают еще один уровень культурной репрезентации. Пользователь не только просматривает цифровую коллекцию, но и создает собственные визуальные версии традиции: публикует реконструкции, стилизации, семейные фотографии, короткие видеоролики и истории происхождения предметов. Так возникает цифровая идентичность, в которой культурная принадлежность выражается через выбор символов и способов самопрезентации. Ее сильной стороной является вовлеченность, а риском – ускоренная циркуляция упрощенных или ошибочных трактовок.

Проблема достоверности особенно заметна при популяризации нематериального наследия. Исследования современных цифровых проектов показывают, что актуализация наследия в сети требует не только технической доступности, но и продуманной интерпретации, связанной с конкретными носителями, территориями и практиками [4]. Поэтому важна маркировка источников, указание авторства реконструкции, датировки и степени научной обоснованности. Это позволяет отделить исследовательскую модель от художественной фантазии, не запрещая последнюю.

Эффективная цифровая стратегия может строиться как многоуровневая система: сохранение цифровых копий; научное описание; реконструкция утраченных связей; образовательная интерпретация; публичное обсуждение и творческое переосмысление. Народный костюм в такой системе становится не музейным «замершим» объектом, а точкой входа в историю технологий, семейных традиций, локальной эстетики и социальных норм. Чем больше связей раскрывает цифровой ресурс, тем меньше риск свести наследие к набору внешних признаков.

При переводе предметного наследия в цифровую форму особенно важна фиксация контекста. Трехмерная модель головного убора или вышивки сама по себе передает форму и цвет, но не объясняет социальный статус владельца, локальные различия, способ изготовления и обстоятельства использования. Поэтому качественная цифровая коллекция должна связывать визуальный объект с описанием источника, датировкой, местом бытования, терминологией и сведениями о носителях практики. Подобный подход превращает изображение из эффектной иллюстрации в исследовательский и образовательный ресурс и снижает риск распространения стилизаций как исторически достоверных образцов [1; 2].

Новые формы цифровой идентичности возникают и через участие пользователей. Семейные архивы, локальные сообщества, виртуальные выставки и образовательные платформы позволяют людям не только просматривать наследие, но и комментировать его, добавлять собственные истории, сопоставлять региональные варианты. Однако открытость участия требует редакционной процедуры: сведения должны иметь понятное происхождение, а спорные атрибуции – обозначаться как гипотезы. Сочетание профессиональной экспертизы и

пользовательского вклада позволяет расширять цифровое присутствие культурного наследия без утраты научной проверяемости [3; 4].

Таким образом, переход от народного костюма к цифровой идентичности не означает отказа от материального наследия. Напротив, цифровые инструменты могут сделать его более доступным и включенным в современную коммуникацию. Условием качественного сохранения является сочетание технической выразительности с научной верификацией, подробными метаданными и участием носителей традиции. В этом случае виртуальная реконструкция и цифровая публикация становятся средствами продолжения культурной памяти, а не ее заменой [1; 2; 4].

Список использованных источников

1. Никонова, А. А. Цифровое культурное наследие: между формой и содержанием / А. А. Никонова // Культура и технологии. – 2024. – Т. 9, вып. 2. – С. 37–42. – DOI 10.17586/2587-800X-2024-9-2-37-42.

2. Лыгденова, В. В. Реконструкция традиционного костюма у баргузинских бурят в начале XXI в. / В. В. Лыгденова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2025. – № 2. – С. 28–34. – DOI 10.15372/HSS20250204. – EDN WSVFLB.

3. Борисов, Н. В. Развитие среды смешанного обучения на основе искусственного интеллекта при изучении цифрового культурного наследия / Н. В. Борисов, Е. Г. Гаевская, А. В. Пушкина // Культура и технологии. – 2024. – Т. 9, вып. 2. – С. 57–68. – DOI 10.17586/2587-800X-2024-9-2-57-68.

4. Сазонова, В. А. Актуализация нематериального наследия в условиях цифровизации культуры: проблемы и ключевые тренды / В. А. Сазонова // Культура и искусство. – 2025. – № 11. – С. 114–127. – DOI 10.7256/2454-0625.2025.11.76582. – EDN JQFBMA.

FROM FOLK COSTUME TO DIGITAL IDENTITY: NEW FORMS OF CULTURAL HERITAGE PRESERVATION

E.A. Poleva

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

Digital technologies change the ways cultural heritage is documented, studied and presented. Using folk costume as an example, the article examines digital collections, three-dimensional reconstruction, virtual exhibitions and social media as instruments of cultural transmission. Digital representation can strengthen access to heritage and support identity, but only when visual models are accompanied by verified metadata and contextual explanations. A distinction between evidence-based reconstruction and creative stylization is essential for preserving the scientific value of digital heritage.

Keywords: cultural heritage, folk costume, digitalization, digital identity, virtual reconstruction, 3D modeling, intangible heritage.

УДК 394.2

ПРАЗДНИК КАК ЗЕРКАЛО КУЛЬТУРЫ: ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.А. Полева

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Традиционный праздник концентрирует символы, модели поведения и коллективную память, поэтому его изменения позволяют наблюдать трансформацию культуры в целом. В статье анализируется место календарных и этнических праздников в современном обществе, их функции в укреплении идентичности, межпоколенной передаче и публичной репрезентации. Рассматриваются процессы сценической адаптации, фестивализации и включения традиционных обрядов в городскую и цифровую среду. Подчеркивается необходимость различать живую традицию, научную реконструкцию и современную культурную интерпретацию.

Ключевые слова: праздник, обряд, традиционная культура, праздничная культура, этническая идентичность, культурная память, фестиваль.

Праздник является одной из наиболее заметных форм коллективной культуры. В ограниченном времени он объединяет символы, музыку, пищу, одежду, ритуальные действия и правила взаимодействия, которые в обычной жизни распределены по разным сферам. Поэтому праздничная культура позволяет увидеть, какие элементы прошлого сообщество считает значимыми, каким образом оно представляет себя участникам и внешней аудитории и какие формы коллективности сохраняет в условиях социальных изменений.

Исследования традиционных праздников народов России показывают, что на рубеже XX–XXI вв. праздничные практики стали важным индикатором этнического самосознания и культурной консолидации [1]. Возрождение или переосмысление праздника часто связано не с буквальным возвращением к прошлому, а с поиском формы, понятной современному участнику. Часть элементов восстанавливается по памяти и архивам, часть упрощается, а некоторые компоненты получают новые функции, например образовательную или туристическую.

Особенно наглядно изменчивость традиции проявляется в локальных праздниках. Исследования вепсских сообществ показывают, что устойчивыми могут оставаться семейно-родственные встречи, поминальные практики и праздничная пища, тогда как условия проведения и общественное значение меняются вместе с демографией и инфраструктурой поселений [2]. Это позволяет говорить о традиции не как о неизменном сценарии, а как о системе ядра и вариативных форм.

В современном городе праздник нередко переносится из привычной локальной среды в общественное пространство. Этнические фестивали, городские

дни культуры и ярмарки создают видимость традиций для широкой аудитории и могут поддерживать межкультурный диалог. Исследования этнических праздников в полиэтническом городском пространстве подчеркивают их интегративную функцию и способность включать культурные различия в общую городскую жизнь [3]. Вместе с тем публичный формат требует сокращения и структурирования ритуала, что меняет его первоначальную логику.

Сценическая адаптация сама по себе не является отрицательным явлением. Она может привлекать молодежь, создавать интерес к истории семьи и региона, поддерживать ремесленников и музыкальные коллективы. Проблема возникает, когда современная версия начинает представляться как единственная «аутентичная» форма. Научная работа с источниками необходима для разграничения зафиксированной традиции, реконструкции и художественной постановки. Такое разграничение делает культурную интерпретацию честнее и не мешает творческому развитию.

Праздничная культура также меняется под влиянием медиа. Короткие видео, фотографии и прямые трансляции превращают событие в цифровой образ, рассчитанный на аудиторию, которая не присутствует физически. Это усиливает визуальные элементы – костюм, танец, декор, массовые сцены – и может уменьшать внимание к длительным ритуальным действиям и локальным объяснениям. С другой стороны, цифровая фиксация помогает сохранять варианты исполнения и создавать материал для последующего исследования.

Историко-этнографические исследования праздничной культуры уральских заводских поселений демонстрируют, что локальные циклы праздников всегда складывались из взаимодействия общих и местных элементов [4]. Современная трансформация поэтому не является полностью новым процессом: традиция и раньше адаптировалась к хозяйственным, религиозным и социальным изменениям. Отличие сегодняшней ситуации состоит в скорости изменений и масштабах публичной коммуникации, когда локальная практика может за короткое время стать частью регионального бренда.

Для сохранения содержания праздника важно участие носителей традиции в подготовке и интерпретации. Если сценарий создается только внешними организаторами, культурный материал легко превращается в декорацию. Эффективнее модель, в которой исследователи документируют варианты, местные жители определяют значимые элементы, а культурные учреждения помогают с инфраструктурой и представлением материала. Тогда праздник продолжает выполнять функции памяти, общения и передачи опыта.

Современный праздник часто существует одновременно в нескольких режимах. Для носителей традиции он может оставаться частью календаря и семейной жизни, для туристов – культурным событием, для местной администрации – инструментом репрезентации территории, а для исследователя – источником сведений о трансформации норм. Эти функции не обязательно противоречат друг другу, но их смешение меняет сценарий. Публичная площадка требует определенной длительности, зрелищности и понятности для внешней аудитории,

поэтому часть действий сокращается или объясняется словами ведущего. Фиксация таких изменений необходима, чтобы различать исторически сложившуюся практику и ее современную фестивальную форму [1; 2].

Городская среда усиливает репрезентативную функцию праздника. Этнические фестивали позволяют сообществам заявить о себе, познакомить горожан с музыкой, костюмом и кухней, а также создавать пространство непосредственного межкультурного контакта. Вместе с тем культура не должна сводиться к набору легко узнаваемых внешних признаков. Исследования этнических праздников показывают важность участия самих сообществ в выборе содержания и способов представления традиции [3]. Тогда публичный праздник становится не витриной, а формой коммуникации между группами.

Цифровая медиатизация добавляет еще один слой. Трансляции, короткие видеоролики и пользовательские фотографии расширяют аудиторию и формируют электронный архив события, но алгоритмическая логика платформ поощряет наиболее эффектные фрагменты. В результате сложный обряд может восприниматься через несколько визуальных символов. Сохранению смыслового контекста помогают комментарии носителей, публикация архивных материалов и образовательные пояснения. Для локальных традиций полезно сочетать публичность с документированием вариантов исполнения, поскольку именно вариативность показывает, что традиция остается живой, а не представляет собой неизменный сценический текст [4].

Таким образом, традиционный праздник действительно выступает зеркалом культуры, потому что отражает одновременно преемственность и изменение. Через него видны способы коллективной самоидентификации, отношение к прошлому и готовность включать традицию в современную общественную жизнь. Сохранение праздничных обрядов требует не консервации единственного сценария, а фиксации вариантов, поддержки носителей и ясного различения живой практики, реконструкции и современной постановки [1; 2; 3].

Список использованных источников

1. Тульцева, Л. А. Традиционные праздники народов России на рубеже столетий: введение в дискуссию / Л. А. Тульцева // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 4. – С. 3–6.

2. Винокурова, И. Ю. Местные традиционные праздники вепсов: особенности феномена в XXI в. / И. Ю. Винокурова // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 1. – С. 51–60.

3. Ягафова, Е. А. Этнические праздники в полиэтническом городском пространстве Самары / Е. А. Ягафова, Е. В. Шафран // Традиционная культура. – 2026. – Т. 27, № 1. – С. 82–94. – DOI 10.26158/TK.2026.27.1.007.

4. Черных, А. В. Праздничная культура уральских горных заводов: локальная традиция Добрянского завода / А. В. Черных // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – Т. 49, № 2. – С. 102–109. – DOI 10.17746/1563-0102.2021.49.2.102-109.

FESTIVAL AS A MIRROR OF CULTURE: TRADITIONAL RITUALS IN CONTEMPORARY SOCIETY

E.A. Poleva

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

Traditional festivals concentrate symbols, collective memory and models of social interaction, making them a useful lens for observing cultural change. The article examines the functions of calendar and ethnic festivals in contemporary society, including identity building, intergenerational transmission and public representation. Stage adaptation, urban festivals and digital mediation can expand participation but also simplify ritual meanings. Sustainable preservation therefore requires a clear distinction between living tradition, evidence-based reconstruction and contemporary artistic interpretation, together with the active participation of tradition bearers.

Keywords: festival, ritual, traditional culture, festive culture, ethnic identity, cultural memory, cultural festival.

УДК 316.733

ТРАДИЦИИ В МИРЕ ПЕРЕМЕН: КАК ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ТРАНСФОРМИРУЕТ ЭТНИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ

Е.А. Полева

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Глобализация усиливает интенсивность контактов между культурами, ускоряет распространение символов, образцов поведения и способов коммуникации, но не приводит автоматически к исчезновению этнических различий. В статье рассматривается трансформация этнической культуры как процесс отбора, переосмысления и включения традиционных элементов в новые социальные контексты. Особое внимание уделяется соотношению унификации и культурной вариативности, роли локальных сообществ, языка, семейной передачи и цифровой среды в поддержании культурной идентичности.

Ключевые слова: глобализация, этническая культура, культурная идентичность, традиция, культурные изменения, глокализация, межкультурное взаимодействие.

Современные глобальные процессы изменяют не только экономические и информационные связи, но и способы существования культуры. Интенсивная мобильность, массовые коммуникации и цифровые платформы создают ситуацию, в которой человек одновременно включен в локальное сообщество и в

транснациональные потоки образов, норм и практик. В этих условиях этническая культура перестает восприниматься исключительно как неизменный набор обычаев. Она проявляется как динамическая система, способная сохранять значимые символы и одновременно адаптировать формы их выражения к новым обстоятельствам [1].

Культурная идентичность в глобализирующемся обществе формируется на пересечении нескольких масштабов принадлежности. Индивид может соотносить себя с семьей, этнической группой, городом, государством и глобальными сообществами, причем эти уровни не обязательно вступают в прямое противоречие. Исследования культурной идентичности показывают, что цифровизация и глобальные коммуникации одновременно расширяют контакты с иными культурами и создают новые возможности для поддержания связи со своей культурной средой [2]. Поэтому трансформация традиции не тождественна ее утрате.

Одним из наиболее заметных эффектов глобализации становится изменение механизмов культурной передачи. Если прежде значительная часть норм и практик усваивалась в повседневной жизни семьи и локального сообщества, то сегодня к этим каналам добавляются социальные сети, видеоплатформы, электронные архивы и тематические сообщества. Традиционный танец, ремесло, кухня или праздничный обряд могут быть выведены из локального пространства и представлены широкой аудитории. При этом цифровая репрезентация нередко меняет форму традиции: она становится более визуальной, фрагментарной и ориентированной на быстрое восприятие.

Важную роль играет избирательность культурной памяти. Сообщество сохраняет не все элементы прошлого в равной степени, а прежде всего те, которые воспринимаются как значимые для самоописания. В результате отдельные предметы, сюжеты, формы одежды или ритуалы получают статус символов идентичности. Исследование культурной идентичности в современном российском обществе подчеркивает связь самоидентификации с национально-культурными и территориальными основаниями, которые сохраняют значение даже в условиях интенсивного межкультурного обмена [3].

Глобализация способствует распространению универсальных форм потребления и массовой культуры, однако локальные традиции не обязательно исчезают под их воздействием. Часто происходит глокализация: внешняя форма заимствуется, но наполняется локальным содержанием. Национальная музыка использует современные цифровые инструменты, традиционные орнаменты переходят в дизайн одежды и городской среды, а этническая кухня переосмысляется в ресторанных форматах. Такая адаптация может расширять аудиторию традиции, если ее смысл не сводится к декоративному набору узнаваемых знаков.

Наиболее уязвимой оказывается ситуация, когда традиция отделяется от носителей и превращается исключительно в коммерческий образ. В этом случае возможно упрощение сложных культурных смыслов, стандартизация и создание внешне эффектной, но слабо связанной с живой практикой репрезентации. Поэтому сохранение этнической культуры требует не только фиксации объектов и

текстов, но и поддержки социальных условий, в которых продолжаются навыки, речевые практики, семейные формы памяти и межпоколенное участие. Стабильность культурной идентичности связана прежде всего с возможностью использовать традицию в актуальной жизни.

При этом взаимодействие культур может быть ресурсом развития. Сопоставление собственных норм с другими культурными моделями стимулирует рефлексию: привычные практики становятся осознанными, получают объяснение и новое значение. Исследования этносоциальных моделей показывают, что в условиях интенсивных глобальных контактов вопрос сохранения самобытного наследия становится частью более широкой задачи согласования культурного разнообразия и общественной интеграции [4]. Диалог в таком случае не отменяет различия, а переводит его в пространство коммуникации.

Для устойчивой передачи традиций важны образовательные и культурные институты, но их деятельность эффективна лишь при участии самих носителей. Музей, школа, университет или цифровая платформа способны фиксировать и популяризировать культурный материал, однако жизнеспособность традиции определяется ее включенностью в практику. Перспективной становится модель, в которой научное описание сочетается с инициативами местных сообществ, а цифровые средства используются для документирования, обучения и общения между поколениями.

Отдельного внимания заслуживает роль повседневных практик, которые нередко оказываются устойчивее официально закрепленных символов. Привычки питания, формы гостеприимства, семейные обращения, способы празднования и локальные речевые формулы воспроизводятся без специальной институциональной поддержки и именно поэтому позволяют проследить реальную преемственность культуры. Под воздействием глобальных медиа эти практики меняют внешний облик, однако их значение определяется не происхождением отдельного элемента, а тем, как он включается в систему местных норм. Такая перспектива позволяет избегать упрощенного противопоставления «аутентичного» и «заимствованного»: культурная устойчивость проявляется в способности сообщества придавать новым формам собственный смысл [1; 3].

Таким образом, глобализация трансформирует этническую культуру не по единой схеме исчезновения или сохранения, а через сложное сочетание унификации, адаптации и культурного творчества. Традиция остается устойчивой тогда, когда сохраняет связь с носителями и способна получать новые формы выражения без утраты смыслового ядра. В современном обществе задача состоит не в искусственной консервации культуры, а в создании условий для ее осознанной передачи, интерпретации и развития [1; 2; 3].

Список использованных источников

1. Пакина, Л. Е. Феномен культурной идентичности в контексте глобализации / Л. Е. Пакина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 4 (142). – DOI 10.23670/IRJ.2024.142.89. – EDN JYJHZB.

2. Труфанова, Е. О. Трансформации культурной идентичности в цифровую эпоху / Е. О. Труфанова, Ш. Дж. Хан // Вопросы философии. – 2022. – № 12. – С. 84–94. – DOI 10.21146/0042-8744-2022-12-84-94.

3. Саакян, А. Г. Культурная идентичность в современном российском обществе как объект исследования / А. Г. Саакян // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 88–95. – DOI 10.18721/JHSS.8409.

4. Тодорова, Б. Й. Болгарская этническая модель: от этнополитической к этносоциальной модели / Б. Й. Тодорова // Наука. Культура. Общество. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 67–74. – DOI 10.19181/nko.2023.29.2.6. – EDN AYNECI.

TRADITIONS IN A CHANGING WORLD: HOW GLOBALIZATION TRANSFORMS ETHNIC CULTURE

E.A. Poleva

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

Globalization intensifies cultural contacts and changes the mechanisms through which ethnic traditions are transmitted. The article interprets ethnic culture as a dynamic system that selects, reinterprets and adapts inherited practices to new social contexts. Particular attention is paid to the interaction of global and local cultural forms, digital communication, intergenerational transmission and the role of communities in maintaining identity. The preservation of tradition is considered effective when cultural practices remain connected with their bearers and continue to function in everyday life.

Keywords: globalization, ethnic culture, cultural identity, tradition, cultural change, glocalization, intercultural communication.

УДК 81'27

ЯЗЫК, ТРАДИЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЧТО СОХРАНЯЕТ КУЛЬТУРНУЮ ОБЩНОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Е.А. Полева

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Язык и традиция образуют взаимосвязанные механизмы культурной преемственности. В статье рассматривается роль родного языка как средства повседневной коммуникации, символа принадлежности и носителя культурных категорий, а также значение семейных практик, обрядов и коллективной памяти. Показано, что ослабление повседневного использования языка не всегда означает исчезновение идентичности, однако сужает возможности непосредственной передачи культурных смыслов. Устойчивость общности зависит от сочетания

языковой практики, межпоколенного общения и актуального использования традиции.

Ключевые слова: родной язык, традиция, культурная идентичность, этническая идентичность, межпоколенная передача, социолингвистика, культурная память.

Культурная общность существует не только благодаря общему происхождению или территории. Ее устойчивость поддерживается повторяющимися способами говорить, помнить, оценивать события и участвовать в совместных практиках. Родной язык занимает в этой системе особое место, поскольку через него передаются не только сведения, но и привычные формы обращения, названия предметов, эмоциональные оттенки, способы классификации мира. Поэтому язык одновременно является инструментом общения и культурным архивом, встроенным в повседневность.

Современные исследования подчеркивают, что родной этнический язык может сохранять роль маркера идентичности даже при сокращении сферы его бытового использования. На материале кабардино-черкесского языка показано, что язык связан с когнитивными, ценностными и социальными компонентами идентичности, а образовательная миграция способна усиливать интерес к нему как к символу культурной принадлежности [1]. Это позволяет рассматривать язык не как единственный критерий идентичности, а как один из наиболее емких ее ресурсов.

Соотношение языка и этничности при этом не является механическим. Полевые исследования русско-украинских биэтноров показывают, что респонденты могут связывать принадлежность с происхождением, территорией, культурой или внутренним ощущением, а язык оказывается значимым фактором не для всех [2]. Подобные данные важны для понимания современной идентичности: владение языком может ослабевать, тогда как символическая связь с культурой сохраняется. Однако при длительном разрыве между идентичностью и практикой уменьшается объем культурного опыта, доступного следующему поколению.

Традиция дополняет язык действием. Семейные праздники, правила гостеприимства, кухня, ремесленные навыки, песни, формы памяти о предках и локальные рассказы создают ситуации, в которых культурные смыслы переживаются, а не только объясняются. Если ребенок слышит названия предметов на языке предков, но не видит связанной с ними практики, знание остается абстрактным. И наоборот, участие в традиции без языкового компонента может сохранять форму, но постепенно менять систему понятий и ассоциаций, через которые она осмысляется.

В условиях двуязычия культурная идентичность часто строится не вокруг выбора одного языка, а вокруг распределения функций между несколькими языковыми кодами. Исследования российских немцев показывают сложность самого понятия «родной язык» и возможность одновременной связи человека с несколькими языковыми и культурными средами [3]. Подобная ситуация характерна для многих современных сообществ: язык семьи, язык образования и язык

публичной коммуникации могут не совпадать, формируя гибкую, но требующую постоянного воспроизводства систему принадлежности.

Цифровая среда создает новые формы языковой передачи. Мессенджеры, локальные медиапроекты, электронные словари, видеоблоги и онлайн-курсы дают возможность поддерживать контакт с языком вне территории компактного проживания. Особенно важно, что цифровая коммуникация возвращает малым языкам сферу неформального общения, где они могут использоваться не только как предмет изучения, но и как современный способ самовыражения. Однако цифровые инструменты эффективны лишь при наличии живого сообщества пользователей и мотивации к регулярному употреблению языка.

Материалы социолингвистических обследований марийских сообществ показывают, что язык продолжает выступать одним из символов конструирования этнической идентичности даже в условиях языкового сдвига [4]. При этом устойчивость языка зависит от разных поколений не одинаково: старшие носители обеспечивают глубину речевой традиции, среднее поколение связывает язык с семейной социализацией, а молодежь определяет его способность функционировать в современной образовательной, профессиональной и цифровой среде.

Сохранение культурной общности поэтому требует не только преподавания языка как системы грамматики и лексики. Необходимы ситуации употребления: семейный разговор, творческий проект, исследование местной истории, театр, музыка, медиа, общественное мероприятие. Чем больше культурных функций выполняет язык, тем меньше он зависит от символического статуса и тем выше вероятность межпоколенной передачи. Аналогично традиция сохраняется надежнее, когда воспринимается не как обязательное повторение прошлого, а как ресурс осмысленного участия в настоящем.

Передача языка между поколениями зависит не только от численности говорящих, но и от набора ситуаций, в которых язык реально используется. Если он сохраняется лишь в торжественных речах или фольклорных постановках, молодое поколение усваивает его прежде всего как символ принадлежности. Для полноценной языковой преемственности необходимы повседневные сферы общения: семейная беседа, детские занятия, неформальные молодежные сообщества, локальные медиа и цифровой контент. Исследования языковой идентичности показывают, что символическая ценность родного языка может оставаться высокой даже при сокращении практического владения, поэтому сохранение требует соединения эмоциональной значимости с регулярным употреблением [1; 2].

Традиция выполняет сходную функцию: она закрепляет формы общения, через которые культурные значения становятся понятными без специального объяснения. Совместное приготовление пищи, участие в обряде, семейное рассказывание или освоение ремесла передают не только последовательность действий, но и нормы взаимоотношений. Цифровая запись способна сохранить текст или технику, однако не полностью воспроизводит социальную ситуацию передачи. Поэтому наиболее устойчивыми оказываются проекты, где архивирование и обучение дополняют живое взаимодействие носителей и молодежи [3; 4].

Таким образом, культурную общность поколений сохраняет сочетание трех элементов: языка как средства выражения, традиции как практики и идентичности как осознанного чувства принадлежности. Ни один из них не действует изолированно. Язык без практики может стать символом, традиция без объяснения – формальностью, а идентичность без передачи опыта – декларацией. Устойчивость возникает там, где общность создает реальные условия для общения, совместного действия и интерпретации наследуемых смыслов [1; 3; 4].

Список использованных источников

1. Хараева, Л. А. Родной этнический язык в системе целостной идентичности личности (на материале кабардино-черкесского языка) / Л. А. Хараева, Л. Х. Дзасежева // Кавказология. – 2025. – № 1. – С. 357–373. – DOI 10.31143/2542-212X-2025-1-357-373. – EDN UWEXVA.

2. Бубликов, В. В. Родной язык и этническая идентичность среди русско-украинских биэтноров в России / В. В. Бубликов, А. С. Свидовская // Вестник антропологии. – 2022. – № 3. – С. 99–120. – DOI 10.33876/2311-0546/2022-3/99-120.

3. Шлегель, Е. А. Родные языки российских немцев и границы их восприятия / Е. А. Шлегель // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2025. – № 2 (63). – С. 98–101. – DOI 10.37386/2413-4481-2025-2-98-101.

4. Куцаева, М. В. Язык и этническая идентичность марийцев в местах их компактного проживания (по данным социолингвистических обследований 2024–2025 гг.) / М. В. Куцаева // Вестник антропологии. – 2026. – № 3. – С. 7–25. – DOI 10.33876/2311-0546/2026-3/7-25.

LANGUAGE, TRADITION AND IDENTITY: WHAT PRESERVES CULTURAL CONTINUITY ACROSS GENERATIONS

E.A. Poleva

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

Language and tradition operate as interconnected mechanisms of cultural continuity. The article considers the native language both as a means of communication and as a symbolic resource of identity, together with family practices, rituals and collective memory. Reduced everyday language use does not automatically eliminate ethnic identity, but it narrows the range of meanings that can be transmitted directly. Cultural continuity is most sustainable when language, intergenerational communication and living traditional practices remain connected and can be used in contemporary social and digital environments.

Keywords: native language, tradition, cultural identity, ethnic identity, intergenerational transmission, sociolinguistics, cultural memory.

УДК 930

АМЕРИКАНСКИЙ ЛЕНД-ЛИЗ ДЛЯ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

А.В. Савельева, И.В. Карнаухов

Нижневартовский государственный университет,
г. Нижневартовск, Россия

В статье рассматривается проблема отражения американского ленд-лиза для СССР в 1941-1945 гг. в школьном учебнике «История. История России. 1914-1945 годы: 10-й класс: базовый уровень» под редакцией Мединского В.Р. и Торкунова А.В. Данный учебник включен в Федеральный перечень учебников и рекомендован для использования в учебном процессе.

Ключевые слова: СССР, США, война, ленд-лиз, учебник истории.

Проблема экономического сотрудничества СССР и США в годы Великой Отечественной войны на условиях программы ленд-лиза является на сегодняшний день одной из дискуссионных в научной литературе. Выделяются два ключевых подхода к рассмотрению обозначенного вопроса. Как отмечает Комарков А.Ю., представители первого подхода, унаследовавшие советскую историографическую традицию, считают, что помощь США не была решающей для победы СССР. Они отмечают, что ключевым фактором разгрома нацизма стал внутренний потенциал Советского Союза, его мобилизационная экономика и массовый героизм, а также самоотверженность советского народа. Сторонники второго подхода, придерживающиеся «прозападной» ориентации, констатируют, что материально-техническая поддержка со стороны США стала определяющим условием победы союзников. Они утверждают, что без этих поставок СССР не сумел бы выстоять в критический период 1941-1942 гг. [1].

Дискуссионность проблемы в научной литературе обуславливает интерес к рассмотрению того, как данная тема представлена в учебной литературе (какие вопросы поставок по ленд-лизу из США в СССР в 1941-1945 гг. изучаются в школьном курсе истории). Помимо этого исследование обозначенного вопроса приобретает особую актуальность и в связи с тем, что позволяет определить, при помощи каких методических приемов происходит формирование исторической памяти у старшеклассников. Значимость данного аспекта находит выражение и в том, что благодаря исследованию проблемы экономического сотрудничества СССР и США в годы Великой Отечественной войны на условиях программы ленд-лиза можно продемонстрировать школьникам, например, как работают межгосударственные экономические отношения в условиях войны. Можно обсудить, как формировались списки поставок, по каким маршрутам шли грузы и какие были сложности.

Исходя из вышеуказанных целей, авторами был проанализирован школьный учебник истории для обучающихся 10-х классов «История. История России.

1914-1945 годы» под редакцией Мединского В.Р. и Торкунова А.В. Согласно Приказу Министерства просвещения Российской Федерации от 26 июня 2025 г. № 495 этот учебник включен в федеральный перечень учебников, допущенных к использованию при реализации образовательных программ среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность [3, 4].

В учебнике «История. История России. 1914-1945 годы: 10-й класс: базовый уровень» вопрос о предоставлении ленд-лиза СССР рассмотрен в рамках очень важной темы – Великая Отечественная война. Данная тема представлена в учебнике на 169 страницах. В §30 «Битва за Москву и блокада Ленинграда» пишется о том, что в Мурманск и Архангельск было запланировано прибытие кораблей с американскими и английскими военными грузами по программе ленд-лиза. В итоге первый конвой судов прибыл в Архангельск в конце августа, а в Мурманск – в конце декабря 1941 г. [2].

Помимо этого в обозначенном параграфе учебника содержится информация о том, что визит личного представителя американского президента Гопкинса в Москву и осенняя московская конференция 1941 г., способствовали западной финансовой поддержке СССР по программе ленд-лиза. Так США предоставили СССР беспроцентный заем в размере 1 млрд. долл. [2, с. 335].

После основного текста §30 «Битва за Москву и блокада Ленинграда» содержится методический аппарат: предусмотрены вопросы для закрепления знаний обучающихся по теме предоставления США ленд-лиза для СССР. Читателю предлагается ответить на следующий вопрос: «Почему США и Великобритания оказали поддержку Советскому Союзу в борьбе против Германии?» [2, с. 335].

Важно отметить, что методический аппарат, представленный в учебнике «История. История России. 1914-1945 годы: 10-й класс: базовый уровень», авторами которого являются Мединский В.Р. и Торкунов А.В., выступает важным инструментом для успешного закрепления пройденного материала, ключевым элементом для формирования у читателя критического мышления.

Отдельный интерес в данном учебнике представляет §32 «Единство фронта и тыла». В пункте 3 «Поставки по ленд-лизу» определено, что термин ленд-лиз (от англ. lend-lease) можно определить как «взаймы, в аренду». Авторы указывают на то, что основным поставщиком военной техники для СССР выступили США, хотя определенный вклад внесла и Великобритания. Правовым основанием для этого стало решение Вашингтона от 7 ноября 1941 г. о распространении действия закона о ленд-лизе на СССР. В учебнике подчеркивается, что пик западных поставок пришелся на 1943-1944 гг., т.е. на время, когда уже произошел коренной перелом на фронте. Тем не менее, увеличение объема поставок способствовало ускорению наступательных операций Красной Армии и сокращению сроков войны.

В данном параграфе также описываются маршруты поставок. На начальном этапе грузы в СССР доставлялись морскими конвоями до Архангельска и Мурманска. После основные потоки шли через Иран и порты советского

Дальнего Востока. По воздушной трассе Фэрбенкс (Аляска) – Красноярск СССР получили несколько тысяч американских самолетов.

Авторы учебника отмечают, что США и Канада обеспечивали СССР не только техникой, но и продовольствием, в частности сахаром и мясными консервами. При этом из-за задержки десанта союзников в Европе знаменитую американскую тушенку советские бойцы иронично называли «второй фронт».

После завершения изложения основного текста пункта 3 §32 «Единство фронта и тыла» авторы учебника определили вопросы для закрепления материала. В частности, читателю предлагается поразмышлять и ответить на следующие вопросы: «Какую роль сыграл ленд-лиз в победе Красной Армии? Сформулируйте не менее 2-3 положений» [2] и «Выясните, какие мнения высказываются историками о значимости зарубежной помощи СССР в годы Великой Отечественной войны. Какие аргументы они приводят в поддержку своих мнений?» [2, с. 362].

Подобные задания являются тем дидактическим инструментом, который организует и контролирует деятельность обучающихся. Вопросы рассматриваются не просто как средство проверки памяти, формирования критического мышления, а как основа системно-деятельностного подхода.

С целью закрепления знаний читателя по теме предоставления ленд-лиза СССР на с. 371 учебника представлена таблица, в которой содержится информация о маршрутах поставок для Советского Союза, тоннаже и процентах от общего количества поставок. Авторы предлагают проанализировать таблицу и ответить на следующий вопрос: «Какие выводы об объемах поставок военных грузов можно сделать, опираясь на материал таблицы?» [2].

Стоит отметить, что в учебнике имеется «Словарь понятий и терминов». Он содержит, в том числе, и определение термина «ленд-лиз».

Важно отметить, что «Словарь понятий и терминов» является важнейшим инструментом организации познавательной деятельности и формирования ключевых компетенций обучающихся. Работа со словарем способствует формированию понятийного аппарата, дифференциации и минимизации материала, развитию смыслового чтения, обеспечению преемственности и метапредметности.

Таким образом, в учебнике «История. История России. 1914-1945 годы: 10-й класс: базовый уровень», авторами которого являются Мединский В.Р. и Торкунов А.В., вопрос о предоставлении США ленд-лиза СССР является важной частью темы «Великая Отечественная война». В данном учебном издании содержится трактовка понятия «ленд-лиз», освещены основные маршруты ленд-лиза, а также перечислены виды основных поставок.

Список использованных источников

1. Комарков А.Ю. Ленд-лиз для СССР в первый год Великой Отечественной: особенности, проблемы, итоги / Комарков А.Ю. // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – №1(22)’12. – С. 74-78.

2. Мединский В.Р. История. История России. 1914–19 45 годы: 10-й класс: базовый уровень: учебник / Мединский В.Р., Торкунов А.В. – 3-е изд., обновл. – Москва: Просвещение, 2024. – 496 с.: ил.

3. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 26 июня 2025 г. № 495 «Об утверждении федерального перечня учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и установлении предельного срока использования исключенных учебников и разработанных в комплекте с ними учебных пособий». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412310704 (дата обращения: 21.07.2026).

4. Федеральный перечень учебников. URL: https://fpu.edu.ru (дата обращения: 27.05.2026).

AMERICAN LEND-LEASE TO THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE ISSUE AS REFLECTED IN MODERN SCHOOL HISTORY TEXTBOOKS

A.V. Savelyeva, I.V. Karnaukhov

Nizhnevartovsk State University,
Nizhnevartovsk, Russia

This article examines how American Lend-Lease aid to the USSR (1941–1945) is presented in the school textbook «History. History of Russia. 1914–1945: 10th Grade: Basic Level», edited by V.R. Medinsky and A.V. Torkunov. This textbook is included in the Federal List of Textbooks and is recommended for use in the educational process.

Keywords: USSR, USA, War, Lend-Lease, history textbook.

УДК 347.78:004.8

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АВТОРСКОЕ ПРАВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

М.Е. Сазонова

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассматриваются правовые проблемы использования генеративного искусственного интеллекта при создании цифрового контента учреждениями культуры. Анализируются вопросы авторства, исключительных прав и защиты прав третьих лиц. Предлагается оценивать правовой статус ИИ-контента с

учетом степени творческого участия человека и применять трехступенчатую модель его правовой проверки.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративный искусственный интеллект, авторское право, интеллектуальная собственность, учреждения культуры, цифровой контент, авторство.

Генеративный искусственный интеллект (далее – ИИ) становится инструментом создания текста, изображений, музыки и видео. Учреждения культуры используют его при подготовке афиш, рекламных материалов, иллюстраций, видеороликов и других цифровых продуктов. Вместе с тем использование ИИ создает неопределенность в вопросах авторства и правового режима полученных результатов.

Согласно статье 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), автором результата интеллектуальной деятельности является гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Аналогичное положение закреплено в статье 1257 ГК РФ применительно к произведениям науки, литературы и искусства [1].

Следовательно, при использовании ИИ ключевым становится вопрос о наличии творческого вклада человека. Сам по себе факт применения технологии не должен автоматически означать ни наличие, ни отсутствие авторского права. Современные исследования также отмечают отсутствие единого подхода к правовому статусу результатов, созданных с использованием генеративного ИИ [2; 3; 4; 6].

Представляется целесообразным выделить три модели использования ИИ [2; 3; 6]:

1. Вспомогательная – человек самостоятельно создает произведение, а ИИ используется для отдельных элементов или технической обработки.

2. Смешанная – человек формирует творческую концепцию, выбирает и перерабатывает результаты генерации.

3. Преимущественно автоматизированная – пользователь задает общий запрос и практически без изменений использует полученный результат.

Наиболее значимым критерием при этом является не количество запросов к системе, а характер интеллектуального и творческого выбора человека [2; 3]. Для оценки такого вклада могут учитываться наличие самостоятельной концепции, выбор результата генерации, его переработка, изменение композиции и содержания, а также объединение ИИ-материала с самостоятельно созданными элементами [3; 6].

Практическое значение данный подход имеет, например, при создании афиши. Если сотрудник учреждения самостоятельно разрабатывает концепцию, выбирает сгенерированные элементы, существенно изменяет их и создает итоговый макет, его деятельность содержит значительный творческий вклад. Если же сотрудник вводит общий запрос и размещает полученное изображение без изменений, вопрос о наличии авторства требует иной оценки [2; 6].

Аналогичная ситуация возникает при создании музыки. Если руководитель коллектива определяет структуру произведения, отбирает фрагменты, изменяет их и формирует итоговую композицию, необходимо учитывать совокупность этих действий при оценке творческого вклада [3; 6].

Для учреждения культуры важен также вопрос исключительных прав. Если материал создается работником в рамках трудовых обязанностей, необходимо учитывать положения законодательства о служебных произведениях и условия конкретных трудовых отношений [1]. Сам факт создания материала «для учреждения» не означает автоматического признания учреждения его автором.

В связи с этим при создании значимого ИИ-контента целесообразно фиксировать используемый сервис, дату создания, исходные запросы, полученные варианты и характер последующей переработки. Такая информация позволит подтвердить историю создания результата и степень участия человека [2; 5].

Отдельным риском является возможное нарушение прав третьих лиц. Сгенерированный материал может содержать элементы, сходные с существующими произведениями. Поэтому сам факт получения результата с помощью ИИ не освобождает учреждение от необходимости учитывать права других правообладателей [2; 4; 5].

Для снижения правовых рисков предлагается использовать трехступенчатую модель проверки ИИ-контента [2; 5; 6]:

1. Установление происхождения результата – определение характера использования ИИ.

2. Оценка творческого вклада человека – установление наличия самостоятельного творческого участия.

3. Проверка прав третьих лиц – выявление возможного использования охраняемых элементов чужих произведений.

Таким образом, использование ИИ должно оцениваться не только с точки зрения возникновения собственного авторского права, но и с позиции соблюдения прав других лиц [2; 4].

Научная новизна исследования заключается в предложении оценивать правовой статус ИИ-контента учреждений культуры через степень творческого участия человека. Практическая значимость подхода состоит в возможности использовать предложенные критерии и трехступенчатую модель для внутренней проверки цифровых материалов до их публикации [4; 5].

Генеративный ИИ расширяет возможности учреждений культуры по созданию цифрового контента, однако одновременно создает правовые риски, связанные с авторством, исключительными правами и защитой прав третьих лиц [2; 4; 5]. Основным критерием оценки результата должна выступать степень творческого участия человека. Для снижения правовых рисков учреждениям культуры целесообразно фиксировать процесс создания значимых ИИ-материалов и проводить их проверку перед публичным использованием.

Развитие правового регулирования использования искусственного интеллекта в сфере культуры должно осуществляться с учетом общих направлений государственной политики в области развития ИИ [7].

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026). Ст. 1228, 1257.

2. Овчинников И. В. Генеративный искусственный интеллект и авторское право // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 1 (47). С. 74–82. DOI: 10.58741/23134852_2025_1_7.

3. Милюков С. А. Объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта как объекты авторских и смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 1 (47). С. 63–73. DOI: 10.58741/23134852_2025_1_6. EDN: HTQGFD.

4. Шумакова Н. И., Ллойд Д. Дж., Титова Е. В. На пути к правовому регулированию генеративного ИИ в творческой индустрии // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 4. С. 880–908. DOI: 10.21202/jdtl.2023.38. EDN: WXWSVU.

5. Киселев А. С. Тенденции правового регулирования искусственного интеллекта в сфере культуры в России и зарубежных странах // Lex Russica. 2025. Т. 78, № 4. С. 90–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.221.4.090-104.

6. Ересько П. В. Проблемы признания и защиты авторских прав на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 448–458. DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-4-448-458. EDN: XXWIXT.

7. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124).

GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND COPYRIGHT IN THE ACTIVITIES OF CULTURAL INSTITUTIONS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

M.E. Sazonova

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines the legal problems of using generative artificial intelligence in the creation of digital content by cultural institutions. The issues of authorship, exclusive rights and protection of third-party rights are analyzed. The article proposes assessing the legal status of AI-generated content according to the degree of human creative contribution and applying a three-stage legal verification model.

Keywords: artificial intelligence, generative artificial intelligence, copyright, intellectual property, cultural institutions, digital content, authorship.

УДК 930.2:528.9:004.9

ГЕОИНФОРМАЦИОННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ НА ОСНОВЕ ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТ

М.Е. Сазонова

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Предложена методика геоинформационной реконструкции изменения городской территории по разновременным историческим картам. Она объединяет источниковедческую оценку карт, географическую привязку, векторизацию и послойное сопоставление. Для количественного анализа предложены показатели территориального роста, сохранности уличного каркаса и пространственной трансформации. Методика позволяет перейти от визуального сравнения планов к воспроизводимому анализу городской динамики.

Ключевые слова: исторические карты, ГИС, историческая топография, городская территория, пространственный анализ, геопривязка, векторизация, реконструкция.

Исторические карты фиксируют не только положение улиц и кварталов, но и результат социально-экономических процессов, изменявших пространство города. При обычном визуальном сопоставлении планов трудно корректно сравнивать материалы разных масштабов, времени и точности. Геоинформационные системы позволяют привести разновременные источники к единой координатной основе и использовать карту как аналитический источник, а не только как иллюстрацию [1; 2]. Практика исторических ГИС показывает особую ценность объединения картографии с адресными, переписными и иными атрибутивными сведениями. В реконструкции Тобольска рубежа XIX–XX вв. совмещение исторических планов с материалами переписи и современной топографией позволило локализовать домохозяйства и оценить сохранность объектов [1].

Цель исследования – разработать компактную методику реконструкции изменения городской территории, учитывающую как геометрию, так и достоверность исторического источника. Научная новизна состоит в совместном использовании источниковедческой классификации карт и формализованных показателей пространственной динамики.

Работа начинается с отбора картографических материалов: исторических планов, топографических карт, генеральных планов и современных пространственных данных. Перед цифровой обработкой необходимо установить дату, автора или учреждение, масштаб, назначение и степень завершенности карты. Особенно важно различать фиксационные планы, отражающие существовавшее состояние, проектные материалы и директивные схемы. Реализация проекта могла быть частичной, поэтому его некритичное использование способно создать ложную картину фактической застройки. Подобная классификация является существенным элементом работы с исторической картографией [2].

Следующий этап – географическая привязка. На исторической и современной основе выбираются устойчивые опорные точки: пересечения старых улиц, мосты, культовые сооружения, элементы береговой линии и другие объекты с надежно установленным положением. Точки следует распределять по всей площади карты, поскольку их концентрация в одном секторе повышает локальные деформации. Геопривязка не делает источник точнее, чем он был изначально, поэтому техническая ошибка преобразования должна рассматриваться отдельно от исторической надежности картографического объекта.

После привязки выполняется векторизация. В отдельные слои переводятся граница города, улично-дорожная сеть, кварталы, общественные пространства, водные объекты, транспортная инфраструктура и значимые здания. Для каждого объекта целесообразно хранить дату, источник, тип плана и степень уверенности локализации. Такая структура обеспечивает проверяемость: любой элемент цифровой модели можно связать с конкретным историческим документом.

Разновременные слои затем накладываются друг на друга. Это позволяет выявить направления расширения городской территории, исчезнувшие улицы, участки устойчивой планировки и зоны радикального преобразования. ГИС тем самым становится средой исследовательских операций, а не только средством визуализации. Исследования исторической картографии отмечают именно переход к послойному цифровому анализу как одно из главных преимуществ современных методов [3].

Для сравнения временных срезов предлагается использовать три показателя. Коэффициент территориального роста $Kp = S_2 / S_1$ показывает изменение площади города. Коэффициент сохранности уличного каркаса $Kc = Lcoxp / Lисх$ характеризует долю исторической сети, продолжающей существовать в поздний период. Для площадных объектов может применяться индекс пространственной трансформации $Iт = 1 − Sпер / Sоб$, где Sпер – площадь пересечения однотипных объектов двух срезов, а Sоб – площадь их объединения. Значение Iт, близкое к нулю, соответствует устойчивой конфигурации; рост показателя свидетельствует об увеличении пространственных различий.

Показатели не заменяют историческую интерпретацию. Одинаковый территориальный рост может быть обусловлен промышленным освоением окраин, административным присоединением поселений или развитием транспортной инфраструктуры. Поэтому количественный результат необходимо сопоставлять с текстовыми и статистическими источниками. Для города полезно также разделять юридическую границу и контур фактической застройки: их расхождение позволяет видеть периоды, когда административное расширение опережало реальное освоение территории.

Практическая схема применения может строиться как серия из трех–четырех временных срезов. Для каждого среза создаются одинаковые тематические слои, после чего рассчитываются показатели и формируется карта изменений. Сначала выделяются элементы, существующие на всех картах, – они образуют устойчивый планировочный каркас. Затем фиксируются объекты, появившиеся или исчезнувшие между соседними датами, и определяется направление

пространственного роста. Такой порядок позволяет отличать длительную тенденцию от единичного преобразования. Если, например, новая магистраль появляется одновременно с изменением городской границы, сама ГИС фиксирует синхронность процессов, но вывод о причинной связи делается только после проверки по документальным источникам. Тем самым геоинформационная модель выступает инструментом проверки исследовательской гипотезы, а не автоматической заменой исторического анализа.

Основное ограничение связано с неодинаковой точностью исторических планов. Искажения могли возникнуть при съемке, копировании, печати или сканировании. Кроме того, отсутствие объекта на карте не всегда означает его отсутствие в реальности: причиной могут быть генерализация, тематическая направленность или неполнота съемки. Поэтому спорные изменения желательно подтверждать независимым источником – адресным справочником, архивным документом, фотографией или другой картой.

Предлагаемая модель позволяет фиксировать не только изменения, но и степень уверенности в каждом выводе. Сохранившиеся улицы характеризуют инерционность планировочного каркаса, новые магистральные направления – изменение транспортной логики, а расширение вдоль железной дороги или промышленных площадок может указывать на инфраструктурные факторы роста. Однако причинная связь не должна выводиться только из пространственного совпадения: ГИС выявляет закономерность, а объяснение требует исторического контекста. Практика применения геоинформационных методов в исторических исследованиях показывает, что пространственная визуализация особенно продуктивна при объединении карт с массовыми источниками [4; 5].

Геоинформационная реконструкция изменения городской территории должна включать источниковедческую атрибуцию карты, геопривязку, векторизацию, формирование атрибутивной базы, послойное сопоставление и количественную оценку. Предложенные коэффициенты роста, сохранности и трансформации делают сравнение временных срезов воспроизводимым, а фиксация степени достоверности снижает риск переноса ошибок исходного плана в цифровую модель. Методика может использоваться в исследованиях исторической топографии, городской истории и сохранения историко-культурной среды.

Список использованных источников

1. Крупочкин Е. П., Брюханова Е. А., Рыгалова М. В. Реконструкция городского пространства Тобольска рубежа XIX–XX вв. средствами ГИС-технологий // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 7. – С. 1062–1074. – EDN: YYITVL.

2. Воронина О. С. Картография Сибири XVII–XX в.: исследовательский потенциал и методика работы с картографической информацией // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. – 2022. – № 5. – С. 60–70. – DOI: 10.34031/2071-7318-2022-7-5-60-70.

3. Баталов Р. Н., Радченко Л. К. Обзор основных направлений использования ГИС-технологий в историко-картографических исследованиях // Вестник

СГУГиТ. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 119–135. – DOI: 10.33764/2411-1759-2020-25-1-119-135.

4. Рыгалова М. В. Применение исторических ГИС в исследовании социальных и экономических процессов // Известия Алтайского государственного университета. – 2019. – № 5 (109). – С. 77–80. – DOI: 10.14258/izvasu(2019)5-12.

5. Гайнуллин И. И., Абдуллин Х. М. Геоинформационные методы в исследовании татар – отставных солдат в 1816–1834 гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2025. – № 1. – С. 70–81. – EDN: JTLVMF.

GEOINFORMATION RECONSTRUCTION OF URBAN TERRITORIAL CHANGE BASED ON HISTORICAL MAPS

M.E. Sazonova

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

A methodology for geoinformation reconstruction of urban territorial change using historical maps from different periods is proposed. It combines source criticism, georeferencing, vectorization and layer-by-layer comparison. Quantitative indicators are introduced to assess territorial growth, preservation of the street framework and spatial transformation. The approach supports reproducible analysis while retaining information about source reliability.

Keywords: historical maps, GIS, historical topography, urban territory, spatial analysis, georeferencing, vectorization, reconstruction.

УДК 347.77/.78

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: РОССИЙСКИЙ ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ

М.Е. Сазонова

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Статья посвящена анализу правовых проблем на стыке интеллектуальной собственности и технологий ИИ в российской правовой системе. Рассматриваются вопросы авторства произведений, созданных с помощью генеративного ИИ, правомерность использования охраняемых произведений для обучения нейросетей, патентоспособность ИИ-ассистированных изобретений. Анализируются Федеральный закон № 243-ФЗ, практика арбитражных судов и позиция Роспатента.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, авторское право, патентное право, генеративный ИИ, творческий вклад, обучение нейросетей.

Генеративные модели ИИ – YandexGPT, GigaChat, Kandinsky, Fusion Brain – способны производить тексты, изображения и код, практически неотличимые от результатов человеческого творчества. Это бросает вызов классическим конструкциям авторского и патентного права, построенным вокруг фигуры человека-творца. Часть четвёртая ГК РФ не содержит специальных норм о произведениях, созданных с участием ИИ. Судебная практика только формируется. Принятый в июле 2026 года закон № 243-ФЗ носит рамочный характер и оставляет открытыми ключевые вопросы [1; 2].

Статья 1228 ГК РФ закрепляет, что автором результата интеллектуальной деятельности признаётся гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. ИИ не обладает правосубъектностью и не может быть субъектом авторских прав. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 23 апреля 2019 года № 10 разъяснил: результаты, созданные техническими средствами без творческой деятельности человека, объектами авторского права не являются [1; 3].

Российские суды последовательно рассматривают нейросеть как инструмент, а не как самостоятельного автора [4; 5].

Дело № А40-200471/2023. Девятый арбитражный апелляционный суд признал объектом авторского права видеоролик, созданный с применением Deepfake. Суд указал, что нейросеть использовалась как дополнительный инструмент обработки видеоматериалов, а не как способ их создания; исходный видеоряд был создан творческим трудом авторов [4].

Дело № А42-3966/2023. Тринадцатый арбитражный апелляционный суд признал исключительное право на изображение, сгенерированное через нейросеть, поскольку истец подтвердил наличие исходной 3D-модели и доказал творческое участие [5].

Дело № А56-102880/2024. Арбитражный суд Санкт-Петербурга отклонил довод ответчика о том, что изображение «могло быть сгенерировано ИИ», указав, что голосословное заявление не опровергает авторства конкретного лица.

Ключевыми критериями, рассматриваемыми судом являются: принимал ли человек самостоятельные творческие решения, использовались ли исходные авторские материалы, можно ли подтвердить процесс создания [4; 5].

Ввод команд в нейросеть юридически приравнивается к выдаче технического задания. Рабочая группа Госдумы предложила оценивать «существенный творческий вклад» – определял ли человек параметры создания результата, делал ли творческий отбор и доработку. Однако критики указывают, что введение такого критерия противоречит презумпции творчества (ст. 1257 ГК РФ) [1]. Оптимальный подход – оценка по совокупности действий: формулирование промпта, отбор результатов, постобработка.

Обучение модели предполагает копирование произведений в обучающую выборку. Статья 1270 ГК РФ относит запись в память ЭВМ к воспроизведению, требующему согласия правообладателя. Специального исключения для машинного обучения в ГК РФ до принятия закона № 243-ФЗ не было [1; 2].

Статья 10 закона (вступает в силу с 1 марта 2027 года) устанавливает: не является нарушением прав обращение к информации, содержащейся в охраняемых объектах, для извлечения, классификации и анализа закономерностей, а также воспроизведение в памяти ЭВМ исключительно для обучения суверенной или национальной большой фундаментальной модели. Условия: правомерный доступ к экземпляру либо доступность объекта без технических ограничений [2].

Фактически разработчики могут легально использовать открытые данные без согласия правообладателей и без вознаграждения. Это перекладывает бремя защиты на авторов и распространяется только на суверенные и национальные модели, создавая неравенство на рынке [2].

Дело № А56-52652/2024. Суд установил, что изображение, созданное нейросетью, сходно с оригинальной фотографией до степени смешения. Использование ИИ не освободило от ответственности [6].

Дело № А40-29219/25-110-236. Ответчик заполнял карточки товаров на маркетплейсе с помощью ИИ. Суд взыскал компенсацию, указав, что способ заполнения выбирался по усмотрению ответчика и риск незаконности лежал на нём [7].

Статья 1347 ГК РФ определяет автора изобретения как гражданина, творческим трудом которого оно создано [1]. Роспатент однозначно заявляет: ИИ – инструмент в руках человека, патенты – только для людей.

При этом Роспатент активно выдаёт патенты на разработки с применением ИИ: за шесть лет – около 1500 патентов, за последние полтора года рост более 50%. Использование ИИ не препятствует охране, если решение отвечает условиям патентоспособности.

В Госдуме готовится ко второму чтению законопроект № 922784-8 («Закон об ИТ-патентах»), прямо допускающий патентную охрану изобретений, использующих машинное обучение, включая ИИ [8]. Крупные компании – ОАО РЖД, Аэрофлот – уже активно патентуют ИИ-решения.

Закон регулирует только большие фундаментальные модели (БФМ) от 1 млрд параметров. Вводятся две категории: суверенная модель (полностью отечественная) и национальная модель (допускаются зарубежные open-source компоненты при локализации обработки в РФ) [2].

Распределение прав на результаты работы ИИ остаётся недостаточно определённым: закон требует уведомлять пользователей об их принадлежности, но не устанавливает единых правил. С 1 марта 2027 года площадки с ежедневной аудиторией от 500 тыс. пользователей должны обеспечить техническую возможность маркировки ИИ-контента, однако обозначать каждый материал не требуется. Ответственность за применение ИИ несут его разработчики и пользователи, поскольку сама система не обладает правосубъектностью[1,2].

Основные правовые пробелы связаны с режимом результатов, созданных без творческого участия человека, критериями разграничения творческого и технического вклада, а также компенсацией авторам за использование произведений при обучении моделей. Необходимы минимальные стандарты распределения прав в пользовательских соглашениях и меры предотвращения нарушений прав третьих лиц. Регулирование ограничено моделями с числом параметров от 1 млрд, хотя меньшие модели создают сходные риски.

Принцип человеческого авторства сохраняет основополагающее значение: суды рассматривают ИИ как инструмент и связывают охраноспособность результата с творческим вкладом человека. Закон № 243-ФЗ развивает регулирование, однако критерии охраноспособности, распределение прав и компенсация авторам требуют дальнейшего уточнения [2].

Для баланса интересов необходимо: закрепление критериев охраноспособности ИИ-ассистированных произведений; минимальные стандарты распределения прав; механизмы компенсации авторам за обучение; обязанности разработчиков по защите прав третьих лиц; расширение периметра регулирования. Промедление рискует привести к ситуации, при которой права участников рынка – как авторов, так и разработчиков – останутся недостаточно защищёнными.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ.

2. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ.

3. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10.

4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.04.2024 № 09АП-642/24 по делу № А40-200471/2023.

5. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2024 по делу № А42-3966/2023.

6. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.01.2025 № 13АП-30307/2024 по делу № А56-52652/2024.

7. Решение Арбитражного суда города Москвы от 15.05.2025 по делу № А40-29219/25-110-236.

8. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: законопроект № 922784-8. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/922784-8 (дата обращения: 05.10.2026).

LEGAL REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT: THE RUSSIAN LEGAL CONTEXT

M.E. Sazonova

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines legal issues at the intersection of intellectual property and artificial intelligence technologies in the Russian legal system. It considers the authorship of works created using generative AI, the legality of using protected works to train neural networks, and the patentability of AI-assisted inventions. Federal Law No. 243-FZ, commercial court practice, and the position of Rospatent are analysed.

Keywords: artificial intelligence, intellectual property, copyright, patent law, generative AI, creative contribution, neural network training.

УДК 930.2:004.8

ТИПОЛОГИЯ ОШИБОК ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

М.Е. Сазонова

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассматриваются ошибки, возникающие при использовании генеративного искусственного интеллекта для анализа исторических источников. Предложена типология, включающая фактографические, атрибуционные, хронологические, контекстуальные, семантические, интерпретационные, библиографические и репрезентационные ошибки. Показано, что проверка результатов генеративного ИИ должна включать не только выявление ложных фактов, но и источниковедческую оценку контекста и обоснованности выводов.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, исторические источники, большие языковые модели, источниковедение, интерпретация, ошибки, галлюцинации.

Распространение генеративного искусственного интеллекта расширяет возможности работы с историческими материалами. Большие языковые модели способны выполнять суммаризацию текстов, извлекать имена, даты и географические названия, классифицировать документы и отвечать на вопросы по их содержанию. В исторической информатике перспективными направлениями использования ИИ считаются распознавание и анализ исторических текстов, атрибуция, датировка и интеллектуальный поиск [1; 2].

Однако языковая убедительность ответа не означает его исторической достоверности. Исторический источник создаётся в определённой социальной, политической и культурной среде и требует анализа авторства, назначения, времени создания, жанра и степени репрезентативности. Поэтому применение генеративного ИИ должно сочетаться с традиционными методами источниковедческой критики.

Одной из наиболее известных проблем больших языковых моделей являются «галлюцинации» – создание правдоподобной, но фактически неверной информации [6]. Для исторического исследования этого понятия недостаточно, поскольку ошибка может возникать не только в виде вымышленного факта, но и вследствие неправильной датировки, утраты контекста или неверного понимания исторической терминологии.

Первый тип составляют фактографические ошибки – вымышленные или искажённые сведения о событиях, лицах, датах, учреждениях и географических объектах.

Второй тип – атрибуционные ошибки, связанные с неправильным определением автора, адресата, происхождения или принадлежности документа.

Несмотря на возможность использования ИИ для атрибуции исторических текстов, результат такой обработки должен проверяться независимо [1; 2].

К третьему типу относятся хронологические ошибки: неверная датировка, нарушение последовательности событий и появление анахронизмов. В результате источнику могут приписываться понятия или институты, не соответствующие рассматриваемому периоду.

Четвёртый тип – контекстуальные ошибки. Они возникают, когда документ интерпретируется без учёта цели его создания, жанра, положения автора и исторической обстановки. Например, нормативный акт может ошибочно восприниматься как точное описание реальной практики.

Пятый тип составляют семантические ошибки, связанные с неправильным пониманием архаизмов, исторических терминов и изменившихся значений слов. Подобная проблема особенно существенна при анализе документов XVIII–XIX вв. и текстов с дореформенной орфографией.

Шестой тип – интерпретационные ошибки. В этом случае факты могут передаваться верно, однако модель формирует неподтверждённые причинно-следственные связи, мотивы исторических деятелей или слишком широкие обобщения.

Седьмой тип – библиографические ошибки. Генеративный ИИ способен создавать несуществующие публикации, неправильно указывать названия работ, фамилии авторов, годы издания и цифровые идентификаторы [7]. Поэтому библиографические сведения требуют обязательной проверки по научным базам данных.

Восьмой тип – репрезентационные ошибки. Они возникают, когда отдельный источник воспринимается как отражение позиции общества или эпохи в целом. Кроме того, цифровой корпус может быть неполным, поскольку часть документов не оцифрована или недоступна системе [4].

Представленные ошибки могут быть взаимосвязаны. Например, неправильное понимание исторического термина способно привести сначала к семантическому искажению, а затем – к неверному контекстуальному и интерпретационному выводу. Поэтому проверка ответа искусственного интеллекта должна охватывать не только отдельные факты, но и логику интерпретации.

Для оценки результата целесообразно использовать трёхуровневую схему. На первом уровне проверяются фактические сведения: имена, даты, события и числовые показатели. На втором проводится источниковедческая оценка автора, жанра, цели создания и репрезентативности документа. На третьем анализируется обоснованность сформулированных выводов и разграничение между фактом и гипотезой.

Такой подход позволяет использовать генеративный искусственный интеллект как вспомогательный инструмент историка. Он может быть полезен при предварительном анализе больших массивов документов, извлечении сущностей, тематической классификации и формировании поисковых гипотез. Однако окончательная интерпретация должна оставаться результатом исследовательской проверки.

Таким образом, основная проблема применения генеративного искусственного интеллекта в исторических исследованиях заключается не только в

создании ложных фактов. Существенное значение имеют анахронизмы, неверное понимание исторических терминов, потеря контекста, чрезмерное обобщение и ошибки репрезентации.

Предложенная типология позволяет систематизировать основные риски использования генеративного искусственного интеллекта при интерпретации исторических источников. Она может применяться как основа для методических рекомендаций по проверке результатов работы больших языковых моделей и для последующих экспериментальных исследований на конкретных корпусах исторических документов.

Список использованных источников

1. Бородкин Л. И. Историк в мире нейросетей: вторая волна применения технологий искусственного интеллекта // Историческая информатика. 2025. № 1. С. 83–94. DOI: 10.7256/2585-7797.2025.1.74100. EDN: QXYMHF.

2. Юмашева Ю. Ю. К вопросу о применении искусственного интеллекта в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2025. № 1. С. 95–121. DOI: 10.7256/2585-7797.2025.1.73578. EDN: PQTZJT.

3. Кузнецов А. В. За пределами тематического моделирования: анализ исторического текста с помощью больших языковых моделей // Историческая информатика. 2024. № 4. С. 47–65. DOI: 10.7256/2585-7797.2024.4.72560. EDN: UOIKPJ.

4. Мащенко Н. Е., Гайдарь Е. В. Технологии искусственного интеллекта при формировании архивной среды: проблемы и перспективы // Историческая информатика. 2025. № 1. С. 162–173. DOI: 10.7256/2585-7797.2025.1.73393. EDN: QEIGBR.

5. Бочаров А. В. Адаптация контрольных заданий по исторической информатике с учетом потенциала больших языковых моделей: практический опыт и методические находки // Историческая информатика. 2026. № 1. С. 195–207. DOI: 10.7256/2585-7797.2026.1.78969. EDN: QGWQBY.

6. Маджумдер М. Ш., Бегунова Д. Д. Причины искажения контента: анализ и классификация галлюцинаций в больших языковых моделях GPT // Искусственный интеллект и принятие решений. 2024. № 3. С. 32–41. DOI: 10.14357/20718594240303. EDN: KNHVPP.

7. Нещерет М. Ю. За границами реальности: ложные библиографические записи и ссылки // Библиосфера. 2024. № 4. С. 63–70. DOI: 10.20913/1815-3186-2024-4-63-70. EDN: VKQWVL.

TYPOLOGY OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE ERRORS IN THE INTERPRETATION OF HISTORICAL SOURCES

M.E. Sazonova

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines errors arising from the use of generative artificial intelligence in the interpretation of historical sources. A typology including factual,

attribution, chronological, contextual, semantic, interpretive, bibliographic and representation errors is proposed.

Keywords: generative artificial intelligence, historical sources, large language models, source criticism, interpretation, errors, hallucinations.

УДК 340.1

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

А.Г. Салтанова, М.Н. Ковалева

Донской государственный аграрный университет,
п. Персиановский, Ростовская обл., Россия

В статье рассматриваются предмет, методы и функции теории государства и права, а также основные этапы развития истории государства и права. Анализируется взаимосвязь теоретических и исторических исследований. Особое внимание уделяется отечественной научной традиции. Показана роль комплексного изучения теории и истории государства и права в современных условиях. Формулируются выводы о значении этих дисциплин для юридического образования и науки.

Ключевые слова: теория государства и права, история государства и права, государство, право, методология, правовое государство, исторические типы государства, российская юридическая наука.

Теория государства и права и история государства, и права образуют фундамент юридического знания. Теория раскрывает общие закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права. Как отмечает М.Н. Марченко, предмет теории государства и права составляют общие закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права [5, с. 5–6]. История государства и права изучает конкретно-исторические формы этих явлений. Обе дисциплины тесно связаны: теория опирается на исторический материал, а история использует теоретические понятия для объяснения прошлого [6].

Предмет теории государства и права включает наиболее общие закономерности государственно-правовой жизни, а также систему основных юридических понятий. А.Б. Венгеров подчёркивал, что теория государства и права состоит из двух относительно самостоятельных частей – теории государства и теории права [2]. К числу функций теории обычно относят онтологическую, гносеологическую, методологическую, идеологическую и организационно-практическую [8]. В современных условиях особенно важна методологическая роль этой дисциплины для отраслевых юридических наук.

Методология теории государства и права сочетает общенаучные и специально-юридические методы. Среди первых – анализ, синтез, системный и

сравнительный подходы. Среди вторых – формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы [5, с. 21–27]. В.С. Нерсесянц отмечал, что общая теория права и государства занимает фундаментальное место в системе юридических наук и призвана определять предмет и метод всей юриспруденции. Междисциплинарные подходы сегодня приобретают всё большее значение [7].

История государства и права изучает развитие государственных и правовых институтов в конкретных исторических условиях. Она традиционно делится на историю государства и права зарубежных стран и историю отечественного государства и права. Периодизация строится по крупным эпохам: Древний мир, Средние века, Новое и Новейшее время. Современная наука всё чаще сочетает формационный и цивилизационный подходы, избегая жёстких схем.

В Древнем мире возникли первые государства и правовые системы. Древневосточные деспотии, античные полисы и Римская империя оставили различное наследие. Римское право оказало особенно сильное влияние на последующее европейское развитие. Средневековье характеризовалось феодальной раздробленностью, сословным правом и постепенным усилением королевской власти. Рецепция римского права сыграла важную роль в формировании континентальной правовой традиции.

Новое время связано с появлением абсолютных монархий, буржуазных революций и конституционных государств. Идеи естественного права и разделения властей существенно повлияли на политико-правовую практику [5; 8]. XIX век стал периодом активных кодификаций. XX век принёс как тоталитарные режимы, так и развитие международного права и прав человека. После 1945 года сформировалась современная система международных отношений и конституционализма.

Отечественная история государства и права имеет свою выраженную специфику. От Древней Руси через Московское царство и Российскую империю к советскому периоду и современной Российской Федерации – каждый этап оставлял особый след в правовой культуре. Важнейшими памятниками права остаются Русская Правда, Судебники, Соборное уложение 1649 года, кодификации XIX века, советские конституции и Конституция Российской Федерации 1993 года.

Российская теория государства и права прошла сложный путь. Дореволюционные учёные – Б.Н. Чичерин, Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич, Л.И. Петражицкий – внесли существенный вклад в разработку понятий государства, права и правового государства [1]. В советский период наука развивалась в рамках господствующей идеологии, однако и тогда создавались значительные труды. В постсоветское время произошёл возврат к методологическому плюрализму и активное обращение к различным традициям правопонимания.

Современные вызовы теории и истории государства и права связаны с глобализацией, цифровизацией и изменением роли государства. Возникают вопросы о суверенитете, наднациональном праве, правовом регулировании искусственного интеллекта и новых форм социальной организации. История помогает

видеть преемственность и разрывы, а теория даёт инструменты для анализа новых явлений [3]. Без этой связи легко впасть либо в антиисторизм, либо в чистый эмпиризм.

Теория государства и права выполняет методологическую функцию по отношению к отраслевым юридическим наукам, предоставляя им общий понятийный аппарат. История государства и права служит эмпирической основой для теоретических обобщений [4]. Совместное изучение этих дисциплин формирует у юриста широкое представление о праве как исторически развивающемся институте и помогает избегать узкотехнического подхода.

В условиях быстрых социальных изменений возрастает значение историко-теоретических исследований. Понимание того, как возникали и трансформировались государства и правовые системы, позволяет более осознанно относиться к реформам. Теория, опирающаяся на исторический опыт, способна предлагать более взвешенные рекомендации. При этом она должна сохранять критическую дистанцию по отношению к текущей практике.

Методологический плюрализм современной юридической науки предполагает использование различных подходов. История государства и права показывает, что ни одна схема не является универсальной [3]. Правовые системы слишком разнообразны, чтобы быть сведёнными к одной модели. Поэтому перспективным остаётся сочетание формального анализа с изучением социальных, культурных и ценностных оснований права [1].

В заключение следует подчеркнуть, что теория и история государства и права продолжают оставаться ключевыми дисциплинами юридического образования. Они формируют основу профессионального мышления, позволяют видеть право в развитии и во взаимосвязи с другими социальными явлениями. В эпоху быстрых перемен сохранение исторической памяти и теоретической рефлексии приобретает особое значение.

Список использованных источников

1. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – Москва: Статут, 1999. – 712 с.

2. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. – 3-е изд. – Москва: Омега-Л, 2006. – 608 с.

3. История государства и права зарубежных стран: учебник: в 2 т. / под ред. О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2004–2010.

4. История отечественного государства и права: учебник / под ред. О.И. Чистякова. – Москва: Юрайт, 2011. – 512 с.

5. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. – 2-е изд. – Москва: Проспект, 2013. – 640 с.

6. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. – Москва: Норма, 2004. – 552 с.

7. Проблемы общей теории права и государства: учебник / под ред. В.С. Нерсесянца. – Москва: Норма, 2004. – 832 с.

8. Теория государства и права: учебник / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – Москва: Юрайт, 2011. – 743 с.

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

A.G. Saltanova, M.N. Kovaleva

Don State Agrarian University,
Persianovsky settlement, Rostov Region, Russia

The article examines the subject, methods and functions of the theory of state and law, as well as the main stages in the development of the history of state and law. The interrelation of theoretical and historical research is analyzed. Special attention is paid to the domestic scientific tradition. The role of a comprehensive study of the theory and history of state and law in modern conditions is shown. Conclusions are formulated on the importance of these disciplines for legal education and science.

Keywords: theory of state and law, history of state and law, state, law, methodology, rule of law, historical types of state, Russian legal science.

УДК 340.12

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

А.Г. Салтанова, М.Н. Ковалева

Донской государственный аграрный университет,
п. Персиановский, Ростовская обл., Россия

В статье рассматриваются ключевые философско-правовые подходы к пониманию природы права. Анализируются естественно-правовая, позитивистская и социологическая школы, а также отечественные концепции. Особое внимание уделено онтологии, гносеологии и аксиологии права. Показана значимость философского осмысления правовых явлений в современных условиях. Делается вывод о целесообразности интегративного подхода.

Ключевые слова: философия права, естественное право, правовой позитивизм, онтология права, аксиология права, справедливость, правовое государство, российская правовая мысль.

Философия права направлена на выяснение сущности, смысла и ценности права. По мнению В.С. Нерсесянца, она представляет собой «высшую духовную форму познания права, постижения и утверждения его смысла, ценности и значения в жизни людей» [5, с. 1]. В отличие от отраслевых юридических наук, которые изучают отдельные институты, философия права стремится выявить предельные основания правовой реальности [5; 7]. Именно поэтому её значение особенно возрастает в периоды существенных общественных перемен.

Истоки философско-правовой мысли обнаруживаются уже в античности. Платон связывал справедливость с гармоничным устройством государства, а Аристотель различал естественную и условную справедливость. В Средние века существенный вклад внёс Фома Аквинский, разделивший закон на вечный, естественный, человеческий и божественный. В Новое время идеи естественного права получили развитие в трудах Гроция, Гоббса, Локка и Руссо. Эти мыслители заложили основы понимания права как результата общественного договора и выражения разумной природы человека [3, с. 45–60;].

В XIX–XX столетиях сформировались основные направления философско-правовой мысли. Естественно-правовая школа исходит из существования моральных критериев, которым должно соответствовать позитивное право. Правовой позитивизм, напротив, рассматривает право, как систему норм, установленных государством, независимо от их нравственной оценки. Социологический подход смещает акцент на «живое право» и социальные функции правовых институтов. Каждое из этих направлений отражает определённый аспект правовой реальности и сохраняет своё значение в современных дискуссиях [5].

Отечественная традиция философии права имеет глубокие корни. Ещё в дореволюционный период значительный вклад внесли Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий [8]. С.С. Алексеев подчёркивал, что философия права призвана дать «мировоззренческое объяснение права, его смысла и предназначения» [1, с. 2]. В советский период развитие философско-правовой мысли происходило в сложных идеологических условиях, однако и тогда появлялись серьёзные исследования. В постсоветское время наблюдается заметный рост интереса к различным концепциям правопонимания и возвращение к плюрализму подходов.

Онтология права отвечает на вопрос о том, что представляет собой право, как особый вид бытия. Существует ли оно объективно или создаётся людьми? Реалистические подходы делают акцент на фактическом существовании норм и институтов, идеалистические – на их ценностной и смысловой природе. В.С. Нерсесянц развивал либертарно-юридическую концепцию, в центре которой находится принцип формального равенства как сущность права [5, с. 24–30; 7]. Этот подход позволяет различать право и закон и сохраняет теоретическое значение в современных условиях.

Гносеология права исследует возможности и пределы познания правовой реальности. Классический рационализм исходил из способности разума постигать «истинное» право. Позитивизм ограничивал знание изучением действующих норм. Герменевтический подход акцентирует внимание на интерпретации правовых текстов и роли предпонимания [6]. В условиях цифровизации возникают новые вопросы: как влияет искусственный интеллект на правоприменение и можно ли говорить о «машинном» правовом суждении. Эти проблемы требуют дальнейшего философского анализа.

Аксиология права связана с ценностным измерением правовой сферы. Справедливость, свобода, равенство, достоинство личности остаются ключевыми ориентирами [4]. При этом между этими ценностями нередко возникают

конфликты. Классический пример – соотношение правовой определённости и справедливости. Опыт XX века показал, что слепое следование формальному закону может приводить к тяжёлым последствиям, если закон перестаёт служить справедливости. Поэтому аксиологический анализ сохраняет практическую актуальность [1; 5].

В современных условиях философия права сталкивается с рядом новых вызовов. Глобализация ставит вопрос о возможности универсальных правовых стандартов. Цифровизация порождает проблемы правосубъектности искусственного интеллекта, защиты персональных данных и ответственности за действия автономных систем. Экологические угрозы актуализируют идеи экологической справедливости. Всё это требует постоянного философского осмысления и не позволяет ограничиваться чисто техническим подходом к праву.

Методология философии права сочетает общефилософские и специально-юридические подходы. Диалектический, феноменологический, герменевтический и аналитический методы позволяют рассматривать право с разных сторон [6; 7]. Критическая рефлексия помогает избегать догматизма и инструментального понимания права. Философия права выполняет не только познавательную, но и мировоззренческую функцию, формируя отношение юриста к праву как к ценности, а не только как к средству регулирования [2].

Особое значение имеет связь философии права с проблематикой правового государства. Правовое государство предполагает не просто наличие законов, а такое устройство публичной власти, при котором права и свободы человека имеют приоритет, а сама власть связана правом. Отечественные мыслители, начиная с Чичерина и Новгородцева, уделяли этой теме серьёзное внимание. В современных условиях идеи правового государства продолжают оставаться ориентиром для развития правовой системы.

В заключение следует отметить, что философия права сохраняет своё значение как открытая область знания. Ни одна из классических школ не исчерпала проблематику. Более перспективным представляется сочетание анализа действующего права с осмыслением его моральных и социальных оснований. В условиях быстрых изменений именно философско-правовая рефлексия помогает сохранять гуманистическое содержание правовой культуры и противостоять сведению права к чистой технике.

Список использованных источников

1. Алексеев С.С. Философия права: история и современность, проблемы, тенденции, перспективы. – М.: Норма, 1999. – 329 с.

2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.

3. Мартышин О.В. Философия права: учебник для магистров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – 352 с.

4. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. – 2-е изд. – М.: Норма, 2019. – 400 с.

5. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – 848 с.

6. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. – 2-е изд. – СПб.: Университетский издательский консорциум, 2016. – 443 с.

7. Проблемы общей теории права и государства: учебник / под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 832 с.

8. Чичерин Б.Н. Философия права. – СПб.: Наука, 1998. – 656 с. (репринт издания 1900 г.).

PHILOSOPHY OF LAW: MAIN APPROACHES AND MODERN TRENDS

A.G. Saltanova, M.N. Kovaleva

Don State Agrarian University,
Persianovsky settlement, Rostov Region, Russia

The article examines the key philosophical and legal approaches to understanding the nature of law. The natural law, positivist and sociological schools, as well as domestic concepts, are analyzed. Special attention is paid to the ontology, epistemology and axiology of law. The importance of the philosophical understanding of legal phenomena in modern conditions is shown. The conclusion is made about the expediency of an integrative approach.

Keywords: philosophy of law, natural law, legal positivism, ontology of law, axiology of law, justice, rule of law, Russian legal thought.

УДК 347.2

СИСТЕМА ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Х.М. Саралиева[1], М.Р. Богатырев[1], З.Д. Хабиева[2]

[1]Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова,
г. Грозный, Россия,
[2]Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
г. Грозный, Россия

В статье рассматриваются современные проблемы построения системы ограниченных вещных прав в российском гражданском праве. Основное внимание уделено критериям разграничения вещных и обязательственных прав, правовой природе оперативного управления и возможности признания самостоятельных вещных прав пользования жилыми помещениями. Анализируется положение учреждений, включая учреждения, выполняющие функции органов публичной власти. Показано, что традиционные признаки ограниченного вещного

права не всегда одинаково проявляются применительно к существующим законодательным конструкциям.

Ключевые слова: ограниченные вещные права, право собственности, оперативное управление, учреждение, вещное право, жилое помещение, хабитация, узуфрукт, право следования, абсолютное право.

Российская система ограниченных вещных прав остается внутренне неоднородной. Рядом существуют классические конструкции, связанные с пользованием чужой вещью, и права, происхождение которых объясняется особенностями советской модели собственности. Есть и обратная ситуация. Некоторые правоотношения фактически обладают признаками вещного права, однако законодатель не называет их самостоятельными ограниченными вещными правами.

Эта неоднородность имеет практическое значение. От квалификации права зависит его устойчивость при смене собственника, возможность защиты от третьих лиц, порядок распоряжения имуществом и положение приобретателя вещи. Если же правовая природа отношения остается неопределенной, спор неизбежно переносится в судебную практику.

На наш взгляд, сегодня важнее не расширять перечень ограниченных вещных прав механически, а определить общие признаки, позволяющие понять, почему конкретное право относится именно к вещным. Такой подход особенно показателен при анализе оперативного управления и прав пользования жилым помещением.

Право оперативного управления занимает особое место в российской цивилистике. Его происхождение связано с необходимостью юридически обособить имущество государственных организаций без передачи им права собственности.

Ю.Г. Лескова обращается к позиции С.М. Корнеева, который характеризовал оперативное управление как субъективное вещное право, которое "предоставляется государственной организации для того, чтобы она имела возможность выполнять возложенные на нее обязанности" [1, с. 182]. Эта формулировка хорошо показывает специфику конструкции. Учреждение получает имущество не для свободной реализации собственного экономического интереса, а для выполнения определенной собственником функции.

Именно здесь возникает первое противоречие. В классическом ограниченном вещном праве правообладатель действует в собственном интересе. Сервитуарий проходит через чужой участок потому, что это необходимо для использования его недвижимости. Залогодержатель реализует обеспечение ради удовлетворения своего требования. Учреждение, напротив, пользуется закрепленным имуществом прежде всего в рамках целей, определенных учредителем.

Практика добавляет новые сложности. Лескова показывает споры вокруг отказа учреждения от имущества, закрепленного на праве оперативного управления. Формально статья 299 ГК РФ отсылает к основаниям прекращения права собственности. Но специальный режим распоряжения имуществом учреждения ограничивает самостоятельность правообладателя.

На наш взгляд, этот пример особенно важен. Сам факт законодательного признания права вещным еще не решает вопрос о его месте в системе.

Необходимо учитывать реальный объем юридической самостоятельности правообладателя.

Еще сложнее конструкция становится применительно к учреждениям, одновременно являющимся органами публичной власти. Здесь собственник и учреждение юридически разграничены, но фактически включены в единый публичный механизм.

Ж.Д. Дондоков среди традиционных характеристик рассматривает "право на чужую вещь, ограниченное господство над вещью, производность от права собственности" [2, с. 25]. При сопоставлении этих признаков с оперативным управлением автор обнаруживает существенные расхождения.

Самым спорным оказывается признак чужой вещи. Когда государственное имущество закрепляется за государственным органом, оформленным как учреждение, юридически существуют два участника. Собственником выступает публично-правовое образование, а учреждение обладает оперативным управлением. Но в публично-правовом смысле орган остается частью самого государства.

Отсюда появляется необычная ситуация. Формально вещь чужая, поскольку учреждение не собственник. Функционально она используется внутри единого публичного образования и для достижения целей, заданных тем же собственником.

Дондоков поэтому приходит к более жесткому выводу и рассматривает оперативное управление учреждений публичной власти скорее, как способ управления публичным имуществом, чем как классическое самостоятельное вещное право. Такая постановка вопроса представляется обоснованной. Если самостоятельность интересов сторон отсутствует, воспроизводить традиционную модель права на чужую вещь становится трудно.

Это не означает, что оперативное управление следует автоматически исключить из законодательства. Проблема в другом. Его правовой режим требует отдельного объяснения, а не простой ссылки на родовые признаки ограниченных вещных прав.

Противоположная проблема возникает в жилищной сфере. Здесь существуют права, прямо не оформленные законодателем как самостоятельные ограниченные вещные права, но имеющие характерные вещно-правовые признаки.

Д.Д. Климанова анализирует положение бывшего члена семьи собственника, который при приватизации отказался от получения собственности в пользу другого лица. За таким гражданином сохраняется право бессрочного пользования жилым помещением.

Особенно важно, что смена собственника сама по себе это право не прекращает. Следовательно, право связано не только с конкретным прежним собственником, но и с самой вещью. Именно признак следования заметно сближает его с классическими ограниченными вещными правами.

Климанова предлагает рассматривать соответствующую конструкцию как "ограниченное вещное право проживания в чужом жилом помещении - хабитацию" [3, с. 22]. При этом хабитация связывается с более широкой конструкцией личного пользовладения или узуфрукта.

На наш взгляд, данная позиция показывает слабое место существующей системы. Право может фактически выполнять функции ограниченного вещного

права, обладать бессрочностью, следованием и самостоятельной защитой, но оставаться за пределами четкой законодательной классификации.

Это создает риск для оборота. Покупатель квартиры должен понимать, сохраняются ли права проживания третьего лица после перехода собственности. Если сведения о соответствующем обременении недостаточно публичны, вещно-правовая защита одного лица начинает конфликтовать с ожиданиями приобретателя недвижимости.

Поэтому признание подобных прав вещными имеет смысл только при одновременном обеспечении их публичности. В условиях оборота недвижимости скрытое ограниченное вещное право создает больше проблем, чем преимуществ.

Общая теоретическая проблема заключается в том, что наличие чужой вещи само по себе не превращает право в вещное. Арендатор, хранитель или перевозчик тоже используют имущество, собственником которого не являются.

С.А. Сагателян указывает на более точный критерий и пишет, что "реализация вещного права не зависит от действий других лиц" [4, с. 170]. Здесь проходит принципиальная граница между вещной и обязательственной конструкцией.

При обязательственном отношении управомоченное лицо в значительной степени зависит от поведения контрагента. В вещном отношении право направлено непосредственно на вещь и защищается против неопределенного круга лиц, включая собственника, если тот нарушает установленное законом ограниченное право.

Сагателян также обращает внимание на фрагментарность действующего регулирования. Нормы об отдельных вещных правах находятся в разных нормативных массивах, а четкая общая часть вещного права отсутствует. В результате вопрос о перечне ограниченных вещных прав частично переносится на доктрину.

На наш взгляд, именно эта ситуация порождает две противоположные тенденции. Одни права продолжают признаваться вещными преимущественно в силу исторической традиции. Другие обладают большей частью вещно-правовых признаков, но официального места в системе не получают.

Поэтому для квалификации ограниченного вещного права целесообразно учитывать сразу несколько характеристик. Право должно иметь индивидуально определенную вещь в качестве объекта, обеспечивать непосредственное юридическое господство над ней, действовать против третьих лиц, сохраняться при смене собственника в предусмотренных законом случаях и иметь самостоятельные способы вещно-правовой защиты.

Одного признака недостаточно.

Сопоставление оперативного управления и права проживания показывает интересный парадокс. В первом случае законодатель признает вещным право, соответствие которого классическим признакам вызывает споры. Во втором вещно-правовые черты проявляются достаточно ярко, но самостоятельная законодательная конструкция отсутствует.

Именно поэтому простое перечисление прав в ГК РФ не формирует полноценную систему.

На наш взгляд, дальнейшее развитие законодательства должно начинаться с общей части вещного права. В ней необходимо закрепить основные признаки

ограниченного вещного права, принцип публичности таких прав, их защиту, действие при смене собственника и основания прекращения.

Отдельного решения требует оперативное управление. Сохранять его только потому, что конструкция традиционно присутствует в российском праве, недостаточно. Следует определить, является ли оно самостоятельным ограниченным вещным правом для всех категорий учреждений либо специальным способом организации публичного имущества.

Для прав проживания проблема обратная. Там, где закон фактически предоставляет гражданину устойчивое право на чужое жилое помещение, следует четко определить его правовую природу и обеспечить отражение соответствующего обременения в системе регистрации недвижимости.

Такой подход сделал бы оборот более предсказуемым. Покупатель видел бы юридическое состояние вещи до сделки, собственник понимал бы пределы своего господства, а правообладатель получал бы понятный механизм защиты.

Современная российская система ограниченных вещных прав нуждается не столько в расширении, сколько в упорядочении. Материал рассмотренных работ показывает отсутствие единого критерия, который последовательно применялся бы ко всем конструкциям.

Право оперативного управления сохраняет вещно-правовую квалификацию, хотя самостоятельность интереса его обладателя и признак права на чужую вещь проявляются не всегда одинаково. Особенно заметна эта проблема применительно к учреждениям, являющимся органами публичной власти.

В жилищной сфере наблюдается обратная ситуация. Право бессрочного проживания лица, отказавшегося от приватизации, демонстрирует признаки следования и самостоятельного пользования чужой недвижимостью, что позволяет ставить вопрос о его признании разновидностью личного ограниченного вещного права.

На наш взгляд, центральным критерием должно стать не историческое название конкретного института, а характер юридической связи лица с вещью. Если право обеспечивает непосредственное и защищаемое от третьих лиц господство над индивидуально определенным объектом, сохраняет устойчивость при смене собственника и имеет публичный характер, основания для его вещно-правовой квалификации значительно сильнее.

Перестройка системы на таких началах позволит устранить противоречие между формальным перечнем прав и их реальным юридическим содержанием. Именно в этом видится наиболее перспективное направление развития российского законодательства об ограниченных вещных правах.

Список использованной литературы:

1. Лескова Ю. Г. Право оперативного управления. Пределы реализации имущественной самостоятельности учреждения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 3. С. 181-193. DOI 10.55959/MSU0130-0113-11-64-3-13.

2. Дондоков Ж. Д. К проблеме права оперативного управления учреждений, являющихся органами публичной власти // Искусство правоведения. The Art

of Law. С. 23-30. В загруженном экземпляре год и номер выпуска не указаны, поэтому эти сведения не добавлены.

3. Климанова Д. Д. Защита интересов бывшего члена семьи собственника приватизированного жилого помещения // Lex russica. 2024. Т. 77. № 3. С. 22-31. DOI 10.17803/1729-5920.2024.208.3.022-031.

4. Сагателян С. А. Ограниченные вещные права. Институт, теряющий свою актуальность в цивилистической науке // Аграрное и земельное право. 2023. № 12(228). С. 169-171. DOI 10.47643/1815-1329_2023_12_169.

THE SYSTEM OF LIMITED REAL RIGHTS IN MODERN RUSSIAN CIVIL LAW

Kh.M. Saralieva[1], M.R. Bogatyrev[1], Z.D. Khabieva[2]

[1]M.D. Millionshchikov Grozny State Oil Technical University, Grozny, Russia,
[2]A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia

The article examines contemporary issues related to the development of a system of limited real rights in Russian civil law. The main focus is on the criteria for distinguishing between real and obligation rights, the legal nature of operational management, and the possibility of recognizing independent real rights to use residential premises. The position of institutions, including those performing the functions of public authorities, is analysed. It has been shown that the traditional features of limited property rights do not always manifest themselves uniformly in relation to existing legislative constructs.

Keywords: limited real rights, property right, operational management, institution, real right, residential premises, habitation, usufruct, right of succession, absolute right.

УДК 347.2

ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ

Х.М. Саралиева[1], М.Р. Богатырев[1], З.Д. Хабиева[2]

[1]Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова, г. Грозный, Россия,
[2]Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия

В статье исследуется современная система ограниченных вещных прав и ее связь с правом собственности. Рассматриваются исторические предпосылки формирования вещно-правовых конструкций, современная роль сервитутов,

особенности распределения правомочий между собственником и иными правообладателями, а также соотношение частных и публичных интересов при использовании земельных участков. Отдельное внимание уделено германской модели ограниченных вещных прав, основанной на закрытом перечне соответствующих прав.

Ключевые слова: ограниченные вещные права, вещное право, право собственности, сервитут, земельный участок, публичный сервитут, частный сервитут, расщепленная собственность, недвижимость, гражданское право.

Система ограниченных вещных прав находится на пересечении двух интересов. Собственник стремится сохранить максимально полный контроль над имуществом. Другому лицу в конкретной ситуации может быть необходим доступ к этому же объекту, его использование либо получение отдельного правомочия без приобретения права собственности. Особенно заметно такое столкновение применительно к земле. Проезд к участку, прокладка инженерных сетей, строительство линейного объекта или эксплуатация инфраструктуры требуют юридической конструкции, которая не уничтожает право собственности, но допускает ограниченное использование чужой вещи.

Отсюда возникает более широкий вопрос. Должна ли система ограниченных вещных прав представлять закрытый и заранее определенный законом перечень либо она способна развиваться вслед за усложнением имущественного оборота. На наш взгляд, именно этот вопрос становится центральным для современного исследования вещных прав. Сервитут уже нельзя рассматривать только как традиционное право прохода через соседний участок. Градостроительные проекты и использование государственной земли создают отношения, в которых частные и публичные элементы переплетаются значительно теснее.

Цель исследования состоит в определении основных направлений развития системы ограниченных вещных прав с учетом исторического опыта, современного земельного оборота и сравнительно-правового материала.

Отправной точкой остается право собственности. Ограниченное вещное право предоставляет правообладателю юридическую возможность воздействовать непосредственно на чужую вещь, но не передает ему весь объем полномочий собственника. Именно производный характер позволяет отделить ограниченное вещное право от собственности.

В.В. Завертнев применительно к германской модели прямо отмечает, что "Все ограниченные вещные права производны от права собственности" [1, с. 396]. Такая позиция имеет значение и для российского права. Производность не означает слабость или необязательность ограниченного права. Если оно признано вещным, его действие направлено не только против собственника, но и против третьих лиц. Меняется другое. Правообладатель получает не вещь целиком в юридическом смысле, а определенную законом возможность пользоваться ею либо реализовывать иное ограниченное полномочие.

Германский опыт интересен еще по одной причине. Перечень вещных прав там строится как закрытый. Участники оборота не могут договором создать

новое вещное право только потому, что такая модель удобна сторонам. На наш взгляд, у подобного подхода есть практическое преимущество. Третье лицо должно понимать содержание зарегистрированного обременения и последствия приобретения имущества. Чем свободнее стороны конструируют абсолютные права, тем выше риск появления юридически неопределенных обременений.

Российская модель выглядит менее последовательной. Гражданское и земельное законодательство регулируют несколько конструкций, имеющих вещно-правовые признаки, однако их системное место не всегда очевидно. Особенно ярко проблема проявляется в земельных отношениях.

Система вещных прав менялась вместе с экономическим устройством государства. Это хорошо видно на советском периоде. Сокращение сферы частной собственности неизбежно изменило и потребность в классических ограниченных правах на чужую вещь.

Е.А. Карпов обращает внимание, что "в ГК РСФСР 1922 г. также содержались нормы об ограниченных вещных правах" [2, с. 377]. В самом кодексе, в частности, существовали право застройки и залог имущества. Позднейшее развитие плановой экономики изменило условия, в которых вещно-правовые конструкции могли использоваться.

Этот исторический пример показывает важную зависимость. Ограниченные вещные права появляются не сами по себе. Их востребованность определяется тем, насколько имущество включено в гражданский оборот и насколько часто интересы собственника пересекаются с интересами других участников.

Современная российская экономика существенно отличается от советской системы. Земля и недвижимость активно участвуют в гражданском обороте. Одновременно государство реализует инфраструктурные и градостроительные проекты, для которых необходим доступ к частным участкам. Поэтому потребность в ограниченных вещных правах закономерно возрастает.

На наш взгляд, исторический опыт здесь полезен прежде всего как предупреждение. Слишком узкая система вещных прав заставляет участников использовать обязательственные конструкции даже в тех случаях, когда отношения фактически требуют устойчивого права на вещь.

Сервитут наиболее наглядно показывает смысл ограниченного вещного права. Собственник сохраняет участок, но обязан допустить строго определенное использование его другим лицом.

О.С. Бойко отмечает, что "институт сервитута играет важную роль в обеспечении баланса между правами собственников и общественными интересами" [3, с. 62]. Практическое значение этой мысли хорошо видно при плотной городской застройке. Если земельный участок не имеет самостоятельного выхода к дороге, абсолютный запрет пользоваться соседней территорией может фактически сделать недвижимость непригодной для нормального использования. Сервитут решает проблему без передачи собственности.

Сервитуты различаются по нескольким основаниям. Можно учитывать круг заинтересованных лиц, продолжительность обременения, цель использования участка и способ возникновения права. Частный сервитут обычно

удовлетворяет интерес конкретного субъекта. Публичный связан с интересами более широкого круга лиц и устанавливается по специальным основаниям.

Не менее важен принцип соразмерности. Ограниченное право не должно превращаться в фактическое изъятие участка. Если после установления обременения собственник утрачивает реальную возможность использовать землю по назначению, возникает вопрос о выборе иной юридической конструкции и компенсации.

Здесь проходит практическая граница ограниченного вещного права. Оно допустимо до тех пор, пока сохраняется само право собственности не только формально, но и содержательно.

Современные градостроительные отношения ставят эту границу под сомнение. Иногда право собственности сохраняется в реестре, однако изменение режима земли или установленные ограничения значительно уменьшают реальные возможности собственника.

Г.А. Мисник подчеркивает, что "для континентальной правовой системы характерно использование конструкции ограниченных вещных прав, исключающей модель расщепленной собственности" [4, с. 148]. При этом сама автор рассматривает возможность переоценки подобного подхода применительно к современным земельным отношениям.

Проблема имеет не только теоретическое значение. В инфраструктурном проекте собственник земли может сохранять титул, тогда как возможности определять использование территории существенно сокращаются. Одновременно другое лицо получает полномочия, которые по фактическому содержанию становятся значительно шире обычного доступа или прохода.

На наш взгляд, полностью переносить модель расщепленной собственности в российское право преждевременно. Такая конструкция меняет сам принцип единства собственности. Но наблюдение Мисник показывает реальную проблему. Современное распределение правомочий уже не всегда объясняется простой схемой, где есть один собственник и одно узкое право другого лица.

Более перспективным выглядит уточнение содержания отдельных ограниченных вещных прав. Закон должен ясно отвечать, какие полномочия передаются правообладателю, какие остаются у собственника и какое ограничение уже настолько существенно, что требует другого правового режима.

Традиционное деление сервитутов на частные и публичные тоже сталкивается с новыми отношениями. Не каждый сервитут, связанный с государственным имуществом или инфраструктурой, можно без оговорок отнести к одной из двух классических групп.

А.А. Иванин и Д.А. Тяпина пишут, что "Сервитут традиционно является одним из наиболее значимых и востребованных ограниченных вещных прав на недвижимое имущество" [5, с. 130]. Далее авторы исследуют специальную конструкцию, возникающую применительно к государственной и муниципальной земле, и предлагают выделять квазичастный сервитут.

Такое предложение заслуживает внимания. В рассматриваемых отношениях право может возникать в интересах определенного лица и иметь

договорные признаки, но одновременно быть тесно связано с публичными задачами и специальным земельным регулированием. Формальное отнесение его только к частному или только к публичному сервитуту теряет часть юридического содержания.

С другой стороны, постоянное создание новых наименований тоже несет риск. Если каждое сочетание частных и публичных элементов объявлять новым вещным правом, система быстро утратит определенность.

На наш взгляд, понятие квазичастного сервитута полезно прежде всего, как доктринальная модель. Оно показывает переходный характер конкретных отношений. Для законодательного признания самостоятельного ограниченного вещного права нужны более строгие критерии, включая особый объект, содержание правомочий, основания возникновения, порядок регистрации и самостоятельные способы защиты.

Проведенное сопоставление позволяет сформулировать несколько требований к развитию системы.

Первое связано с определенностью содержания. Из закона должно быть понятно, какой объем непосредственной власти над вещью получает правообладатель.

Второе касается публичности права. Ограниченное вещное право затрагивает третьих лиц, поэтому его существование и основные параметры должны быть доступны участникам оборота.

Третье требование связано с устойчивостью при смене собственника. Именно следование за вещью отличает вещно-правовую конструкцию от обычного персонального соглашения между двумя субъектами.

Четвертое относится к соразмерности. Ограниченное право не может использоваться как формальная замена отчуждению имущества в тех ситуациях, где собственник фактически лишается основных возможностей пользоваться участком.

На наш взгляд, российскому праву необходима не максимальная численность ограниченных вещных прав, а более стройная система. Расширять ее следует только там, где существующие сервитутные, обязательственные и земельно-правовые механизмы объективно не позволяют устойчиво урегулировать отношения.

Ограниченные вещные права образуют самостоятельный элемент механизма распределения юридических возможностей в отношении имущества. Их назначение состоит не просто в ограничении собственника. Они позволяют использовать вещь несколькими субъектами без разрушения права собственности.

Анализ рассмотренных исследований показывает заметное усложнение этой системы. Германская модель демонстрирует преимущества закрытого перечня и четкой вещно-правовой конструкции. Советский опыт подтверждает зависимость вещных прав от экономической модели собственности. Современное российское земельное право, напротив, сталкивается с расширением числа ситуаций, когда одно имущество одновременно обслуживает частные и публичные интересы.

Наиболее показателен сервитут. Из традиционного права ограниченного прохода он превратился в инструмент доступа к инфраструктуре, размещения объектов, использования государственной земли и обеспечения публичных проектов.

Отсюда следует основной вывод. Совершенствование системы ограниченных вещных прав должно идти через уточнение содержания прав и границ их осуществления, а не через формальное увеличение перечня конструкций. Новое вещное право оправданно только тогда, когда его нельзя заменить уже существующим механизмом без потери устойчивости и определенности отношений. При таком подходе можно одновременно сохранить сильную защиту собственника и обеспечить необходимые возможности использования чужого имущества другими участниками гражданского оборота.

Список использованных источников

1. Завертнев В. В. Ограниченные вещные права в частном праве Германии // Право и государство. Теория и практика. 2024. № 12(240). С. 395–398. DOI 10.47643/1815-1337_2024_12_395.

2. Карпов Е. А. Советское вещное и абсолютное право. Аспекты научной парадигмы учения // Право и государство. Теория и практика. 2025. № 4. С. 377–380. DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_377.

3. Бойко О. С. Содержание и классификация сервитута как права ограниченного пользования чужим земельным участком // Вестник науки. 2025. № 6(87). Т. 5. Ч. 2. С. 62–71.

4. Мисник Г. А. О трансформации моделей права собственности на землю в современных условиях // Аграрное и земельное право. 2025. № 9. С. 147–150. DOI 10.47643/1815-1329_2025_9_147.

5. Иванин А. А., Тяпина Д. А. Соотношение публичных и частных интересов в вопросах установления земельных сервитутов // Экономика. Социология. Право. 2025. № 3(39). С. 130–137. DOI 10.22281/2542-1697-2025-04-03-130-137.

LEGAL STUDY OF THE SYSTEM OF LIMITED REAL RIGHTS

Kh.M. Saralieva[1], M.R. Bogatyrev[1], Z.D. Khabieva[2]

[1]M.D. Millionshchikov Grozny State Oil Technical University, Grozny, Russia,
[2]A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia

The article examines the modern system of limited real rights and its relationship with the right of ownership. The historical prerequisites for the formation of property-legal constructs, the modern role of easements, the specifics of the distribution of powers between the owner and other rightholders, as well as the balance between private and public interests in the use of land plots are considered. Special attention is paid to the German model of limited real rights, which is based on a closed list of relevant rights.

Keywords: limited property rights, property law, ownership rights, easement, land plot, public easement, private easement, split ownership, real estate, civil law.

УДК 37.01

ПРОБЛЕМЫ ОТЦОВСТВА КАК ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.В. Семина, С.С. Каржина

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Отцовство имеет социально и культурно обусловленный характер. Культурная и социальная детерминация отцовства означает влияние культурных норм конкретного общества, а также межличностных отношений, в которые включен мужчина, на его представления и реальное поведение в роли отца. В статье анализируется отцовство как социальный феномен. Затрагиваются различные проблемы отцовства как воспитательной деятельности, включая социальные, психологические, влияющие на эффективность воспитательной роли отца.

Ключевые слова: отцовство, семья, отцовское поведение, проблемы, воспитательная деятельность.

В сфере общественных отношений произошли изменения, которые привели к кризису в институте семьи, в частности, к восприятию роли отца. В обществе существуют определенные стереотипы относительно распределения ролей в семье в соответствии с гендером. В связи с этим необходимо понять, какие именно проблемы возникают у отцов в их попытках адаптироваться к складывающимся условиям, и то, каким образом они влияют непосредственно на жизнь отцов и благополучие семьи в целом.

- Стереотипы и общественное восприятие. В общественном сознании сохраняются определенные установки в отношении того, как должен вести себя мужчина, и какие качества он как отец должен проявлять в отношении своей семьи и детей. Функции данных установок заключаются, во-первых, в поддержании существующей иерархии, во-вторых, представляют собой образцы поведения человека, в-третьих, являются регуляторами этого поведения на бессознательном уровне [6, с. 150]. Действует стереотип, сформировавшийся давно, характеризующий мужчину в качестве кормильца, защитника и авторитета для всех членов семьи. При этом его участие в решении бытовых вопросов практически не предусматривается [9, с.84].

Современные же общественные ожидания зачастую имеют противоречивый характер. С одной стороны, от отцов ждут проявления строгости, успешности в профессиональной деятельности и эмоциональной отчужденности. С другой же стороны, от отца требуется большее проявление заботы и активного участия в жизни детей и семьи в целом.

- Нехватка времени. Проблема нехватки времени у современных отцов является одной из ключевых. Современный темп жизни сильно ограничивает

возможность отцов полноценно взаимодействовать с детьми [2, с. 8]. Приведем результаты социологического опроса, проведенного исследовательским центром портала Superjob.ru. В опросе участвовало 1600 человек со всей России. Так, более половины опрошенных родителей (52%) считают, что уделяют общению с детьми гораздо меньше времени, чем этого требуется. При этом из этого процента большая часть респондентов (43%) испытывает чувство вины, оставшиеся 9% воспринимают сложившуюся ситуацию спокойно [14].

К причинам ее возникновения можно отнести сильную усталость и перегрузку, связанную с выполнением своих непосредственно рабочих обязанностей, после которых собственно времени и сил на взаимодействие с детьми и на семью в целом не остается. Кроме того, поскольку традиционно отцу принадлежала роль кормильца и защитника семьи, то и времени на это, соответственно, отцом затрачивается больше [10].

- Конфликт поколений. Проблема взаимопонимания отцов и детей существовала и будет существовать всегда. Связано это с тем, что у каждого поколения существует своя система принципов и установок, которая значима для него в этих условиях. При этом проблема конфликта поколений имеет два варианта развития. Первый вариант заключается в поиске компромисса, который позволит прийти к сотрудничеству и взаимопониманию и в конечном итоге свести конфликт к минимуму. Второй же вариант диаметрально противоположен. Ни отец, ни ребенок не идут на сближение, не хотят слышать и понимать точку зрения друг друга, что ведет только к усилению конфликта.

Согласно исследованиям, на сегодняшний день в российских семьях проблема конфликта поколений между отцами и детьми имеет гораздо меньший масштаб, нежели в прошлые десятилетия. На данный момент конфликтность проявляется в основном на бытовом уровне, а именно в различиях повседневных практик, преодолена опасность прерывания преемственности поколений. Это в свою очередь, проявляется в том, что молодежь стремиться сохранять и укреплять ценности старшего поколения [7, с.28].

- Психологические барьеры. При взаимодействии с детьми и семьей в целом современные отцы сталкиваются с рядом психологических барьеров. Одним из ключевых выступает внутренний конфликт, возникающий в результате изменений традиционной маскулинности. Многие мужчины испытывают страх быть неуспешным отцом. Этот страх проявляется в растерянности и в целом непонимании, каким образом лучше выстраивать отношения с детьми в условиях, когда от отца ожидается не только выполнение функции кормильца семьи, но и эмоциональной вовлеченности в процесс воспитания. В то же время существует двойственность желаний. Так, желание быть хорошим и заботливым отцом сопровождается желанием сохранить свой профессиональный статус и уважение коллег. В итоге это приводит к внутренним противоречиям и, как следствие, к стрессу.

Взаимодействие усугубляется и возможным наличием нарциссических черт у некоторых отцов. После рождения ребенка они могут испытывать

ревность и недовольство из-за уменьшения внимания в свой адрес со стороны супруги после рождения ребенка. Это проявляется в критике матери, вытекающей в итоге в конфликт [8]. Сложности в выражении чувств и эмоций могут быть связаны с разного рода психологическими комплексами. Например, негативный отцовский комплекс, который проявляется в чрезмерной требовательности к себе и к окружающим, постоянном напряжении и трудностях в управлении агрессией, что дополнительно осложняет внутрисемейное взаимодействие [13].

- Экономические барьеры. Современные российские отцы сталкиваются с серьезными экономическими барьерами, которые мешают им полноценно осуществлять отцовские функции. Низкий уровень дохода, равно как и отсутствие постоянного его источника, снижает возможности мужчин активно участвовать в жизни семьи и оказывает давление на их психологическое состояние [1, с. 249]. Успешность поиска работы зависит от ситуации на рынке труда. Поскольку изначальные ожидания от построения карьеры могут быть завышены, то в самом начале профессионального пути эти представления рушатся. Это приводит к разочарованию в профессии, в самом себе и неуверенности в будущем. Этому способствует и существующая на сегодняшний день конкуренция на рынке труда. Дабы соответствовать стандартам, необходимо постоянно развиваться, а это требует больших временных затрат.

Нередко молодые родители сталкиваются с трудностями в решении жилищного вопроса. Ситуация на рынке жилья такова, что оно становится недоступным для большинства из-за своей дороговизны. В связи с этим возникает несколько вариантов развития событий. Первый и самый простой – проживание с родителями одного из супругов. В случае, когда проживание с родителями не представляется возможным по ряду обстоятельств, возникает вариант аренды жилья или ипотечного кредита. Именно на мужчин накладывается обязанность по содержанию семьи, в связи с чем большую часть времени они проводят на работе [5, с. 163].

- Отсутствие мотивации. Проблема отсутствия мотивации у отцов во взаимодействии с детьми – комплексная проблема, которая берет свое начало из внутрисемейных отношений. Сразу после рождения ребенка на ранних этапах его развития матери зачастую осознанно или неосознанно вытесняют отца от участия в уходе за ребенком. Мать берет на себя все заботы о нем, попытки же участия в процессе воспитания отца подвергаются критике. В дальнейшем в адрес отца могут практически постоянно поступать замечания относительно его взаимодействия с ребенком. Так, у отца формируется ощущение ненужности, некомпетентности, а также эмоциональное отчуждение. Как итог, происходит постепенный отказ от повседневного взаимодействия с детьми. Сама же роль отца сводится лишь к применению мер дисциплинарного воздействия и материальному обеспечению семьи [11].

На уровень мотивации оказывает влияние и уровень психолого-педагогической подготовленности мужчины к роли отца. Желание отца взаимодействовать с ребенком, участвовать в его повседневной жизни, в воспитательном

процессе зависит от того, насколько сформирована целостная система отношения мужчины непосредственно к отцовству. При этом целостность этой системы состоит из таких компонентов как отношение к ребенку, отношение к себе как будущему родителю, отношение к родительской роли [12].

- Дискриминация в судебной практике. Несмотря на провозглашенный в семейном праве принцип равенства прав супругов на участие в жизни ребенка, при определении места жительства в случае развода родителей, как правило, предпочтение отдается проживанию ребенка с матерью [3, с. 62]. В своих исследованиях С.В. Зыков приводит статистику решений суда, согласно которым место жительства ребенка было определено с отцом – 33%. Но здесь стоит отметить, что, во-первых, из этого процента значительная часть решений в пользу отцов была вынесена в республиках Северного Кавказа. Во-вторых, сюда включены случаи, когда на момент возникновения спора ребенок уже проживал с отцом. Нельзя не отметить, что большая роль в данном вопросе принадлежит самому отцу и его собственному желанию участвовать в жизни и воспитании ребенка. К сожалению, имеет место быть и тот факт, что большинство отцов в принципе не готовы и не хотят брать на себя такую ответственность [4, с. 57].

Таким образом, перечисленные выше проблемы взаимосвязаны между собой. Финансовая нагрузка, вызванная необходимостью обеспечения материального благополучия, влечет уменьшение количества уделяемого времени взаимодействия отца с членами семьи и возникновение стресса и психологического давления, что снижает эффективность участия отца в жизни семьи.

Список использованных источников

1. Безрукова О.Н. Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 249.

2. Бреусова В.С. Развитие института отцовства, перспективы развития и укрепления роли отца в семье // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества. Сборник научных трудов по материалам XXII Международной научно-практической конференции. Анапа, 2024. С. 8.

3. Емелина Л.А. Семейное законодательство и гендерный дисбаланс: критерии защиты прав отцов в условиях правоприменительных коллизий // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. С. 62.

4. Зыков С.В. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 52–57.

5. Кадымова Д.М. Основные проблемы молодых семей // Молодой учёный. 2021. № 2. С. 163.

6. Карпова М.К. Традиционные гендерные стереотипы в условиях современности // Наука. Общество. Государство. Пенза, 2021. № 1. С. 150.

7. Лебедева Л.Г. О концепте «Преемственность и конфликтность поколений» как противоречивых интеграционных и дезинтеграционных аспектах межпоколенческих взаимоотношений // Социология. Политология. Международные отношения. 2025. С. 28.

8. Легостаева Е.С. Нарциссизм современных отцов: после развода и вместо контакта с ребенком. [Электронный ресурс] // Психологическая газета. URL: https://psy.su/feed/10625/ (дата обращения: 21.09.2026).

9. Николаева А.О. Факторы трансформации социального института отцовства // Социология. 2024. № 9. С. 84.

10. Отцы объяснили, почему мало времени проводят с детьми. [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/daily/27536/4802392/?utm_source=perplexity (дата обращения: 21.09.2026).

11. Решетова О.П. Активизация отцовской позиции в семейной системе. [Электронный ресурс] // Психологическая газета. URL: https://psy.su/feed/8324/ (дата обращения: 22.09.2026).

12. Токарева Ю.А. Эффективное отцовство: возможности и ресурсы формирования. [Электронный ресурс] // Психологическая газета. URL: https://psy.su/feed/4607/ (дата обращения: 22.09.2026).

13. Шептихина Г.В. Размышления о тайне отцовской любви или, о чем молчат мужчины? [Электронный ресурс] // Психологическая газета. URL: https://psy.su/feed/12048/ (дата обращения: 22.09.2026).

14. 4 из 10 родителей страдают из-за нехватки времени на общение с детьми. [Электронный ресурс] // Superjob.ru. URL: https://www.superjob.ru/research/articles/114850/4-iz-10-roditelej-stradayut-iz-za-nehvatki-vremeni-na-obschenie-s-detmi/ (дата обращения: 22.09.2026).

PROBLEMS OF FATHERHOOD AS AN EDUCATIONAL ACTIVITY

N.V. Semina, S.S. Karzhina

Penza State University,
Penza, Russia

Fatherhood is socially and culturally determined. The cultural and social determination of fatherhood means the influence of cultural norms of a particular society, as well as the interpersonal relationships in which a man is involved, on his perceptions and actual behavior in the role of a father. The article analyzes fatherhood as a social phenomenon. Various problems related to fatherhood as an educational activity are addressed, including social and psychological factors that affect the effectiveness of a father's educational role.

Keywords: fatherhood, family, paternal behavior, problems, educational activities.

УДК 940.53

АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ИНСТРУКЦИИ «О ПАТРОНИРОВАНИИ, ОПЕКЕ И УСЫНОВЛЕНИИ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ РОДИТЕЛЕЙ» ОТ 8 АПРЕЛЯ 1943 И ИХ РЕАЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Н.В. Семина

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

С наступлением коренного перелома в Великой Отечественной войне органами власти проводились дополнительные мероприятия по устройству детей, оставшихся без попечения родителей. Законодательно была озвучена необходимость объединения и согласования деятельности органов власти и общественности. В статье анализируются положения инструкции «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей» от 8 апреля 1943 года, их практическая реализация. Отмечается роль данного документа в вопросе борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью.

Ключевые слова: дети, беспризорность, безнадзорность, опека, усыновление, патронирование.

В апреле 1943 года было утверждено официальное положение о комиссиях по устройству детей, оставшихся без родителей. В связи с тем, что основное внимание уделялось нуждам фронта, государство не могло направить на решение проблемы детской беспризорности и безнадзорности достаточное количество административных ресурсов. Как следствие, помощь органам советской власти со стороны общественности становится важной составляющей в решении проблемы безнадзорности, недопущении беспризорного образа жизни. Советское руководство всегда понимало, что масштабную работу по устройству детей, оставшихся без родителей, невозможно осуществить без помощи общественности, без поддержки со стороны своего народа. Одной из форм борьбы с этим явлением стало семейное воспитание детей, потерявших родителей. Эта форма существовала и до 1941 года, но в годы Великой Отечественной войны получила значительное распространение.

Руководствуясь положением о необходимости объединения усилий органов власти и общества, СНК РСФСР 8 апреля 1943 года утвердил инструкцию «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей», разработанную совместно Наркомпросом, Наркомздравом и Наркомюстом РСФСР. Документ строго регламентировал порядок устройства на патронат, опеку, усыновление [1, л. 2]. В Среднем Поволжье реализация положений данной инструкции осуществлялась следующим образом.

На патронат передавались дети в возрасте от 5 месяцев до 14 лет, лишившихся родителей или потерявшие связь с ними, находившиеся в детдомах Наркомпроса или домах ребенка Наркомздрава, а также находившиеся вне

детских учреждений. По достижении 14 лет воспитанники направлялись по усмотрению районного (городского) отдела народного образования в ремесленные, железнодорожные, сельскохозяйственные училища и школы фабрично-заводского обучения или на работу наравне с воспитанниками детских домов. В этих случаях действие патронирования прекращалось. Передача детей производилась по договору между лицом, изъявившим желание взять ребенка на воспитание, и районным (городским) отделом народного образования или здравоохранения в лице заведующего отделом. В сельской местности договор подписывался между патроном и правлением колхозной кассы общественной взаимопомощи. Субъекты, осуществлявшие устройство детей, обязывались единовременно выдавать им одежду, обувь и выплачивать семье из средств местного бюджета ежемесячное пособие, которое составляло 50 рублей. Органами Наркомата просвещения в 1943 году на патронат было устроено 1803 ребенка в Татарской АССР [2, л. 17], 1568 детей в Куйбышевской области [2, л. 36], 1620 детей в Пензенской области [2, л. 59], 1696 детей в Ульяновской области [2, л. 81]. Число детей, взятых на воспитание на условиях патроната, составило в 1943 году в Средне-Волжском регионе 61,2% от общего числа детей, устроенных в семьи трудящихся.

Усыновление допускалось только в отношении несовершеннолетних и исключительно в их интересах. Оно осуществлялось по просьбе усыновителя и по месту жительства усыновляемого решением исполкома районного (городского) совета депутатов трудящихся и регистрировалось в местном органе записи актов гражданского состояния. Усыновлению подлежали, как правило, сироты. В сентябре 1943 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об усыновлении», разрешавший усыновленным присваивать фамилию, отчество усыновителя, записать его в качестве родителя, что во многом облегчало процесс врастания осиротевшего ребенка в приемную семью. Согласно отчету Наркомата просвещения, за 1943 год в Татарской АССР было усыновлено 409 детей [2, л. 17], в Куйбышевской области – 393 ребенка [2, л. 36], в Пензенской области – 267 детей [2, л. 59], в Ульяновской области – 174 ребенка [2, л. 81]. Доля усыновленных была относительно невелика и составляла в Среднем Поволжье 11,4 % от общего числа детей-сирот, взятых на воспитание в семьи.

Опеке подлежал ребенок, который не находился на попечении родителей или в соответствующем детском учреждении. Опека над ребенком назначалась в случае смерти обоих родителей; а также в исключительных случаях могла быть установлена и при жизни родителей ребенка (если родители лишены свободы, помещены в больницу). Воспитание в порядке опеки продолжалось до 14 лет, а по достижении этого возраста над детьми устанавливалось попечительство, которое продолжалось до совершеннолетия ребенка. Опекуны исполняли свои обязанности безвозмездно, являлись законными представителями опекаемых, при наличии у детей имущества должны были управлять им. В 1943 году под опеку было устроено 762 ребенка в Татарской АССР [2, л. 17], 696 детей в Куйбышевской области [2, л. 36], 706 детей в Пензенской области [2, л. 59], 830 детей в Ульяновской области [2, л. 81]. Соответственно, в исследуемом регионе

количество детей, взятых под опеку, составило 27,4 % от общего числа детей, переданных на воспитание в семьи.

Следует отметить, что рассматриваемая инструкция содержала много положений процессуального плана, регулировавших механизм передачи детей на воспитание, и требовала оформления большого количества справок, характеристик и т.д. Учитывая занятость населения и присущее многим нежелание проходить бюрократические процедуры, можно предположить, что это в некоторой степени затрудняло оформление патроната, опеки, усыновления. Действительно, изученные архивные данные показывают, что часть сирот проживала у родственников без каких-либо юридических оснований. Анализ данных Средне-Волжского региона показывает, что большинство взрослых стремились оформить прием детей в свои семьи преимущественно на условиях патроната, предполагавшего материальное вознаграждение в виде патронатного пособия.

Но в Средне-Волжском регионе, как и по СССР в целом, был процент детей, оставшихся без попечения родителей, о которых работники органов просвещения знали, но так и не смогли устроить. Так, 1441 ребенок (8,5% от общего числа учтенных) из более 17000 детей в течение года не был определен ни в семьи трудящихся, ни в детские дома. Это существенная проблема. Тем не менее, работники органов просвещения в самое тяжелое для страны время проделали существенный объем работы. Только за 1943 год им удалось устроить 15569 детей [3, л. 41], причем почти одиннадцать тысяч из них, по сути, обрели новые семьи. Это свидетельствует о том, что общественность в исследуемом регионе широко откликнулась на призыв органов власти взять детей, потерявших родителей, к себе на воспитание.

Список использованных источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. – 2306. Оп. 70. Д. 5654.

2. ГАРФ. Ф. – 2306. Оп. 70. Д. 9637.

3. ГАРФ. Ф. – 2306. Оп. 70. Д. 5786.

ANALYSIS OF THE PROVISIONS OF THE INSTRUCTION “ON THE PATRONAGE, GUARDIANSHIP, AND ADOPTION OF CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTS” OF APRIL 8, 1943, AND THEIR IMPLEMENTATION (BASED ON MATERIALS FROM THE MIDDLE VOLGA REGION)

N.V. Semina

Penza State University,
Penza, Russia

With the onset of a fundamental turning point in the Great Patriotic War, the authorities carried out additional measures to provide for children left without parental care. The need to unite and coordinate the activities of the authorities and the public was articulated in law. The article analyzes the provisions of the instruction “On

Patronage, Guardianship, and Adoption of Children Left Without Parents" dated April 8, 1943, and their practical implementation. The role of this document in the fight against child homelessness and neglect is noted.

Keywords: children, homelessness, neglect, guardianship, adoption, fostering.

УДК 355.23:94(47)

ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ТЫЛА И ТРАНСПОРТА

А.А. Смирнов, Я.И. Олейникова, А.А. Морозов, В.В. Белозеров

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва, г. Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается история подготовки специалистов тыла и транспорта в Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (ВА МТО). Анализируются основные этапы становления системы подготовки кадров от Интендантского курса 1900 года до современного многоуровневого образовательного комплекса. Особое внимание уделяется роли академии в годы Великой Отечественной войны и послевоенном периоде, а также современным направлениям подготовки специалистов материально-технического обеспечения Вооружённых Сил Российской Федерации с учетом опыта специальной военной операции.

Ключевые слова: Военная академия материально-технического обеспечения, ВА МТО, подготовка кадров, тыл, транспорт, Интендантский курс, история военного образования, материально-техническое обеспечение.

История подготовки специалистов тыла и транспорта в России неразрывно связана с развитием системы материально-технического обеспечения армии. Центральным звеном этой системы на протяжении более чем ста двадцати лет является Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (ВА МТО), ведущая своё начало от Интендантского курса, учреждённого в 1900 году.

31 марта 1900 года император Николай II утвердил «Положение об открытии восьмимесячного Интендантского курса» с местом дислокации в Санкт-Петербурге. Целью создания курса являлось расширение познаний офицеров и чиновников интендантского ведомства, а также подготовка необходимого числа офицеров из строя для замещения административных должностей в интендантских управлениях и заведениях. 1 сентября 1900 года в присутствии Главного интенданта Военного министерства генерал-лейтенанта Н.Н. Тевяшова состоялось торжественное открытие курса, и первые слушатели приступили к занятиям. Первоначально на курс было набрано 50 человек, распределённых по

квотам между военными округами. Уже через год численность обучающихся возросла до 100 человек, а срок обучения был увеличен.

В 1906 году Интендантский курс был приравнен к высшим военно-учебным заведениям, срок обучения увеличился до трёх лет. 22 ноября 1911 года курс был преобразован в Интендантскую академию. Согласно положению, академия имела целью доставлять офицерам и гражданским чиновникам интендантского ведомства высшее специальное образование, соответствующее требованиям интендантской службы. До 1917 года учебное заведение подготовило 586 офицеров-интендантов и гражданских чиновников (не считая сверхштатных слушателей, в том числе офицеров иностранных армий).

После Октябрьской революции 15 марта 1918 года Интендантская академия была реорганизована в Военно-хозяйственную академию Рабоче-крестьянской Красной Армии. В октябре 1920 года она объединилась с Высшей военно-морской финансово-хозяйственной школой и стала именоваться Военно-хозяйственной академией РККА и РККФ. Около тысячи воспитанников академии приняли участие в Гражданской войне на должностях в различных звеньях тыла Красной Армии. В 1924–1925 годах академия была реорганизована, её факультеты переданы в другие учебные заведения. Однако децентрализованная подготовка офицерских кадров тыла и транспорта себя не оправдала.

В 1932 году в Москве на базе Военно-транспортного факультета Ленинградского института инженеров путей сообщения была сформирована Военно-транспортная академия РККА (с 1938 года – имени Л.М. Кагановича, дислоцировалась в Ленинграде). В 1935 году в Харькове восстановлена Военно-хозяйственная академия. С 1940 года она именовалась Интендантской академией, а с 1942 года – Военной академией тыла и снабжения. За предвоенный период академия подготовила более 3000 квалифицированных организаторов тыла и военных инженеров транспорта.

Особую роль подготовка специалистов тыла и транспорта сыграла в годы Великой Отечественной войны. В сентябре 1941 года Военно-хозяйственная (Интендантская) академия была эвакуирована в Ташкент, где приказом НКО СССР № 0700 от 11 сентября 1942 года реорганизована в Военную академию тыла и снабжения. В 1943 году она была переведена в Калинин (ныне Тверь). Военно-транспортная академия также продолжала подготовку кадров в эвакуации. За годы войны обе академии подготовили более 13 тысяч квалифицированных специалистов тыла и транспорта – в 20 раз больше, чем за всю историю Интендантского курса и Интендантской академии до 1917 года. Многие выпускники академии проявили героизм на фронтах, 15 человек удостоены звания Героя Советского Союза, 15 – звания Героя Социалистического Труда.

Послевоенное развитие системы подготовки кадров тыла и транспорта связано с именем генерал-полковника Михаила Павловича Миловского (1899–1966) – крупного организатора тыла, начальника Штаба Тыла Красной Армии в годы войны, профессора. В 1945–1946 и 1950–1956 годах он возглавлял Военную академию тыла и снабжения, в 1946–1950 годах – Военно-транспортную академию. 1 июня 1956 года в соответствии с приказом Министра обороны СССР № 0113

от 1 июня 1956 года две академии были объединены в единую Военную академию тыла и транспорта (ВАТТ) с дислокацией в Ленинграде. М.П. Миловский возглавлял объединённую академию до 1965 года. При нём были организованы четыре факультета (тыла, инженерный тыла, автомобильно-тракторный и военных сообщений), факультет для подготовки офицеров армий дружественных стран, высшие академические курсы, отделение заочного обучения и адъюнктура. Им написано около 400 научных работ, в том числе фундаментальные труды «Тыл в Великой Отечественной войне» и «Тыл в современных операциях».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1968 года за большие заслуги в подготовке офицерских кадров для Вооружённых Сил СССР и в связи с 50-летием Советской Армии и Военно-морского флота Военная академия тыла и транспорта была награждена орденом Ленина. В последующие десятилетия академия продолжала развиваться как ведущий центр подготовки специалистов тыла и транспорта.

В постсоветский период академия претерпела ряд преобразований. С сентября 1999 года Военная академия тыла и транспорта осуществляет подготовку курсантов с полной военно-специальной подготовкой, а с сентября 2010 года – со средней военно-специальной подготовкой. В 2003 году академии было присвоено имя генерала армии А.В. Хрулёва – выдающегося организатора тыла, первого начальника Тыла Красной Армии. Приказом Министра обороны Российской Федерации № 1577 от 21 июня 2012 года Военная академия тыла и транспорта переименована в Военную академию материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва. В 2011–2012 годах к академии были присоединены Военный инженерно-технический университет и Военно-транспортный университет Железнодорожных войск, а также ряд филиалов.

Особое значение в современных условиях приобретает учёт опыта специальной военной операции. Слушатели выпускники и курсанты Военной академии материально-технического обеспечения активно участвуют в решении задач материально-технического обеспечения группировок войск. Офицеры – выпускники академии организуют и осуществляют подвоз материальных средств, ремонт и восстановление техники, продовольственное, вещевое и иное обеспечение в сложных условиях современной боевой обстановки. Опыт специальной военной операции показывает возросшую роль мобильности, живучести и гибкости системы МТО, что находит непосредственное отражение в учебных программах и научной деятельности академии.

Курсанты и слушатели академии изучают реальный опыт обеспечения войск в ходе специальной военной операции, анализируют особенности организации тылового и технического обеспечения в условиях применения высокоточного оружия, беспилотных летательных аппаратов и современных средств поражения. В учебный процесс внедряются новые методики, основанные на боевом опыте. Многие выпускники академии, проходящие службу в зоне специальной военной операции, демонстрируют высокий уровень профессиональной подготовки, инициативность и готовность выполнять задачи в любых условиях. Их

опыт обобщается и используется для совершенствования системы подготовки кадров МТО.

История подготовки специалистов тыла и транспорта в стенах ВА МТО отражает общую эволюцию системы материально-технического обеспечения армии – от интендантской службы императорской России через тыл Красной Армии и Советских Вооружённых Сил к современной системе МТО. Академия сохраняет преемственность традиций, заложенных более 125 лет назад, и продолжает готовить кадры, от которых во многом зависит боеспособность войск и успешность выполнения задач в современных условиях.

Таким образом, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва прошла большой и славный путь от Интендантского курса 1900 года до ведущего многопрофильного военно-учебного заведения. Её история – это история непрерывного совершенствования системы подготовки специалистов тыла и транспорта, адаптации к изменяющимся требованиям военного строительства и сохранения лучших традиций отечественной военной школы.

Список использованных источников

1. От Интендантского курса – к академии // Красная звезда. – 2020. – 26 февраля. – URL: http://redstar.ru/ot-intendantskogo-kursa-k-akademii/ (дата обращения: 08.10.2026).

2. Кузница кадров интендантства – Тыла – МТО // Красная звезда. – 2020. – 30 июля. – URL: http://redstar.ru/kuznitsa-kadrov-intendantstva-tyla-mto/ (дата обращения: 08.10.2026).

3. Век с четвертью на защите интересов Родины // Красная звезда. – 2025. – 30 марта. – URL: http://redstar.ru/vek-s-chetvertyu-na-zashhite-interesov-rodiny/ (дата обращения: 08.10.2026).

4. Чижиумов, С. Д. Преемственность дисциплин в техническом образовании / С. Д. Чижиумов, А. А. Горбунова // Проблемные вопросы и их решение в обучении курсантов общенаучным дисциплинам: Сборник статей межвузовской научно-методической конференции, Петергоф, 23 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, 2025. – С. 99-107. – EDN EJEKWY.

6. Попракво Е.А. М.П. Миловский как организатор деятельности штаба тыла Красной армии по обеспечению войск в ходе стратегических операций 1943–1944 годов // Вестник академии. – 2020. – № 2. – С. 45–58. – EDN:

7. Олейникова, Я. И. Привитие навыков морально-психологической устойчивости курсантам военных академий с помощью плановых занятий по физической подготовке / Я. И. Олейникова, В. Д. Поляничко, М. М. Олейникова // Физическая культура и спорт в образовательных организациях высшего образования: актуальные вопросы теории и практики : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 24–26 сентября 2025 года. – Пенза:

Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 532-534. – EDN TCOFOA.

8. Примицкий С.Д. Образование Высшего военно-морского инженерно-строительного училища (ВИТУ) // Современные направления технологии строительного производства. Вып. 10 // Постоянно действующие межвузовский научно-практический семинар статьи и тезисы докладов / ВМИУ. – СПБ., 2007. – 136 с.

HISTORY OF TRAINING SPECIALISTS OF THE REAR AND TRANSPORT (MA MTO)

A.A. Smirnov, Y.I. Oleynikova, A.A. Morozov, V.V. Belozerov

Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulev, St. Petersburg, Russia

The article examines the history of training specialists of the rear and transport at the Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulev (MA MTO). The main stages of the formation of the personnel training system from the Quartermaster Course of 1900 to the modern multi-level educational complex are analyzed. Special attention is paid to the role of the academy during the Great Patriotic War and the post-war period, as well as to modern areas of training specialists in the material and technical support of the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: Military Academy of Logistics, MA MTO, personnel training, rear, transport, Quartermaster Course, history of military education, material and technical support.

УДК 343.2/.7

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВОМЕРНОМ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ПРИ ЗАЩИТЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ПРАВЕ

А.Н. Соколов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

В статье исследуется формирование представлений о правомерном причинении вреда при защите от посягательств в древнерусском праве. Рассматриваются положения договора князя Олега с Византией и Русской Правды, регулировавшие возможность причинения вреда лицу, посягавшему на имущество. Анализируются допустимые пределы защиты и значение непосредственного характера посягательства. Делается вывод о том, что данные положения отражают начальный этап формирования представлений о правомерности причинения

вреда при необходимой обороне, получивших дальнейшее развитие в отечественном уголовном законодательстве.

Ключевые слова: древнерусское право; необходимая оборона; правомерное причинение вреда; защита от посягательства; Русская Правда; договор князя Олега с Византией; кровная месть; пределы защиты.

Право на защиту от общественно опасного посягательства относится к числу фундаментальных возможностей человека. В различных исторических условиях формы и пределы такой защиты определялись особенностями существовавшего правопорядка, уровнем развития государства и характером правового регулирования. При этом первоначальные представления о допустимости причинения вреда лицу, совершившему посягательство, возникли значительно раньше, чем была сформирована конструкция необходимой обороны как самостоятельного уголовно-правового института. В этой связи представляется целесообразным обратиться к истокам формирования соответствующих представлений – к древнерусскому праву.

В Древней Руси правовое регулирование преимущественно основывалось на морально-обычных представлениях о возмездии и справедливости. Вместе с тем уже в этот период прослеживаются попытки нормативного регулирования действий, направленных на защиту от посягательств. Данные положения могут рассматриваться как один из ранних этапов формирования представлений о правомерном причинении вреда при необходимой обороне. Следует отметить, что право на защиту относится к числу естественных по своей природе субъективных прав, необходимость реализации которого была обусловлена потребностью человека защищать себя, свою жизнь и имущество от посягательств независимо от исторической эпохи и социального положения [7].

Эта идея находит отражение в словах А.Ф. Кони о необходимой обороне как «non scripta, sed nata lex» – законе, вытекающем непосредственно из человеческой природы [5].

Право на самозащиту в древнерусском обществе было неразрывно связано с кровной местью. Долгое время нормы, регулирующие такие случаи, отсутствовали: обычное право предоставляло человеку и его семье широкие возможности наказать того, кто посягнул на «чужое» право, вплоть до причинения ему смерти [8]. Лишь с попытками ограничить право мести появляются отдельные нормы, регулирующие случаи такой защиты [3].

Отправной точкой в изучении данного вопроса исследователи справедливо считают договор князя Олега с Византией (911 г.) [4]. В частности, пункт 6 договора допускал ненаказуемость причинения вреда вору, застигнутому при краже либо приготовлении к ней, если действия были направлены на защиту имущества [2]. Как можно заметить, уже в X веке в древнерусском праве начинают формироваться первые представления о допустимости применения насилия в целях защиты.

Дальнейшее развитие рассматриваемых положений связано с появлением первого систематизированного источника древнерусского права – Русской Правды, созданной в XI–XII вв. С его принятием кровная месть приобретает переходный характер – от непосредственной расправы к мерам ответственности, налагаемым и исполняемым государственными органами [8]. Вместе с тем наблюдается зачаточная регламентация пределов допустимой защиты имущества от посягательства: допускалось лишение жизни вора, застигнутого на месте преступления, при этом устанавливались определённые границы ответственности за превышение этой меры.

Так, в Краткой редакции Русской Правды (XI в., ст. 38) допускалось лишение жизни вора, застигнутого при посягательстве на имущество на дворе или у хозяйственных построек (клети, хлева), тогда как убийство уже связанного лица влекло обязанность возмещения вреда. Аналогичное правило содержалось и в Пространной редакции (XII в., ст. 40), отличаясь лишь более жёсткой формулировкой и указанием конкретного размера денежного возмещения. Суть обеих норм была единой: закон признавал допустимым причинение вреда лишь в пределах непосредственного посягательства, тогда как после прекращения опасности дальнейшее насилие влекло ответственность [1].

Обратим внимание, что упомянутые нормы не содержат прямого упоминания необходимой обороны в её привычном понимании. По справедливому замечанию А.А. Краснова: «Остаётся открытым вопрос о конкуренции необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, и мести» [6]. Тем не менее они отражают ранние представления о допустимой защите и свидетельствуют о зарождении идей, близких к институту необходимой обороны.

Таким образом, в древнерусском праве постепенно формировались представления о допустимости причинения вреда при защите от посягательства. Первоначально такая возможность была тесно связана с обычаем кровной мести и не имела чётких правовых границ. Впоследствии её нормативное регулирование стало предусматривать пределы допустимого насилия, связывая правомерность причинения вреда непосредственно с наличием посягательства. При этом прекращение опасности означало прекращение оснований для дальнейшего применения насилия и влекло ответственность за причинённый вред. Несмотря на отсутствие в древнерусском праве самостоятельного института необходимой обороны, указанные положения свидетельствуют о постепенном формировании представлений о правомерном причинении вреда при защите, получивших дальнейшее развитие в отечественном уголовном законодательстве.

Список использованных источников

1. Библиотека литературы Древней Руси [Электронный ресурс] / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под ред. Д.С. Лихачева и др. – СПб.: Наука, 1997. – Т.4: XII век. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/ (Дата обращения: 14.10.2025).

2. Договоры русских с греками X века: Учебное пособие. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2005. - 42 с.

3. Евтушенко Е.А. О развитии института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном законодательстве России // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. № 1. С. 254-262.

4. Клочкова А.Л., Рябко Н.В., Рябко Ф.А. К вопросу о возникновении и применении необходимой обороны в российском праве // Аграрное и земельное право. 2024. №12. С. 414-417.

5. Кони А.Ф. О праве необходимой обороны: Рассуждение студента Анатолия Кони, напис. для получения степ. канд. по Юрид. фак. – Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1866. - 104 с.

6. Краснов А.А. Реализация института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. - 235 с.

7. Матова Л.С. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: история становления и развития / Л.С. Матова // Актуальные проблемы права, экономики и управления: Сборник материалов студенческой научной конференции. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2021. С. 188-192.

8. Щелконогова Е.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: природа, система, квалификация: монография. - М.: Юрлитинформ, 2015. С. 176.

FORMATION OF CONCEPTS OF LAWFUL INFLICTION OF HARM IN DEFENSE IN OLD RUSSIAN LAW

A.N. Sokolov

Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

The article examines the formation of concepts of lawful infliction of harm in defense against attacks in Old Russian law. The provisions of the treaty between Prince Oleg and Byzantium and the Russkaya Pravda regulating the possibility of inflicting harm on a person who had attacked property are considered. The permissible limits of defense and the significance of the immediate nature of the attack are analyzed. It is concluded that these provisions reflect an initial stage in the formation of concepts of the lawfulness of inflicting harm in necessary defense, which subsequently developed in Russian criminal legislation.

Keywords: Old Russian law; necessary defense; lawful infliction of harm; defense against an attack; Russkaya Pravda; treaty between Prince Oleg and Byzantium; blood feud; limits of defense.

УДК 930.85

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЕРУСАЛИМСКОГО ХРАМА: «ЧАЯНИЙ ИУДЕЕВ НА ТРЕТИЙ ХРАМ»

Д.А. Субботин[1], А.В. Карпов[2], А.В. Чуваткина[3]

[1]Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия
[2]Санкт-Петербургский Государственный Университет гражданской авиации А.А. Новикова, г. Санкт-Петербург, Россия
[3]Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева, г. Ульяновск, Россия

В статье рассматривается эволюция представлений об Иерусалимском храме в иудейской традиции – от исторической реальности Первого и Второго храмов к эсхатологической идее Третьего храма. Анализируются библейские и апокрифические тексты, содержащие пророчества о восстановлении храма, а также влияние храмовой темы на общественно-политическую мысль в разные исторические периоды. Особое внимание уделяется современным интерпретациям чаяний о Третьем храме в контексте израильско-палестинского конфликта.

Ключевые слова: Иерусалимский храм, Третий храм, иудаизм, эсхатология, храмовая гора, пророк Иезекииль, история Израиля.

На протяжении тысячелетий Иерусалимский храм остается центральным социокультурным и семиотическим концептом иудейской религиозной традиции. Разрушение Второго храма в 70 г. н.э. стало национальной катастрофой, определившей вектор развития еврейской диаспоры, но надежда на восстановление храма («чаяния о Третьем храме») никогда не исчезала из религиозного сознания. Актуальность данной темы обусловлена не только историко-религиозным значением, но и современным политическим контекстом, где вопрос о храмовой горе является одним из ключевых в израильско-палестинском противостоянии [1, с. 98].

Историография темы крайне обширна. Фундаментальные труды по архитектуре и истории храма были созданы еще в дореволюционной России (А.А. Олесницкий, М.Д. Муретов). В современной науке выделяются исследования Л. Дрейера по реконструкции облика храма, работы по кумранским текстам (Е.В. Леонтьева) и комплексные исследования по истории Израиля (И.Р. Тантлевский). Отдельного внимания заслуживают труды по еврейской мистике, раскрывающие связь храмовой традиции с формированием ранней мистической литературы.

Цель нашего исследования в общем историографическом дискурсе проследить эволюцию идеи Иерусалимского храма от конкретного архитектурного

сооружения до эсхатологической концепции и проанализировать, как чаяния о Третьем храме трансформировались на протяжении истории.

История Первого храма (Храма Соломона) окутана легендами и скудостью археологических свидетельств, однако библейский нарратив (3 Цар. 5-) и более поздние реконструкции позволяют составить представление об этом сооружении. Как отмечает М.Д. Муретов в своем фундаментальном исследовании, храм Соломона представлял собой не просто культовое здание, но сакральный центр, объединявший все колена Израиля [9, с. 45].

Разрушение Первого храма Навуходоносором в 586 г. до н.э. было осмыслено пророками как наказание за грехи народа. Однако уже пророк Иезекииль в вавилонском изгнании создает грандиозное видение нового храма (Иез. 40-48), которое, как показано в современных исследованиях, не совпадает с архитектурой реально построенного Второго храма и носит отчетливый утопически-эсхатологический характер.

Второй храм, построенный в конце VI в. до н.э. и значительно расширенный Иродом Великим, просуществовал до Иудейской войны. Его разрушение римлянами в 70 г. н.э. стало поворотным моментом. Как убедительно доказывает Р. Элиор, именно после этой катастрофы жреческая традиция, лишенная храма, начинает трансформироваться в мистические учения о небесном храме (Меркава) и небесных чертогах (Хейхалот).

На Третий храм в иудейской историографической традиции существует несколько взглядов. Наиболее детальное описание содержится в упомянутых нами главах книги пророка Иезекииля. Традиционные комментаторы, такие как Раши и Давид Кимхи, спорили о том, относится ли это пророчество ко Второму храму или к грядущему Третьему. Современный исследователь рав Хаим Бурштейн, анализируя талмудические источники, подчеркивает, что, согласно одной из точек зрения, Третий храм будет иметь небесное происхождение и «спустится» на землю уже готовым, когда поколение окажется достойным.

В апокалиптической литературе эпохи Второго храма (книги Еноха, кумранские свитки) тема небесного храма занимает центральное место. Леонтьева Е.В. отмечает, что в кумранской общине, противопоставлявшей себя официальному иерусалимскому священству, формируется представление о самой общине как о «духовном храме» [8, с. 35]. Эта идея позднее будет развита в раннем христианстве, но в иудаизме она осталась маргинальной, уступив место ожиданию буквального восстановления.

Мистическая традиция Меркавы, подробно исследованная Р. Элиор, предлагает сублимацию храмовой идеи: физическое здание замещается небесным тронным залом (Меркава), куда душа праведника может вознестись уже при жизни. Тем не менее, это не отменяло веры в будущее восстановление земного храма, которое оставалось краеугольным камнем раввинистического иудаизма.

Надежда на восстановление храма, как социокультурная концепция, прошла через всю еврейскую историю. Она нашла отражение в литургии (молитвы о восстановлении Иерусалима и храма в «Амиде» и «Биркат ха-мазон»), в

философских трудах (Маймонид включает восстановление храма в число 13 принципов веры) и в народных движениях.

Попытки восстановить храм предпринимались неоднократно. Наиболее известная - попытка императора Юлиана Отступника в IV в. разрешить евреям восстановить храм, которая, по свидетельствам церковных историков, была сорвана чудесным образом [12, с. 245]. В средние века мессианские ожидания неоднократно связывались с конкретными датами, которые должны были ознаменоваться началом восстановления храма.

В Новое время, с зарождением сионизма, вопрос о храме приобрел новое звучание. Светские сионисты первоначально относились к храмовой идее как к архаизму, однако религиозный сионизм (раввин А.И. Кук и его последователи) увидел в возвращении в Сион первый шаг к грядущему восстановлению храма.

Сегодня вопрос о Третьем храме является не только религиозным, но и острейшим политическим. Как справедливо отмечает Ф.М. Асадов в своем исследовании исторического континуума Иерусалима, «политический статус города неотделим от представлений о его святынях» [1, с. 112]. Наличие на Храмовой горе мусульманских святынь - Купола Скалы и мечети Аль-Акса - делает любые практические шаги по строительству Третьего храма невозможными без глобального межрелигиозного конфликта. В связи с этим в современном иудаизме усиливаются течения, призывающие к переносу акцента с физического строительства на духовное постижение, как это уже происходило в эпоху после разрушения Второго храма.

После создания государства Израиль в XX веке появились общественные организации, активно выступающие за восстановление Третьего храма. История Иерусалимского храма и чаяния о его восстановлении представляют собой уникальный феномен, где архитектурная реальность, религиозный символизм и политическая злоба дня переплетены в нерасторжимый узел. От конкретного здания, построенного Соломоном, идея храма прошла долгий путь: через пророческое видение Иезекииля, через мистику небесной Меркавы, через литургическую память диаспоры и, наконец, через острую политическую проблему современного Иерусалима.

Чаяния иудеев на Третий храм, оставаясь неизменными в своей сути (вера в восстановление богослужения на Храмовой горе), существенно трансформировались по форме: от ожидания чуда до политической программы. Сегодня эта идея остается мощным фактором, влияющим как на внутриизраильскую политику, так и на международные отношения на Ближнем Востоке. Дальнейшее изучение этой темы требует комплексного подхода, объединяющего методы истории, археологии, религиоведения и политологии.

Список использованных источников

1. Асадов Ф.М. Исторический континуум Иерусалима: неразобщенность времени и пространства, прошлого и настоящего, истории и политики // Ориенталистика. 2021. Т. 4. № 1. С. 96-120. DOI: 10.31696/2618-7043-2021-4-1-096-120.

2. Банич Б. Иерусалимский Храм и образ Небесного Иерусалима в восточно-христианской иконографии // Материалы Шестой Ежегодной Междунар. Междисциплинарной конф. по иудаике. М., 1999. Ч. 3. С. 38-46.

3. Богоявленский И.Я. Значение Иерусалимского храма в ветхозаветной истории еврейского народа // История Израиля и Иудеи: общественная и политическая жизнь. М.: Крафт+, 2004. С. 437-501.

4. Binz S.J. Jerusalem, the Holy City. Mystic, CT: Twenty-Third Publications, 2005.

5. Дрейер Л. Храм Соломона: библейский текст и реконструкция // Библия: литературоведческие и лингвистические исследования. М., 1999. Вып. 3. С. 13-83.

6. Flavii Josephi opera omnia. Ed. S. A. Naber. 6 voll. Lipsiae, 1888-1896. (Иосиф Флавий. Иудейские древности. Иудейская война).

7. Irvin R., Asali K.J. (eds.) Jerusalem in History. Buckhurst Hill: Scorpion Publishers, 1989.

8. Леонтьева Е.В. Иерусалимский храм и идея храма в кумранской общине // Религиоведение и востоковедение. СПб., 2005. С. 33-37.

9. Муретов М.Д. Иерусалимский храм Соломона. М., 1890.

10. Олесницкий А.А. Ветхозаветный храм в Иерусалиме. СПб.: Православный Палестинский сборник, 1889. Т. 5, вып. 1.

11. Статус Иерусалима. Нью-Йорк: Публикация ООН, 1997. URL: https://web.archive.org/web/20060729191918/http://www.un.org/russian/peace/palestine/jerusalem/index.html (дата обращения: 05.03.2026).

12. Феодорит Кирский, блаж. Творения. М., 1859.

13. Шаров К.С. Хуан Батиста Вийяльпандо и Исаак Ньютон о древнееврейской сакральной архитектуре // Всеобщая история. 2019. № 2. С. 35-41. DOI: 10.25791/vseist.02.2019.707.

14. Шиффман Л. От текста к традиции: история иудаизма в эпоху Второго Храма и период Мишны и Талмуда. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2002.

HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS OF THE JERUSALEM TEMPLE: "JEWISH ASPIRATIONS FOR THE THIRD TEMPLE"

D.A. Subbotin[1], A.V. Karpov[2], A.V. Chuvatkina[3]

[1]Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia
[2]Saint Petersburg Civil Aviation State University named after A.A. Novikov, St. Petersburg, Russia
[3]Ulyanovsk Institute of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation B.P. Bugaev, Ulyanovsk, Russia

The article examines the evolution of ideas about the Jerusalem Temple in the Jewish tradition, from the historical reality of the First and Second Temples to the

eschatological idea of the Third Temple. The article analyzes biblical and apocryphal texts containing prophecies about the restoration of the temple, as well as the influence of the temple theme on socio-political thought in different historical periods. Special attention is paid to modern interpretations of the aspirations of the Third Temple in the context of the Israeli-Palestinian conflict.

Keywords: Jerusalem Temple, the Third Temple, Judaism, eschatology, Temple Mount, the prophet Ezekiel, the history of Israel.

УДК 378.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М.А. Суменкова

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

В статье рассматриваются ключевые аспекты трансформации современной системы образования под влиянием процессов глобализации. Анализируются вызовы, стоящие перед национальными образовательными системами, а также возможности, открывающиеся в результате интеграции в мировое образовательное пространство. Особое внимание уделяется изменению парадигмы обучения, роли цифровых технологий и необходимости формирования глобальных компетенций у учащихся. Характеризуются основные направления модернизации образования в контексте международной конкурентоспособности.

Ключевые слова: глобализация, трансформация образования, интеграция, компетенции, цифровизация, образовательное пространство, конкурентоспособность.

В современном мире процесс глобализации охватывает все сферы общественной жизни, и система образования не является исключением. Глобализация представляет собой сложный, многогранный процесс, который характеризуется усилением взаимосвязи и взаимозависимости национальных экономик, политических систем и культур. В этих условиях образование перестает быть исключительно внутренним делом отдельного государства, превращаясь в важнейший фактор международной конкурентоспособности и сотрудничества.

Традиционная модель образования, ориентированная на передачу статичного набора знаний, перестает отвечать требованиям современного динамично меняющегося мира. Глобальные вызовы, такие как технологический прогресс, экологические проблемы и межкультурные конфликты, требуют от человека новых навыков и компетенций. Система образования вынуждена трансформироваться, адаптируясь к новым реалиям [2].

Одним из главных направлений трансформации является переход от парадигмы знаний к компетентностной. В условиях глобализации важным становится не просто наличие у выпускника определенного объема информации, а его способность применять эти знания на практике, критически мыслить, работать в команде и быстро адаптироваться к изменениям. Формирование так называемых «глобальных компетенций» становится приоритетной задачей. Это включает в себя владение иностранными языками, понимание межкультурных различий, экологическую грамотность и навыки работы с большими данными.

Формирование так называемых «глобальных компетенций» становится приоритетной задачей. Это включает в себя владение иностранными языками, понимание межкультурных различий, экологическую грамотность и навыки работы с большими данными.

Для систематизации основных векторов изменений, происходящих в системе образования под влиянием глобализации, целесообразно рассмотреть их через призму сравнения традиционной и формирующейся (глобальной) парадигм. В таблице 1 представлен сравнительный анализ ключевых характеристик образовательного процесса.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика традиционной и глобализированной моделей образования

Критерий сравнения	Традиционная модель (Индустриальное общество)	Модель в условиях глобализации (Постиндустриальное общество)
Цель образования	Передача фиксированного объема знаний, формирование исполнителя	Развитие личности, формирование компетенций, готовность к непрерывному обучению
Роль студента	Пассивный объект обучения, реципиент информации	Активный субъект, исследователь, участник образовательного процесса
Роль преподавателя	Транслятор знаний, единственный источник истины	Фасилитатор, тьютор, навигатор в информационном пространстве
Содержание	Жестко регламентированные учебные планы, стабильность	Гибкие модульные программы, междисциплинарность, учет мировых трендов
Технологии	Преимущественно вербальные, классно-урочная система	Цифровые платформы, МООК, смешанное обучение, ИИ
Язык обучения	Преимущественно национальный	Двуязычие, доминирование английского как языка науки

Критерий сравнения	Традиционная модель (Индустриальное общество)	Модель в условиях глобализации (Постиндустриальное общество)
Критерий успеха	Оценка, диплом государственного образца	Портфолио, международные сертификаты, трудоустройство на глобальном рынке
Пространство	Национальное, локальное	Глобальное, трансграничное

Данные, приведенные в таблице, демонстрируют глубокий сдвиг в философии образования. Если традиционная модель была ориентирована на стабильность и воспроизводство существующих кадров, то современная модель вынуждена быть гибкой и ориентированной на будущее. Глобализация стирает границы не только между странами, но и между учебными дисциплинами, требуя от выпускника умения синтезировать знания из разных областей.

Глобализация также оказывает мощное влияние на структуру и содержание образовательных программ. Наблюдается тенденция к унификации стандартов образования, что облегчает академическую мобильность студентов и преподавателей. Болонский процесс, начатый в Европе и распространившийся на многие страны мира, является ярким примером такой интеграции. Введение уровней бакалавриата и магистратуры, использование системы зачетных единиц и создание единого европейского пространства высшего образования способствуют тому, что дипломы становятся более узнаваемыми на международном рынке труда [1].

Цифровизация образования является еще одним ключевым вектором трансформации. Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к появлению массовых открытых онлайн-курсов, электронных библиотек и платформ для дистанционного обучения. Это делает образование более доступным, позволяя студентам из разных уголков мира получать знания от ведущих университетов. Однако цифровизация несет в себе и риски, связанные с цифровым неравенством, снижением роли живого общения и необходимостью постоянного обновления технической базы.

Российская система образования также активно включена в процессы глобализации. Вхождение России в Болонский процесс, участие в международных рейтингах университетов, развитие программ академического обмена и экспорт образовательных услуг являются свидетельством интеграции в мировое образовательное пространство. Вместе с тем, существует необходимость сохранения национальных традиций и культурного кода, что делает процесс трансформации сложным и неоднозначным. Важно найти баланс между глобальными трендами и сохранением уникальности отечественной педагогической школы.

Экономические аспекты глобализации образования проявляются в формировании международного рынка образовательных услуг. Образование становится экспортной отраслью, приносящей доход. Конкуренция между университетами за студентов и финансирование стимулирует повышение качества

образования и внедрение инноваций. Однако для стран с развивающейся экономикой существует риск «утечки мозгов», когда лучшие выпускники уезжают работать за границу.

Таким образом, трансформация системы образования в условиях глобализации – это объективный и неизбежный процесс. Он затрагивает все уровни образования: от дошкольного до послевузовского. Основными характеристиками этой трансформации являются: интернационализация, цифровизация, переход к компетентностному подходу и усиление роли непрерывного образования.

Список использованных источников

1. Болонский процесс: результаты обучения и компетентностный подход (книга-приложение 1) / под науч. ред. В. И. Байденко. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. – 536 с.

2. Букина Т. В. «Искусственный интеллект в образовании: современное состояние и перспективы развития» // Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – № 1. – С. 76–83.

TRANSFORMATION OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

M.A. Sumenkova

Penza State University,
Penza, Russia

The article examines key aspects of the transformation of the modern education system under the influence of globalization processes. The challenges facing national educational systems are analyzed, as well as the opportunities that arise as a result of integration into the global educational space. Special attention is paid to the change in the learning paradigm, the role of digital technologies, and the need to develop global competencies among students. The main directions of education modernization in the context of international competitiveness are characterized.

Keywords: globalization, transformation of education, integration, competencies, digitalization, educational space, competitiveness.

УДК 005.4

САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Э.И. Тагирова, Э.Ш. Ахметова

Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Россия

В статье рассматривается саморазвитие личности как системный ресурс формирования управленческих компетенций у студентов и молодых

профессионалов. Обосновывается связь между самодиагностикой, целеполаганием, саморегуляцией, рефлексией и развитием навыков принятия решений, коммуникации, лидерства и управления командой. Предлагается практическая модель саморазвития, которую можно применять в образовательной и профессиональной среде через индивидуальный план развития и регулярную оценку прогресса. Отдельное внимание уделено роли преподавателя в создании условий, при которых саморазвитие становится не разовой активностью, а устойчивой профессиональной привычкой.

Ключевые слова: саморазвитие, управленческие компетенции, самоменеджмент, рефлексия, саморегуляция, лидерство, коммуникация, принятие решений, индивидуальный план развития, профессиональная субъектность.

Современная профессиональная среда требует от молодого специалиста не только предметных знаний, но и способности самостоятельно организовывать деятельность, принимать решения, взаимодействовать с людьми и отвечать за результат. Поэтому управленческая компетентность начинает формироваться еще до получения руководящей должности. Ее основой становится умение управлять собственной деятельностью и целенаправленно изменять способы поведения.

Саморазвитие в данном контексте следует понимать как систематический процесс профессионального и личностного изменения. Его результатом должно быть не просто расширение знаний, а появление нового способа действия. Информация превращается в компетенцию только в процессе практики, оценки результата и корректировки поведения. Поэтому саморазвитие целесообразно строить как цикл: диагностика - цель - практика - обратная связь - корректировка.

Исследование Л.Г. Шестаковой и М.В. Лапенок показывает, что формирование самоменеджмента у студентов требует целенаправленной работы и включает мотивационный, целевой, содержательно-технологический и оценочный компоненты [1]. Для будущего специалиста это означает необходимость не только знать инструменты самоорганизации, но и понимать, зачем они нужны, применять их в деятельности и оценивать результат.

Первый шаг такого цикла - диагностика. Вместо общего вопроса «каких качеств мне не хватает?» полезнее определить конкретную проблему: не удается соблюдать сроки, сложно делегировать, трудно принимать решение при неполной информации или возникают недопонимания при постановке задач. После этого формируется поведенческая цель. Например, вместо цели «развить лидерство» можно поставить задачу в течение месяца самостоятельно проводить рабочие обсуждения с фиксацией решений, ответственных и сроков.

Подход к индивидуальному развитию компетенций, предложенный Л.Р. Хайрулиной, предполагает оценку текущего уровня, выбор методов развития и включение их в индивидуальный план [2]. Для студента или молодого специалиста эта логика может быть сведена к четырем вопросам: какая компетенция развивается; что именно сейчас не получается; какое действие будет выполняться регулярно; по какому результату будет оцениваться прогресс. Такой формат защищает саморазвитие от превращения в абстрактное намерение.

Одной из базовых управленческих компетенций является самоменеджмент. Он включает постановку приоритетов, управление временем и вниманием, соблюдение договоренностей и контроль выполнения задач. Самоменеджмент не равен максимальной занятости: человек может быть постоянно занят и при этом не продвигать ключевые задачи. Показателем развития становится способность направлять собственные ресурсы на значимый результат.

Следующий компонент - принятие решений. Управленческое решение требует анализа ситуации, сравнения альтернатив и учета последствий. В работе А.В. Махияновой и Е.Н. Гариповой данная проблематика рассматривается применительно к современной экономической среде [3]. Для саморазвития это означает необходимость тренировать не только знание управленческих методов, но и самостоятельность суждения. Практичным инструментом может стать краткий дневник решений: после значимого выбора фиксируются доступные факты, альтернативы, основание выбора и ожидаемый результат.

Не менее важна коммуникация. В управленческой деятельности качество результата часто зависит от того, насколько точно поставлена задача. Эффективная постановка содержит ожидаемый результат, срок, ограничения и критерии приемки. Студент может тренировать этот навык в групповых проектах, а молодой специалист - при передаче рабочих задач. Лидерство также развивается через практику: способность сформулировать общую цель, распределить ответственность, поддерживать взаимодействие и давать обратную связь можно отрабатывать в проектной деятельности даже без формальной руководящей должности.

Саморазвитие невозможно без рефлексии. После завершения задачи полезно ответить на три вопроса: что дало результат, что не сработало и что следует изменить в следующий раз. Чем конкретнее ответ, тем выше его практическая ценность. Вывод «нужно лучше работать в команде» мало помогает. Вывод «изменения сроков необходимо сообщать команде сразу после принятия решения» уже превращается в правило будущего поведения.

Отдельное значение для молодых специалистов имеет цифровая профессиональная среда. А.В. Махиянова в исследовании роли социальных сетей в создании и развитии профессиональной карьеры анализирует результаты опроса 380 респондентов, проведенного в Казани в январе-марте 2023 г. [4]. 53,1 % участников считали, что значение социальных сетей для построения карьеры и развития личностного бренда будет усиливаться [4]. Эти данные позволяют рассматривать цифровую среду как дополнительное пространство профессионального саморазвития.

При этом цифровая активность сама по себе не является развитием. Ее ценность определяется тем, чему человек научился, какие профессиональные связи сформировал и какие задачи получил возможность решать. Поэтому цифровое саморазвитие также требует цели и оценки результата. Публикация профессиональных материалов, участие в профильных сообществах и обмен опытом должны быть связаны с конкретной профессиональной задачей.

Для студентов, молодых специалистов и преподавателей можно использовать принцип «одна компетенция - один цикл практики». На один проект или месяц выбирается навык, который сильнее всего ограничивает результат. При проблемах с организацией работы тренируется планирование; при трудностях

командного взаимодействия - постановка задач и обратная связь; при неуверенности в решениях - анализ альтернатив и последствий. В конце цикла сравнивается исходное состояние с результатом и определяется следующий шаг.

Таким образом, саморазвитие следует рассматривать как практический механизм формирования управленческих компетенций. Его эффективность определяется не объемом изученного материала, а изменением поведения. Самоменеджмент создает основу для управления ресурсами; рефлексия превращает опыт в инструмент обучения; практика закрепляет новые модели действий; обратная связь помогает их корректировать; развитие способности принимать решения и взаимодействовать с людьми связывает личностный рост с профессиональным результатом. Работы А.В. Махияновой дополняют этот подход, показывая значение качества управленческих решений и осознанного использования цифровой среды для профессионального развития [3; 4].

Список использованных источников

1. Шестакова Л.Г., Лапенок М.В. Модель формирования у студентов компетенции самоменеджмента // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. Т. 16, № 4. С. 266–282. DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-4-806.

2. Хайрулина Л.Р. Управление развитием компетенций менеджеров // Лидерство и менеджмент. 2023. Т. 10, № 2. С. 471–486. DOI: 10.18334/lim.10.2.117700.

3. Махиянова А.В., Гарипова Е.Н. Принятие управленческих решений в современной экономической среде // Московский экономический журнал. 2023. Т. 8, № 10. С. 546–556.

4. Махиянова А.В. Роль социальных сетей в создании и развитии профессиональной карьеры // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 3. С. 149–152.

5. Черных Н.С. Педагогические условия развития компетентности самоменеджмента обучающегося в образовательном процессе вуза // Вестник Оренбургского государственного университета. 2024. № 2 (242). С. 111–117. DOI: 10.25198/1814-6457-242-111.

6. Дегтерев В.А. Самоменеджмент как ключевая компетенция развития личности студента // Педагогическое образование в России. 2015. № 3. С. 64–70.

SELF-DEVELOPMENT OF PERSONALITY AS A FACTOR IN THE FORMATION OF MANAGEMENT COMPETENCIES

E.I. Tagirova, E.Sh. Akhmetova

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

The article examines personal self-development as a systemic resource for the formation of managerial competencies among students and young professionals. The relationship between self-assessment, goal setting, self-management, reflection, and the development of decision-making, communication, leadership, and team management skills is substantiated. A practical model of self-development is proposed, which

can be applied in educational and professional environments through an individual development plan and regular progress assessment. Particular attention is paid to the role of the teacher in creating conditions under which self-development becomes not a one-time activity, but a sustainable professional habit.

Keywords: self-development, management competencies, self-management, reflection, self-regulation, decision-making, leadership, professional career, students, young professionals.

УДК 372.834

ПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В КУРСЕ «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ»

А.Т. Тарасенко

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Статья посвящена анализу правового компонента в структуре финансовой грамотности, формируемой у школьников в рамках предметов обществоведческого цикла. Формируется вывод о том, что финансовая грамотность не сводится к экономическим знаниям и счетным навыкам: любое финансовое действие ребенка или подростка – открытие вклада, использование банковской карты, оформление подписки, участие в цифровых платежах – одновременно является действием юридическим, поскольку опосредовано договором, правом собственности, нормами о дееспособности и защите прав потребителей.

Ключевые слова: финансовая грамотность; правовая грамотность; обществознание; несовершеннолетние; дееспособность; защита прав потребителей; финансовое поведение.

Финансовая грамотность закрепилась в перечне приоритетов российской образовательной политики. Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года называет школьное образование – и в первую очередь курс «Обществознание» – главным каналом финансового просвещения [6].

Логика такого решения понятна: обществознание сводит воедино экономику, право, социологию и политологию, а значит, располагает готовой межпредметной основой.

Но стоит присмотреться внимательнее, и обнаружится сужение. Финансовую грамотность в школе нередко сводят к экономическим знаниям и расчётным умениям: посчитать проценты, спланировать бюджет, сравнить банковские продукты. За такой рамкой остаётся нечто принципиальное – любое финансовое действие есть действие правовое.

Данный вывод можно сделать даже из понятия финансовой грамотности, так под ней понимается – совокупность знаний, навыков и поведенческих установок, которые позволяют человеку осознанно управлять своими денежными средствами, принимать взвешенные финансовые решения и тем самым способствовать достижению личного финансового благополучия, а также управлять финансовыми рисками.

Открывая вклад, школьник или его семья вступает в договорные отношения с банком. Оплата картой – реализация прав потребителя. Оформление подписки – принятие условий оферты.

При этом стоит отметить, что в современном мире, чаще всего на рядку с пожилыми гражданами, объектом мошеннических схем связанных с финансами становятся несовершеннолетние, которые в последствии могут быть привлечены и как соучастники.

Подобная проблема вызвана, в том числе, и разрывом между экономическим и правовым элементами обучения финансовой грамотности, так как педагоги делают акцент преимущественно на формировании навыков «счета, распределения и рационального использования бюджета».

Более того данную проблему показывают и результаты ОГЭ по обществознанию, в рамках которого, разработано отдельное задание, где обучающемуся необходимо представить алгоритм действий в различных случаях «попыток финансового мошенничества».

Однако отсутствие практических навыков в правовой сфере приводит к ошибкам в задании. [3].

Но и правовой материал не должен подаваться изолированным блоком, его следует включать во все темы, чтобы преодолеть фрагментарность мировоззрения учащихся [1, с. 66].

Исходя из вышесказанного следует сделать вывод, что финансовое действие школьника всегда имеет правовую форму.

Например, с одной стороны договор – относящийся к правовой сфере, с другой (экономической) – банковский вклад, кредит, страхование, оферта цифрового сервиса, которые подразумевают заключение договора.

Или же – право собственности и иные вещные права как элемент права и деньги, ценные бумаги, имущество как выражение экономического блока. Еще одним примером может стать дееспособность понимание которой важно в правовом поле, и полнота которой важна в экономическом поле

Наконец, защита прав потребителя как отдельная правовая сфера, и реализация прав на информацию, на качество услуги, на возмещение ущерба как экономическая.

Становится неоспоримым тот факт, что правовая составляющая финансовой грамотности оказывается не «дополнительным материалом», а несущей конструкцией. Без неё финансовое поведение не может быть ни понято, ни оценено, ни скорректировано.

Ядро правового компонента – вопрос о том, что школьник вправе делать самостоятельно, а что – только с согласия законных представителей. Гражданский кодекс РФ устанавливает:

– малолетние (6–14 лет) вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки, сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, и сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем.

– несовершеннолетние (14–18 лет) вправе самостоятельно распоряжаться своим заработком, вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими, совершать мелкие бытовые сделки; остальные сделки – с письменного согласия родителей [4].

Для финансовой грамотности это означает: школьник должен знать не только «как управлять деньгами», но и «в каких пределах он вправе это делать». Здесь правовая составляющая становится практической.

Подросток, оформивший подписку или совершивший покупку в интернете без согласия родителей, должен понимать юридические последствия такого действия.

Значительная часть финансовых операций опосредована договором. Правовая составляющая включает понимание того, что такое оферта и акцепт (в том числе в цифровой среде – «галочка» о согласии с условиями); какие условия договора существенны и как их читать (процентная ставка, срок, штрафы, порядок расторжения); какие договоры несовершеннолетний может заключать сам, а какие требуют согласия.

Финансовая грамотность предполагает не только умение избегать рисков, но и знание того, куда обратиться и на каком основании, если права нарушены: Закон РФ «О защите прав потребителей», институт финансового уполномоченного, Роспотребнадзор, Банк России.

Без этого блока финансовая грамотность остаётся незавершённой. Школьник знает, что мошенничество существует, но не знает, как восстановить нарушенное право [5].

Отдельный блок – правовые аспекты цифровых финансовых действий: защита персональных данных, согласие на обработку информации, правовые последствия использования чужих банковских карт, ответственность за распространение вредоносного контента.

Эти вопросы напрямую связаны с финансовой безопасностью школьника и одновременно являются правовыми по своей природе.

Правовая составляющая является неотъемлемой частью финансовой грамотности школьника. Финансовое действие по своей природе есть действие правовое: оно совершается в рамках договора, опирается на право собственности, ограничено дееспособностью и защищается нормами о правах потребителя.

Без правового компонента финансовая грамотность превращается в набор технических навыков, неспособных обеспечить ответственное и безопасное поведение.

Формирование правовой составляющей финансовой грамотности в курсе обществознания требует включения правового материала в финансовые темы (а не изолированного блока), использования практико-ориентированных приёмов (анализ казуса, работа с документами, ролевые игры, проекты), учёта возрастных особенностей и системной подготовки учителя.

Только при таком подходе школьник становится не просто «человеком, умеющим считать деньги», а финансово грамотным гражданином, способным действовать в правовом поле и защищать свои интересы правовыми средствами.

Список использованных источников

1. Курмашева А. Р. Методика преподавания вопросов права в школьном курсе обществознания // Калининградский вестник образования. – 2024. – № 1 (21). – С. 63–70.

2. Снурницына Ю. М. Формирование финансовой грамотности младших школьников в образовательной деятельности : дис. … канд. пед. наук : 5.8.1. – Оренбург, 2024. – 248 с.

3. Щенина О. Г. Эволюция правового образования школьников в контексте учебного предмета «Обществознание» // Преподавание истории в школе. – 2024. – № 2. – С. 26–31.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 10.06.2026). – [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.10.2026).

5. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. 01.10.2026). – [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 01.10.2026).

6. Распоряжение Правительства РФ от 24.10.2023 № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года». – [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460597/ (дата обращения: 01.10.2026).

THE LEGAL COMPONENT OF THE FORMATION OF FINANCIAL LITERACY OF SCHOOLCHILDREN IN THE COURSE «SOCIAL STUDIES»

A.T. Tarasenko

Penza State University,
Penza, Russia

The article is devoted to the analysis of the legal component in the structure of financial literacy formed by schoolchildren in the framework of social studies. The conclusion is formed that financial literacy is not limited to economic knowledge and counting skills: any financial action of a child or teenager - opening a deposit, using a bank card, subscribing, participating in digital payments - is at the same time a legal action, since it is mediated by contract, ownership, norms on legal capacity and consumer protection.

Keywords: financial literacy; legal literacy; social studies; minors; capacity; consumer protection; financial behavior.

УДК 159.9

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФАНТИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

М.Р. Тегетаева

Государственный технологический университет, Северо-Кавказский горно-металлургический институт, г. Владикавказ, Россия

В данной статье подробно рассмотрены этапы становления инфантильности, которые условно делятся на: раннее детство, дошкольный и младший школьный возраст, подростковый возраст и взрослая жизнь. Целью статьи является рассмотреть данные этапы и выявить на какой стадии ярко выражены характерные черты инфантильной личности.

Ключевые слова: инфантильность, возраст, детский возраст, несамостоятельность, повышенная внушаемость, иждивенчество, эмоциональная лабильность, эгоизм, конфликтность и аффективная возбудимость.

Инфантильность представляет собой сохранение у взрослого человека черт, свойственных детскому возрасту, прежде всего в эмоционально-волевой сфере. [1] Такое состояние не возникает спонтанно, его формирование связано с определёнными этапами развития личности. [2]

В таблице 1 представлены жизненные циклы личности Э. Эриксона.

Таблица 1 – Периодизация жизненных циклов Э. Эриксона [3]

№	Стадия развития	Возраст	Область социальных отношений	Полярные качества личности	Результат прогрессивного развития
1	Младенчество	0-1	Мама	Доверие к миру-недоверие к миру	Энергия и жизненная радость
2	Раннее детство	1-3	Родители	Самостоятельность - сомнения, стыд	Независимость
3	Детство	3-6	Родители, братья и сестра, близкие родственники	Инициатива – пассивность, вина	Целеустремленность

№	Стадия развития	Возраст	Область социальных отношений	Полярные качества личности	Результат прогрессивного развития
4	Школьный возраст	6-12	Школа, Соседи	Компетентность -неполноценность, неуверенность	Овладение знаниями и умениями
5	Отрочество и юность	12-20	Группы сверстников	Идентичность личность-непризнание	Получение теоретических знаний, практических умений и опыта. Самоопределение, преданность и верность
6	Ранняя зрелость	20-25	Друзья, любимые люди	Близость - изоляция	Сотрудничество, любовь
7	Средний возраст	25-65	Коллеги, профессия, родной дом	Продуктивность-застой	Творчество и заботы
8	Поздняя зрелость	После 65	Общество, близкие люди	Целостность личности-отчаяние	Мудрость

Важно отличать инфантильность (сохранение детских черт у взрослого) и инфантилизм (патологическое состояние – задержка психического и физического развития) [4]. Инфантильность – это не болезнь, а особенность личности, которая может корректироваться. Инфантилизм же рассматривается в психиатрии как состояние, требующее профессиональной помощи [5]. Для более подробного изучения стоит рассмотреть этапы становления инфантильности, которые можно условно разделить на:

– Раннее детство;

– Дошкольный и младший школьный возраст;

– Подростковый возраст;

– Взрослая жизнь.

В возрасте до 3 лет, как правило закладываются основы формирования паттернов. Это возникает в процессе, когда родители чрезмерно опекают ребёнка, ограждают от любых трудностей и принимают за него решения, у такого ребенка не развивается навык самостоятельности. И в редких случаях, когда ребёнок был лишён эмоциональной поддержки и вынужден рано брать на себя взрослые обязанности, это может привести к компенсаторному «добиранию» детства уже в более взрослом возрасте. Уже в этом возрасте могут проявляться первые

признаки. У таких детей наблюдается несамостоятельность, повышенная внушаемость, стремление получать удовольствие без учёта последствий [6].

Инфантилизм в дошкольном и младшем школьном возрасте представляет собой состояние, при котором у ребёнка сохраняются черты поведения, эмоциональных реакций и навыков, типичных для более младших возрастных этапов. Проще говоря, малыш ведёт себя, мыслит и реагирует на мир так, как будто он младше, чем есть на самом деле. В раннем возрасте признаки эмоционально-волевой незрелости выявить сложно из-за естественной повышенной эмоциональности и сильной зависимости эмоциональных реакций от условий воспитания. Однако специалисты сошлись во мнении и выделяют основные характерные особенности:

– *Симбиотическая привязанность к матери*. Ребёнок слишком сильно держится за взрослого, с трудом учится быть самостоятельным;

– *Отсутствие стремления к самостоятельности*. Малыш не пробует что–то сделать сам, сразу ждёт, что мама всё сделает за него;

– *Слабый уровень мотивации и исследовательского интереса*. Ребенок мало интересуется окружающим миром, не стремится активно познавать новое;

– *Незрелость тонкой моторики на фоне двигательной расторможенности.* Движения малыша могут быть нескоординированными, хотя общая двигательная активность порой повышена;

– *Диффузные реакции*. На разные раздражители ребёнок реагирует одинаково – общей двигательной, мимической или вокальной реакцией, ему сложно дифференцировать эмоции [7].

В школе инфантильность у детей проявляется ярче. Это связанно с тем, что игровые интересы доминируют над учебными, ребёнок не понимает и не принимает школьные правила и дисциплину, что ведёт к социальной дезадаптации. Чрезмерный контроль, подавление инициативы ребёнка и отсутствие возможности принимать решения и совершать ошибки тормозят развитие воли и самостоятельности.[8]

Появляется склонность перекладывать ответственность, искать внешние причины неудач, эмоциональная лабильность, неспособность к длительным волевым усилиям.

Подростковый возраст. Пубертат - время активного формирования идентичности. Этот период является критическим. Если в этот период сохраняются инфантильные паттерны, они могут закрепиться или трансформироваться в дисгармоничные черты характера, такие как эгоизм, конфликтность и аффективная возбудимость. При неблагоприятном сценарии незрелость «перекрывается» девиантным поведением, что может привести к акцентуации характера или формированию психопатии [9].

Если инфантильность закрепилась, во взрослой жизни она проявляется как неспособность принимать решения, зависимость от других, потребительское отношение, жизнь «здесь и сейчас» без долгосрочных планов. Потребительское общество активно пропагандирует культ вечной молодости и беззаботности. Цифровая среда, создающая иллюзию лёгких достижений, навязывает молодым

людям неприязнь к трудовой и профессиональной деятельности, отбивая напрочь желание молодежи получать образование и строить свою профессиональную карьеру. Современные культурные и социальные факторы могут косвенно поддерживать инфантильные установки современной молодежи.

В этом возрасте инфантильность может усиливаться из-за стресса, жизненных кризисов, экономической нестабильности, проблем в отношениях.

Причины формирования инфантильного человека могут быть разнообразными, на стоит акцентировать внимание на немаловажном факторе таком, как воспитание ребенка родителями, которые в раннем возрасте закладывают личностные качества будущего человека. Когда родители полностью контролируют жизнь ребёнка, не давая ему возможности самому принимать решения и сталкиваться с последствиями, у него не формируется навык ответственности. Воспитание в атмосфере, где любые желания немедленно исполняются, а требования отсутствуют, формирует убеждение, что мир должен вращаться вокруг потребностей человека, а правила к нему не относятся. Парадоксально, но инфантильность может развиться даже у тех, кто в детстве был вынужден слишком рано брать на себя взрослые обязанности, например, заботиться о младших или компенсировать эмоциональную холодность родителей.[10] Недостаток эмоционального контакта с близким взрослым, особенно с мамой, тормозит развитие многих функций, в том числе самостоятельности. Хотя предпосылки можно заметить уже в раннем детстве, но о психическом инфантилизме как о явлении чаще говорят и ставят диагноз позже - когда ребёнок идёт в школу или в подростковом возрасте. Это важный период в жизненном цикле человека. Именно в этот период особенности, которые были незаметны в малышовом возрасте (преобладание игровых интересов над учебными, социальная дезадаптация, неприятие школьных требований,) начинают проявляться отчётливо.[11]

Если родители стали замечать у ребёнка признаки незрелости, важно не игнорировать их, а мягко направлять. Стоит принять меры по нескольким направлениям. Необходимо начать с малого. Ребенку нужно давать небольшие поручения. Пускай у ребёнка будут простые обязанности по дому (вынести мусор, полить цветы, сходить в магазин, погулять с собакой и т.д.), которые он может выполнить самостоятельно, без вмешательства взрослых. Необходимо правильно сформировать зону ответственности.

Если малыш пробует что-то сделать сам, даже если у него не сразу получается, поддержите эту попытку. Взрослым в такой ситуации необходимо поощрять инициативу ребенка.

Для развития коммуникабельности нужно записать ребёнка в секции или на кружки, где он сможет взаимодействовать с детьми своего возраста. Родители должны создать возможности для общения со сверстниками.

Для правильного воспитания будьте последовательны в требованиях и последствиях. Если вы сказали, что не пойдёте гулять, когда комната не убрана, - выполняйте своё обещание. В разговоре с ребенком следует избегать фраз, «не веди себя как малыш» или «отойди, я лучше сделаю», которые могут закрепить незрелость.

Если проявления инфантилизма сохраняются или усиливаются, стоит обратиться за консультацией к психологу или педиатру. Специалист поможет разобраться в причинах и подобрать правильную стратегию поддержки развития ребёнка.

Список использованных источников

1. Андросова, М. И. Инфантилизм как проблема развития личности / М. И. Андросова, Я. А. Тимофеева // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 69-1. – С. 33-36. – EDN IEXXFH.

2. Башкирцев, В. И. Исследование феномена "инфантилизм" в зарубежной науке / В. И. Башкирцев // Социальные отношения. – 2022. – № 1(40). – С. 60-71.

3. Васильева Ольга Семеновна, Кондратьева Татьяна Николаевна, Агаджанян Анжелика Норайровна Возрастная периодизация двух жизненных циклов детства и старости // Мир науки. Педагогика и психология. 2017. №6.

4. Дианова, Н. Ф. Социальный инфантилизм - молодежи / Н. Ф. Дианова, Р. К. Мнацаканян // Аллея науки. – 2018. – Т. 7, № 11(27). – С. 255-258. – EDN VUEJFA.

5. Абакумова, И. В. Инфантилизм личности как основа гипоадаптивной смыслообразующей стратегии / И. В. Абакумова, М. В. Годунов, И. В. Данченко // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 3. – С. 53.

6. Бакулина, А. С. Социальный инфантилизм и позитивное мышление / А. С. Бакулина // Современные гуманитарные исследования. – 2014. – № 6(61). – С. 126-131. – EDN TLTTWJ.

7. Петренко, Е. А. Социальный инфантилизм как социальная проблема / Е. А. Петренко, С. В. Митрухина // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2023. – № 4(46). – С. 101-105.

8. Демиденко, А. С. Социальная инфантильность российской молодежи: специфика научного дискурса / А. С. Демиденко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10, № 3-1. – С. 143-149. – DOI 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-143-149. – EDN XRTVEL.

9. Матвеев, А. Е. Инфантилизм как социально-психологический феномен современной личности / А. Е. Матвеев // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 6(157). – С. 439-441. – EDN DYYFHK.

10. Тегетаева, М. Р. Инфантильность: серьезная проблема современной молодежи / М. Р. Тегетаева, З. К. Малиева // Организационно-методические аспекты повышения качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся по программам высшего и среднего профессионального образования : Сборник статей VI Всероссийской (национальной) научно-методической конференции, Пенза, 28–29 октября 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. – С. 381-389. – EDN SPKJHR.

11. Тегетаева, М. Р. Экономический инфантилизм современной молодежи как педагогическая проблема / М. Р. Тегетаева, З. К. Малиева // Право, история, педагогика и современность : Сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 29–30 января 2026 года. – Пенза:

Пензенский государственный аграрный университет, 2026. – С. 720-724. – EDN BCQZUR.

STAGES OF INFANTILITY DEVELOPMENT

M.R. Tegetaeva

State Technological University, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute, Vladikavkaz, Russia

This article provides a detailed examination of the stages of the development of infantilism, which are conventionally divided into: early childhood, preschool and early school age, adolescence, and adulthood. The aim of the article is to examine these stages and identify at which stage the characteristic features of an infantile personality are most pronounced.

Keywords: infantilism, age, childhood, lack of independence, heightened suggestibility, dependency, emotional lability, selfishness, conflictfulness, and affective excitability.

УДК 342.9

К ВОПРОСУ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А.В. Тлупова

Северо-Кавказский институт МВД России, г. Нальчик, Россия

В статье характеризуется актуальность обеспечения информационной безопасности, которая является достаточно сложным и многоаспектным состоянием, что предполагает необходимость ее рассмотрения как через призму государственно значимых процессов, так и с позиции защиты прав и законных интересов личности, в связи с чем деятельность по ее обеспечению предполагает вовлеченность широкого круга субъектов и наличие общих и специальных организационно-правовых механизмов.

Ключевые слова: правонарушения, преступления, административные правонарушения, информационная безопасность, информационно-телекоммуникационные технологии

В современной правовой литературе встречается множество исследований, посвященных проблемам обеспечения информационной безопасности, в том числе особенностям развития юридической ответственности в данной сфере. Однако важно отметить, что большинство правоведов либо акцентируют внимание на проблемах соотношения различных видов ответственности

(административной и уголовной), либо ограничиваются отдельными наиболее уязвимыми категориями населения и необходимостью защиты их прав в области информационной безопасности (например, несовершеннолетние лица и др.) или отдельными наиболее распространенными объектами противоправных посягательств (персональные данные, критическая информационная инфраструктура и т.д.).

Безусловно, все вышеназванные аспекты обеспечения информационной безопасности имеют важнейшее прикладное значение, однако большинство исследований далеко не в полной мере учитывают современные реалии и их влияние в рамках заявленной проблематики. Информационное пространство и специфика его развития неразрывно связано со всеми внутригосударственными и международными процессами, в связи с чем важнейшее значение приобретает конкретизация факторов, влияющих на распространение противоправного поведения в области информационной безопасности в Российской Федерации. В данном контексте с практической стороны значительно актуализируется определение проблемных аспектов применения мер административной ответственности за правонарушения в области информационной безопасности, а также повышение их эффективности с учетом актуальных тенденций распространения противоправного поведения в указанной сфере.

Вопросам обеспечения безопасности Российской Федерации в настоящее время уделяется пристальное внимание, поскольку указанное состояние имеет принципиальное значение для стабильного функционирования и дальнейшего развития государства и общества. Однако, прежде чем перейти к исследованию проблем применения института административной ответственности в указанной сфере видится целесообразным конкретизировать базовые понятия по заявленной проблематике.

В первую очередь необходимо систематизировать существующие теоретические подходы к понятию «информационная безопасность», которые отражают специфику института административной ответственности в анализируемой сфере жизнедеятельности общества и государства. В рамках представленного исследования видится необходимым обратить внимание на положения Федерального закона «О безопасности», который регламентирует основные организационно-правовые основы обеспечения безопасности различных разновидностей на территории российского государства. Отметим, что указанный закон лишь в некоторой степени конкретизирует содержательные характеристики безопасности через призму определения ее разновидностей. В ст. 1 данного закона безопасность определяется как совокупность следующих разновидностей: безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность личности, иные виды безопасности, предусмотренные российским законодательством. Важно отметить, что указанный перечень не просто является открытым, но и в основу ее составления одновременно легли два разных критерия – субъектный, связанный непосредственно с масштабом организуемой и

проводимой деятельности по обеспечению безопасности, и объектный – направленный на отражение специфики обеспечения безопасности в различных сферах жизнедеятельности современного человека.

При этом, российский законодатель определяет в качестве синонимичных собирательных категорий «безопасность» и «национальная безопасность». Информационная безопасность в указанном акте отдельно не выделяется, однако подчеркивается значимость мер информационной направленности в целях обеспечения безопасности общества и государства в целом.

В рамках заявленной проблематики также встречается употребление иного термина – «безопасность информации», который не является синонимичным информационной безопасности. Данные категории сочетаются как часть и целое, поскольку информационная безопасность учитывает многоаспектность информационных правоотношений, а не только характеристики безопасности, связанные с конкретной информацией и ее содержанием. Безусловно, справедливым представляется запрет и ограничение распространение информации определенного содержания (экстремистские материалы и др.), однако небезопасной информации может становится не только от ее содержательного критерия, но и в зависимости от целевой аудитории, в которой она распространяется. Например, отдельные сведения при распространении информационных материалов определенного содержания будут представлять угрозу для жизни и здоровью несовершеннолетних, в том время как при распространении аналогичных материалов среди взрослого населения подобные риски минимизируются, что предопределяет зависимость общественного воздействия от множества процессов одновременно.

Значимость пристального внимания к информационной безопасности подчеркивается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где среди национальных интересов выделяются развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия. Кроме того, совершенно справедливо отмечается, что обеспечение и защита национальных интересов Российской Федерации осуществляются за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества на реализации отдельных стратегических национальных приоритетов, среди которых выделена информационная безопасность.

Отметим, что понятие «информационная безопасность» раскрывается в действующем законодательстве, что объективно обусловлено необходимостью системного организационно-правового воздействия на общественные отношения в указанной сфере. Согласно пп. «в» п. 2 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации информационную безопасность следует понимать как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные

качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства». Данное определение, с одной стороны, совершенно справедливо подчеркивает актуальность обеспечения информационной безопасности как для личности, так и для общества и государства, а с другой стороны – отмечает разноплановость угроз, которые могут возникать в данной сфере.

Информация и способы ее создания, распространения и хранения естественным путем эволюционирует с учетом технических возможностей перехода на электронное взаимодействие, однако в данном случае значительно актуализируется активность законодательных трансформаций и своевременность их проведения. Данный тезис в полной мере соответствует и проблематике административной ответственности в области информационной безопасности, поскольку регламентация правовых последствий возможно лишь после правового оформления использования тех или иных информационных и цифровых нововведений в жизнедеятельности общества и государства.

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // «Российская газета» от 29 декабря 2010 г. № 295.

2. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 декабря 2016 г. № 50 ст. 7074.

3. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II) ст. 5351.

ON THE ISSUE OF COMBATING OFFENSES AGAINST INFORMATION SECURITY

A.V. Tlupova

North Caucasus Institute of the Russian Interior Ministry, Nalchik, Russia

The article addresses the significance of ensuring information security–a complex and multifaceted state that must be examined both through the lens of processes of national importance and from the perspective of protecting the rights and legitimate interests of individuals. Consequently, efforts to ensure information security require the involvement of a wide range of stakeholders, as well as the implementation of both general and specialized organizational and legal mechanisms.

Keywords: offenses, crimes, administrative offenses, information security, information and telecommunication technologies.

УДК 347.61

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИНСТИУТА СЕМЬИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

М.А. Тугуз

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассматривается правовая проблематика толкования дефиниции традиционных семейных ценностей, а также оценки научным сообществом современного состояния государственной семейной политики Российской Федерации. Автором отмечена вариативность форм интерпретирования содержания и сущности семейных ценностей, оказывающая негативное влияние на оценку эффективности государственных мероприятий поддержки института семьи в России. Сформулирован вывод о необходимости дополнения содержания Семейного кодекса РФ нормой, подчеркивающей приверженность отечественного законодателя целям защиты традиционных семейных ценностей и раскрывающей содержание последних.

Ключевые слова: семья, семейная политика, традиционные семейные ценности, семейное законодательство, поддержка семьи

Развитие государственной семейной политики Российской Федерации направлено на укрепление и повышение авторитета института семьи. Законодательство последних лет закрепило категорию традиционных семейных ценностей, нуждающихся в правовой защите. Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. раскрыла дефиницию традиционных семейных ценностей. Указ президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» расширил толкование традиционных российских духовно-нравственных ценностей, перечислив таковые, и представив в качестве одной из них крепкие семейные отношения. Вопреки существованию нормативно-закрепленных разъяснений понятия традиционных семейных ценностей, научное сообщество ведет активную дискуссию о природе и сущности последних, а также степени правовой защищенности института семьи в российском государстве.

Юридическая доктрина изобилует публикациями, посвященными правовой охране и защите традиционных семейных ценностей. Внимание приковывает противоречивость авторских подходов к оценке современного состояния государственной семейной политики, уровне и качестве поддержки семьи, отсутствие единообразия в истолковании дефиниции семейных ценностей.

Е.М. Акулич и А.С. Пляхотко указывают на присущую населению России приверженность традиционным семейным ценностям, не раскрывая определения последних. Авторы отмечают значение семейных ценностей для

национальной культуры, обеспечение государством правовой защиты института семьи. И.Д. Обухова уделяет внимание экономическому аспекту поддержки семьи, критикуя узконаправленный подход российского законодателя к реализации финансовых ресурсов государства. Современное состояние государственной семейной политики РФ, по мнению автора, сведено к предоставлению материальной помощи неблагополучным семьям, что противоречит общему смыслу отечественного законодательства.

Таким образом, правовая проблематика защиты института семьи в РФ и оценки таковой научным сообществом детерминирована отсутствием единообразия в толковании дефиниции семейных ценностей.

Согласно мнению Н.В. Летовой, традиционные семейные ценности носят консервативный характер, передаются из поколения в поколение. Данное мнение созвучно с позицией отечественного законодателя. Обширное исследование сущности традиционных семейных ценностей представлено О.Ю. Ситковой. Автор подчеркивает изменчивость критериев ценности семьи, связанную с развитием общества и оказывающую влияние на состояние государственного правопорядка. Семейные ценности определены автором как набор нематериальных благ, стремление к обладанию которыми подталкивает субъекты семейного права к созданию соответствующих правоотношений. Поскольку ценности семейной жизни не могут существовать автономно от правовых норм, ученым предложено включение в текст Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) нормы, содержащей перечень нетипичных ценностей, характерных исключительно для семейных правоотношений. Обратное влечет снижение уровня правовой защищенности семейных ценностей.

По нашему мнению, отсутствие определения ценностей семьи в нормах семейного законодательства Российской Федерации, как и общее состояние национальной семейной политики, не создает угрозы защиты традиционных семейных ценностей и института семьи. Апеллируя к указанным научным исследованиям и аргументируя представленную нами позицию, обратимся к содержанию СК РФ и общему смыслу семейной политики РФ.

Российским законодательством отмечена ценность семьи, официально зарегистрированного брака, института родительства. При этом главным правовым актом в сфере регулирования семейных отношений, согласно п. 2 ст. 3 СК РФ является Семейный кодекс Российской Федерации.

Полагаем, что ст. 1 СК РФ уже содержит в себе перечисление основных ценностей семейной жизни, охраняемых законом. Так, ценностью для государства и общества являются: материнство, отцовство и детство, крепкие семейные узы, взаимные любовь, уважение, поддержка, ответственность членов семьи, и, что немаловажно, приватность семейной жизни. Последнее из указанных качеств семейных отношений, препятствует детализации критериев и качеств данных, ограждает семейные отношения от чрезмерного вмешательства в них государства и третьих лиц.

Институты семейного права, выделенные семейным законодательством, представляют собой группы семейных отношений, правовая защита которых

обеспечена государством. Так, разделы 2-3 СК РФ защищают институт брака и права супругов; разделы 4, 6 СК РФ – институт родительства, материнства, отцовства и детства; содержание раздела 5 СК РФ, с нашей точки зрения, является яркой иллюстрацией необходимости построения семейных отношений на чувстве долга членов семьи по отношению друг к другу. Отсутствие данного нравственного качества у членов семьи может быть компенсировано методами правового давления на лиц, обязанных уплачивать алименты на содержание родственников (в том числе бывших супругов), нуждающихся в материальной поддержке.

Заметим также, отсутствие в законе прямого указания на те или иные аспекты семейных отношений, которые, по мнению ранее указанных авторов, требуют отдельного внимания законодателя, не является препятствием к защите прав членов семьи. Изложенное подтверждает содержание ст. 5 СК РФ, допускающее применение аналогии права и аналогии закона в случаях, если отношения между членами семьи не урегулированы нормами семейного или гражданского законодательства.

Ярким примером защиты семейных прав граждан нормами российского законодательства является содержание ст. 9 СК РФ, согласно которому исковая данность не распространяется на требования, вытекающие из семейных отношений (за исключением прямо предусмотренных законом случаев).

По нашему убеждению, отсутствие единой интерпретации семейных ценностей является одним из существенных факторов, оказывающих негативное влияние на оценку эффективности государственной семейной политики Российской Федерации. В силу выявленных нами проблем понимания семейных ценностей, а также утраты Концепцией государственной семейной политики в РФ до 2025 г. юридической силы, учитывая то, что данный нормативно-правовой акт своим содержанием устранял всякую неопределенность в толковании традиционных семейных ценностей, предлагаем закрепление данного определения в тексте ст. 1 СК РФ. Формулировка данного определения может как быть аналогичной закрепленной в абз. 6 раздела 3 Концепции, так и быть дополнена характеристиками семейных отношений, представленными в п. 1 указанной статьи СК РФ и представлена следующим образом:

1. Семья, материнство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства. В Российской Федерации признается авторитет традиционных семейных ценностей.

2. К традиционным семейным ценностям, относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению.

3. Семейное законодательство исходит из необходимости защиты традиционных семейных ценностей, укрепления семьи…» (Дальнейшее содержание ст. 1 СК РФ предлагаем оставить без изменений).

Список использованных источников

1. Акулич Е.М., Пляхотко А.С. Традиционные семейные ценности в контексте государственной культурной политики Российской Федерации / Акутин Е.М., Пляхотко А.С. // Вестник Тюменского государственного института культуры. – 2024. – 1 (31). – С. 75. EDN: KHDOUY.

2. Летова Н.В. Традиционные семейные ценности как объект защиты государства / Летова Н.В. // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 4. – С. 98. EDN: BOTEFT.

3. Обухова И.Д. Современная концепция государственной поддержки семьи в России: проблемы и перспективы / Обухова И.Д. // Вопросы устойчивого развития общества. – 2020. – № 2. – С. 483. EDN: VEDSML.

4. Ситкова О.Ю. Традиционные семейные ценности в системе нематериальных благ: проблемы защиты / Ситкова О.Ю. // Правовая политика и правовая жизнь. – 2025. – № 1. – С. 200. EDN: QTGMJQ.

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

6. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.» // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

7. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

LEGAL PROTECTION OF THE FAMILY INSTITUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION: ISSUES IN THE INTERPRETATION OF TRADITIONAL FAMILY VALUES

M.A. Tuguz

Rostov State University of Economics (RSUE),
Rostov-on-Don, Russia

The article examines the legal challenges surrounding the interpretation of the notion of traditional family values, as well as the assessment of the current state of family policy in the Russian Federation. The author highlights the multiplicity of approaches to construing the substance and essence of family values, which adversely affects the evaluation of the effectiveness of state support measures for the family institution in Russia. It is concluded that the Family Code of the Russian Federation should be supplemented with a provision that both underscores the domestic legislator's commitment to safeguarding traditional family values and elucidates their substantive content.

Keywords: family, family policy, traditional family values, family legislation, family support.

УДК 347.9

ДИСПОЗИТИВНЫЕ НАЧАЛА В СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГПК, АПК И КАС РФ

Д.С. Уколов, Р.Ф. Мустафин

Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

В статье исследуется действие принципа диспозитивности на стадии судебного разбирательства в гражданском, арбитражном и административном процессах. Анализируются пределы усмотрения сторон и активная роль суда в каждом из кодексов. Обосновывается необходимость унификации процессуального регулирования.

Ключевые слова: диспозитивность, судебное разбирательство, ГПК, АПК, КАС.

На сегодняшний день принцип диспозитивности традиционно рассматривается как немаловажный элемент цивилистического судопроизводства, поскольку именно он определяет меру свободы участников спора в распоряжении материальными правами и процессуальными средствами их защиты. Однако содержание данного начала не является универсальным для всех процессуальных кодексов, действующих в Российской Федерации. Стадия судебного разбирательства представляет собой наиболее показательный срез, на котором различия проявляются с особой отчётливостью, поскольку именно здесь стороны совершают распорядительные акты, а суд реализует полномочия по руководству процессом. Сопоставление Гражданского процессуального, Арбитражного процессуального и Кодекса административного судопроизводства позволяет выявить не только формальные расхождения, но и концептуальные предпосылки, лежащие в основе каждого из них [1].

Гражданский процессуальный кодекс в наибольшей степени воплощает классическую модель диспозитивности, унаследованную от дореволюционной доктрины и адаптированную к условиям состязательного судопроизводства. Частноправовая природа споров, рассматриваемых судами общей юрисдикции, предопределяет минимальное вмешательство суда в распорядительные действия сторон. Истец самостоятельно определяет предмет и основание требования, вправе изменить иск, отказаться от него, заключить мировое соглашение; ответчик распоряжается средствами защиты, включая признание иска и предъявление встречного требования. Суд не инициирует сбор доказательств по собственной инициативе, а лишь создаёт условия для их представления и исследования. Выход за пределы заявленных требований допускается исключительно в случаях, прямо предусмотренных материальным законом, что подчёркивает приоритет частной автономии над судебной активностью [2].

Арбитражный процессуальный кодекс, регулируя споры в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, занимает промежуточное положение. Экономические отношения сочетают частные и публичные элементы, что отражается на конфигурации диспозитивных начал. Стороны по-прежнему обладают широкой свободой в распоряжении спорным материальным правоотношением, однако суд наделён полномочиями, выходящими за рамки пассивного арбитра. В частности, арбитражный суд вправе предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства, разъяснить им последствия совершения или несовершения процессуальных действий, оказать содействие в получении доказательств, находящихся у третьих лиц. Такая активность не отменяет диспозитивности, но корректирует её с учётом необходимости обеспечения баланса интересов участников оборота и защиты публичного порядка. Процедура примирения, включая медиацию, получает в арбитражном процессе более детальную регламентацию, что также свидетельствует о стремлении законодателя стимулировать распорядительные акты сторон.

Кодекс административного судопроизводства демонстрирует наиболее существенное отступление от классической модели. Публично-правовая природа отношений, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства, предполагает неравенство их участников, что объективно ограничивает сферу действия диспозитивного начала. Административный истец, оспаривая решения, действия или бездействие органов власти, не располагает теми же возможностями распоряжения предметом спора, какие доступны участнику гражданского или арбитражного дела. Суд наделён широкими полномочиями по собственной инициативе истребовать доказательства, проверять законность оспариваемых актов за пределами доводов сторон, привлекать к участию в деле заинтересованных лиц. Примирение сторон в административном процессе возможно лишь в ограниченных пределах, поскольку публичный интерес не может быть предметом свободного распоряжения. Активная роль суда, закреплённая в Кодексе, отражает стремление законодателя обеспечить реальную защиту прав граждан в споре с носителем властных полномочий, где формальное равенство сторон не гарантирует фактического [3].

Сравнительный анализ позволяет выделить несколько параметров, по которым расхождения проявляются наиболее рельефно. Первый касается распоряжения предметом иска: в гражданском и арбитражном процессах стороны свободны в изменении требования, отказе от него или признании, тогда как в административном судопроизводстве подобные акты либо не допускаются, либо существенно ограничены. Второй параметр связан с доказыванием: если в гражданском деле суд не собирает доказательства по своей инициативе, то в арбитражном он вправе оказать содействие в их получении, а в административном – обязан проявлять активность для установления фактических обстоятельств. Третий аспект затрагивает примирение: мировое соглашение и медиация являются полноценными институтами в первых двух кодексах, но в КАС их применение ограничено узким кругом категорий дел [4].

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении диспозитивности и судебной активности. Активность суда не является антиподом диспозитивности, а представляет собой её необходимый коррелят в тех случаях, когда формальное равенство сторон не обеспечивает реальной возможности защиты. В административном судопроизводстве активная роль суда компенсирует неравенство административного ответчика и административного истца; в арбитражном процессе она служит гарантией от злоупотреблений и средством выравнивания возможностей участников оборота. Проблема заключается в том, что границы судебной активности не всегда чётко очерчены, что создаёт риск подмены распорядительных действий сторон судебным усмотрением. В судебной практике встречаются случаи, когда суд, ссылаясь на принцип законности, фактически игнорирует волю истца и разрешает вопрос, который не был предметом заявленного требования. Такие ситуации демонстрируют, что диспозитивность и законность могут вступать в конфликт, разрешение которого требует взвешенного подхода, учитывающего как частные интересы участников спора, так и публичные задачи правосудия [5].

Таким образом, стадия судебного разбирательства демонстрирует существенные различия в объёме и характере диспозитивных начал, закреплённых в трёх процессуальных кодексах. Гражданский процесс наиболее последовательно реализует классическую модель свободы распоряжения, арбитражный дополняет её элементами судебной активности, а административный существенно ограничивает диспозитивность в пользу активной роли суда. Эти различия обусловлены спецификой регулируемых отношений, но одновременно порождают вопросы о согласованности процессуального регулирования и предсказуемости правоприменения.

Список использованных источников

1. Крупчатникова, А. Р. Принцип диспозитивности в гражданском процессе / А. Р. Крупчатникова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2024. № 17 (516). С. 301-303.

2. Кирпичева, А. А. Принцип диспозитивности в гражданском процессе в Российской Федерации / А. А. Кирпичева. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2023. № 40 (487). С. 208-211.

3. Штыкова, Е. В. Отличительные особенности и сходства Кодекса административного судопроизводства РФ в отношении других процессуальных кодексов Российский Федерации / Е. В. Штыкова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2023. № 23 (470). С. 413-416.

4. Карапетян, Р. А. О принципах диспозитивности и состязательности при рассмотрении арбитражными судами административных дел / Р. А. Карапетян. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2024. № 43 (542). С. 203-205.

5. Соколова О. В., Седых А. С., Сокольских В. Ю. Реализация принципа диспозитивности в гражданском процессе // Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции: в 2 т.. Симферополь, 2023. С. 338–343.

DISPOSITIVE PRINCIPLES AT THE TRIAL STAGE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CPC, APC AND CAS OF THE RUSSIAN FEDERATION

D.S. Ukolov, R.F. Mustafin

Kuban State University,
Krasnodar , Russia

The article examines the effect of the principle of dispositivity at the stage of judicial proceedings in civil, arbitration and administrative proceedings. The limits of the parties' discretion and the active role of the court in each of the codes are analyzed. The necessity of unification of procedural regulation is substantiated.

Keywords: dispositivity, judicial proceedings, CPC, APC, CAS.

УДК 347.9

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ПО ГПК, АПК И КАС РФ

Д.С. Уколов, Р.Ф. Мустафин

Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

В статье рассматриваются процессуальные особенности исследования электронных доказательств в судебном заседании в гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах в Российской Федерации. Анализируются расхождения в регулировании их представления, проверки достоверности и оценки. Обосновывается необходимость унификации требований к работе с цифровыми носителями информации.

Ключевые слова: электронные доказательства, судебное исследование, ГПК, АПК, КАС.

Цифровизация имущественного и публичного оборота закономерно привела к тому, что всё больше сведений, имеющих доказательственное значение, существует не на бумаге, а в электронной форме. Переписка посредством мессенджеров, базы данных государственных реестров, файлы с метаданными, аудио- и видеозаписи – всё это становится предметом судебного исследования. Однако три процессуальных кодекса, действующих в России, подходят к регулированию таких объектов неодинаково. Гражданский процессуальный, Арбитражный процессуальный и Кодекс административного судопроизводства содержат как сходные, так и существенно различающиеся предписания, что порождает практические сложности при рассмотрении дел, где доказательственная информация имеет цифровую природу.

Общей чертой всех трёх кодексов является отнесение значительной части электронных материалов к письменным доказательствам. Статья 71 ГПК относит к ним документы и материалы, выполненные в форме цифровой записи, полученные через интернет, подписанные электронной подписью либо созданные иным способом, позволяющим установить достоверность. Аналогичный подход воспроизведён в статье 75 АПК и статье 70 КАС . Такое решение законодателя долгое время служило предметом критики, поскольку цифровая форма плохо укладывается в классическую конструкцию письменного доказательства, предполагающую наличие материального носителя и визуально воспринимаемого текста. Доктрина отмечает, что распечатки переписки, скриншоты и файлы в практике ситуативно квалифицируются как письменные, вещественные либо аудиовизуальные доказательства, что порождает риски утраты признаков подлинности и непредсказуемости правоприменения[1].

Применительно к стадии судебного разбирательства наиболее существенное расхождение обнаруживается в подходах к проверке достоверности электронных материалов. Гражданский процессуальный кодекс, следуя классической модели, возлагает бремя доказывания аутентичности на сторону, представившую документ. Суд лишь оценивает представленное по своему внутреннему убеждению. Если копия документа представлена в электронном виде, суд может потребовать подлинник, однако механизм проверки целостности файла, отсутствия следов редактирования или соответствия метаданных заявленному содержанию законом не детализирован. В арбитражном процессе ситуация несколько иная: Кодекс прямо допускает привлечение экспертов и свидетелей для участия в осмотре и исследовании доказательств, а также проведение фотографирования, аудио- и видеозаписи в ходе осмотра. Это создаёт предпосылки для более технологичного подхода, хотя специальных норм об исследовании именно цифровых объектов в АПК также нет.

Кодекс административного судопроизводства демонстрирует наиболее детализированное регулирование. Статья 70 КАС, помимо общих положений о письменных доказательствах, содержит часть 1.1, введённую в 2016 году, которая допускает документы, полученные посредством электронной связи и подписанные электронной подписью, в качестве доказательств в случаях и порядке, предусмотренных законом. Ещё более примечательна часть 1.2, появившаяся в 2023 году: она предусматривает формирование материалов административного дела в электронном виде с заверением усиленной квалифицированной электронной подписью для целей апелляционного, кассационного и надзорного производства. Такая конструкция свидетельствует о последовательном движении КАС в сторону признания электронной формы самостоятельной процессуальной ценностью, а не просто техническим способом передачи бумажного содержания [2].

Существенное значение для практики имеет вопрос о подлинниках электронных доказательств. Все три кодекса допускают представление копий и предусматривают право суда потребовать оригинал, однако содержание этого требования применительно к цифровым объектам остаётся неопределённым. Что считать подлинником электронного письма – файл на сервере провайдера,

локальную копию, распечатку с заверением? ГПК и АПК оставляют этот вопрос открытым, тогда как КАС через механизм электронного дела частично снимает остроту проблемы, создавая заверенную электронную копию, имеющую официальный статус. Доктрина подчёркивает необходимость нормативного выделения электронных доказательств как самостоятельного вида с установлением требований к их представлению, идентификации, заверению, хранению и исследованию, включая работу с метаданными с участием специалиста и проведение судебных компьютерно-технических экспертиз [3].

Показательно, что судебная практика вынуждена компенсировать законодательные пробелы. Верховный Суд в проекте постановления Пленума по гражданским делам предложил разрешить судьям самостоятельно запрашивать сведения из государственных информационных систем – ЕГРН, ЕГРЮЛ, платформы Банка России – и приобщать их к материалам дела в качестве письменных доказательств, аудио- или видеозаписей. Это фактически означает признание того, что электронные доказательства требуют особых процедур собирания, не сводимых к традиционным способам представления документов. Однако такое регулирование на уровне разъяснений высшей инстанции не устраняет расхождений между кодексами, а лишь смягчает их последствия для одной категории дел.

Различия обнаруживаются и в подходах к оценке электронных доказательств. ГПК и АПК традиционно оставляют оценку на усмотрение суда, тогда как КАС, регулируя споры с участием носителей властных полномочий, предъявляет более строгие требования к проверке законности получения электронных материалов. Это отражает общую логику административного судопроизводства, где активная роль суда призвана компенсировать неравенство сторон. Вместе с тем отсутствие единых стандартов работы с метаданными, электронными подписями и распределёнными базами данных создаёт риск того, что одна и та же информация будет оцениваться по-разному в зависимости от вида судопроизводства [4].

Таким образом, исследование электронных доказательств в судебном заседании в гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах демонстрирует как общие черты, обусловленные единством доказательственного права, так и существенные расхождения, порождённые различиями в регулируемых отношениях. КАС продвинулся дальше других в институционализации электронной формы, тогда как ГПК и АПК сохраняют более традиционные подходы, оставляя значительную часть вопросов на усмотрение практики.

Список использованных источников

1. Воловик, Т. В. Допустимость электронных доказательств в гражданском и административном судопроизводстве / Т. В. Воловик. Текст: непосредственный // Исследования молодых ученых: материалы CXXIX Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2026 г.). Казань: Молодой ученый, 2026. – URL: https://moluch.ru/conf/stud/archive/563/19596.

2. Чуркина, К. М. Правовое значение и перспективы электронных доказательств в гражданском судопроизводстве / К. М. Чуркина. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2026. № 23 (626). С. 607-610.

3. Софронова, А. А. Скриншот как доказательство в гражданском и арбитражном процессе / А. А. Софронова. Текст: непосредственный // Исследования молодых ученых: материалы LXVII Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2023 г.). Казань: Молодой ученый, 2023. С. 28-33.

4. Волкова, Д. О. Проблемы применения электронных доказательств в судопроизводстве / Д. О. Волкова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2024. № 26 (525). С. 189-191.

FEATURES OF EXAMINING ELECTRONIC EVIDENCE IN A COURT SESSION UNDER THE CIVIL PROCEDURE CODE, THE ADMINISTRATIVE PROCEDURE CODE, AND THE CAPITAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

D.S. Ukolov, R.F. Mustafin

Kuban State University,
Krasnodar, Russia

The article discusses the procedural features of the study of electronic evidence in court proceedings in civil, arbitration and administrative proceedings in the Russian Federation. The discrepancies in the regulation of their presentation, validation and evaluation are analyzed. The necessity of unifying the requirements for working with digital media is substantiated.

Keywords: electronic evidence, judicial research, CPC, APC, CAS.

УДК 338.24

НОРМАТИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТНОЙ КОМАНДЫ

Н.И. Улендеева

Самарский юридический институт ФСИН России,
г. Самара, Россия

В статье изучены три уровня нормативного регулирования и организации работы проектной команды: обязательный, рекомендательный и текущий; определены содержание и перечень нормативных актов каждого уровня, позволяющие определить роли и зоны ответственности каждого участника проектной группы с целью эффективного выбора функционала и возможностей для развития членов команды проекта; в работе также сформулированы обоснования классификации уровней нормативных правовых документов, позволяющие сделать

выводы о целесообразно их применения для формирования успешных проектных команд.

Ключевые слова: проектное управление, команда проекта, нормативные положения, уровни управления.

Развитие современных государственных организаций, учреждений и предприятий, а также крупных корпораций коммерческого бизнеса и стартапов позволяет констатировать, что рассматриваемые субъекты широко и системно используют проектное управление для достижения уникальных целей своей уставной деятельности в условиях ограниченности по времени и срокам, по финансовым и другим ресурсам. Поэтому актуальным является целесообразность изучения комплекса правовых положений, которые формируют успешное пространство проект-менеджмента и составляют основу для проектной деятельности организаций. Детальное рассмотрение нормативных документов этапа формирования и функционирования команды проекта диктуется неослабленным вниманием к обеспечению благополучной атмосферы в коллективе, чтобы каждый участник проектной команды мог быть мотивирован и «защищен» при выполнении своей функции групповой работы.

Анализ материалов теоретических исследований и опыта реализации проектов организациями различного типа, показывает, что для формирования правового пространства работы над проектом и управления им на всех этапах, следует выделить нормативные акты по уровням регулирования.

Общие вопросы содержания понятий проектного управления и характеристик этапов проекта, а также основные механизмы организации проектной деятельности в организациях отражены в Федеральном законе от 28.06.2014 года «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1]. Далее по иерархии документов следует Постановление Правительства РФ №1288 от 31.10.2018 года «Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ», который задает порядок и структуру выстраивания проектной деятельности в единой логической схеме: подходы по формированию запуска, реализации, мониторинга и завершения проектов; выбор органов управления проектом; содержание последовательности этапов работы над проектом: инициация; определение функций, полномочий и ответственности участников проектной команды. Следовательно, национальные, федеральные, региональные и ведомственные проекты подчиняются рассматриваемому нормативному правовому акту в части организационно-правового регулирования проектной деятельности по закреплению порядка формирования, согласования и утверждения членов проектных групп и распределение их полномочий [2].

Большое значение для формирования правового пространства реализации проектов в каждой функциональной группе отраслевых организаций являются специально разработанные методические рекомендации, в которых

детализируются подходы к управлению проектами, например, в образовании, медицине, нефтяной или автомобильной промышленности [3].

Отдельно следует выделить методологические документы – стандарты, выступающие ориентирами для формирования общих процессов управления проектом, в том числе и по организации работы команды проекта. Рассматриваемые методические ориентиры не являются обязательными для организаций в части юридического обеспечения, но выступают эталонами для разработки локальных, внутренних правил обеспечения проектной деятельности организации. В нашей работе проанализированы ГОСТы ИСО 21500-2014 «Руководство по проектному менеджменту» и Р 54869-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом», в которых отражены процессы планирования команды проекта, определены механизмы подбора участников проектной группы, структурированы документационное обеспечение ролей и функций членов команды, формулируются требования к квалификации, числу участников, условиям реализации проекта, персональных способностей руководителей и ответственных за каждый этап работы над проектом.

В мировой практике формирования проектных команд используется «свод знаний по управлению проектами» (PMBOK), в которых отражены принципы формирования команды, формирование среды развития команды, определены эффективные инструменты коммуникации и сотрудничества по вовлечению участников проектной группы в выполнение целей и задач проекта [4].

Третий уровень правовых актов нормативного регулирования проектного управления на этапе формирования проектной команды определяют локальные положения и документы в конкретной организации, когда следует закрепить, например, правила внутреннего распорядка при работе над проектом, общие принципы проектной деятельности, требования на соответствие компетенциям для участников проектной команды, определение процедур оценки кандидатов на должности при реализации проекта, вопросы характеристики ролей и ответственности участников проекта, процедуры проведения инструктажей, мониторинга и контроля и т.п. Для эффективной работы проектной команды также на локальном уровне определяются нормативные положения о формах обеспечительных документов, включающие вопросы фиксации графиков работы, определения показателей успешности по выполнению работы, чек-листы самооценивания членов проектной команды, планы обучения персонала и другие необходимые для текущей работы над проектом локальные нормативные акты.

Следовательно, весь объем нормативного обеспечения проектного управления на этапе формирования проектной команды, можно распределить на три уровня: обязательный, рекомендательный и текущий. Каждый уровень нормативных актов регулирует свою область ответственности и задает вектор развития проектного управления. Трехуровневая классификация нормативного обеспечения этапа формирования проектной команды позволяет выстроить систему проектной деятельности, функционирующей в условиях обязательных правил и

позволяющей применять гибкие механизмы проектного управления на корпоративном уровне развития проектных команд. Правильно выстроенная дорожная карта документов каждого уровня, особенно текущего, позволяет адаптировать работу проектной команды под различные по типу и значимости уникальные проекты.

Список использованных источников

1. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ (последняя редакция)//КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 07.10.2026).

2 Постановление Правительства РФ № 1288 от 31.10.2018 «Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ»// Документы - Правительство России: http://government.ru/docs/34523/ (дата обращения: 07.10.2026).

3. Управленческий проект: от идеи к реализации методические рекомендации для руководителей и заместителей руководителей образовательных организаций, осуществляющих управление проектной деятельностью или являющихся руководителями проектов/ Сост. Т. О. Шумилина. – Владимир: Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой, 2025. – 51 с. [Режим доступа]: https://viro33.ru/download/Metodicheskie_rekomendacii (дата обращения: 07.10.2026).

4. PMBOK (свод знаний по управлению проектами): что это такое, содержание, актуальное издание. [Режим доступа]: https://projecto.pro/blog/theory/pmbok/?ysclid=muy9ehhkw461274897 (дата обращения: 07.10.2026).

REGULATORY SUPPORT FOR PROJECT MANAGEMENT AT THE STAGE OF PROJECT TEAM FORMATION

N.I. Ulendeeva

Samara law Institute,
Samara, Russia

The article examines three levels of regulatory regulation and organization of a project team’s work: mandatory, advisory, and current; the content and list of regulatory acts for each level are identified, which make it possible to define the roles and areas of responsibility of each member of the project group in order to effectively select the functions and opportunities for the development of project team members; the paper also formulates the rationale for classifying the levels of regulatory legal documents, which allows drawing conclusions about the feasibility of using them to form successful project teams.

Keywords: project management, project team, regulatory provisions, management levels.

УДК 343.8

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНА РФ «О ПРОБАЦИИ В РФ» В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Н.И. Улендеева

Самарский юридический институт ФСИН России,
г. Самара, Россия

В статье изучены современные проблемы организации межведомственного взаимодействия организаций-участников пробации в целях оказания помощи и сопровождения для лиц, находящихся в исправительных учреждениях, для лиц, после освобождения из мест лишения свободы, и для лиц, в отношении которых применяются меры наказания, не связанные с изоляцией от общества; сформулированные в работе проблемы классифицируются по основаниям организационно-правового содержания возникновения проблемы; также в статье предложены пути решения рассматриваемых проблем.

Ключевые слова: пробация, организационно-правовые проблемы, оценка эффективности работы, социально-ориентированные организации.

В современных условиях реализации положений Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – «Закон о пробации») является актуальной задачей взаимодействия большого количества различных организаций, которые выступают и должны стать комплексной системой сопровождения лиц, к которым применяется пробация. Поэтому целесообразно изучить организационные механизмы взаимодействия социально-ориентированных организаций (далее – СОО), рассмотреть ряд правовых сложностей и содержательно определить пути решения выделенных проблем, которые способствуют развитию эффективной структуры влияния пробации на ресоциализацию, социальную адаптацию и трудовую деятельность граждан, в отношении которых реализуется пенитенциарная, постпенитенциарная и исполнительная пробация [1]. Актуальность темы статьи подчеркивается также необходимостью поиска эффективных путей взаимодействия организаций-участников пробации, способствующих успешной работе с осужденными и лицами, освободившимися из исправительных учреждений, которые оказались в трудной жизненной ситуации.

Итак, вступившие с 1 января 2024 года в действие положения «Закона о пробации», за исключением некоторых положений с иным сроком, стали вектором для организации деятельности новой системы в обществе - института пробации, который должен регулировать вопросы сопровождения и коррекции социального поведения как лиц, готовящихся к освобождению, так и лиц, недавно освободившихся из мест лишения свободы. Важными аспектами работы с

рассматриваемой группой лиц являются социальная адаптация и социальная реабилитация, предупреждение совершения новых преступлений. Таким образом, в результате успешного сочетания инструментов индивидуальной программы ресоциализации для обозначенных граждан, формируется система взаимодействующих социально-ориентированных государственных, некоммерческих и коммерческих организаций, способствующих в восстановлении социальных связей, востребованности профессиональных навыков, трудоустройстве и обеспечении жильём граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации перед освобождением или после освобождения из исправительных учреждений [2].

«Закон о пробации» регулирует три ее вида, которые в хронологическом порядке могут применяться для граждан: пенитенциарная (при нахождении в исправительном учреждении и отбывании наказания) и постпенитенциарная (после освобождения); исполнительская – для лиц, в отношении которых назначено судом наказания без изоляции от общества. Поэтому безусловным преимуществом института пробации является последовательное сопровождение лиц, столкнувшимся с уголовным наказанием или освободившимся из мест лишения свободы, вернуться к нормальной жизни и не совершить новых преступлений [2].

Анализ теоретических источников, раскрывающих проблемы реализации института пробации показал, что в литературе затрагиваются следующие аспекты реализации пробации, которые в работе классифицированы по выделенным признакам:

– организационные проблемы, возникающие при недостаточной детализации применения конкретных процедур пробации и формировании механизмов взаимодействия организаций-участников пробации, так как положения норм «Закона о пробации» содержат общие цели, принципы, виды пробации и круг субъектов;

– правовые проблемы проявляются в разночтениях о том, кто координирует действия лица, в отношении которого применяется пробация; какие именно права и обязанности возникают у социально-ориентированных некоммерческих организаций (далее – СОНКО) при участии в пробации и какие инструменты контроля реализации пробации необходимо применять, чтобы характеризовать качество социального сопровождения спецконтингента.

– организационно-управленческие проблемы, связанные с закреплением механизмов финансирования СОНКО и требующие на практике реализации путей поиска средств для оказания помощи и поддержки для объектов пробации (участие в конкурсах грантов, волонтерской деятельности, организация фондов для сбора пожертвований и т.п.);

– проблемы формирования системы межведомственного взаимодействия организаций-участников пробации, которыми выступают учреждения уголовно-исполнительной системы, органы социального обеспечения и защиты, службы и отделы занятости, медицинские организации и СОНКО;

– отдельные проблемы, затрагивающие правовые аспекты конфиденциальности и защиты данных, когда при организации работы с информацией личного характера, например данными из медицинских или психологических карт, необходимо регулировать и применять правовые и этические нормы, позволяющие соблюдать баланс между необходимостью защиты личных данных и возможностями для оказания содействия в получении помощи [3];

– организационно-структурные проблемы в определении правового статуса и специфики деятельности СОНКО, когда зачастую в самих СОНКО даже нет штатной численности работников, не утвержден бюджет финансирования, что не позволяет полноценно оказывать и обеспечивать положения индивидуальных программ пробации;

– организационно-оценочные проблемы, проявляющиеся в отсутствии единых стандартов и критериев оценки работы центров пробации, которые открываются и функционируют как СОНКО или общественные объединения, оказывающие помощь в рамках индивидуальных программ ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации с ограниченным по времени сроком взаимодействия.

В рассмотренных условиях реализации деятельности института пробации главными барьерами становятся не отсутствие ресурсов, а управленческие проблемы и организационные сложности.

Проведённый анализ практического опыта по оценке эффективности работы организаций системы пробации позволяют формулировать следующие выводы: снижение уровня повторной преступности среди осужденных, состоящих на учете в УИИ; увеличение числа лиц, которым оказана помощь с трудоустройством, восстановлением документов, юридическая и психологическая поддержка, в решении бытовых вопросов; развитие системы специализированных центров пробации для участников постпенитенциарной пробации [4].

Список использованных источников

1. Полищук Н. И. Правовые отношения, возникающие при реализации пробации в Российской Федерации: проблемы и недочеты/ Н. И. Полищук // Ведомости УИС. – 2024. – №8. – С. 35-40.

2. Изменения в законе о пробации: суть реформы, новации и перспективы// Право ПРО. [Режим доступа]: https://pravo-pro.ru/ (дата обращения: 04.10.2026).

3. Минюст подготовил регламент деятельности центров пробации // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ от 15 августа 2024. [Режим доступа]: https://www.advgazeta.ru/ (дата обращения: 04.10.2026).

4. Хаджиев У. К. Теоретико-прикладное исследование института пробации в современной России: проблемы реализации и пути их решения: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.4. / Хаджиев Умар Кюриевич; ЧГУ им. А. А. Кадырова. – Грозный, 2026. – 218 с.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF IMPLEMENTING THE PROVISIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION LAW “ON PROBATION IN THE RUSSIAN FEDERATION” IN THE CONTEXT OF THE FUNCTIONING OF SOCIALLY-ORIENTED ORGANIZATIONS

N.I. Ulendeeva

Samara law Institute,
Samara, Russia

The article examines current issues related to organizing interdepartmental cooperation among organizations participating in probation, with the aim of providing assistance and support to individuals in correctional facilities, to those released from places of deprivation of liberty, and to individuals subject to punishment measures that do not involve isolation from society; the problems formulated in the paper are classified based on the organizational and legal content of the issue; the article also proposes ways to address the problems under consideration.

Keywords: probation, organizational and legal issues, performance evaluation, socially oriented organizations.

УДК 343

СТИМУЛЫ И БАРЬЕРЫ ДЛЯ УЧАСТИЯ БИЗНЕСА В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ ОСУЖДЕННЫХ

Н.И. Улендеева

Самарский юридический институт ФСИН России,
г. Самара, Россия

Актуальность исследования данного вопроса в современной России резко возросла на фоне структурного дефицита кадров на рынке труда с одной стороны, и масштабной государственной программы по расширению сети исправительных центров и внедрению института пробации – с другой. Бизнес, рассматривающий возможность участия в таких программах, проводит сложный анализ потенциальных выгод и рисков. Данный раздел ставит целью систематизировать и проанализировать комплекс экономических, кадровых и социально-репутационных стимулов, которые могут мотивировать компании, а также изучить влияние правовых, организационных, репутационных и экономических барьеры, сдерживающие их вовлечение.

Ключевые слова: трудоустройство осужденных, барьеры развития, система исправительных центров, нормативные положения, стимулирование.

Понимание системы «выталкивающих» и «сдерживающих» факторов развития взаимодействия исправительных центров и частного бизнеса по вопросам

трудоустройства осужденных является ключевым для формирования сбалансированной государственной политики, направленной на развитие социального партнерства в сфере ресоциализации.

Стимулирование и мотивация бизнеса к участию в трудоустройстве осужденных носит многоаспектный характер и простирается от сугубо прагматических экономических расчетов до стратегий в области корпоративной социальной ответственности (КСО) и устойчивого развития (ESG). Поэтому первичным экономическим и наиболее весомым стимулом является возможность решения острых кадровых проблем. В условиях устойчивого дефицита рабочей силы в ряде отраслей (логистика, складское хозяйство, сельское хозяйство, строительство, мусоропереработка) осужденные представляют собой значительный трудовой ресурс. Компании, особенно в период активного роста, сталкиваются с трудностями при комплектовании штата для низкоквалифицированных и физически тяжелых позиций. Как отмечают представители бизнеса, осужденные, трудоустроенные через ИЦ, часто демонстрируют высокий уровень мотивации и дисциплины. Для них трудоустройство – это не только обязанность, но и шанс на социальную реабилитацию, получение стабильного дохода и профессиональных навыков. Например, в компании Ozon, реализующей программу «Ozon без осуждения», отмечают, что такие сотрудники часто перевыполняют нормативы и проявляют инициативу, беря дополнительные смены [1]. Их ответственность объясняется также жесткими последствиями нарушений трудовой дисциплины, которые могут привести к замене наказания на лишение свободы.

Вторым ключевым экономическим стимулом является государственная поддержка властей на федеральном и региональном уровнях, когда осознается необходимость создания благоприятных условий для работодателей.

Анализ теоретических источников и практического опыта регулирования взаимодействия региональных властей с администрациями ИЦ показывает, что современные стимулы включают субсидирование затрат на оплату труда, когда регионы, следуя федеральным методическим рекомендациям, внедряют программы компенсации части затрат на заработную плату трудоустроенных осужденных или освободившихся граждан. Так, в Кемеровской области работодателю возмещаются затраты на заработную плату (в размере до МРОТ), выплату за наставничество и страховые взносы на период до 3 месяцев [2].

Налоговые льготы и специальный статус предоставления компаниям, использующим труд осужденных, налоговых преференций позволит на федеральном уровне активно стимулировать частные компании по трудоустройству осужденных. Важным шагом также стало законодательное закрепление возможности отнесения такой деятельности к социальному предпринимательству. Это открывает доступ к мерам господдержки, предназначенным для данного сектора: льготным кредитам, грантам, имущественной и консультационной помощи.

Для снижения издержек на создание инфраструктуры в части коммерческих предприятий государством апробируется модель создания ИЦ или их участков на базе имущества предприятий, в том числе с использованием быстровозводимых модульных конструкций, что значительно дешевле капитального строительства. Это перекладывает часть инфраструктурной нагрузки с бюджета на бизнес, но и дает компании больше контроля над организацией процесса.

Рассматривая влияние социально-репутационных и стратегических стимулов для крупного и среднего бизнеса, особенно публичных компаний, можно сказать, что все большее значение приобретают нематериальные стимулы, связанные с деловой репутацией и реализацией стратегий устойчивого развития (ESG). Так, участие в программах трудовой адаптации осужденных напрямую затрагивает ключевые составляющие ESG: социальную (S) и управленческую (G). Это демонстрация вклада компании в решение острой социальной проблемы – ресоциализации лиц, оказавшихся в конфликте с законом, и профилактики рецидивной преступности. Как подчеркивает Ирина Бахтина (РУСАЛ), такая практика, если она организована корректно, способствует лучшей социальной адаптации и должна избегать ярлыков «современного рабства» [3]. Таким образом, бизнес получает возможность позиционировать себя как социально ответственного агента, что усиливает его бренд в глазах потребителей, потенциальных сотрудников и инвесторов.

Кроме того, такая деятельность соответствует целям национальной и государственной политики, что может благотворно сказываться на взаимоотношениях компании с органами власти. Поддержка государственных инициатив по развитию сети ИЦ и пробации рассматривается как вклад в общественную безопасность и стабильность.

Несмотря на наличие стимулов, их действие зачастую нивелируется мощным комплексом барьеров, которые заставляют бизнес занимать выжидательную или осторожную позицию.

Анализ правовых и нормативных барьеров показывает, что главным препятствием является сложная и зачастую противоречивая правовая база, регулирующая труд осужденных. Существует фундаментальное различие между трудом осужденных к лишению свободы (в колониях) и осужденных к принудительным работам (в ИЦ). Труд в исправительных учреждениях (ИУ) - с осужденными к лишению свободы не заключаются трудовые договоры в общегражданском понимании. Их труд является обязанностью, вытекающей из приговора суда. Часто возникают организационные и экономические риски, когда бизнес сталкивается с рядом практических сложностей. Так, необходимость адаптации производственных процессов заставляет организацию участка ИЦ на территории предприятия или вывод бригады осужденных обеспечивать изоляцию, контролировать и вести наблюдение, что влечет дополнительные операционные издержки и логистические сложности.

Репутационные и социально-психологические барьеры выступают наиболее деликатным и значимым препятствием стигматизация и связанным с ней репутационным рискам. Восприятие в обществе и СМИ темы труда осужденных как исторически отягощенную сведениями о лагерной экономике советского периода заствляет бизнес опасаться негативной реакции со стороны общества, акционеров, партнеров и клиентов, которые могут усмотреть в такой практике эксплуатацию или ассоциировать бренд с криминалом. Публичное обсуждение этой темы, как отмечают эксперты, остается чувствительным.

Только комплексный подход, признающий и учитывающий всю палитру стимулов и барьеров, сможет превратить участие бизнеса в трудоустройстве

осужденных из маргинальной практики в устойчивый элемент социально-экономической политики

Список использованных источников

1. Фулфилментом Ozon займутся вставшие на путь исправления//Логистика в России: https://logirus.ru/news/e-commerce/_ozon (дата обращения: 09.10.2026).

2. Трудоустройство граждан освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы// Министерство труда и социальной защиты Кузбасса: https://www.dsznko.php (дата обращения: 09.10.2026).

3. Наблюдательный совет Национального ESG Альянса. [Режим доступа]: https://viro33.ru/download/Metodicheskie (дата обращения: 09.10.2026).

INCENTIVES AND BARRIERS FOR BUSINESS PARTICIPATION IN EMPLOYING CONVICTS

N.I. Ulendeeva

Samara law Institute,
Samara, Russia

The relevance of the study of this issue in modern Russia has increased dramatically against the background of a structural shortage of personnel in the labor market, on the one hand, and a large–scale government program to expand the network of correctional centers and introduce probation institutions, on the other. Businesses considering the possibility of participating in such programs conduct a complex analysis of the potential benefits and risks. This section aims to systematize and analyze the complex of economic, personnel, and socio-reputational incentives that can motivate companies, as well as to study the impact of legal, organizational, reputational, and economic barriers constraining their involvement.

Keywords: employment of convicts, barriers to development, correctional center system, regulations, incentives.

УДК 930.1:656.2

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ЮЖНОГО РЕГИОНА (ВТОРАЯ ПОЛ. XIX- НАЧАЛО XX В.)

Л.Н. Харченко, А.В. Забелин

Ростовский государственный университет путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Статья посвящена анализу современной отечественной историографии, исследовавшей вопросы развития и деятельности железнодорожного транспорта Южного региона во второй половине XIX- начале XX в. Целью настоящей

работы стало выявление и рассмотрение исследований о формировании сети железных дорог региона, различных аспектов их функционирования и общем экономическом развитии региона и страны в целом. Сделаны выводы о разработанности данной проблемы в современной отечественной историографии.

Ключевые слова: Министерство путей сообщения, Южный регион, сеть железных дорог, Владикавказская железная дорога, историография

Возникновение и эволюция железнодорожного транспорта Южного региона происходили в 1860-е-1870-е гг. и были вызваны несколькими аспектами: развитием добывающей и металлургической промышленности; необходимостью связи внутренних аграрных губерний России с портами Азовского и Черного морей с целью экспорта хлебных товаров; началом развития сферы отдыха и туризма. Основу железнодорожной сети составили дороги: Курско-Харьковско-Азовская (1866-1869); Козлово-Воронежско-Ростовская (1871-1876); Ростово-Владикавказская (движение открыто в 1875 г., с 1884 г. – Владикавказская). В дальнейшем каждая из них быстро эволюционировала достройкой линий и ответвлений. В процессе их возведения и в начальный период эксплуатации высказывались самые разные мнения об их эффективности и предположений о развитии. Одно бесспорно – с данным видом транспорта связывались экономические перспективы не только южных территорий, но и центральных губерний, в основном являвшихся аграрными и нуждавшихся в стабильных каналах экспорта продукции, а угле- и нефтедобыча юга давали хорошие прогнозы для формирования промышленной базы.

Вопросы железнодорожного строительства и эксплуатации транспортных магистралей вызывали повышенный интерес и пристальное внимание на протяжении длительного периода, актуальны они и в настоящее время. Особый интерес к эволюции и функционированию железнодорожного транспорта возник в 1990-е-начале 2000-х гг. – период масштабных реформ, включавших коренные трансформации: конфигурации южных магистралей в связи с изменением границ страны; принципиально новой организации хозяйственной деятельности в процессе акционирования железных дорог; возросшей конкуренцией автомобильного транспорта на внутренних магистралях. Таким образом в конце XX- начале XXI в. появился целый ряд работ отечественных ученых и крупных государственных деятелей, посвященных различным аспектам истории развития и деятельности железнодорожного транспорта России, в которых фрагментарно затронут и Южный регион. Весь созданный комплекс исследований можно разделить на две части: 1) работы общего характера, посвященные истории развития железнодорожного транспорта России во второй половине XIX- начале XXI в., в которых затронуты вопросы складывания и деятельности железных дорог Южного региона в контексте развития общегосударственной транспортной системы; 2) работы региональных исследователей, поставивших железные дороги региона в центр внимания и проследивших процесс их возведения.

Работами общего характера стали монографии: «История железнодорожного транспорта России» [6]; «Железные дороги России от реформы к реформе»

[1]; «Железные дороги России и государство» [16]. Подготовленные и изданные в переходную эпоху (рубеж XX-XXI вв.) они затронули основные вопросы эволюции отечественного железнодорожного транспорта от его основания до настоящего времени, такие как: принятие решений о возведении магистралей и их развитии; становлении и совершенствовании локомотиво- и вагоностроения; формировании управленческой системы и кадрового потенциала, развитии российского транспортного образования; и др. Первые две из трех названных – коллективные монографии, авторские коллективы которых возглавили руководители транспортной отрасли: Геннадий Матвеевич Фадеев – первый МПС РФ (1992-1996, 2002-2003) и первый президент ОАО «РЖД» (2003-2005); Николай Емельянович Аксёненко – МПС в 1997-2000 гг. Владимир Иванович Якунин, второй президент ОАО «РЖД» (2005-2015), свою авторскую монографию посвятил выстраиванию взаимоотношений отрасли и государственной власти в ходе коренного реформирования железнодорожного транспорта, предприняв попытку их рассмотрения в переломные этапы отечественной истории. Данные работы интересны тем, что в них поэтапно представлен процесс формирования и реформирования железнодорожной сети России с заметным стремлением к объективности освещаемых событий [14, с. 110-112]. С позиций первых лиц, проектировавших и проводивших реформы, авторы монографий обосновывают их необходимость, рассматривают процесс их реализации и последствия.

Авторами ярких и интересных региональных исследований стали: Н.В. Галуза , А.В. Данилов, Ф.С. Киреев, А.В. Луночкин, и др.

Так, доцент Волгоградского государственного университета (ВолГУ) А.В. Луночкин посвятил ряд работ своих работ истории развития железнодорожной сети Царицынской губернии (Волгоградской обл.). В них автор рассмотрел влияние железнодорожного транспорта на экономическое развитие Царицына и Царицынской губернии [12, с. 97-100; 13, с. 30-32], отразил вопросы взаимодействия Юго-Восточных железных дорог (ЮВЖД) с Северо-Кавказскими (СКЖД). Он отметил, что сельскохозяйственная продукция, производившаяся в регионе, имела выход только на запад к Балтийскому морю и через Ригу в Западную Европу по железным дорогам Волго-Донской и Грязе-Царицынской. Выход к южным портам стал возможен только в конце XIX в., когда акционерное общество Владикавказской железной дороги (ВлКЖД) приняло решение о соединении ответвлением своей станции Тихорецк с Царицыным [12, с. 100-101]. соединение с ВлКЖД давало новые возможности для развития экономики края, но конкуренция с ЮВЖД, владевшим основными портами по берегу Волги, существенно ограничивала их. В близи станции Сарепта был оборудован главный порт Тихорецкой ветви на Волге. Таким образом А.В. Луночкин проанализировал состояние железнодорожной сети региона в конце XIX в., коснувшись конкурентной борьбы железнодорожных обществ за свои экономические интересы, отметив, сто данные споры вредили общему делу развития магистралей, отодвигая и прогресс в экономике.

Владикавказская железная дорога стала центральной магистралью Северного Кавказа. Введенная в эксплуатацию в 1875 г., она в дальнейшем постоянно

прирастала новыми ответвлениями, достаточно быстро развиваясь. С ее появлением связывают бурное развитие экономики региона. В современной историографии существует значительное количество работ, посвященных истории ее строительства и деятельности.

Ряд преподавателей Ростовского государственного университета путей сообщения (РГУПС) неоднократно обращались к истории ВлКЖД второй половины XIX- начале XX в., исследовав различные вопросы. Так, историю возведения и дооктябрьский период ее деятельности исследовали Л.Н. Харченко и В.Д. Швалов [15, с. 160-164], историографию реформ переходного периода рассматривали Л.Н. Харченко и С.Б. Бровко [14, с. 110], вопросы управления и социальной защиты – Г.К. Калинина [7, 8, 9].

Доцент Г.К. Калинина целенаправленно изучала влияние железнодорожного транспорта на экономическое развитие Северо-Кавказского региона второй половины XIX- нач. XX в. [9, с. 7-9]. Она, в частности, акцентировала свое внимание на том, что железные дороги пореформенной России являлись одной из форм модернизации страны, по этой причине анализ различных аспектов, связанных с теорией и практикой железнодорожного строительства, оставались актуальными на протяжении длительного времени. Модернизационные процессы, в которые погрузилась Россия на рубеже XX-XXI вв. нуждались в выработке эффективных реформ, а, следовательно, обращение к предшествовавшему опыту было обусловлено исторической необходимостью. В центре внимания исследования Г.К. Калининой оказались вопросы становления и развития ВлКЖД, формирования системы управления и уровень материально-технического обеспечения, ее влияние на трансформацию экономических структур региона. В качестве ноу хау автора представлен отдельный раздел, посвященный созданию коллективного портрета предпринимателя, где она рассмотрела деятельность и влияние акционеров ВлКЖД на формирование политики транспортно-экономического развития региона [9, с.8-9; 8, с. 177-178].

Преподаватель Южного федерального университета Н. В. Галуза, исследовала влияние ВлКЖД на социокультурное развитие региона во второй половине XIX- начале XX в. [2, с. 11-12], посвятив данной проблеме ряд своих статей [3, с. 4-5]. В них она, в частности отметила, что железнодорожный транспорт как сложная система находится в постоянной модернизации, начиная от момента своего создания и до настоящего времени. Исследователь подчеркнула важность в данном процессе как государственных, так и частных инициатив, рассмотрев их влияние на формирование политики в области транспортного строительства России в целом и железнодорожном вопросе на Северном Кавказе. В данном случае, излишним, на наш взгляд, представляется слишком пространный экскурс в общеизвестные вопросы истории железнодорожного строительства России. Тем не менее идеи автора интересны и заслуживают определенного внимания [4, с. 59-61].

Ф.С. Киреев, научный сотрудник Института истории и археологии РСО-Алания, занимающийся фундаментальной разработкой вопросов истории терского казачества, в одной из своих работ коснулся обстоятельств сооружения

Владикавказской железной дороги, отметив ее важное экономическое и военное значение. Особый интерес для него представляли: сочетание государственного и частного сотрудничества; заинтересованность общественности региона в возведении железной дороги; вариативность на стадии ее проектирования; и др. Ф.С. Киреев, в частности, подробно рассмотрел вопросы, связанные с выбором пути, выдачей концессии на строительство, роли крупных государственных деятелей в данных вопросах, создании Акционерного общества Ростов-Владикавказской железной дороги и его Устава [10, с. 82-84], и др. Увязывая общегосударственные проблемы возведения ВлКЖД с вопросами значимыми для жителей Владикавказа, Киреев акцентировал внимание на выборе места расположения станции, отметив роль инженеров и администрации в его решении.

Кроме того, Ф.С. Киреев, основываясь на материалах дооктябрьской периодической печати, выявил и проанализировал предлагавшиеся российскими инженерами проекты возведения перевальной железной дороги, которая должна была соединить Северный Кавказ и Закавказье, рассмотрел обстоятельства, оказавшие влияние на проектирование данной линии, сделал выводы о причинах, воспрепятствовавших реализации проекта [11, с. 32-37].

Аналогичной проблеме посвятила одну из своих работ С.В. Дарчиева, научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Она также, как и предыдущий автор, стремилась к полноте исследования различных обстоятельств неудавшегося проекта возведения перевальной железной дороги, предполагавшей соединение Владикавказа и Тифлиса [5, с. 170-175]. С.В. Дарчиева обосновала безусловные его экономические и стратегические выгоды, отметив обстоятельства, не позволившие его реализовать.

Таким образом транспортная тематика в современной историографии является одним из актуальных вопросов, где железнодорожный транспорт занимает одно из заметных мест, так как его экономическая и стратегическая значимость сохранилась и до настоящего времени. Вопросы возведения и функционирования транспортных артерий Южного региона в комплексе данных проблем продолжают привлекать внимание современных исследований, стремящихся к полноте изучения различных обстоятельств их истории.

Список использованных источников

1. Аксёненко Н.Е., Лапидус Б.М., Мишарин А.С. Железные дороги России от реформы к реформе. М. 2001. 335 с.

2. Галуза Н.В. Владикавказская железная дорога как центр социокультурного развития региона во втрой половине XIX- начале XX века: автореф. дис. канд. ист. н. Ростов-на-Дону. 2024. 33 с.

3. Галуза Н.В. Владикавказская железная дорога в оценках дореволюционной историографии // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. 2024. Т. 22. № 22(24). С. 3-10.

4. Галуза Н.В. Железнодорожное строительство на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: от идеи к реализации // Научная мысль Кавказа. 2022. № 2(110). С. 55-62.

5. Дарчиева С. В. Из истории железнодорожного строительства в России в начале XX в.: Владикавказский вариант Кавказской перевальной железной дороги // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 49 (88). С.159-178.

6. История железнодорожного транспорта России / Редкол. Г.М. Фадеев, Н.М. Бурнусов, М.И. Воронин, и др. Под общ. ред. Е.Я. Красковского, М.М. Уздина. 1994. Т.I: 1836-1917 г. СПб., 336 с.

7. Калинина Г.К. Система управления Владикавказской железной дорогой // Транспорт-2011. труды Всероссийской научно-практич. конф.: в 3 частях. Ч. 3: Экономические, юридические и гуманитарные науки. Ростовский государственный университет путей сообщения. Ростов-на-Дону. 2011. С. 100-101.

8. Калинина Г.К., Завьялов А.А. Социальная защита на Владикавказской железной дороге в дореволюционный период // Труды междунар. научно-практич. конф. Перспективы развития и эффективность функционирования транспортного комплекса Юга России. В 3 частях. Ч. 3: Экономические, юридические и гуманитарные науки. Ростовский государственный университет путей сообщения. Ростов-на-Дону. 2015. С. 177-178.

9. Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона: вторая половина XIX- начало XX вв. На примере Владикавказской железной дороги: автореф. дис. канд. н. Ростов-на-Дону. 2004. 22 с.

10. Киреев Ф.С. Из истории открытия Владикавказской железной дороги // Kavkaz-Forum. 2021. № 7 (14). С. 82–90.

11. Киреев Ф. С. К вопросу о дореволюционных проектах перевальной железной дороги в Закавказье // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2021. № 4. С. 32-37.

12. Луночкин А.В. Владикавказская железная дорога и экономическое развитие окрестностей Царицына (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. №2 (18). С.97–104;

13. Луночкин А.В. Вопрос о постройке Восточно-Донецкой железной дороги (конец XIX века) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. №1 (21). С. 30-37; и др.

14. Харченко Л.Н., Бровко С.Б. Отечественный железнодорожный транспорт в конце XX – нач. XXI вв.: к историографии реформ переходного периода // Общество: философия, история, культура. Изд-во Хорс. 2025. №12. С. 110-119.

15. Харченко Л.Н., Швалов В.Д. К вопросу об истории Северо-Кавказской (Ростово-Владикавказской) железной дороги (1864-1917 гг.) // Транспорт, наука, образование в XXI в.: опыт, перспективы, инновации. VII международная научно-практическая конференция. 20-22 сентября. 2017. Самара-Оренбург, 20-22 сентября, 2017. с. 160-164.

16. Якунин В.И. Железные дороги России и государство. М. 2010. 437 с.

MODERN HISTORIOGRAPHY ON THE RAILWAY TRANSPORT OF THE SOUTHERN REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

L.N. Kharchenko, A.W. Zabelin

Rostov State Transport University (RSTU),
Rostov-on-Don, Russia

The article is devoted to the analysis of modern domestic historiography that has examined the issues related to the development and operation of the railway transport in the southern region in the second half of the 19th – early 20th century. The aim of this work is to identify and examine studies on the formation of the region's railway network, various aspects of its operation, and the overall economic development of the region and the country as a whole. Conclusions are drawn regarding the level of development of this issue in modern domestic historiography.

Keywords: Ministry of Railways, Southern Region, railway network, Vladikavkaz Railway, historiography.

УДК 930.2:314

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕВИЗСКИХ СКАЗОК КАК ИСТОЧНИКА ИЗУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А.О. Хмелевая

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассматриваются ревизские сказки как массовый источник по истории населения Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Основное внимание уделено трем вопросам: составу сведений, которые можно извлечь из ревизского учета, степени достоверности этих данных и ограничениям, возникающим при их интерпретации.

Ключевые слова: ревизские сказки, ревизии населения, историческая демография, источниковедение, Российская империя, домохозяйство, население, массовые источники.

Ревизские сказки относятся к числу основных массовых источников по истории населения Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Они возникли как первичная документация ревизий податного населения и потому сочетали поименную фиксацию людей с фискальной задачей государства. Это обстоятельство определяет и их ценность, и пределы использования. В отличие от сводных ведомостей, сказки сохраняют сведения о конкретных семьях и

дворах, однако отражают не население вообще, а прежде всего категории, включенные в систему подушного учета.

За 1719–1858 гг. было проведено десять ревизий. Их программы и формы менялись, а исследовательские возможности источника раскрывались постепенно. В историографии 1950–1960-х гг. ревизские сказки вновь начали активно рассматриваться как материал по исторической демографии. Позднее внимание сместилось от общих подсчетов к семье, домохозяйству, смертности и мобильности [2; 3]. Такая эволюция показывает, что один и тот же документ способен отвечать на разные вопросы. При количественном подходе ревизские сказки дают сведения о численности и составе податного населения, а при поименном сопоставлении нескольких ревизий позволяют прослеживать судьбы отдельных людей и изменения семейных групп.

Наиболее очевидная группа сведений связана с численностью населения. Материалы ревизий позволяют оценивать население отдельных населенных пунктов, уездов и губерний, а при сведении массивов – более крупных территорий. На этой основе В. М. Кабузан реконструировал динамику населения России XVIII – первой половины XIX века и показал, что ревизские материалы остаются главным количественным источником для эпохи до всеобщей переписи 1897 г. [1]. Однако ревизская численность не тождественна фактической численности жителей. В учет попадали не все социальные группы, а выявленные после ревизии пропуски и беглые лица требовали дополнительных корректировок. Поэтому абсолютные цифры необходимо соотносить с программой конкретной ревизии и территорией ее проведения.

Поименная структура сказок открывает возможности для анализа возраста, пола, родства и состава домохозяйства. В записях можно выделять супругов, родителей, детей и других родственников, определять размер семьи и сравнивать модели совместного проживания. Исследование московских купцов и подмосковных крепостных по материалам VIII и IX ревизий показало заметные сословные различия: среди крестьян значительно чаще встречались сложные домохозяйства с несколькими брачными парами, тогда как у купцов выше была доля нуклеарных семей [4]. Здесь источник позволяет перейти от простой численности к социальной структуре населения. Возрастные сведения также пригодны для построения распределений, но требуют проверки: возраст мог указываться приблизительно, а при переписывании данных из предыдущих ревизий появлялись арифметические и идентификационные ошибки [5].

Последовательные ревизии дают материал для изучения динамики. Отсутствие ранее записанного лица могло сопровождаться отметкой о смерти, рекрутском наборе, переводе, продаже, побеге или ином выбытии. Появление новых членов двора отражало рождения, браки, переселения и административные перемещения. На этой основе возможно изучать отдельные формы территориальной и социальной мобильности, реконструировать семейные траектории и генеалогии. Особенно показателен анализ смертности. Сам ревизский список не является регистрацией смертей, а интервалы между ревизиями были велики и неодинаковы. Тем не менее поименное сопоставление последовательных материалов

позволило А. Блюму и И. А. Троицкой применять их для локальных оценок смертности и построения таблиц смертности [7]. Такой результат достигается не прямым чтением документа, а критической реконструкцией совокупности.

Главный вопрос достоверности связан с фискальной природой источника. Подушная подать создавала стимулы к сокрытию части населения, а государственная администрация, напротив, стремилась выявить пропуски. В документации встречались беглые и так называемые прописные души, обнаруженные после первоначального учета [1]. Ошибка могла возникнуть при сообщении сведений, их записи, переписывании и сведении результатов. Дополнительную сложность создавала длительность проведения ревизии: учет не был одномоментным, поэтому рождения, смерти и перемещения продолжались во время составления сказок. Указанный в исследовании год ревизии удобен как условная точка сравнения, но для микроанализа предпочтительно учитывать дату конкретного документа [5].

Особенность ревизского учета хорошо видна на примере умерших между двумя ревизиями мужчин. Они могли сохраняться в административной документации до следующего учета с отметкой о выбытии. Для налоговой системы такая запись была закономерна, поскольку единицей учета служила ревизская душа. Историк, не учитывающий этот механизм, рискует принять административную фиксацию за фактическое присутствие человека. При критическом чтении та же запись становится ценной: она связывает две ревизии и помогает установить изменение состава семьи. Подобная ситуация показывает, почему достоверность ревизских сказок нельзя оценивать одной характеристикой «точный» или «неточный». Они достоверно отражают работу конкретной учетной системы, а демографическая интерпретация требует перевода административных категорий в исследовательские показатели.

Надежность выводов заметно повышается при сопоставлении ревизских сказок с метрическими книгами. Метрические записи фиксируют события – рождения, браки и смерти, тогда как ревизия дает периодический срез состава семьи. В. А. Рязанов использовал оба вида документации при исследовании черноземного села за 1758–1862 гг., что позволило соединить состояние населения в отдельные моменты с событиями между ними [5]. Такое сочетание особенно важно при проверке возраста, идентификации одноименных лиц и объяснении исчезновения человека из очередной сказки. Оно снижает риск принять пропуск или административное перемещение за смерть и позволяет точнее восстановить семейную динамику.

Информацию ревизских сказок целесообразно разделять на три уровня. Первый составляют прямые сведения документа: имя, возраст, родственная позиция, принадлежность к двору, социальный статус и отметки о выбытии. Второй уровень возникает после обработки массива: численность, половозрастная структура, средний размер и тип домохозяйства, распределение по социальным категориям. Третий включает реконструируемые процессы – смертность, миграцию, семейное поведение и социальную мобильность. Чем дальше вывод

находится от первоначальной записи, тем выше требования к сопоставлению нескольких ревизий и независимой проверке другими источниками [7].

Ревизские сказки наиболее продуктивны не как готовая статистическая таблица, а как массовый поименный источник, достоверность которого раскрывается через знание механизма его создания. При такой работе они позволяют надежно исследовать состав и динамику податного населения, семью и домохозяйство.

Список использованных источников

1. Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 230 с.

2. Ульянова Г. Н., Троицкая И. А. Ревизские сказки как источник изучения исторической демографии в историографии 1950–1960-х годов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 1 (68). С. 89–101.

3. Ульянова Г. Н., Троицкая И. А. Ревизские сказки как источник в историографии 1970-х–2010-х годов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 4 (71). С. 118–135.

4. Авдеев А. А., Троицкая И. А., Ульянова Г. Н. Сословные различия в структурах домохозяйств в XIX веке: Москва и ее окрестности // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2, № 2. С. 74–91. DOI: 10.17323/demreview.v2i2.1783.

5. Рязанов В. А. К демографической и социальной истории Черноземья: данные метрических книг и реестров населения в контексте исторических источников // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 3. С. 103–124. DOI: 10.17323/demreview.v10i3.17972.

6. Everett J. B. The Imperial Russian Revision Lists of the Eighteenth and Nineteenth Centuries // Slavic & East European Information Resources. 2018. Vol. 19, no. 1–2. P. 49–67. DOI: 10.1080/15228886.2018.1467696.

7. Blum A., Troitskaya I. Mortality in Russia During the 18th and 19th Centuries: Local Assessments Based on the Revizii // Population: An English Selection. 1997. Vol. 9. P. 123–146.

INFORMATION POTENTIAL OF REVISION LISTS AS A SOURCE FOR STUDYING THE POPULATION OF RUSSIA IN THE EIGHTEENTH AND FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURIES

A.O. Khmelevaya

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines Russian revision lists as a source for studying the population of the Russian Empire in the eighteenth and first half of the nineteenth centuries. It evaluates their demographic and social information, reliability, and limitations caused by the fiscal purpose of the revisions. Revision lists provide evidence on population size, age, kinship, household composition and mobility, but their effective use

requires comparison of successive revisions and verification against parish registers and other records.

Keywords: revision lists, population revisions, historical demography, source studies, Russian Empire, household, population.

УДК 930.2:908

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

А.О. Хмелевая

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассматриваются путевые записки как источник изучения российских регионов и их восприятия путешественниками. Выявляются сведения о пространстве, хозяйстве, населении, повседневности и культурной памяти, которые можно извлечь из заметок. Отдельное внимание уделено влиянию происхождения автора, целей поездки, читательских ожиданий и культурных стереотипов на создаваемый образ территории. Показано, что путевой текст наиболее информативен при одновременном анализе фактических наблюдений и авторских оценок.

Ключевые слова: путевые записки, российские регионы, провинция, образ территории, восприятие пространства, источниковедение, региональная история.

Путевые записки занимают особое место среди источников по истории российских регионов. Их автор обычно оказывается в непривычной для себя среде и сознательно отмечает отличия нового пространства от уже знакомого. Поэтому в текст попадают детали, которые местный наблюдатель мог считать обыденными: состояние дорог, внешний вид улиц и построек, торговля, одежда жителей, формы общения, питание, природный ландшафт. Источниковая ценность такого материала связана с наблюдательностью путешественника, но его избирательность одновременно задает пределы интерпретации. Автор сам решает, что достойно записи, чему придать значение и что оставить за пределами повествования.

А.А. Решетова рассматривает травелог как источник, способный сохранять сведения о топографии, истории, культуре, традициях и представлениях о жителях конкретного места [3]. Для историка важно учитывать двойственную природу такого текста. Путешественник описывает реальные города, дороги, учреждения и людей, однако организует материал в соответствии с собственными представлениями и задачами повествования. Поэтому запись сообщает не только о регионе, но и о принципах его восприятия.

Наиболее очевидная группа сведений касается пространства. Путешественники фиксируют качество сообщения между населенными пунктами,

характер застройки, устройство общественных и торговых мест, состояние памятников и особенности ландшафта. «Путевые записки по России, в двадцати губерниях» М.П. Жданова особенно удобны для сравнительного анализа: один автор описывает большое число территорий в рамках единого маршрута [1]. Это позволяет видеть, какие признаки он использовал для сопоставления губерний и какие различия считал существенными.

Иностранные авторы особенно часто фиксировали этнографические и бытовые различия. На материале описаний Ярославской губернии М.В. Александрова показывает интерес французских путешественников XIX в. к городской среде, повседневности, истории и внешним особенностям жителей [4]. В их текстах регион становится частью более общего образа России, предназначенного для европейского читателя. Это расширяет информативность источника, но требует различать непосредственное наблюдение и стремление подчеркнуть необычное или «экзотическое».

Образ территории начинает формироваться еще до приезда путешественника. На него воздействуют прочитанные книги, слухи, карты, политические представления и уже существующие культурные стереотипы. Поэтому одинаковая черта может получать разные оценки. Небольшой город способен восприниматься как спокойный и самобытный либо как бедный и отсталый; необычная архитектура – как признак культурного своеобразия либо как свидетельство чуждости. Такая субъективность не лишает травелог научной ценности. Она позволяет изучать критерии, с которыми автор оценивал пространство.

Особенно заметна зависимость повествования от личности иностранного путешественника. Александрова, сопоставляя тексты Астольфа де Кюстина, Александра Дюма и Теофиля Готье, отмечает различия в отборе материала и способах представления российской провинции [4]. Автор пишет не только о том, что видел, но и для определенной аудитории. Яркий эпизод, необычный обычай или контраст чаще получают место в тексте, чем повседневная норма. По этой причине травелог способен одновременно сохранять важную деталь и искажать ее масштаб.

Русские путешествия внутри империи показывают, что авторская позиция зависит не только от национального происхождения. К. Брюггеманн проследил изменения в русских описаниях прибалтийских губерний XIX в.: представление о регионе как привлекательном «европейском» пространстве постепенно дополнялось поиском российских исторических следов и усилением имперской оптики [5]. Менялся не только сам регион, но и язык его оценки. Для истории восприятия это принципиально: травелог фиксирует политические и культурные сдвиги через выбор достопримечательностей, сравнения и эмоциональные реакции.

Главное ограничение путевых записок связано с масштабом наблюдения. Автор видит только часть территории, следует определенному маршруту и зависит от сезона, дорог и круга знакомств. Обобщение о жителях губернии иногда строится на нескольких встречах, а характеристика города – на короткой

остановке. Поэтому сведения о хозяйстве, населении и повседневности необходимо проверять по статистике, картам, периодической печати, местным документам и другим путевым свидетельствам. Работа с корпусом описаний, как в исследовании Псковщины XIX в., позволяет выявлять повторяющиеся темы и снижает риск принять индивидуальное впечатление за общее свойство территории [6].

При этом фактическая ошибка путешественника не делает запись бесполезной. Если неверное объяснение повторяет распространенное представление или стереотип, оно становится свидетельством исторического восприятия. Для исследования региона важно разделять два вопроса: насколько точно автор зафиксировал объект и почему он истолковал его именно так. Первый требует внешней проверки, второй – анализа языка, сравнений и культурного контекста.

Путевые записки дают сведения о дорогах, городском облике, хозяйстве, населении, повседневности, памятниках и культурной памяти. Их особая ценность состоит в сохранении реакции современника на пространство. Авторская позиция мешает воспринимать травелог как нейтральное описание, но делает его источником по истории восприятия. Сопоставление с независимыми материалами позволяет проверять фактические наблюдения, а анализ оценок и сравнений – исследовать представления о центре и провинции, культурной близости и чуждости, развитости и периферийности.

Список использованных источников

1. Жданов М. П. Путевые записки по России, в двадцати губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Тверской [и др.]. СПб.: В. Поляков, 1843. [6], 214 с.

2. Жданов С. С. Пространственные образы лиминального Юго-Запада Российской империи (на материале «Путевых записок по России» М. П. Жданова) // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 30–63. DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63.

3. Решетова А. А. Травелог как источник исследования локального текста (на материале записок иностранных путешественников XV–XVII веков о Рязани) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 2 (79). С. 101–114. DOI: 10.37724/RSU.2023.79.2.010.

4. Александрова М. В. Образ российской провинции в травелогах иностранных путешественников XIX века (на материалах Ярославской губернии) // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 111–118. DOI: 10.20323/2658-7866-2021-1-7-111-118.

5. Brüggemann K. Enjoying Europe, yearning for Russia? Russian travel writing on the Baltic provinces during the 19th century // Journal of Tourism History. 2023. Vol. 15, no. 2. P. 149–166. DOI: 10.1080/1755182X.2023.2197415.

6. Большакова Н. В., Муратова М. В., Разумовская А. Г., Колосова И. О., Площук Г. И. Путевые заметки как источник познания российской провинции: Псковщина XIX в. глазами путешественников: коллективная монография. СПб.: Медиапапир, 2025. 438 с.

TRAVEL NOTES AS A SOURCE FOR STUDYING THE PERCEPTION OF RUSSIAN REGIONS

A.O. Khmelevaya

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines travel notes as a source for studying Russian regions and the ways travelers perceived them. It identifies evidence concerning space, economy, population, everyday life and cultural memory, and analyzes how the author's background, aims and expectations shape the image of a territory. The study argues that travel writing is most useful when factual observations are checked against independent sources while subjective judgments are treated as evidence of historical perceptions.

Keywords: travel notes, travelogue, Russian regions, province, image of territory, perception of space, source studies, regional history.

УДК 930.2

СФРАГИСТИКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

А.О. Хмелевая

Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассматривается сфрагистика как источник изучения государственной и административной культуры России. Основное внимание уделено тому, какие сведения о структуре власти, полномочиях носителей печати, практике удостоверения документов и государственной символике позволяют извлечь печати, а также ограничениям их интерпретации. Показано, что сфрагистический материал особенно информативен при сопоставлении с актовыми и делопроизводственными документами.

Ключевые слова: сфрагистика, печать, государственная власть, административная культура, делопроизводство, символика, источниковедение, Россия.

Сфрагистика занимает особое место среди специальных исторических дисциплин, поскольку печать одновременно является материальным предметом, знаком полномочий и частью документа. В традиционном делопроизводстве она удостоверяла волю лица или учреждения, подтверждала происхождение акта и включала документ в определенный порядок властных отношений. Поэтому сфрагистический материал позволяет исследовать не только технику изготовления и изображения, но и практику функционирования власти. Н. П. Лихачев

рассматривал русскую сфрагистику как самостоятельную область источниковедения, связывая характеристики печатей с происхождением актов и историей учреждений [1].

Для изучения государственной и административной культуры особенно важны три группы признаков. Первая связана с владельцем печати: имя, титул, должность или принадлежность учреждению помогают установить, кто обладал правом удостоверять документ. Вторая включает форму, материал, способ прикрепления и характер оттиска, отражающие нормы делопроизводства. Третью образуют изображения и легенды, через которые власть представляла себя адресатам документа. Совместное чтение этих признаков позволяет воспринимать печать как элемент административной процедуры, а не как изолированный памятник.

Большой материал для такого подхода дают древнерусские актовые печати. В исследовании В. Л. Янина собраны и атрибутированы печати X–XV вв., включая княжеские, церковные и новгородские комплексы [3]. Массовый корпус показывает, что печать могла выступать показателем компетенции и положения лица в системе власти. Атрибуция оттиска по имени, изображению и сопутствующим признакам дает возможность соотнести его с определенным князем, посадником, архиепископом или иной фигурой. Там, где сам акт утрачен, сохранившаяся печать иногда остается самостоятельным свидетельством официальной коммуникации.

Н. А. Соболева связывала изучение русских печатей с проблемой права печати и государственной символикой [2]. Для административной истории это принципиально: наличие печати означало не просто возможность оставить оттиск, а признанную способность удостоверять определенные действия. Изменение круга владельцев, внешнего вида и символического содержания печатей отражало процессы централизации и усложнение государственного аппарата. Государственные эмблемы, религиозные образы и титульные формулы создавали визуальный язык власти, который дополнял письменный текст документа.

Показателен пример земской печати Московского государства периода Смуты, исследованный Н. П. Лихачевым [4]. В условиях политической нестабильности вопрос об удостоверении документов приобретал особую остроту: внешняя форма акта должна была подтверждать его правомерность даже при ослаблении привычных институтов. Такой памятник показывает, что печать выполняла функцию легитимации и представительства власти. Для истории административной культуры здесь важен не только рисунок оттиска, но и сам факт сохранения официальной процедуры удостоверения документа в кризисной ситуации.

В XVIII–XIX вв. развитие бюрократического делопроизводства изменило среду существования печати, но не устранило ее источниковедческого значения. И. А. Вознесенская исследовала личные печати на делопроизводственных документах Российской империи [5]. Оттиск мог принадлежать не только учреждению, но и конкретному лицу, участвовавшему в подготовке или удостоверении бумаги. Расположение печати, ее сочетание с подписью и повторяемость одного

клише в комплексе документов позволяют изучать реальную практику оформления бумаг и соотношение личного и служебного начал в административной культуре.

Достоверность сфрагистического источника зависит от правильной атрибуции. Легенда может быть утрачена частично, изображение – повреждено, а одно клише – использоваться продолжительное время. Сходные символы встречались у разных лиц и учреждений. Ошибка в определении владельца меняет вывод о происхождении документа, поэтому необходимо учитывать совокупность характеристик: материал, размер, технику, изображение, надпись, способ крепления и контекст находки или хранения [1; 3]. Печать не дает исследователю готового ответа, а требует критики наравне с письменным текстом.

Ограничение связано и с сохранностью. Дошедший корпус формировался неравномерно: часть документов утрачена вместе с оттисками, часть сохранилась без печатей, отдельные экземпляры обнаружены вне первоначального акта. Количество находок поэтому нельзя прямо превращать в показатель политического влияния или интенсивности делопроизводства. Важен и вопрос подлинности: удостоверительная функция печати сама создавала возможность ее имитации или неправомерного использования. Надежность возрастает, когда оттиск совпадает с известным клише, титул соответствует времени, а печать согласуется с формуляром и содержанием акта.

Наиболее продуктивна совместная работа сфрагистики с дипломатикой, палеографией, геральдикой и историей учреждений. Печать сообщает об удостоверении и представлении власти, актовый текст – о содержании решения, формуляр – о порядке составления документа. Их сопоставление позволяет точнее определить владельца, время, компетенцию и функцию оттиска. Информационный потенциал печати раскрывается поэтапно: от наблюдаемых признаков к атрибуции, а затем к выводам о полномочиях, административной процедуре и символическом языке государства.

Сфрагистика позволяет изучать государственную и административную культуру России в длительной перспективе – от актового удостоверения Древней Руси до бюрократического делопроизводства Российской империи. Печати отражают распределение полномочий, способы подтверждения подлинности, нормы официального представительства и визуальные формы власти. Их ценность особенно велика при сопоставлении с документом и сведениями о его создателях. Неполная сохранность, сложности атрибуции и возможность вторичного использования ограничивают прямые выводы, но критически исследованный сфрагистический памятник способен раскрывать реальные механизмы административной практики.

Список использованных источников

1. Лихачев Н. П. Русская сфрагистика: лекции, записанные слушателями С.-Петербургского археологического института в 1899–1900 акад. году. СПб.: П. С. Курочкина, 1900. 94 с.

2. Соболева Н. А. Русские печати / отв. ред. В. И. Буганов; АН СССР, Институт истории СССР. М.: Наука, 1991. 236, [2] с., [8] л. ил.

3. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв.: в 2 т. М.: Наука, 1970. Т. 1: Печати X – начала XIII в. 325, [1] с.; Т. 2: Новгородские печати XIII–XV вв. 366, [1] с.

4. Лихачев Н. П. Земская печать Московского государства в Смутное время: с 2 табл. и 5 рис. в тексте. М.: Синодальная типография, 1914.

5. Вознесенская И. А. Личные печати в Российской империи XVIII–XIX вв. (оттиски на делопроизводственных документах) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». 2011. № 12 (74). С. 236–244.

SPHRAGISTICS AS A SOURCE FOR STUDYING THE STATE AND ADMINISTRATIVE CULTURE OF RUSSIA

A.O. Khmelevaya

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines sphragistics as a source for studying the state and administrative culture of Russia. It focuses on the information seals provide about authority, documentary authentication, administrative practice and state symbolism, as well as on the limits of their interpretation. The study emphasizes that seals are most informative when analyzed together with acts, office records and data on the institutions and individuals that used them.

Keywords: sphragistics, seals, state authority, administrative culture, office records, symbolism, source studies, Russia.

УДК 371.12

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИЯХ ВХОДА В ПРОФЕССИЮ

Д.В. Чечерина

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Вхождение молодого педагога в новый этап своего развития связан с началом профессионального пути. Это не просто начало трудовой деятельности, а глубокий личностный процесс, в ходе которого происходит переосмысление жизненных ориентиров, профессиональных идеалов и собственной роли в образовательном пространстве. Молодой специалист впервые сталкивается с необходимостью самостоятельно определять, что для него является по-настоящему важным в профессии: умение преподнести информацию школьникам,

творческая самореализация, материальная стабильность, признание со стороны коллег и общества или что-то иное. Определение наиболее важных моментов в жизни каждого учителя напрямую влияет на повседневные решения, на взаимодействие с учениками, на выбор методов преподавания и на то, останется ли он в профессии.

Ключевые слова: педагог, ценности, молодой специалист, профессия, профессиональная адаптация, новые тенденции.

Глобальные преобразования в духовной, экономической, социальной и политической сферах общества привели к новым тенденциям в российском образовании. Изменились требования к специалистам образовательных организаций, что продиктовано современными условиями. Однако и сами учителя изменили свои ценностные ориентиры под воздействием изменения окружающей действительности [1]. Особенно явно это проявляется на примере молодых педагогов, которые только начинают свой путь в профессиональном плане.

Вхождение в педагогическую профессию представляет собой один из наиболее сложных и ответственных этапов профессионального становления личности. Для молодого специалиста этот период сопряжён не только с адаптацией к новым условиям труда, но и с активным формированием, а зачастую и пересмотром собственной ценностно-смысловой сферы [4].

Сами по себе ценностные ориентации предполагают избирательное отношение человека к материальным и духовным благам, идеалам, что отражается в его сознании, взглядах, определяя внутреннюю систему приоритетов. Ценности указывают на то, что наиболее важно для каждого человека на его жизненном пути.

Ценностные ориентации предопределяют поведение людей, регулируют всю деятельность, взаимоотношения с окружающим миром, показывают на сам внутренний мир человека. Это не означает, что они остаются неизменными на протяжении всей жизни, наоборот, в зависимости от того, как меняются условия вокруг, мир, образование и иные факторы, также будут меняться и ценности.

Одним из факторов, который влияет на изменение человеком внутренних ориентиров – это вхождение в профессиональную деятельность. Профессиональная деятельность молодых педагогов в этом плане не является исключением.

Профессиональные ценности педагога включают в себя представления о смысле и назначении профессии, о целях образования, о допустимых и предпочтительных способах взаимодействия с учащимися, о нормах профессиональной этики, о критериях успеха и профессиональной самореализации [3].

Анализ современных исследований позволяет утверждать, что ядро ценностной сферы молодых педагогов образуют несколько взаимосвязанных групп ценностей. К ним относятся, во-первых, ценности, связанные с общением и взаимодействием с детьми: ценность помощи, поддержки, развития, которые часто выступают главным мотивом выбора педагогической профессии. Во-вторых, ценности самореализации и личностного роста, поскольку педагогическая деятельность воспринимается молодыми специалистами как пространство для творчества и самовыражения. В-третьих, ценности профессиональной

компетентности и признания, отражающие стремление быть хорошим специалистом и получать оценку своей работы.

Особенность педагогической профессии состоит в том, что её ценности имеют ярко выраженный гуманистический и одновременно социально-нормативный характер. С одной стороны, в центре педагогической деятельности находится развивающаяся личность ребёнка, что требует принятия таких ценностей, как уважение, эмпатия, признание уникальности каждого. С другой стороны, педагог является носителем социального заказа, что связывает его деятельность с ценностями общества, государства, культуры. Это создаёт внутреннее напряжение в ценностной сфере педагога, особенно когда социальные ожидания и личные убеждения вступают в противоречие.

Для молодого педагога характерны несколько ключевых особенностей. Прежде всего, это разрыв между теоретической подготовкой и практической реальностью. При обучении в университете акцент делается на освоении научных знаний и идеальных моделей педагогической деятельности, тогда как школа требует конкретных умений, быстрых решений и эмоциональной стабильности.

Далее молодой педагог занимает двойственную позицию: он одновременно является субъектом профессиональной деятельности, то есть тем, кто учит, и объектом профессиональной социализации, то есть тем, кто сам учится быть учителем под влиянием коллег, администрации и всей школьной среды. Эта двойственность порождает напряжение между стремлением к самостоятельности и потребностью в поддержке, между желанием реализовать собственные идеи и необходимостью следовать принятым в коллективе нормам.

Вхождение в профессию неизбежно сопровождается ценностными противоречиями. Они могут проявляться в нескольких аспектах. Первое противоречие между идеальными представлениями о профессии и её реальным содержанием. Второе противоречие между гуманистическими ценностями, усвоенными в процессе обучения, и нормами, принятыми в конкретном педагогическом коллективе. Третье противоречие между профессиональными и личными ценностями. Четвёртое противоречие между ценностью свободы и ценностью принадлежности [2].

Разрешение этих противоречий не является линейным процессом. Оно предполагает рефлексию, поиск компромиссов, а иногда и сознательный отказ от некоторых ценностей. Именно в этом процессе и происходит становление профессиональной ценностной системы молодого педагога.

Значительная часть молодых педагогов покидает профессию в первые годы работы. Основными причинами называются низкая заработная плата, высокая нагрузка, отсутствие поддержки, эмоциональное выгорание и разочарование в профессии. Это делает изучение ценностных ориентаций молодых педагогов не только научно значимым, но и практически необходимым для разработки мер по закреплению кадров в системе образования.

Список использованных источников

1. Данилов С.В. Развитие ценностных ориентаций молодых педагогов как предиктора профессиональной деятельности / С.В. Данилов // Перспективы науки и образования. – 2022. – № 2. – С. 573-589.

2. Коротаева А.С. Ценностное отношение к профессии у будущих педагогов: проблемы и пути формирования / А.С. Коротаева // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 3. – С. 24.

3. Маслаков С.И. Формирование ценностных ориентаций молодых преподавателей в начале трудовой деятельности / С.И. Маслаков // Вестник психологии образования. – 2008. – № 3. – С. 121-128.

4. Семенова Н.А. Ценностно-смысловые основы подготовки будущих педагогов: анализ и обобщение результатов исследований / Н.А. Семенова // Социально-политические исследования. – 2024. – № 4. – С. 142-160.

VALUE ORIENTATIONS OF YOUNG TEACHERS IN THE CONTEXT OF ENTERING THE PROFESSION

D.V. Checherina

Penza State University,
Penza, Russia

The entry of a young teacher into a new stage of their development is linked to the beginning of their professional journey. This is not just the start of their work life, but a profound personal process during which they rethink their life goals, professional ideals, and their own role in the educational space. For the first time, a young professional is faced with the need to independently determine what is truly important to them in their profession: the ability to present information to students, creative self-realization, financial stability, recognition from colleagues and society, or something else. Determining the most important moments in every teacher's life directly affects their daily decisions, their interaction with students, their choice of teaching methods, and whether they will stay in the profession.

Keywords: teacher, values, young professional, profession, professional adaptation, new trends.

УДК 656.11

ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ В РАБОТЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ С КРИЗИСНЫМИ СЕМЬЯМИ

Е.С. Чечина

Пензенский государственный университет
г. Пенза, Россия

Данная статья посвящена комплексному анализу правовых пробелов и практических барьеров, возникающих в деятельности органов и учреждений социального обслуживания при работе с семьями, находящимися в кризисной ситуации.

Ключевые слова: кризисная семья, социальное обслуживание, правовые пробелы, практические барьеры, семьесбережение, социально опасное положение.

В современном российском обществе институт семьи часто сталкивается с глубокими кризисами, усугубляемыми комплексом системных вызовов, таких как экономическая нестабильность, рост числа разводов, распространение зависимостей и случаи внутрисемейного насилия. Эти факторы приводят к увеличению числа семей, оказывающихся в трудной жизненной ситуации (ТЖС) или социально опасном положении (СОП). Статья 38 Конституции Российской Федерации гарантирует государственную защиту семьи, материнства, отцовства и детства, однако реализация этой фундаментальной нормы на практике сопряжена с рядом системных трудностей [3].

Основу правового регулирования социального обслуживания составляет Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Данный закон закрепил важнейшие принципы, такие как адресность, доступность, конфиденциальность и добровольность получения социальных услуг. Согласно статье 14 ФЗ-442, основанием для предоставления социального обслуживания является заявление гражданина или его законного представителя. Гражданин признаётся нуждающимся в социальном обслуживании при наличии обстоятельств, ухудшающих или способных ухудшить условия его жизнедеятельности, к которым закон относит, в том числе, наличие внутрисемейного конфликта, в том числе с лицами с наркотической или алкогольной зависимостью [11].

Однако именно принцип добровольности, являющийся гуманным по своей сути, создаёт существенный правовой пробел. Социальная служба часто оказывается процессуально бессильной оказать помощь семье, которая объективно нуждается в ней, но субъективно отказывается от взаимодействия, не подает заявление и отрицает наличие проблем [5]. Механизм принудительного социального вмешательства в РФ ограничен и применяется лишь в крайних случаях, когда жизни и здоровью детей угрожает прямая опасность, что часто приводит к запоздалой реакции системы и утрате времени для ранней профилактики.

Семейный кодекс Российской Федерации, регулирующий правоотношения в сфере семейного права, также содержит определённые пробелы в части профилактики семейного неблагополучия. В нём недостаточно детально прописаны процедуры раннего выявления семейного неблагополучия и алгоритмы межведомственного взаимодействия до момента, когда семья официально получит статус «социально опасной». Кодекс делает акцент на защите прав ребёнка, включая крайнюю меру – лишение родительских прав (ст. 69 СК РФ), но не содержит развёрнутых правовых механизмов, например, обязательной поэтапной реабилитации родителей до наступления критической точки, что оставляет социальные службы без достаточных рычагов влияния на деструктивно настроенных родителей [8].

Кроме того, социальное обеспечение семей с детьми как элемент социальной защиты населения России страдает от расслоения нормативной базы. Федеральные стандарты часто носят рамочный характер, перекладывая ответственность за конкретные механизмы финансирования, материально-технического обеспечения и организации помощи на субъекты РФ [10]. Это создаёт значительное неравенство в доступности и качестве социальных услуг в разных регионах, нарушая принцип универсальности социальной защиты.

Отдельным правовым пробелом является отсутствие на федеральном уровне единого закона о профилактике семейно-бытового насилия, который бы разграничивал полномочия социальных служб, правоохранительных органов и судов в вопросах выдачи охранных ордеров и принудительного направления агрессоров на коррекционные программы, что оставляет социальных работников один на один с проблемой, не имея адекватных инструментов защиты пострадавших.

Помимо правовых конфликтов, социальные службы сталкиваются с рядом серьёзных практических барьеров, существенно снижающих эффективность их работы.

1. Барьер межведомственной разобщенности.

Работа с кризисной семьёй требует безупречной координации усилий органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, медицинских и образовательных учреждений. На практике, как показывает анализ проблем социально-правовой защиты семьи, взаимодействие часто сводится к формальному обмену запросами, дублированию проверок и перекладыванию ответственности [6]. Отсутствие единой цифровой платформы и унифицированных протоколов межведомственного взаимодействия замедляет оказание экстренной помощи и упускает важную информацию о семье, не позволяя составить целостную картину рисков.

2. Барьер, выражающийся в кадровом и ресурсном дефиците.

Специалисты по социальной работе и социальные педагоги несут колоссальную нагрузку. Высокая текучесть кадров, профессиональное эмоциональное выгорание и недостаточный уровень оплаты труда приводят к тому, что на одного специалиста приходится неоправданно большое число подопечных семей. Это не позволяет реализовать индивидуальный подход и качественное социальное сопровождение, которое, по определению, должно включать не только бытовую, но и комплексную психологическую, педагогическую и юридическую помощь. Как отмечает А.А. Аненкова в исследовании поддержки семей в СОП, роль государства и социальных служб часто ограничивается формальным контролем, а не глубинной реабилитационной работой из-за нехватки квалифицированных кадров, владеющих навыками травмоинформированного подхода [1].

3. Инфраструктурный барьер.

Традиционная система кризисных центров часто предполагает раздельное проживание: детей помещают в приют или реабилитационный центр, а родителей направляют на лечение или социальную адаптацию отдельно. Такая практика, хотя исторически и продиктована соображениями безопасности, сама по

себе является травмирующей для семейных связей и прямо противоречит принципу приоритетного сохранения семейного окружения для ребенка, закрепленному в Национальной стратегии действий в интересах детей. Как отмечает Е.В. Михайлова, правовое регулирование работы кризисных центров для женщин и детей до сих пор не унифицировано на федеральном уровне, что приводит к разнородности условий пребывания, отсутствию единых стандартов безопасности и качества услуг как в государственных, так и в негосударственных приютах [4].

Для преодоления указанных правовых и практических барьеров необходима смена парадигмы: от реагирования на последствия к проактивной профилактике и системному семьесбережению.

Концепция «семьесбережения вместо сиротства» предполагает развитие проактивной методологии работы с кризисными семьями. Это означает, что помощь должна быть предложена семье до того, как ситуация достигнет критической точки, и должна быть направлена на мобилизацию внутренних ресурсов семьи, а не на её изоляцию. Ведь проактивная методология включает в себя раннее выявление рисков, гибкое предоставление ресурсов и работу с мотивацией родителей на изменение поведения [9].

Для реализации этого подхода требуется внесение точечных изменений в ФЗ-442, закрепляющих на федеральном уровне возможность финансирования новых форматов социальной помощи, таких как «мобильные кризисные квартиры» или семейные кризисные центры, где проживание осуществляется совместно (мама и дети). Это позволило бы преодолеть инфраструктурный барьер разлучения и создать условия для безопасной реабилитации семьи как единого целого.

Кроме того, важнейшим направлением является развитие межсекторного партнерства. Привлечение социально ориентированных некоммерческих организаций (НКО) и институтов «равного консультирования» (когда помощь оказывают люди, успешно преодолевшие схожие жизненные трудности) позволяет снизить уровень недоверия кризисных семей к государственным органам. НКО часто обладают большей гибкостью и могут заполнять те правовые и практические ниши, которые недоступны для государственных учреждений из-за жесткой регламентации.

Как справедливо отмечает Л.В. Саттарова в своем исследовании, эффективность социальной защиты семей с детьми напрямую влияет на повышение качества жизни населения в целом. Инвестиции в раннюю профилактику и сохранение семьи экономически и социально более целесообразны, чем затраты на содержание детей в учреждениях интернатного типа и последующую социальную адаптацию выпускников детских домов [7]. Е.Е. Гришина также подчеркивает необходимость формирования антикризисного финансово-правового механизма, который позволял бы оперативно предоставлять семьям адресную материальную помощь для преодоления внезапных трудностей, не доводя ситуацию до стадии социально опасного положения [2].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что, несмотря на прочную конституционную основу и наличие базового Федерального закона № 442-ФЗ,

система социальной защиты кризисных семей в РФ сталкивается с существенными правовыми пробелами (декларативность норм, пробелы в механизмах раннего вмешательства, зависимость от регионального бюджета, отсутствие закона о профилактике семейного насилия) и практическими барьерами (межведомственная разобщенность, кадровый дефицит, устаревшая инфраструктура, ведущая к разлучению семей).

Ключевым вектором развития должно стать законодательное и финансовое закрепление парадигмы «семьесбережения». Внедрение проактивных методик, развитие сети кризисных центров нового формата, позволяющих сохранять семейное окружение для ребенка, а также повышение квалификации специалистов и развитие межсекторного партнерства с НКО являются необходимыми условиями для преодоления существующих барьеров. Только комплексный, гуманный и юридически выверенный подход позволит социальным службам не просто констатировать семейное неблагополучие, но и эффективно помогать семьям преодолевать кризис, сохраняя целостность общества и реализуя конституционные гарантии защиты материнства и детства.

Список использованных источников

1. Аненкова А.А. Поддержка семей в социально опасном положении. – [Электронный ресурс] // Вестник университета. – 2024. – URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/45687/1/978-5-6052379-4-5_2024_005.pdf (дата обращения: 08.10.2026).

2. Гришина Е.Е. Возможные риски и проблемы в сфере социальной защиты семей. – [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. – 2025. – URL: https://demreview.hse.ru/article/view/26580 (дата обращения: 08.10.2026).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.10.2025).

4. Михайлова Е.В. Кризисные центры для женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации: вопросы правового регулирования // Научный вестник. – 2025. – №. 4 (76). – С. 170-174.

5. Правовые особенности оказания помощи детям и семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении. – [Электронный ресурс] // Научный портал Scilead. – URL: https://scilead.ru/article/11197-pravovie-osobennosti-okazaniya-pomoshchi-det (дата обращения: 08.10.2026).

6. Проблемы социально-правовой защиты семьи в Российской Федерации. – [Электронный ресурс] // Академия педагогических и социальных наук. – 2024. – URL: https://apni.ru/article/8845-problemi-sotsialno-pravovoj-zashchiti-semi (дата обращения: 08.10.2026).

7. Саттарова Л.В. Роль социальной защиты семей с детьми в повышении качества жизни населения. – [Электронный ресурс] // Вестник экономики, права

и социологии. – 2026. – URL: https://www.vestnykeps.ru/jour/article/view/301 (дата обращения: 09.10.2026).

8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026). – [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_8982/ (дата обращения: 07.10.2025).

9. Семьесбережение вместо сиротства: как в России меняется помощь семьям в кризисе. – [Электронный ресурс] // sos-dd.ru. – 2025. – URL: https://sos-dd.ru/kapusta/semesberezhenie-vmesto-sirotstva-kak-v-rossii-menyaetsya-pomoshch-semyam-v-krizise/ (дата обращения: 08.10.2026).

10. Социальное обеспечение семей с детьми в Российской Федерации: правовые вопросы. – [Электронный ресурс] // disserCat. – URL: https://www.dissercat.com/content/sotsialnoe-obespechenie-semei-s-detmi-v-rossiiskoi-federatsii-pravovye-voprosy (дата обращения: 08.10.2026).

11. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». – [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_156558/ (дата обращения: 07.10.2026).

LEGAL GAPS AND PRACTICAL BARRIERS IN THE WORK OF SOCIAL SERVICES WITH CRISIS FAMILIES

E.S. Chechina

Penza State University
Penza, Russia

This article is devoted to a comprehensive analysis of the legal gaps and practical barriers that arise in the activities of social service bodies and institutions when working with families in crisis situations.

Keywords: crisis family, social service, legal gaps, practical barriers, family preservation, socially dangerous situation.

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ В ПРОФСОЮЗЕ РАБОТНИКОВ ИСКУССТВ В 1920-1930-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)
Л.Ю. Федосеева 3

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ ПОДГОТОВКИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ПЕРЕД СУДОМ
А.В. Бородин 7

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДОМЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭЛИТ: КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СДВИГОВ
Цзунь Ван 10

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ
Е.С. Витовская 20

ПРИЗНАКИ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ВИДА ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМЫ ДУАЛИЗМА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУДЕБНОГО ПРИСТАВА-ИСПОЛНИТЕЛЯ
В.А. Вовк, Р.Ф. Мустафин 24

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РФ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СУЩНОСТИ И СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА
В.А. Вовк, Р.Ф. Мустафин 27

АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СССР ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ
Л.И. Волченко 31

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КАРТУ ЕВРОПЫ
Л.И. Волченко 34

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ ТЕРАКТА 11 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ
Л.И. Волченко 37

ДВОЕВЛАСТИЕ В РОССИИ В 1917 ГОДУ
Л.И. Волченко 41

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА РАДИКАЛИЗАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТЫ
Л.И. Волченко 44

ПОКУШЕНИЯ НА ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ Ш. ДЕ ГОЛЛЯ
А.Н. Гребенкин 47

ОСПАРИВАНИЕ ПРЕЮДИЦИАЛЬНЫХ ФАКТОВ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗАКОННОЙ СИЛЫ СУДЕБНОГО АКТА БЕЗ ЕГО ОТМЕНЫ
Д.О. Грязева 53

ПРЕДЕЛЫ ПРЕЮДИЦИИ: ПРОБЛЕМА ТОЖДЕСТВА ФАКТИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ, АРБИТРАЖНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССАХ
Д.О. Грязева 57

ПОЛИТИКА ПРОДРАЗВЁРСТКИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРИЧИНЫ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ
Л.И. Волченко 60

РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
Л.И. Волченко 64

РЕФОРМЫ ПЕТРА I И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА
Л.И. Волченко 68

ТРУДОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ СССР КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФРОНТА В 1941–1945 ГГ.
Л.И. Волченко 71

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1929–1933 ГОДОВ И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ США
Л.И. Волченко 75

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «РЕШЕНИЕ ПРОКУРОРА» И «АКТ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ»
В.А. Демченко 78

МНИМАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ДОВЕДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДО КОНЦА И КРИТЕРИИ ДОБРОВОЛЬНОСТИ ОТКАЗА
Е.А. Двойнова 82

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
Е.А. Двойнова 86

ИМПЕРИИ И ГРАНИЦЫ: КАК ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ ПРОШЛОГО ФОРМИРОВАЛИ СОВРЕМЕННУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ КАРТУ МИРА
И.А. Дрозденко 92

ОТ ВЕЛИКОГО ШЁЛКОВОГО ПУТИ К ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ТОРГОВЛЯ КАК ДВИГАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН
И.А. Дрозденко 95

ЭПИДЕМИИ, ВОЙНЫ И МИГРАЦИИ: КАК КРИЗИСЫ МЕНЯЛИ ХОД МИРОВОЙ ИСТОРИИ
И.А. Дрозденко 98

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, УСЛОВИЯ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
Р.А. Дутаев, М.М. Дадашов, С.А. Ходжалиев 102

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ
Р.А. Дутаев, М.М. Дадашов, Э.С-М. Ахъядов 107

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ
Д.А. Живолуп, И.А. Есипова 112

ОТ СОСЛОВИЯ К КАПИТАЛУ: СМЕНА КРИТЕРИЕВ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В РЕСТОРАННОЙ ЖИЗНИ МОСКВЫ НАЧАЛА XX ВЕКА
Ш.Т. Исмаилов 115

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НАТИВНОЙ И СКРЫТОЙ РЕКЛАМЫ В ИНТЕРНЕТЕ
Е.А. Кошельник 120

УЧИТЕЛЬ В «ЦИФРЕ»: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
У.С. Каплина 122

ВОЙНА КАК МЕТОД РЕШЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ
М.А. Косарева 126

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕКЛАМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ МАРКИРОВКИ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ
Е.А. Кошельник 130

«ДРОБЛЕНИЕ БИЗНЕСА» КАК ФОРМА ПОЛУЧЕНИЯ НЕОБОСНОВАННОЙ НАЛОГОВОЙ ВЫГОДЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ СУДЕЙ
К.А. Кулакова 133

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НА ДОЛЖНОСТИ ВОЕННО-МОРСКИХ АГЕНТОВ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
М.С. Кушнир 137

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ СИНЕЙ ЭКОНОМИКИ
А.С. Лем 141

ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ТОРГОВЫХ СЕТЕЙ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ РИТЕЙЛА
Е.Ф. Линкевич 145

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ К УПРАВЛЕНИЮ РАЗВИТИЕМ ТОРГОВЫХ СЕТЕЙ
Е.Ф. Линкевич 149

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ
В.В. Мамбетова 152

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ В СТРУКТУРЕ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ ОНЛАЙН-РЕПОРТАЖЕЙ В ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
А.А. Манохина 155

ПОНЯТИЕ «МОЛОДЕЖНЫЙ ТУРИЗМ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
А.В. Митрошина 160

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ С СУБЪЕКТАМИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ
А.И. Меркушева 163

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ МОРДОВСКОГО НАРОДА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
Т.Д. Надькин, Д.П. Мальчёнков 166

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ И ПЕРЕДАЧИ ПОЛНОМОЧИЙ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО
Н.Н. Новиков 170

ДЕЛОВАЯ ИГРА КАК ФОРМА ПРЕПОДАВАНИЯ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН СТУДЕНТАМ-МЕДИКАМ
С.А. Папшева 175

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЛОВЫХ ИГР В ПРЕПОДАВАНИИ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В МЕДИЦИНСКОМ КОЛЛЕДЖЕ
С.А. Папшева 179

ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА: ЭТНИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА
Е.А. Полева 182

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА
Е.А. Полева 185

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ТРАДИЦИИ: ПОЧЕМУ ЭЛЕМЕНТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НУЖДАЮТСЯ В СОХРАНЕНИИ
Е.А. Полева 188

МИГРАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ: КАК МЕНЯЕТСЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ
Е.А. Полева 192

АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1985–1988 ГОДОВ: ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМИ ЦЕЛЯМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ
Д.В. Приходько 195

ПРАВО НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДИПФЕЙКОВ
Д.В. Приходько 198

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦИФРОВОГО НАСЛЕДСТВА: ДОСТУП НАСЛЕДНИКОВ К АККАУНТАМ И ЭЛЕКТРОННЫМ МАТЕРИАЛАМ УМЕРШЕГО
Д.В. Приходько 202

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК БАРЬЕР УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ЭЛЕКТРОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЕРВИСАХ
Д.В. Приходько 205

ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
Д.В. Приходько 209

ОТ НАРОДНОГО КОСТЮМА К ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: НОВЫЕ ФОРМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
Е.А. Полева 212

ПРАЗДНИК КАК ЗЕРКАЛО КУЛЬТУРЫ: ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
Е.А. Полева 216

ТРАДИЦИИ В МИРЕ ПЕРЕМЕН: КАК ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ТРАНСФОРМИРУЕТ ЭТНИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ
Е.А. Полева 219

ЯЗЫК, ТРАДИЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЧТО СОХРАНЯЕТ КУЛЬТУРНУЮ ОБЩНОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ
Е.А. Полева 222

АМЕРИКАНСКИЙ ЛЕНД-ЛИЗ ДЛЯ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ
А.В. Савельева, И.В. Карнаухов 226

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АВТОРСКОЕ ПРАВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
М.Е. Сазонова 229

ГЕОИНФОРМАЦИОННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ НА ОСНОВЕ ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТ
М.Е. Сазонова 233

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: РОССИЙСКИЙ ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ
М.Е. Сазонова 236

ТИПОЛОГИЯ ОШИБОК ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
М.Е. Сазонова 240

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
А.Г. Салтанова, М.Н. Ковалева 243

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
А.Г. Салтанова, М.Н. Ковалева 246

СИСТЕМА ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ
Х.М. Саралиева, М.Р. Богатырев, З.Д. Хабиева 249

ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ
Х.М. Саралиева, М.Р. Богатырев, З.Д. Хабиева 254

ПРОБЛЕМЫ ОТЦОВСТВА КАК ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Н.В. Семина, С.С. Каржина 260

АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ИНСТРУКЦИИ «О ПАТРОНИРОВАНИИ, ОПЕКЕ И УСЫНОВЛЕНИИ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ РОДИТЕЛЕЙ» ОТ 8 АПРЕЛЯ 1943 И ИХ РЕАЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)
Н.В. Семина 265

ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ТЫЛА И ТРАНСПОРТА
А.А. Смирнов, Я.И. Олейникова, А.А. Морозов, В.В. Белозеров 268

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВОМЕРНОМ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ПРИ ЗАЩИТЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ПРАВЕ
А.Н. Соколов 272

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЕРУСАЛИМСКОГО ХРАМА: «ЧАЯНИЙ ИУДЕЕВ НА ТРЕТИЙ ХРАМ»
Д.А. Субботин, А.В. Карпов, А.В. Чуваткина 276

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
М.А. Суменкова 280

САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ
Э.И. Тагирова, Э.Ш. Ахметова 283

ПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В КУРСЕ «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ»
А.Т. Тарасенко 287

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФАНТИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ
М.Р. Тегетаева 291

К ВОПРОСУ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
А.В. Тлупова 296

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИНСТИУТА СЕМЬИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
М.А. Тугуз 300

ДИСПОЗИТИВНЫЕ НАЧАЛА В СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГПК, АПК И КАС РФ
Д.С. Уколов, Р.Ф. Мустафин 304

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ПО ГПК, АПК И КАС РФ
Д.С. Уколов, Р.Ф. Мустафин 307

НОРМАТИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТНОЙ КОМАНДЫ
Н.И. Улендеева 310

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНА РФ «О ПРОБАЦИИ В РФ» В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
Н.И. Улендеева 314

СТИМУЛЫ И БАРЬЕРЫ ДЛЯ УЧАСТИЯ БИЗНЕСА В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ ОСУЖДЕННЫХ
Н.И. Улендеева 317

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ЮЖНОГО РЕГИОНА (ВТОРАЯ ПОЛ. XIX- НАЧАЛО XX В.)
Л.Н. Харченко, А.В. Забелин 320

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕВИЗСКИХ СКАЗОК КАК ИСТОЧНИКА ИЗУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
А.О. Хмелевая 326

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ
А.О. Хмелевая 330

СФРАГИСТИКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ
А.О. Хмелевая 333

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИЯХ ВХОДА В ПРОФЕССИЮ
Д.В. Чечерина 336
ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ В РАБОТЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ С КРИЗИСНЫМИ СЕМЬЯМИ
Е.С. Чечина 339

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Статьи публикуются в авторской редакции

Ответственный за выпуск – начальник Межотраслевого
научно-информационного центра
Е.А. Галиуллина
Компьютерная верстка **Т.В. Масловой**

Дата подписания к публикации 08.10.2026
Учетно-издательские листы 22,87
Межотраслевой научно информационный центр Пензенского государственного аграрного университета. 440014, г. Пенза, ул. Ботаническая, 30,
https://mnic.pgau.ru; mnic@pgau.ru; телефоны редакции:
тел.-факс. (841-2) 62-90-60, +7 967 442-60-42

ISBN 978-5-00196-466-7

